

ФГБОУ ВО «ТУВИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БАВУУ-СЮРЮН МИРА ВИКТОРОВНА

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ
ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.20. – Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное
языкознание

РУКОПИСЬ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Новосибирск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
ГЛАВА I. Экстралингвистические факторы, влияющие на состояние диалектов и говоров тувинского языка	19
1.1. Исторические факторы.....	19
1.2. Территории распространения внутренних диалектов и говоров и их этнический состав.....	28
1.3. Социолингвистическая ситуация на территории Тувы.....	39
1.4. Литературный язык по отношению к диалектам.....	45
1.5. Национальный состав населения Республики Тыва, его влияние на формирование диалектов.....	51
1.6. Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом.....	54
1.7. Создание диалектологического корпуса как необходимый этап изучения тувинских диалектов.....	64
Выводы.....	78
ГЛАВА II. Фонетические особенности диалектов и говоров тувинского языка.....	79
2.1. Система гласных в диалектах и говорах.....	81
2.1.1. Состав гласных.....	82
2.1.2. Долгие гласные в диалектах и говорах в сравнении с ЛТЯ.....	89
2.1.3. Фарингализованные гласные в диалектах и говорах тувинского языка.....	95
2.1.4. О долгих назализованных гласных.....	101
2.2. Фонетические явления.....	107
2.2.1. Соответствия в области гласных.....	107
2.2.2. Вставка гласных.....	111
2.2.3. Редукция и выпадение гласных.....	112

2.2.4. Стяжение в диалектах и говорах	113
2.2.5. Сингармонизм в диалектах и говорах.....	114
2.3. Система согласных в диалектах и говорах.....	115
2.3.1. Консонантизм диалектов и говоров в сравнении с ЛТЯ.....	116
2.3.2. Состав согласных	117
2.3.3. Закономерности употребления согласных в основе слова	122
2.3.4. Согласные в потоке речи.....	123
2.3.5. Метатеза согласных	130
2.3.6. Вставка и выпадение согласных.....	131
2.3.7. Ассимиляция согласных.....	132
2.4. Ударение в диалектах и говорах.....	134
Выводы	136

ГЛАВА III. Особенности диалектов и говоров тувинского языка

в области грамматики	140
3.1. Особенности диалектного словообразования	140
3.2. Особенности диалектов и говоров тувинского языка	
в области морфологии	147
3.2.1. Имя существительное	147
3.2.1.1. Категория числа существительных.....	147
3.2.1.2. Формы принадлежности	155
3.2.1.3. Система падежей.....	158
3.2.2. Имя прилагательное.....	166
3.2.3. Имя числительное	171
3.2.4. Местоимения	175
3.2.4.1. Личные местоимения.....	175
3.2.4.2. Вопросительные местоимения	177
3.2.4.3. Указательные местоимения	178
3.2.5. Наречие	179
3.2.6. Глагол.....	181
3.2.6.1. Отрицательная форма глагола.....	181

3.2.6.2. Формы лица прошедшего времени на =ды	181
3.2.6.3. Форма на =мыш.....	183
3.2.6.4. Настоящее время.....	184
3.2.6.5. Деепричастие прошедшего времени на =каш.....	185
3.2.6.6. Форма отрицательного деепричастия.....	186
3.2.6.7. Форма условного наклонения.....	186
3.2.6.8. Форма повелительного наклонения	190
3.2.6.9. Форма предельного наклонения.....	192
3.2.6.10. Вспомогательные глаголы	193
3.2.7. Служебные части речи	195
3.2.7.1. Послелогии	195
3.2.7.2. Частицы.....	197
3.2.7.3. Союзы.....	199
Выводы	200
ГЛАВА IV. Лексические особенности диалектов и говоров	201
4.1. Собственно диалектная лексика	201
4.1.1. Названия видов жилища.....	202
4.1.2. Слова-маркеры диалектов и говоров	206
4.1.2.1. Диалектное слово <i>айдаар</i>	206
4.1.2.2. Диалектное слово <i>тас-инек</i>	208
4.1.2.3. Диалектное слово <i>акаа</i>	208
4.1.2.4. Диалектные слова <i>иниим, сарыым</i>	210
4.1.2.5. Диалектное слово <i>чившин</i>	213
4.1.2.6. Этнографизмы в диалектах и говорах	213
4.1.3. Тематические группы лексики, характерные для отдельных территорий	215
4.1.3.1. Половозрастные названия сурка в диалектах и говорах..	217
4.1.3.2. Лексика рыболовства, оленеводства, яководства как диалектные признаки	220
4.1.3.3. Лексика оленеводства.....	223

4.1.3.4. Лексика яководства.....	224
4.2. Лексико-семантические диалектные слова	226
4.3. Монголизмы в зарубежных диалектах и говорах тувинского языка....	231
4.4. Русизмы в диалектах тувинского языка.....	236
4.5. Лексика из алтайского и казахского языков как диалектное явление..	242
4.6. Особенности имен собственных и использования этнонимов в диалектах и говорах тувинского языка	244
Выводы	247
ГЛАВА V. Классификация диалектов и говоров тувинского языка ...	248
5.1. Имеющиеся классификации диалектов и говоров тувинского языка ..	248
5.2. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка.....	260
5.2.1. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка по А. А. Пальмбаху.....	261
5.2.2. Классификационные признаки диалектов в работе З. Б. Чадамба.....	263
5.3. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка на основе новых лингвистических данных	264
5.4. Классификация диалектов и говоров тувинского языка	269
5.4.1. Об экстралингвистических признаках диалектного членения...	271
5.4.2. Внутренние диалекты	275
5.4.3. Зарубежные диалекты.....	295
Выводы	310
Заключение.....	315
Список условных сокращений	321
Список литературы	325
Списки информантов	356
Приложение 1. Карты.....	364
Приложение 2. Образцы глоссированных текстов	379

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена истории формирования диалектной системы младописьменного тувинского языка.

Тувинский язык – национальный язык коренной титульной нации Республики Тыва, одного из субъектов Российской Федерации. Республика расположена на юге Красноярского края, на юге и юго-востоке граничит с Монголией, на западе – Республикой Горный Алтай, на северо-востоке – Иркутской областью.

Кроме территории Республики Тыва тувинцы живут компактно в селе Усинское Красноярского края РФ (около 500 человек), Северо-Западной Монголии (сумон Буянт, г. Ховд Ховдинского, сумоны Цэнгэл Баян-Ульгийского, Зуун-Бурен и Орхон Сэлэнгинского, Заамар Центрального, Цагаан-Нур Хубсугульского аймаков (всего не более 7 тыс. человек), в селениях Хом, Ханас, Ак-Хава, Чингиль, Кок-Догай, Алагак Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (не более 2500 человек). Всего на тувинском языке говорит около 260 тыс. человек, из них в РТ проживает 249 тыс. тувинцев (данные переписи 2010 г.).

В нашей работе мы опирались на современное административное деление Тувы, Монголии и Китая, где распространен тувинский язык. В Туве низшее административное деление называется сумон, он входит в состав кожууна (района).

По классификации Н. А. Баскакова, тувинский язык принадлежит восточно-хуннской ветви тюркских языков, её уйгуро-тюкуйской подгруппе вместе с тофаларским языком. Из древних языков в эту подгруппу внесены древнеогузский и древнеуйгурский языки [Баскаков 1962: 331].

Актуальность темы. Диалектные материалы любого языка дают возможность лингвистам проникнуть в суть исторических процессов, происходивших в языке. Они особенно ценны для младописьменных

языков, у которых отсутствуют письменные источники. В этом отношении не является исключением тувинский язык, для которого письменность была создана в 1930 г. Именно поэтому сбор полевого материала по всем диалектам и говорам тувинского языка и дальнейшее их теоретическое осмысление в сравнительно-сопоставительном плане с близкородственными тюркскими языками саянской группы является важнейшей задачей сегодняшнего дня. В дальнейшем полученные результаты послужат для сравнительно-исторического их изучения и создания исторической грамматики тувинского языка.

Тувинская диалектология – неотъемлемая часть российской тюркологии, тюркской диалектологии. Терминология по тюркской диалектологии основывается на терминологической системе русской диалектологии. Объем понятий и терминов наречие, диалект, говор и подговор определяется практически исходя из особенностей диалектной системы языка, поэтому он различен по языкам [Убрятова 2010: 9].

Активные диалектологические исследования в тюркологии, проводившиеся в СССР под руководством научных центров Москвы, Баку, Новосибирска, после 80-х годов прошлого века пошли на убыль. Вновь они возобновились в связи с продолжением работы над серией «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», особенно в части «Региональные реконструкции» [2002]. В 2010 году вышел I том давно подготовленной и уже переработанной серии «Диалекты тюркских языков», в том же году Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН во главе с его научным руководителем Ф. Г. Хисамидтиновой стал организатором ежегодных конференций по тюркской диалектологии, которая быстро обрела статус всероссийской конференции по актуальным проблемам диалектологии языков народов России.

Диалектологические исследования в тувинском языкознании активизируются, начиная с конца 1950-х гг. благодаря коллективам

сектора языка Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), а также кафедры тувинской филологии Кызылского государственного педагогического института (КГПИ). Научные коллективы названных учреждений начали выезжать в районы республики с целью сбора диалектного материала по специально составленному опроснику. Результаты экспедиций регулярно печатались в Учёных записках ТНИИЯЛИ, был создан специальный фонд в рукописном отделе данного учреждения. Эту работу возглавлял А. А. Пальмбах, в ней принимали активное участие З. Б. Чадамба, Г. Ф. Бабушкин, Ш. Ч. Сат, Я. Ш. Хертек, А. К. Делгер-оол, М. Х. Сарыкай и др. Появились работы, где вопросы диалектологии рассматривались в связи со становлением норм литературного тувинского языка [Арагачы 1967; Сат 1971].

Следующий этап диалектологических исследований в Туве характеризуется тем, что отдельные ученые результаты своей деятельности стали представлять в виде специальных диссертационных исследований и монографий. Это работы З. Б. Чадамба [1974], П. С. Серен [1993; 2000], М. Д. Доржу [2002], Е. М. Куулар [2003]. В последние годы появились специальные работы по зарубежным диалектам и говорам тувинского языка Д. А. Монгуша [1985], У. Цэцэгдарь [1999, 2006, 2013], Б. Баярсайхан [2002, 2006, 2009, 2010], Х. Гансук [2009 б, в], М. В. Бавуу-Сюрюн [2008-2012]; зарубежных авторов Т. Mawkanuli [1999], Е. Ragagnin [2011]. Особенности диалектов в области фонетики получили свое отражение в ареальных исследованиях М. Б. Мартан-оол [1986], К. А. Бичелдея [1999], в области лексики работы П. С. Серен [1993; 2000], Л. С. Кара-оол [2006]. Вышел из печати диалектный словарь М. Д. Доржу [2002], группой авторов составлен электронный словарь диалектных слов алтайского диалекта тувинского языка [2012].

Вопросам классификации местных разновидностей тувинского языка посвящена работа А. А. Пальмбаха «О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка» [Пальмбах, 1968: 232]. Чуть позже, в вводной части своей работы «Годжинский диалект тувинского языка» на основе обобщения отчетов диалектологических экспедиций и вышедших к тому времени статей З. Б. Чадамба представила своё видение на диалектное членение тувинского языка [Чадамба 1974: 15].

Вузовский учебник Ш. Ч. Сата «Тыва диалектология» [1987] остается единственной обобщающей работой по диалектам и говорам тувинского языка. В нем дана по сути уточненная классификация Н. А. Баскакова [Баскаков 1964]. Работа отражает состояние диалектологических исследований тувинских учёных к середине 1980-х гг., она имеет статус учебного пособия, поэтому её сложно принять как теоретическое обобщающее исследование о формировании современной системы диалектов и говоров тувинского языка.

Другие работы, появившиеся после данной публикации, либо касаются статуса отдельной территории [Доржу 2002; Серен 2006а], либо только уточняют классификационные признаки и диалектное членение отдельных территорий [Куулар 2012]; расширяют территории распространения диалектов и говоров, вводя новый материал [Гансук 2009в; Цэцэгдарь 2013].

Несмотря на значительные успехи диалектологов, в тувинском языкознании пока ещё нет специальных работ по вопросам формирования диалектной системы тувинского языка.

Таким образом, выбор темы продиктован отсутствием обобщающих теоретических исследований по истории формирования диалектов и говоров тувинского языка.

Объектом данного исследования являются диалекты и говоры тувинского языка.

Цель работы – установление истории формирования современной системы говоров и диалектов тувинского языка.

Намеченная цель определяет решение следующих задач:

- определить интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях;
- на их основе установить современную систему диалектов и говоров тувинского языка;
- выявить причины, обусловившие появление интегральных и дифференциальных признаков диалектов и говоров;
- выявить относительную хронологию и пути формирования диалектов и говоров тувинского языка;
- определить ареалы распространения наиболее характерных диалектных черт.

Положения, выносимые на защиту:

1. Диалектное членение тувинского языка произведено на основе совокупности лингвистических признаков, так как в тувинском языке нет четко противопоставленных критериев, явно очерченных ареалов распространения диалектных различий.

2. При выделении диалектов рассматривались различия в области фонетики, лексики, грамматики от литературного тувинского языка (ЛТЯ) и других диалектов. Говоры выделены в составе диалектов на основе сопоставления как с ЛТЯ, так и с говорами в составе одного диалекта. Отдельные черты говоров и диалектов сближают их с другими диалектами и говорами, обусловлено это особенностями местных разновидностей тувинского языка.

3. В диалектном отношении тувинский язык, на территории проживания основной массы носителей языка, более однороден, чем на тех территориях, которые оказались оторванными в силу природных препятствий, исторических событий. Традиционные интенсивные контакты диффузного характера, социально-экономические связи

способствовали формированию в центральной части Тувы диалектов с небольшими диалектными различиями.

4. На основе совокупности лингвистических данных мы выделили: центральный диалект с дзун-хемчикским, эрзин-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским и тандынским говорами; западный диалект с бай-тайгинско-барун-хемчикским, монгун-тайгинским, кара-хольским говорами; тере-хольский, тоджинский, цагаан-нурский диалекты; алтайский диалект с кобдоским, цэнгэльским, китайским говорами.

5. Диалекты и говоры характеризуются как сохранившимися из древнеуйгурского, древнекыргызского, древнеогузского языков реликтовыми чертами, так и инновационными чертами, появившимися под влиянием языковых контактов разного уровня.

6. Диалектные черты, сформированные в результате поздних языковых контактов, имеют абсолютные хронологические рамки; более ранние, где это возможно, определяются только в относительном плане.

7. Наиболее поздними являются алтайские, казахские, китайские, русские заимствования. Если заимствования из первых трёх языков стали результатом маргинальных контактов, то русизмы проникали в диалекты и говоры разными путями: непосредственными маргинальными и опосредованными языковыми контактами.

8. Современные диалектные черты тувинского языка являются результатом как междиалектных, так и межъязыковых связей, развитием собственных ресурсов.

9. В плане проявления диалектных черт, обусловленных языковыми контактами разного характера, западный диалект проявляет общие черты с алтайским, шорским языками и алтайским диалектом тувинского языка.

Тоджинский, цагаан-нурский и тере-хольский диалекты проявляют общность с тофаларским, сойотским и уйгур-урянхайским языками.

Эрзинско-тес-хемский говор более подвержен монгольскому влиянию, чем остальные внутренние диалекты и говоры; в этом он

проявляет сходство с зарубежными диалектами. Изолированные диалекты и говоры сохраняют больше архаичных черт, чем диалекты и говоры, распространенные в центральной части Тувы.

Монгольское влияние на диалекты и говоры имеет разновременный характер, в своих отдельных чертах отличается от влияния на ЛТЯ.

10. Учитывая экстралингвистический фактор, диалекты группируются как *внутренние* и *зарубежные*; *степные*, *таёжные* и *таежно-степные*. С учетом возможностей коммуникации фиксируем *изолированные* тоджинский и тере-хольский диалекты наряду с зарубежными диалектами. *Наличие письма* на родном языке характеризует внутренние диалекты как письменные, а зарубежные диалекты – как *бесписьменные*, кроме цэнгэльского говора, где только в конце XX века началось обучение на тувинском языке, созданы учебники для начальной школы.

11. По степени витальности диалекты и говоры находятся в критических позициях. Заметно нивелирующее воздействие литературного языка на внутренние диалекты и говоры, ассимилирующее – монгольского и казахского языков – на зарубежные диалекты.

Научная новизна исследования. Настоящая работа представляет собою первое монографическое исследование истории сложения современной системы диалектов и говоров тувинского языка, путей их формирования. Впервые в наиболее полном виде проанализированы классификационные признаки диалектов и говоров; выявлены наиболее релевантные дифференциальные и интегральные черты диалектов и говоров тувинского языка по отношению к литературному языку и по отношению друг к другу. Диалекты классифицированы по целому комплексу признаков. Впервые в состав диалектной системы тувинского языка введены идиомы зарубежных групп тувинцев, определён их статус по отношению к ЛТЯ и по отношению друг к другу; выявлены пути их формирования.

Определена роль древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского компонентов, межъязыковых связей с сибирскими тюркскими языками в формировании диалектных черт тувинского языка.

Установлены относительные временные рамки, в которых шло формирование диалектных черт местных разновидностей тувинского языка. Определены экстралингвистические факторы, повлиявшие прямо или опосредованно на формирование современной диалектной системы тувинского языка, и выявлены причинно-следственные связи между ними. Выявлена роль этнического компонента в формировании дифференциальных и интегральных черт диалектов и говоров тувинского языка.

В диссертации впервые вводится в научный оборот ранее неизвестный материал, отражающий результаты полевых исследований, особенно по зарубежным диалектам. Начата работа по созданию диалектного корпуса тувинского языка: обрабатывается база данных (аудио-, видео-, фото-, текстовые материалы) по образцам диалектной речи, разрабатываются программы по созданию электронных карт с использованием ГИС-технологий. Первые результаты данной работы представлены на сайте «Электронный корпус текстов тувинского языка» по адресу: <http://www.tuvacorpus.ru/?q=node/21>.

Методы и приемы исследования. Используются сравнительно-сопоставительный, по необходимости – сравнительно-исторический, описательный методы. Применялись приемы картографирования, анкетирования. Использован весь комплекс различных видов полевой деятельности.

Материал исследования. Основным источником при написании работы явились полевые материалы автора, собиравшиеся в течение более двадцати лет (1996–2016 гг.), во время экспедиций в различные кожууны (районы) республики, а также в места компактного проживания этнических тувинцев на других территориях России, в Монголии и Китае.

Проработаны документы из рукописного отдела ТНИИЯЛИ – ТИИ диалектологического фонда кафедры тувинского и общего языкознания ТувГУ; материалы из опубликованных работ как по диалектологии, так и по этнографии тувинцев.

Все полевые записи осуществлены на магнитных или цифровых носителях, которые составляют банк данных диалектных текстов формируемого в настоящее время диалектологического корпуса тувинского языка. Общий объем устного материала составляет 84 часа непрерывного звучания.

Теоретической и методологической базой исследования стали серия коллективных трудов по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, по диалектологии тюркских языков Н. А. Баскакова [1964, 1966], Э. Р. Тенишева [1953, 2006], Н. З. Гаджиевой [1980], Е. И. Убрятовой [2010], Л. А. Покровской [1966]; по древним тюркским языкам С. Е. Малова [1951, 1957], В. М. Насилова [1963]; по ареальной лингвистике М. А. Бородиной [1976, 1982], Н. З. Гаджиевой [1979, 1980], Г. Ф. Благовой [1982], по истории и диалектологии тюркских языков Сибири Е. И. Убрятовой [2010, 2011], Н. Н. Ширококовой [2005]; по этимологии тюркских и урало-алтайских языков Э. В. Севортяна [1974, 1978], по урало-алтайским языкам Н. А. Баскакова [1981], И. В. Кормушина [1984], А. В. Дыбо [1996, 2007], по диалектам сибирских тюркских языков Е. И. Убрятовой [1985], Д. Г. Тумашевой [1977], по тюрко-монгольским языковым связям В. И. Рассадина [2007, 2008], Б. И. Татаринцева [1976]. Основой описания отдельных аспектов синтаксических явлений говоров и диалектов тувинского языка стали работы М. И. Черемисиной [1984, 1986] и Л. А. Шаминой [1987, 2001].

Вопросы *социолингвистики*, в том числе языковые контакты освещались с учетом основных положений работ В. А. Аврорина «Проблемы изучения функциональной стороны языка» [1975], У. Вайнрайха «Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования»

[2000], В. И. Карасика «Язык социального статуса» [2002]; по языковой ситуации в регионе Т. Г. Боргояковой [2002].

Разграничение языка и диалекта, определение статуса территории, имеющей определенные отклонения от литературного языка, являются для тувинского языкознания одним из важных вопросов в связи с включением в поле исследования малоизученных и неизученных ареалов, где проживают этнические тувинцы, но которые находятся на территории других государств. При определении статуса таких идиом принимались решения на основе теоретических положений, выдвинутых в работах Б.А. Серебренникова «Территориальная и социальная дифференциация языка» [1970], Р. К. Леч «К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект» [1972], Л. Э. Калнынь «Диалектологический аспект проблемы «Язык и диалект» [1976], Д. И. Эдельман «К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности» [1980], С. Е. Яхонтова «Оценка степени близости родственных языков» [1980].

Решение вопроса о наделении конкретного ареала распространения тувинского языка на уровне диалекта или говора проводилось с учетом решения данной проблемы на материале других тюркских языков как сложной диалектной системой, таких как узбекский, башкирский, так и однородной диалектной системой как якутский язык. По узбекской диалектологии по работам А. Б. Джураева «Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива» [1991], башкирской диалектологии по работам Т. Г. Баишева [2006], по якутскому языку по работе М. С. Воронкина «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристики» [1999], С. А. Иванов «Морфологические особенности говоров якутского языка» [2014].

Теоретическая и практическая значимость исследования.
Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем

изучении истории и исторической грамматики тувинского языка диалектологии тувинского языка и в практике преподавания тувинского языка в школе и вузе. Данная работа может содействовать историко-этимологическим, сравнительно-сопоставительным, диалектологическим, ареальным исследованиям по языкам Центральной Азии, Сибири, а также при составлении различных словарей тувинского языка. Работа представляет интерес для тюркологов, исследователей алтайской семьи языков, специалистов по типологии языков.

Теоретические результаты станут основой при создании серии учебников по тувинскому языку для начальных классов в школах Монголии, где обучение ведется на тувинском языке в условиях изолированного зарубежного диалекта.

Результаты исследования будут способствовать совершенствованию норм литературного языка, практическому применению устного и письменного тувинского языка во всех сферах его функционирования, проведению лингвистических экспертных работ.

Апробация и публикация. Работа была начата на кафедре тувинского и общего языкознания, продолжена и завершена в Научно-образовательном центре (НОЦ) «Тюркология» Тувинского государственного университета. Основные результаты исследования излагались автором на *международных конференциях*: «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» [Монголия Ховд 1998, 1999], «Становление и развитие науки в Туве» [Кызыл 2000], «Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая» [Абакан 2001], «Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири» [Новосибирск 2005], «Тюрко-монгольские языковые связи» [Улан-Удэ 2006], «Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция [Казань 2007], «Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и

использование» [Кызыл 2009]; «Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы» [Кызыл 2010], «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центральноазиатского региона» [Кызыл 2010], «Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации» [Новосибирск 2010], «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева)» [Кызыл 2012], «Язык, культура и межкультурная коммуникация» [Монголия Ховд 2012], «Ойратология: Исторические и культурные деятели ойрат-монголов» [Монголия Ховд 2012], «Преподавание родных языков для детей малочисленных этнических групп Монголии» [Улаанбаатар 2012], «Исследование проблем исчезающих языков в условиях глобализации» [Элиста 2013]; «Цаатаны – возрождение культуры и языка» [Улаанбаатар 2013]; «Китай и русский мир. Международный форум «Язык, культура и «мягкая сила культуры» Гаунчжоу [Китай, Гуанчжоу 2016]; *всероссийских и региональных* «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» [Новосибирск 2009-2011, 2014, 2016], «Проблемы преподавания языков в школе и вузе» [Кызыл 2011], «Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая» [Абакан 2007], «Тенишевские чтения» [Москва 2013], «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» [Уфа 2011–2012, 2017], «Диалог культур в едином образовательном пространстве: традиционные ценности и инновационные решения» [Москва 2014], «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности» [Москва 2015]; «Миноритарные языки в современном поликультурном пространстве» [Абакан 2017, 2018]; «Современные этнические процессы на территории Центральной Азии» [Улаанбаатар 2018]; на заседаниях Российского комитета тюркологов [Казань 2011; Москва 2017]; *и республиканских конференциях*: «Сатовские чтения» [Кызыл 2006-2016],

«Аранчыновские чтения» [2009, 2011], ежегодных научно-практических конференциях Тувинского госуниверситета [1997–2017 гг.]

По теме диссертации опубликованы 52 работы объемом 24 п.л., в т.ч. 11 статей в изданиях, рекомендованных ВАК; составлены 5 баз данных и 6 программ ЭВМ, приравниваемых к публикациям ВАК, 1 монография.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, двух приложений с 15 картами и четырьмя образцами прогlossированных диалектных текстов по изолированным диалектам и говорам, списка сокращений и условных обозначений. Она содержит 20 таблиц. Основной текст изложен на 320 страницах.

ГЛАВА I. Экстралингвистические факторы, влияющие на состояние диалектов и говоров тувинского языка

Формирование диалектной системы любого языка зависит от целого ряда экстралингвистических факторов: исторических, этнического состава населения определенных территорий, природных, социальных и т.д. Все исследователи диалектных систем тюркских языков отмечают, что при диалектном членении языка учитывались эти факторы. В данной главе мы ставим цель определить факторы, повлиявшие прямо или опосредованно на формирование современной диалектной системы тувинского языка, и установить причинно-следственные связи между ними, а также ответить на вопрос, каким образом политические, социально-экономические факторы могли оказать влияние на формирование местных разновидностей языка, его диалектных черт.

Для того чтобы было понятно, о каких территориальных группах тувинского языка идет речь, сначала познакомимся с существующими классификациями.

11.1. Исторические факторы

Для нашей работы важно определить исторический период, в рамках которого началось формирование диалектных черт тувинского языка. Поскольку язык младописьменный, прямых письменных источников, указывающих на формирование местных разновидностей языка, нет. Но существуют разные источники, дающие возможность определить ретроспективу.

Исторические рамки, в которых началось формирование тувинского языка, Н. А. Баскаковым определяются X–XV веками [Баскаков 1962: 270-

271]. Ш. Ч. Сат вслед за ним считает, что уже в XV веке тувинский язык сформировался как единый язык тувинского этноса [1973: 10-11].

Отдельные диалектные особенности тувинского языка дают возможность утверждать, что они сохранились в диалектах с времен существования древних тюркских языков. Это известные рунические памятники древнетюркской орхоно-енисейской письменности, которые в равной мере можно отнести к письменному наследию всех современных тюркских языков. Однако в Орхонских памятниках есть топонимы Өрпен, Өдүкен, Кем, которые напрямую связаны с Тувой; это общеизвестные факты. В этих памятниках, например, есть формы и слова, которые сохранились как реликты в каком-то одном говоре или периферийных диалектах. Например, в центральном диалекте отмечено диалектное обращение *иним* от древнетюркского слова *ини* 'младший брат'. Как известно, данное слово много раз встречается в тексте памятнику Кюль-Тегину. Поэтому такие диалектные черты позволяют нижней границей начала формирования диалектных черт признать время существования древних тюркских языков, от которых сохранились отдельные языковые явления, фиксируемые в современных диалектах и говорах тувинского языка. О них подробно будет сказано в соответствующих разделах при выделении отдельных диалектных черт тувинского языка. Здесь же важно отметить эти отдаленные временные границы, где есть письменные памятники. Далее речь может идти об относительной хронологии.

Следующий исторический рубеж, позволяющий говорить о дальнейшем формировании диалектных черт тувинского языка, относится к XVIII в. С этого времени можно говорить о формировании алтайского диалекта, хотя он мог появиться и в более ранние времена. Поскольку мы не располагаем другими источниками, то время, когда носители АД оказались оторванными от основного этноса, можно с оговорками признать за некоторый этап формирования диалектных черт. О времени отделения алтайских тувинцев свидетельствуют исторические источники.

В 1758 г. после разгрома Джунгарского ханства и покорения Тувы Цинской империей тувинские племена, кочевавшие южнее хребта Танну-Ола до верхнего течения р. Кобдо и в Баян-Олгийском аймаке, были оторваны от основных масс тувинцев, обитавших в бассейне Верхнего Енисея, так как район оз. Убсу-Нур и Кобдо был заселен дербетами, пришедшими из Джунгарии, с верховьев Иртыша. Так тувинцы, кочевавшие южнее «линии монгольских караулов» и получившие наименование «алтайские урянхайцы», оторвались от основной массы тувинцев [История Тувы I, 2001: 305].

Важными для диалектологических исследований являются свидетельства о местах расселения тувинских племен. Так, авторы «Истории Тувы» пишут: «Тувинские племена в XVII – первой половине XVIII в. занимали более обширную территорию: южнее – до г. Кобдо – и восточнее – до оз. Хубсугул и по северной стороне Саян через Алтай и Минусинскую котловину до верховьев рек Урунгу, Черного Иртыша и г. Томска» [История Тувы I, 2001: 303].

О территории распространения тувинского языка в конце XIX века писал известный тюрколог В. В. Радлов, побывавший в Западной Туве в 1861 г., в своём дневнике «Из Сибири»: «...общее название сойонов – туба (один из фонетических вариантов этнонима “тыва”. – *Авт.*) и... живут они значительными массивами вдоль границы Сибири, начиная с истока реки Кобдо у Кемчика и в системе Улу-Кем до Косокола и восточнее Косокола до Тункинской степи и системы Селенги» [Радлов 1989: 99]

В период господства Цинской империи (1757–1912 гг.) в Туве маньчжурские власти установили свою систему административно-территориального устройства и военного управления. Она позволяла держать население в постоянной зависимости от центральной власти, под ее строгим контролем [Маннай-оол 2004: 111].

В многотомном труде «История Тувы» пишут об этом: «Цинские власти осуществили в Туве административно-территориальную реформу, сохранившуюся вплоть до наших дней» [История Тувы I, 2001: 307].

Основываясь на данных сохранившейся рукописи неизвестного тувинского автора «История прежних нойонов тувинского народа», М. Х. Маннай-оол определил территории тувинских хошунов (современное написание – кожуун): Оюннарского, Салчакского, Тоджинского, Хасутского, Хемчикского (Даа). К монгольским относились территории следующих хошунов: Бээзи, Маады-Чооду (Даа-ван), Шалык-Сартул (Нибазы). Каждый хошун, принадлежащий маньчжурскому императору, управлялся наследственными правителями – нойонами, утверждаемыми в должности цинскими властями [Маннай-оол 2004: 112].

Эти свидетельства стали важным источником при определении как территорий распространения диалектов и говоров, так и их основных носителей.

Наши сведения, собранные у информантов на всех территориях распространения тувинского языка, подтверждают слова авторов «Истории Тувы». Современные территории распространения диалектов и говоров находятся там же, где веками жили их носители. Информанты в подробностях рассказывали маршруты сезонных кочевок по родовым землям, маршруты традиционных путей сообщения с соседними родоплеменными группами, традиционные места охоты, сакральные места, где проводились обряды разных уровней, и т.д.

Эти традиции стали разрушаться в период коллективизации, перехода на оседлость, т. е. в 40–60-х годах XX века. Были построены деревни, районные центры, где, как и прежде, селились теми же группами ближе к местам традиционных кочевий. Изменились пути сообщений и их направления.

Рассмотрим эту схему на примере села Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна. Первые стационарные жилища появились на том месте, где сейчас стоит село Ийи-Тал, в 1930–1940-е годы, когда работала Ленинградская геологическая экспедиция, разведывавшая запасы каменного угля в бассейне р. Енисей. На правом берегу Енисея в годы войны работала шахта по добыче угля, которая была быстро заброшена после того, как экспедиция завершила

свою работу и стало небезопасно работать в подземных разработках. Подобная же ситуация была в районе нынешнего села Ээрбек Кызыльского кожууна, на правом берегу Енисея. Постепенно вокруг экспедиционной базы построили контору, школу, клуб (красный уголок), интернат, фельдшерско-акушерский пункт и другие помещения. Жители же по образцу жилищ русских переселенцев строили полуземлянки «чер-бажың», потом – маленькие домики с железной печкой в середине. Рядом во дворе ставили юрты, где, как правило, жили старики, которым непривычно было жить в домах. В любое время эту юрту могли поставить в другом месте или за пределами села, на пастбищах. До 70–80-х годов в этой деревне жили в основном родоплеменные группы кыргыс, или, как их называли, *Барык кыргыстары* (кыргысы Барыка) вперемешку с семьями из родоплеменной группы *ховалыг*, *адыг-тюлюш* (*адыг-тулуш*) и с небольшой группой семей из рода *ондар*. Традиционными местами проживания *Барык кыргыстары* были долина маленькой речушки Барык и её верховья, которые примыкали с восточной стороны к родовым землям *оюнов*, частично с южной стороны – к землям родоплеменной группы *долаан*, с западной стороны – *ховалыг* вдоль речки Сенек. Летом все перекочевывали на таёжные пастбища, где очень близко ставились юрты оюнов. И на месте летних пастбищ была построена деревня Каьк, где жили вперемешку *оюны* тандынского кожууна и *Барык кыргыстары*. Ондары поселились в селе Ийи-Тал также по традиции, потому что издавна был обычай свататься с родоплеменной группой ондар из Ийме Дзун-Хемчикского кожууна. Таким образом, в одной деревне после перехода на оседлость стали жить представители разных родоплеменных групп, но основной костяк составляли кыргысы, так как деревня была построена на их родовых землях, к ним примкнули представители тех групп, которые традиционно соседствовали с ними.

Традиционно торговые точки появлялись на перекрестках дорог с севера на юг и с запада на восток. Для Улуг-Хемского кожууна это была территория с. Чаа-Холь и города старый Шагонар (Шагаан-Арыг), где находилась

администрация кожууна. Расстояние между этими населенными пунктами около 20 км. Там же находились китайские фактории, усадьбы или перевалочные пункты русских купцов.

Указывая места проживания этих же родоплеменных групп на основе письменных источников, М. Х. Маннай-оол пишет, что на территории Бээзи хошуна места обитания и кочевий его сумонов определяются следующим образом: *кыргызы* – в долинах рек Эйлиг-Хем, Сенек, Хендерге и в местечках Улуг-Хая, Ийи-Тал современного Улуг-Хемского кожууна. *Адыг-тулуши* – смешанно с Бай-Кара по рекам Эжим, Демир-Суг, Баян-Кол современного Улуг-Хемского кожууна; *долааны* – в местечках Арыскан, Арыг-Узуу, Ашак-Дуразы и Кояк-Туразы современного Улуг-Хемского кожууна; *ондары* кочевали по рекам Алдыы-Ишкин, Устуу-Ишкин, в местности Улаан-Быра современного Сут-Хольского кожууна и в районе горы Хайыракан современного Улуг-Хемского кожууна [Маннай-оол 2004: 114].

Рассмотрим населенные пункты южной и юго-восточной части Тувы, т. е. территории современного Овюрского, Тес-Хемского и Эрзинского кожуунов.

По словам информантов С. Б. Ынаалая, А. Д. Балдира, В. Х. Чооду из Эрзинского кожууна на данной территории монголоязычными являются *даргаты, кыргыс и чооду*, которые живут традиционно по р. Нарын. В селе Бай-Даг в основном живут представители родоплеменной группы *иргит*, в меньшей мере *сояны*; в Морене – *кыргыс*, Качыке – *кыргыс, балыкчы, чооду*. В районном центре Эрзин и Сарыг-Булуне (Сылдыс) – представители всех родоплеменных групп кожууна.

Информанты из Овюра и Улуг-Хема сообщили, что до сих пор существуют утверждения: *ары, өвүр донгактары, түлүштери, туматтары төрөл, тудуш* ‘северные, южные донгаки, тюлюши, туматы родственны, связаны (между собой)’; *Чааты, Көк-Чыраа доңгактары Өвүр доңгактары-биле тудуш* ‘донгаки Чааты, Көк-Чыраа связаны с донгаками Овюра’. Даже названия речек делят на ары, өвүр Торгалыглары. *Ары* на монгольском

обозначает ‘север’, *өвүр* – ‘юг’. Конные тропы проходили вдоль русла этих рек. По этим тропам возили каменную соль из Овюрского Дус-Дага на всю Туву и на близлежащие территории Монголии. Например, до сих пор существует дорога, по которой можно прямо проехать с юга, от села Торгалыг Овюрского кожууна, на север, к известному в Туве минеральному источнику Хурегечи (Хүрегечи), находящемуся на территории Чеди-Хольского кожууна. Оттуда есть прямые пути сообщения с Танды, Улуг-Хемом и Каа-Хемом. Или, наоборот, с севера, от территории современного с. Сосновка, можно напрямик на юг через перевал попасть в село Берт-Даг. По обе стороны перевала живёт родоплеменная группа *оюн*, которая делится территориально на тес-хемских и тандинских, или *ары*, *өвүр оюннары* ‘северные, южные оюны’. Тандинские оюны живут вдоль долины р. Элегес, Межегей. (Оюны, живущие на этих территориях, едины в диалектном отношении. У них наблюдается неподвижное ударение в первом слоге односложных глагольных основ при прибавлении к нему аффикса отрицания, деепричастия на =*гаиш*, на =*байн*: *кёл=бе*, *кёл=геш*, *кёл=бейн*. И скорее всего они передали эту особенность своим соседям – каа-хемским салчакам и соянам тес-хема. Поэтому Ш. Ч. Сат в своей классификации диалектов тувинского языка в состав юго-восточного диалекта включил территории тес-хемского и тандинского кожуунов [Сат 1987: 24].)

На юге горного хребта Танды-Уула в его центральной части в овюрских селах Дус-Даг и Торгалыг живут представители родоплеменных групп *тумат*, *донгак*, *тюлюш*, на северной части этого же участка хребта в селе Торгалыг живут *туматы* и *тюлюши* вперемешку с *монгушами*. В селах Кок-Чыраа и Чааты (Чодураа) живут преимущественно улуг-хемские донгаки вперемежку с туматами. На восток от с. Чааты расположена д. Арыг-Бажы, где преимущественно живут *долааны*, *ховалыг*. Немногочисленная часть родоплеменной группы *долаан* живёт в с. Элегес, Чал-Кежиг, Ак-Тал нынешнего Чеди-Хольского кожууна.

Как видим, исторические источники и данные, полученные нами от информантов, расходятся лишь в деталях. Например, в с. Арыг-Бажы Улуг-Хемского кожууна проживает часть *ховалыгов*. Другое неофициальное название этого же села Кургаг-Суглуг-Баян-Кол, в отличие от другой деревни Кызыл-Суглуг-Баян-Кол по правой стороне Улуг-Хема, где преобладающим большинством являются представители родоплеменной группы *бай-кара*. *Ховалыг* и *бай-кара* не упоминаются в работе М. Маннай-оола как коренные жители Улуг-Хема.

Традиционные пути сообщений в этой части Тувы проходили через перевалы горного хребта Танды-Уула по направлению север – юг и наоборот. Со времен создания факторий и усадеб, к ним добавились направления восток – запад и наоборот, таким образом, район села старый Чаа-Холь и города старый Шагонар был торгово-экономическим центром центральной части Тувы.

Посмотрим другую часть Тувы. В составе западного диалекта выделяется кара-хольский говор. Он распространен на самом северо-западе Тувы, в верховьях реки Алаш и около озера Кара-Холь. Одноименное село Кара-Холь является административным центром сумона, а его территория обширна и труднодоступна. В настоящее время в селе Кара-Холь проживают представители родоплеменных групп *иргит*, *кужугет* (*күжүгет*), *хомушку*, *хертек*, носители данного говора, многие живут на отдаленных труднодоступных стоянках. С районными центрами Бай-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов село связывают грунтовые дороги вдоль русла р. Алаш. Исторически через данную территорию пролегла конная дорога на Алтай и Хакасию. Труднодоступность, изолированность территории и её природно-климатические условия, близкие контакты с другими тюркоязычными группами обусловили появление отдельного говора в составе западного диалекта. Носителями данного говора являются представители в основном родоплеменных групп *иргит*, *кужугет*, *хомушку*, *хертек* (*каъскаан аймак*). Речевое поведение от других групп отличается тем, что говорят

громко, так как живут вдоль шумных горных рек. Поэтому о них соседние племенные группы говорят *алгыжы чон, алгырарлар* 'крикливые, громкоголосые'. Поскольку группы немногочисленные и живут изолированно, в качестве невесток и зятьев предпочитали брать молодежь из других родоплеменных групп. Об этом говорят так: *Шай бузуп эккеп турган улузу – манчы кыдат, донгак, кыргыз, монгуш, ооржак* 'сосватав, привозили китайцев, донгаков, кыргысов, монгушей, ооржаков'.

В этой части Тувы проходили через перевалы отрогов Западных Саян и Шапшальского хребта по направлениям на запад и наоборот к алтайцам, на север к хакасам, на юг и наоборот к тувинцам Монгун-Тайги и другой части Бай-Тайгинского кожууна, на восток – к жителям Барун-Хемчикского кожууна и далее.

По всей Туве существовали определенные пути сообщения этнических групп через перевалы *чоннуң чоон оруу* 'широкая народная дорога'. Административным центром старой Тувы был Самагалдай, находящийся на юго-востоке Тувы, через него шли пути из Монголии и Китая. В центральной Туве на территории Дзун-Хемчикского кожууна перекрестком дорог был монастырь *Үстүү-Хүрээ* (Верхнечаданское хурээ).

Кроме этих направлений сообщения между родоплеменными группами существует общая схема кочёвок на традиционных родовых землях. Она выглядела так: зимние стойбища располагались у подножий гор, весной и осенью спускались в долины рек. Весной поливали небольшие участки земель, где сеяли просо, а летом поднимались на таёжные пастбища, где были обильные пастбища и не доставал гнус и мошкара людей и животных. Осенью возвращались в долины рек, чтобы собрать урожай. Таким образом, тувинцы, кочуя все четыре сезона года, меняли пастбища, в то же время не покидали пределы определенных властями родовых земель и имели тесные контакты со своими ближайшими соседями, особенно в летнее время.

Этнической и языковой консолидации способствовали не только закрепление территорий за родоплеменными группами, но и социально-экономические взаимоотношения, в частности экзогамность браков.

Переход на оседлость изменил условия жизни, но традиционные территории расселения этнических групп сохранялись.

Как видно, в течение почти 300 лет границы этих родовых земель почти не изменились. Традиционные пути сообщений на составленной нами карте (прил. 1, карта 2), за исключением труднодоступных территорий Тоджи, Тере-Холя и Кара-Холя (в меньшей степени), обеспечивали достаточно тесную связь между родоплеменными группами. В отличие от современных путей сообщения они прерывисты, имеют несколько иные направления.

Тем не менее, эти условия обеспечили однородность тувинского языка в диалектном отношении, за исключением тех местных разновидностей языка, которые были распространены в труднодоступных и административно отделенных местах.

11.2. Территории распространения внутренних диалектов и говоров и их этнический состав

Рассмотрим их по отдельности начиная с восточной части Республики Тыва (прил. 1, карта 1).

Тоджинский (по другой терминологии, северо-восточный) диалект тувинского языка распространен на обширной территории Тувы – на территории Тоджинского кожууна.

Исторически он назывался Тоджинурским хошуном, делился на сумоны Кол, Ак, Бараан, Койук [Маннай-оол 2004: 112].

Носителями данной диалектной речи являются коренные жители – представители родов *кол*, *ак*, *бараан*, *хойук* (на тувинском – *хөйүк*), *балыкшы*, *урат*. Всего, по статистическим данным, тувинцев-тоджинцев насчитывается

не более 6000 человек, а носителей диалектной речи, по нашим данным, намного меньше.

По мнению авторов «Истории Тувы», к самодийским по происхождению относятся *хаасут*, *хойук*, к кетским в прошлом можно отнести родоплеменную группу *тодут*. Со ссылкой на П.С. Палласа пишут, что в конце XVIII в. часть населения Восточной Тувы сохраняла самодийскую речь. Утверждают, что следы самодийских и кетских влияний сохраняются в речи тувинцев-оленоводов и родственников им тофаларов, в топонимике данного региона [История Тувы I, 2001: 307].

Традиционно тоджинцы всегда имели связи со своими восточными соседями – таёжными оленеводами Восточных Саян: тофами, сойотами. О них помнят уйгур-уряньхайцы Цагаан-Уура. До переселения уйгур-уряньхайцев на нынешнюю территорию их проживания летом они жили по соседству с оленеводами. По необходимости тувинцы-тоджинцы также общались с коренными жителями Каа-Хемского кожууна. На территорию Тоджи перебирались охотиться из других кожуунов Тувы, чтобы собрать необходимое количество пушнины для сдачи *үндүт* алогов и сборов.

Основным занятием коренных жителей Тоджи является оленеводство, вспомогательными – охота, рыболовство, редко собирательство. Оленеводы живут в труднодоступной таёжной тайге Хамсыра, Чазадыр, Бедик, Өдүген. Сейчас к ним можно добраться по бездорожью на вездеходах либо на вертолёте. Из-за суровых климатических условий (зимой морозы достигают до -60°C) территория приравнена к территориям Крайнего Севера, а его исконные жители – к коренным малочисленным народам Севера и Дальнего Востока. Тем не менее, все меньше коренных жителей остаются верными древнему виду хозяйственной деятельности.

В настоящее время большая часть коренных тоджинцев живут в с. Ий, Адыр-Кежиг, Хамсыра, в кожуунном центре Доора-Хем (другие написания – Тора-Хем, Тоора-Хем). До начала 2000-х гг. сообщение осуществлялась воздушным или речным транспортом, зимой – вдоль русла Бии-Хема по

зимнику на вездеходах, в настоящее время проложена грунтовая дорога от с. Бояровка Каа-Хемского кожууна до левого берега реки Доора-Хем, где на правой стороне расположен кожуунный центр. Летом работает паромная переправа, поэтому сообщение прерывается в весенне-осенний период, когда идет ледостав или вскрываются реки.

В районном центре абсолютное большинство (до 95 %) – пришлое население из других кожуунов и из-за пределов республики. Район издавна является местом жительства русского переселенческого населения, которое попадало через Усинск, вверх по руслу р. Амыл, одним из первых в Туве.

Итак, тоджинский диалект распространен на одной из отдаленных таёжных территорий Тувы. Его носители жили в относительной изолированности в силу природных особенностей места их проживания. Имели редкие торгово-экономические и культурно-хозяйственные, личные связи с родоплеменными группами, живущими или жившими на Восточных Саянах и в бассейне р. Каа-Хем. В настоящее время перешли в основном на оседлый образ жизни, поменяли хозяйственный уклад жизни, что отрицательно сказывается на сохранности диалекта.

Тере-Хольский диалект распространен в восточной части Тувы – на обширной территории Тере-Хольского кожууна, который несколько раз менял свой административный статус. Кожуун приравнен к территориям Крайнего Севера. В районе один большой населенный пункт – Кунгуртуг, коренные жители называют его Хүнхүртү. Остальная часть живет в небольших населенных пунктах Эми и Каргы, а также на стоянках. Общая численность населения кожууна не превышает 2000 человек, из них пришлого населения не более 5 %.

Основными носителями данного диалекта являются представители родоплеменных групп: *балыкшы, иргит, хертек, кыргыс, хөйүк, соян*, небольшая группа *чооду*. Тере-хольцы называют себя *тыва, туха*. Оленеводы рода *соян* кочевали в высокогорной тайге, пригодной для пастьбы оленей. Они называют себя *бедик чер улузу* юди высоких месі.

Информанты подчеркивали, что речь соянов сильно отличается от речи жителей других местностей, иногда их трудно понять. Часть соянов перекочевали на территорию Монголии и составляют одну из групп цагаан-нурских тувинцев.

На территории Тере-Хольского кожууна живут двуязычные роды *кыргыс*, *чооду*, *соян*, которые являются тюркскими по происхождению. Половина группы *кыргыс*, которая жила в местности Каргы, знала монгольский язык, а жители местности Балыктыг все владели монгольским языком. По воспоминаниям информантов, некоторые дети, поступавшие в 60-е годы в школу, владели только монгольским языком, не знали тувинского [Сонам 1983: 179]. В этом отношении жители Тере-Холя похожи на жителей сумонов Нарын и Качык Эрзинского кожууна. В настоящее время в Тере-Холе почти не осталось людей, говорящих на монгольском языке, в Нарыне по-прежнему активно владеют тувинско-монгольским двуязычием.

М. Х. Маннай-оол отмечает сумон *кол*, который в XIX в. входил в состав Салчакского хошуна и находился в районе оз. Тере-Холь [Маннай-оол 1986: 95].

Род занятий конкретных родоплеменных групп и историю кожууна очень подробно изложила в своей монографии П. С. Серен [Серен 2006а: 9]. Мы лишь отметим, что здесь развито разведение крупного рогатого скота, лошадей; охота и рыболовство. В настоящее время оленеводство практически перестало существовать, хотя лексика оленеводства в небольшом количестве сохраняется у взрослого населения.

Это самый отдаленный и труднодоступный кожуун республики на сегодняшний день. Сообщение с ним возможно наземным транспортом, т. е. на вездеходах, по гребню горного хребта Сангилен. Зимой может открыться дорога вдоль русла р. Каа-Хем, что существенно сокращает путь. В период бездорожья может работать воздушный транспорт (вертолёт). Коренные жители исторически всегда были связаны с жителями дархатской долины на востоке, с родом *кыргыс* и *чооду* на юге по реке Балыктыг, с оленеводами и охотниками Тоджи. По утверждению Б. С. Сонома, тере-хольцы были

знакомы с уйгур-урянхайцами Хубсугульского аймака Монголии [Сонам 1983: 179].

Таким образом, носители тере-хольского диалекта живут в самом отдаленном изолированном кожууне в силу природно-климатических особенностей местности. В фонетическом отношении по некоторым морфологическим показателям он близок к языку уйгур-урянхайцев Монголии. Крепость Пор-Бажың, построенная уйгурами на острове озера Тере-Холь, и другие археологические находки последних лет (на берегу озера недавно, 7-8 лет назад, были найдены останки воина с остатками одежды и воинского снаряжения) наводит на мысль о том, что, может быть, тере-хольцы и уйгур-урянхайцы сохраняют особенности древнеуйгурского языка. Дальнейшие сравнительные исследования могут дать четкие ответы на данные предположения.

Западный диалект распространен на территории трех западных кожуунов (районов) Тувы: Монгун-Тайгинского, Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского. Его мы делим на три говора: бай-тайгинско-барун-хемчикский, кара-хольский, монгун-тайгинский.

Носителями данного диалекта являются коренные жители, представители следующих родоплеменных групп: *иргит, салчак, саая, хомушку, хертек, кужугет, ооржак, сарыглар*. По словам информантов из рода *салчак* Монгун-Тайгинского кожууна, с ними родственны *салчаки* и *иргиты* из с. Бай-Тала и Шуй Бай-Тайгинского кожууна. А род *саая* связан родственными связями с аналогичным родом из Овюра.

Эти же территории расселения указанных родоплеменных групп описывает в своей работе М. Маннай-оол: «Салчаки живут преимущественно на территориях Бай-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов, Хомушку – совместно с Кужугетами, Сарыг-Донгаками, Сарыгларами и Хертеками Бээзи хошуна в местности Хонделен и по р. Барлык. Иргиты живут по р. Барлык Барун-Хемчикского кожууна и рекам Каргы, Моген-Бурен Монгун-

Тайгинского кожууна. Саая – по рекам Барлык Барун-Хемчикского, Саглы, Каргы Овюрского кожуунов и др.» [Маннай-оол 2004: 115].

Об этническом составе кара-хольского говора мы уже говорили.

Монгун-тайгинский говор распространен на территории одноименного кожууна. В нем живут преимущественно представители родоплеменных групп *салчак, иргит, хомушку, хертек, саая*, которые также имеют родственные связи с аналогичными группами на прилегающих территориях Овюрского, Бай-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов. Например, саая живут в селах Саглы Овюрского и Эрги-Барлык Барун-Хемчикского кожуунов.

Об этом же говорится в исторических источниках: «Салчаки живут преимущественно на территориях Бай-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов. Хертек, Сояны жили в местечках Коп-Соок, Хонделен и в районе оз. Кара-Холь современного Бай-Тайгинского кожууна. Кужугеты – смешанно с Ооржаками, Хомушку и Монгушами Даа хошуна по р. Алаш [Маннай-оол 2004: 115].

В настоящее время *хертеки* проживают в селе Кызыл-Даг Бай-Тайгинского кожууна вперемежку с представителями родоплеменных групп *кужугет* и *саая*. Надо уточнить, что *ооржаки* и *монгуши* живут в нижнем течении р. Алаш, причем *ооржаки* преимущественно жили в местечках Муңгаш Ак, Алдыы, Үстүү Ак.

Бай-тайгинско-барун-хемчикский говор распространен на территориях одноименных кожуунов, за исключением территории сумона Кара-Холь. Основными носителями диалектной речи являются родоплеменные группы *сарыг-донгак, сарыглар, ооржак, монгуш* с их подразделениями.

Об этом же подтверждают исторические документы: «Сарыг-Донгак живут смешанно с Саая, Иргитами и Хомушку Даа хошуна по р. Барлык современного Барун-Хемчикского кожууна; Сарыглар – смешанно с

Ооржаками, Ак и Кара-Монгушами и Ховалыгами от местечка Эдегей до реки Ак современного Сут-Хольского кожууна [Маннай-оол 2004: 115].

Эти же группы отметила М. Б. Мартан-оол, подытоживая работу диалектологических отрядов ТНИИЯЛИ с участием студентов КГПИ в 1974–1976 гг., во всех населенных пунктах, а также на чайлагах (летних стойбищах) бассейна р. Ак Барун-Хемчикского района. Коренными жителями данного района являются потомки родоплеменных групп *монгуш*, которая подразделяется на подгруппы *анаа монгуш*, *адай монгуш*, *кара монгуш* и *ооржак* с подразделениями *иштии ооржак*, *кедээ ооржак*, *шыжылаа ооржак*. Наряду с ними проживают *сарыглар*, *күжүгет*, *хомушку*, *саая*, *куулар*, *иргит*, *соян*, *кара-сал*» [1977: 79].

В Бай-Тайгинском кожууне был известен буддийский монастырь, ламы которого обучались в Тибете. Он славится мастерами народных промыслов, кузнецами и художниками, артистами.

На территории Барун-Хемчикского кожууна был также построен в 1960–1970-х годах горнообогатительный комбинат «Туваасбест». Около него вырос пос. Постоянный, где в настоящее время проживают представители самых разных районов республики, работавшие на стройке и на самом комбинате. Было привлечено огромное количество специалистов из других регионов, которые также выехали после развала СССР и всех хозяйственных связей. Наблюдалось массовое тувинско-русское двуязычие. В настоящее время заметно становление городского сленга, смешение двух языков. При этом уровень владения и того, и другого языка невысокий. Носителями диалектной речи остаются жители деревень и жители Бай-Тайгинского кожууна.

Центральный диалект распространен на центральной части Тувы, в долине рек Улуг-Хем вплоть до Усинска, её правой и левой притоков Бии-Хем и Каа-Хем, долину реки Хемчик в её нижнем течении; на северном и южном склонах хребта Танды-Уула. Он делится на пять говоров: **улуг-хемский**, **дзун-хемчикский**, **эрзинско-тес-хемский**, **тандинский**,

овюрский. Это самые густонаселенные территории Тувы. Его коренные жители кроме скотоводства занимались в небольших количествах земледелием, выращивая зерновые. В настоящее время, как и во всей Туве, сменился уклад жизни, и часть населения, особенно там, где есть русскоязычное население, переняли некоторые элементы хозяйствования; они занимаются огородничеством, некоторые хозяйства выращивают картофель и капусту уже в таких масштабах, что могут предлагать и на продажу.

Улуг-хемский говор распространен на территории долины реки Улуг-Хем (Енисей) и её притоков Уюк, Каа-Хем, в нижнем течении Бии-Хем. По современному административному делению, сюда входят территории с. Усинск Красноярского края (раньше это была территория сумона Хереме Чаа-Хольского района), Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Бии-Хемского, Каа-Хемского, Кызыльского кожуунов. Носителями улуг-хемского говора являются многочисленные родоплеменные группы, живущие на своих исконных кочевых землях: *кыргыс, адыг-тюлюш, улуг-тюлюш, ховалыг, донгак, тумат, кыргыс, монгуш, тюлюш, байкара, маады.*

Многие известные писатели, артисты были выходцами из Улуг-Хема. Это классики, основоположники тувинской литературы, народные писатели Тувы Сергей Пюрбю, Кызыл-Эник Кудажы, Александр Даржай, Эдуард Мижит; известный сказитель Тюлюш Баазанай, артисты театра Дмитрий Дамба-Даржаа, Дадар Барынмаа.

Дзун-хемчикский говор распространен на территории современных Сут-Хольского и Дзун-Хемчикского кожуунов. Носителями местного говора являются представители родоплеменных групп *монгуш, ооржак, ондар-уйгур, кара-сал, куулар, ховалыг, сат, ондар.*

Это в основном кочевые скотоводы. В качестве домашнего скота держат овец, коз, коров, лошадей. Во Туве известны тем, что испокон веков занимались земледелием, выращивая зерновые не только для своих нужд, но и для обмена или продажи.

Многие выходцы из Сут-Хольского и Дзун-Хемчикского кожуунов признаны классиками тувинской литературы. Это народные писатели Тувы Монгуш Кенин-Лопсан, Василий Монгуш, Екатерина Танова. Известны имена писателей и журналистов Феликса Сегленмея, Куулара Шомаадыра. Кожуун славится своими борцами, мастерами горлового пения, артистами.

Тандынский говор распространен на территории современных Чеди-Хольского и Тандынского кожуунов. Основными носителями диалектной речи являются родоплеменные группы *оюн, долаан*. Оттуда родом известные артисты театра и кино Максим Мунзук, Кара-кыс Мунзук, Болдукпан Оюн.

На его территории проживает больше русскоязычного населения, чем в других местностях. Была попытка развивать промышленность: в посёлке Хову-Аксы был построен горнообогатительный комбинат Тувакобальт, который прекратил свое существование в 90-х годах. Бывшие русскоязычные рабочие и специалисты этого комбината выехали за пределы республики, а тувиноязычное население осталось жить в поселках рядом с комбинатом. Но уклад жизни последних кардинально поменялся, соответственно, их разговорный язык часто представляет собой смесь тувинского и русского языков.

Овюрский говор распространен на территории современного Овюрского кожууна. Носителями диалектной речи являются представители коренных родоплеменных групп, издавна проживающие на юго-западном склоне Танды-Уула: *монгуш, саая, донгак, тюлюш, тумат, куулар*. Хотя кожуун находится в приграничной с Монголией зоне, его жители практически не владеют монгольским языком, нет массового тувинско-монгольского двуязычия, как у эрзинских тувинцев.

Это в основном кочевые скотоводы. В качестве домашнего скота держат овец, коз, коров, лошадей. Редко кто занимается земледелием, так как кожуун находится в зоне засушливых степей и полупустынь.

В обширных степях водились джейраны (тув. *чээрен*, самки *оона*), которые становились объектом охоты, но к 1970-м гг. были истреблены.

Объектом охоты был также сурок, ныне находящийся под охраной как исчезающий вид. Поэтому говор отличается от других говоров в первую очередь лексикой охоты на сурка и половозрастными их названиями.

Гора Дус-Даг была и есть местом скопления народа со всей Тувы, так как все ездили за солью в Овюр.

Кожуун выделяется тем, что многие известные писатели были выходцами из Овюра, а именно из долины реки Торгалыг. Это классики, основоположники тувинской литературы Виктор Кок-оол, Тюлюш Кызыл-оол, народные писатели Тувы Степан Сарыг-оол, Николай Куулар. Известны артист и драматург, поэт и переводчик Владимир Серен-оол, прозаик Эдуард Донгак, поэт, прозаик и переводчик Монгуш Доржу. Все они, будучи носителями центрального диалекта, внесли свой вклад в развитие тувинского литературного языка, в укрепление его норм.

Эрзинско-Тес-хемский говор распространен на территории современного Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов. На территории Тес-Хемского кожууна проживают родоплеменные группы в селе Берт-Даг – преимущественно *оюн, чооду*; Ак-Эрик – преимущественно *соян, иргит*; Оо-Шынаа – *туматы*, Уу-Шынаа – *шалык, сартыыл, оолет*. В с. Куран до 1990-х гг. жили староверы, в с. Шуурмак – преимущественно русские. В настоящее время все они выехали, села стали моноязычными, т. е. тувиноязычными.

М. Маннай-оол пишет, что «сумон Шалык находился в местности О. Шынаа Деспен, Серлик современного Тес-Хемского района. Кочевья сумона Сартул находились по рекам Шуурмак, Теректиг, Самагалтай, У-Шынаа современного Тес-Хемского кожууна [Маннай-оол 2004: 115].

С территориальным расселением тувинских племенных групп можно ознакомиться на карте 9 (рис. 2), см. обложку книги М. Х. Маннай-оола [2004].

Если учесть тот факт, что тувинцы, жившие на территории Тувы в годы ТНР и СССР практически не мигрировали, вели кочевой образ жизни в

пределах одних и тех же родоплеменных земель, то можно утверждать, что современные территории распространения диалектов и говоров сохранялись минимум около 300 лет.

В дореволюционной литературе и официальной документации тувинцев именовали «сойотами», или «сойонами». Сами тувинцы называли и называют себя «тыва, тыва кижы». В тувинском языке нет такого этнонима. Урянхайцами тувинцев называли монголы. Что подтвердил в свое время русский путешественник Г. Н. Потанин: «Название “урянхи” дают этому народу, – писал он, – монголы, а сами же себя зовут “туба” или “тува”» [Потанин 1883: 308]. Термин «сойот» произошел от одного из наиболее широко распространенных тувинских этнонимов («соян» во мн. ч.). Соянами называли и называют тувинцев тюркоязычные соседи – хакасы и алтайцы.

Другим важным фактором является период формирования различных родоплеменных групп в единый этнос. По мнению М. Х. Маннай-оола, «сложный и длительный процесс формирования единого тувинского этноса завершился во второй половине XVIII – начале XIX в.» [Маннай-оол 2004: 112].

Двадцатый век принес значительные изменения в судьбы кочевых племен Центральной Азии. Носители диалектов в основном перешли на оседлый образ жизни, изменили хозяйственный уклад, приобрели новые профессии. Исторически сложившиеся территории проживания этнических групп сохранялись буквально до конца XX века, пока не началась массовая миграция тувинского населения в столицу республики Кызыл и его окрестности, в города районного подчинения и в районные центры. в конце XX – начале XXI века.

Все эти процессы повлияли на витальность диалектов и говоров тувинского языка.

11.3. Социолингвистическая ситуация на территории Тувы

Оценивая современную языковую ситуацию на территориях расселения тувиноязычного населения, мы исходим из теоретических положений, изложенных в работах по социолингвистике о языковых контактах. Здесь мы придерживаемся точки зрения У. Вайнрайха [2002]. Языковая ситуация у малочисленных народов Сибири в свое время была исследована В. А. Аврориным [1975]. Вопросы функционирования языков коренных народов и типологии языковых ситуаций в регионах Южной Сибири на рубеже веков были объектом анализа в работе Т. Г. Боргояковой [2002].

Занимая геополитическое положение между западом и востоком, Тува в начале XX века сменила свою политическую ориентацию с востока на запад. После падения Циньской империи, в составе которой она длительное время находилась, Тува в 1914 г. стала протекторатом России. В 1921 г. в Туве произошла национально-освободительная революция, была провозглашена Тувинская Народная Республика, которая существовала с 1921 по 1944 г., пока не вошла в состав СССР на правах автономной области, а затем стала автономной республикой. После распада СССР в составе новой России Тува стала одним из субъектов Российской Федерации в ранге республики.

Тувинский язык относится к младописьменным языкам, получившим свою национальную письменность в 1930 году, т. е. в годы Тувинской Народной Республики.

За этот короткий для истории республики период была проведена колоссальная работа в области культурного строительства, особенно в создании собственной письменности. В дореволюционный период, а также до создания тувинской письменности на основе новотюркской латинизированной письменности в 1930 году, в Туве в качестве языка делопроизводства использовался старописьменный монгольский язык. Латинская письменность существовала до 1944 года, т. е. до перехода на кириллицу. Решение о смене письменности было принято в 1941 году.

Понятно, что именно в революционные для Тувы годы проходила ликвидация безграмотности населения, создавалась сеть школ, подготовка учительских кадров, формировались группы писателей, журналистов, переводчиков с русского на тувинский язык.

На волне демократических перемен республика приняла свою конституцию в октябре 1993 г., где 33-я статья определяла государственный статус тувинского языка на территории Республики Тыва наряду с русским языком [Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_65634.html].

В новой редакции Конституции Республики Тыва, принятой Референдумом Республики Тыва 6 мая 2001 г., статья 5 гласит:

«Государственными языками Республики Тыва являются тувинский и русский языки». На ее основе был принят в новой редакции Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. N 462 ВХ-І "О языках в Республике Тыва" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://base.garant.ru/28701589/#ixzz4fBIRqDuq>].

Обусловленная различными историческими событиями, языковая ситуация на территории Тувы за последние 100 лет менялась несколько раз в разных направлениях: в начале XX века преобладало русско-тувинское двуязычие. Первые русские переселенцы, появившиеся на территории Тувы в конце XIX в., и те, кто приехал в Туву, сразу после вхождения Тувы в состав России в 1944 и в последующие годы, овладевали языком местного населения. Среди тувинцев, которые жили в центральных земледельческих районах Тувы рядом со староверами и переселенцами, были также билингвы. Уже в 1950–1960-х гг. направление билингвизма стало меняться с русско-тувинского на тувинско-русское. Сейчас наблюдается устойчивый тувинско-русский билингвизм. Но все же следует подчеркнуть, что уровень владения родным языком у коренного населения стал падать. Чаще всего население пользуется бытовым разговорным языком. Литературный язык, особенно

язык тувинской художественной литературы, для него малопонятен, как и русский, неродной язык.

Немаловажную роль в развитии тувинского языка сыграл старописьменный монгольский язык, через посредство которого в Туву проник буддизм. В настоящее время Тува вместе с Калмыкией, Бурятией и Читинской областью являются буддийскими республиками России. Буддизм проник в Туву через Монголию в 17 веке. Начиная с 1770-х годов в Туве появляются первые стационарные буддийские монастыри – *хурээ* [Монгуш 2001]. В них начали обучать мальчиков, наряду с духовным образованием они овладевали старописьменным монгольским языком, на который переводились священные книги с тибетского языка. Многие обучались в Тибете, поэтому среди духовенства был распространён тувинско-монгольско-тибетский полилингвизм, который был утрачен в годы строительства социализма и возобновился в конце прошлого века. Известны переводы с тибетского на монгольский и тувинский языки светской литературы, сутры – восхваления хозяевам местностей на тибетском языке [Бавуу-Сюрюн, геше Лопсан Тхуптен, 2000]. Создание сутр по канонам буддийских религиозных книг на территории Тувы является свидетельством того, что уровень владения тибетским языком был на достаточно высоком уровне, вопреки некоторым утверждениям в исторических работах [История Тувы II, 2007; 256-257]. Теперь молодые ламы, получающие религиозное образование в Индии, как правило, овладевают тибетским и английским языками, естественно, что среди них наблюдается тувинско-русско-тибетско-английский полилингвизм. Есть современные переводы текстов с тибетского на тувинский [Чамзы 2012; Цэриң 2014].

Кроме своей основной функции монастыри стали первыми стационарными поселениями, которые играли некоторую функцию интеграции населения внутри сумона. На определенные календарные праздники весь народ устремлялся в монастыри при своих сумонах. Таким образом, монастыри в какой-то мере сопутствовали активной языковой

коммуникации населения, способствуя выработке своего рода койнэ. Нельзя забывать также, что многие члены молодой республики были обучены в монастырях. Первый тувинский алфавит, созданный ещё в 1928 г., принадлежал ламе Лопсан-Чимит, впоследствии попавшего под политические репрессии.

Таким образом, до создания сети светских школ в 1930–1940-х гг. буддийские монастыри и священнослужители сыграли свою роль в выработке общих норм тувинского языка.

На приграничных с Монголией территориях среди местного населения (территории Тере-Хольского, сумона Нарын Эрзинского районов) распространён естественный тувинско-монгольский билингвизм. С середины XX в., в связи с распространением школьного образования, население стало овладевать русским языком, а также иностранными языками, становясь полилингвами. В настоящее время в связи с развитием торгово-экономических и культурных связей с Китаем, среди молодёжи появилась тенденция выучить китайский язык, причем в стране изучаемого языка. Такое же отношение сохраняется и к монгольскому языку – государственному языку соседей по территории, с многовековыми культурно-историческими связями.

Таким образом, среди коренного и пришлого населения всегда был и есть как естественный, так и культурный билингвизм или полилингвизм в разных направлениях, в разных социальных группах. Знание языков – давно известное и поощряемое в жизни тувинской нации явление. Справедливости ради надо отметить, что вышеуказанные виды полилингвизма не были массовыми, он касался определенных социальных слоев общества и приграничных территорий на юго-востоке Тувы. При этом на юго-западе тувинцы практически не владеют монгольским языком.

Массовый тувинско-русский билингвизм стал формироваться только после вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г., когда уже повсеместно была создана сеть школ, кочевые скотоводы в основной своей массе перешли на

оседлый образ жизни. Государство вело целенаправленную национальную политику в области образования, культуры. Существовал до 1970-х гг. институт переводчиков в школах, почти в каждый населенный пункт отправляли молодых специалистов: учителей, врачей, зоотехников и ветеринаров – из других регионов страны по распределению, где они по закону должны были отработать 2-3 года. В 1960-е гг. начали строить промышленные предприятия в Ак-Довураке и Хову-Аксы, затем начали готовить зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Таким образом, в Туву приезжали узкие специалисты из других регионов СССР, которые создавали естественную русскоязычную языковую среду. Процентное соотношение русскоязычного и коренного населения благоприятствовало переходу на массовый тувинско-русский билингвизм. Поэтому уровень владения русским языком коренного населения оценивали достаточно высоко по получаемым в школе оценкам и по данным переписи населения. К сожалению, после распада СССР не стало обязательного распределения молодых специалистов из других регионов. Промышленные предприятия закрылись, пришли в упадок; а пришлое русскоязычное население выехало за пределы республики. Таким образом, западные (за исключением г. Ак-Довурак) и южные районы, оставшись без носителей русского языка, стали моноязычными.

Удельный вес основных национальностей Тувы в 1918–2010 гг.

Народ	1918 г.	1931 г.	1944 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Тувинцы	80,0 %	79,0 %	85,0 %	57,0 %	58,6 %	60,5 %	64,3 %	77,0 %	82,0 %
Русские	20,0 %	21,0*%	15,0*%	40,1 %	38,3 %	36,2 %	32,0 %	20,1 %	16,3 %

* Русские и другие народы. Сокращение доли и абсолютной численности русских в 1944 г. связано с мобилизацией значительной части взрослых мужчин в Красную Армию.

В настоящее время в широких слоях населения осмысливается потребность в знании английского языка.

Таким образом, знание тувинского языка обеспечивает этническую идентификацию, русского языка – гражданскую, английского – выход на международную арену. Такова потребность общества в целом.

Русский язык как средство интеграции народов и культур России, как язык образования имеет большое значение в повседневной жизни всех народов России, в том числе тувинского. Но уровень владения русским языком коренным населением Тувы остается на сегодня одним из наиболее низких по России. Это обусловлено целым рядом объективных причин. С одной стороны, в условиях глобализации требуется знание иностранных языков. С другой стороны, велико стремление коренной титульной нации сохранить свою культуру и язык, поэтому тувинский язык является государственным языком в Республике Тыва, что закреплено законодательными актами республики.

Официальная статистика, основанная на данные переписи населения, показывает, что абсолютное большинство коренного населения владеет русским языком (82,7 %, в сельской местности 77,4 %). При этом существующая практика осуществления учебного процесса в школах с родным (тувинским) языком обучения, практика преподавания русского и иностранного языков в таких школах вызывает много нареканий. Происходит конфликт интересов государства, личности и этнического сообщества (нации) в составе многонационального государства.

Не обеспечивается качественное образование в школах, растет неудовлетворенность населения качеством преподавания русского языка. Для продолжения образования, успешного обучения в вузе необходимо знание русского языка на достаточно высоком уровне, что понимают все участники образовательного процесса. В поисках лучшей доли для своих детей, хорошо оплачиваемой работы коренное население сел выезжает в города. Городов в республике немного, поэтому основным местом переезда выбирают столицу республики – Кызыл и его окрестности, что создает ещё большие социальные проблемы для властей разного уровня. На этом фоне уровень владения

родным (тувинским) языком мало волнует и коренное население, и тем более руководство республики. Наблюдается переко́с в принятии решений в области языкового образования: происходит противопоставление языков по престижности. Соответственно все больше детей записываются в классы с русским языком обучения. В результате в городах все больше детей, не владеющих родным (тувинским) языком.

Данные статистики не дают, к сожалению, должной картины уровня владения языками, поэтому нужно институционально изучать языковую ситуацию в регионе, чтобы можно было принять действенные меры по предотвращению дальнейшего падения уровня владения родным языком и по поднятию уровня владения русским языком отдельной части населения. Тем не менее, процесс становления тувинско-русского двуязычия не способствует ни сохранению родного языка, ни развитию русского языка у коренного населения. В результате падает уровень владеющих диалектной речью, растёт простое смешение языков.

11.4. Литературный язык по отношению к диалектам

Литературный язык, возникший на базе центрального диалекта, в дальнейшем создал свои нормы, укрепил их. Развивается лексический фонд языка различными путями: как при помощи собственных средств, так и при помощи заимствований. Приведем пример развития лексико-семантических вариантов слов и словообразовательных гнёзд по этномузыкальной терминологии, которая возникла на базе устного разговорного языка. В литературном тувинском языке (ЛТЯ) выработалась система родовидовых терминов горлового пения за последние 30-40 лет, обусловленная признанием данного вида исполнительного искусства в мировом музыкальном фолкжанре. Причем некоторые из них признаны как международные термины, они узнаваемы в музыкальном мире: *хөөмей*,

сыгыт, каргыраа, эзеңилээр, борбаңнадыр [Монгуш 2015]. Первые три термина используются во всех территориях распространения тувинского языка, причем ни один из них в диалектах и говорах не используется как родовое название. Более того, у зарубежных тувинцев распространен глагол *сыгыртыр* 'исполнять сыгыт'. А в ЛТЯ родовое название утвердилось за словом *хөөмей*, параллельно ему функционирует сложное слово *сыгыт-хөөмей*, что в принципе соответствует нормам словообразования тувинского языка. От слова *хөөмей* идут производные *хөөмей=жи* 'исполнитель горлового пения, исполнитель *хоомея*' как название профессии, которая, кстати, утверждена в российском перечне профессий буквально 5 лет назад. Имеются и другие производные от слов *хөөмей, сыгыт, каргыраа: өней-хөөмей, хову каргыраазы, даг каргыраазы* и т.д.

Литературный язык выработал стили: официально-деловой, публицистический, художественный, научный. Произошла стилистическая дифференциация средств языка.

На тувинском языке выходят государственно-правовые акты Республики Тыва. Фактически он является языком воспитания на всех ступенях образования до 5-го класса (хотя официально считается до 7-го класса); предметом изучения в национальной школе – до окончания средней школы. Тувинский язык преподается в средних учебных заведениях и в Тувинском государственном университете на специальности «Тувинский язык и литература». Ведутся теле- и радиопередачи, выходят газеты, создаются и печатаются произведения художественной литературы, хотя и малыми тиражами за счет самих авторов. Тувинский музыкально-драматический театр им. В. Кок-оола, художественные коллективы Тувинской государственной филармонии представляют свои работы на тувинском языке. Судебные, правоохранительные органы обеспечивают перевод на тувинский язык судебных и следственных действий.

Особо следует отметить роль идеологической работы Коммунистической партии, которой подчинялись многие органы

исполнительной власти, в первую очередь комитет по охране государственной тайны в печати (Облит). Ни одна печатная продукция (в том числе газетная, книжная, агитационная), передачи на радио и телевидении, крупные общественные собрания, мероприятия, репертуары национального театра и других концертных организаций не обходились без его прямого контроля.

Осуществляя свою деятельность во всех сферах массовой коммуникации, комитет также попутно строго следил за соблюдением норм литературного тувинского языка. Дело доходило до курьёзных случаев, когда правили тексты фольклора, особенно эпических произведений, приближая их к нормам литературного языка. Об этом стали открыто признаваться корифеи тувинского литературоведения, собиравшие фольклор, затем готовившие рукописи к печати, только в 2000-х годах. Отчасти языковой пуризм отдельных работников Облита в какой-то мере способствовал быстрейшему установлению и освоению норм литературного языка.

Заимствование и калькирование слов из русского языка также находились под контролем Облита, так как переводная литература печаталась также с его разрешения. Переводческая деятельность была развита и поставлена на должный уровень: переводчики работали везде – в школах, Тувинском книжном издательстве, в самом Облите, редакциях газет и журналов, театре, на радио и телевидении, в судебных органах. Таким образом, кроме прямого лексического заимствования, из русского языка путем калькирования перенимали многие синтаксические структуры и образцы дискурса.

Тувинская художественная литература выработала свой язык благодаря устному разговорному тувинскому языку, фольклору, переводной литературе. Многие представители центрального диалекта стали писателями, журналистами, переводчиками, артистами, т. е. они благодаря своей профессии, призванию стали проводниками норм литературного языка.

Согласно переписи 2010 г., тувинский язык считают родным 98 % населения. Относительной сохранности тувинского языка способствовали несколько экстралингвистических факторов: 1) замкнутое географическое расположение республики; 2) относительно позднее вхождение Тувы в состав России (1944 г.); 3) больше половины жителей проживает в сельской местности, а основное население перешло на оседлый образ жизни сравнительно недавно.

Несмотря на факторы, благоприятствующие сохранению и развитию тувинского языка, мониторинг, исследование и анализ языковой ситуации последних лет показывают, что на сегодняшний день вопрос сохранения тувинского языка как одной из основ целостности тувинского этноса и его национальной культуры становится острым. Простое декларирование равноправного применения языков в различных сферах жизни общества без программного, соответствующего научного, кадрового обеспечения, финансирования из бюджетов разных уровней не дает ожидаемых положительных результатов. По данным ЮНЕСКО, тувинский язык входит в число языков с угрозой исчезновения.

Образование является одним из основных инструментов сохранения самобытности народа и функционирования, развития и передачи молодому поколению тувинского языка. Законы об образовании Российской Федерации и Республики Тыва, Концепция модернизации российского образования поставили перед учреждениями образования новые задачи и перспективы. Появились школы различных типов, классы разных направлений, в учебных планах которых в качестве национально-регионального компонента были и остаются родной язык и литература, история Тувы и география Тувы, но содержание и методы подачи материалов по этим предметам не соответствуют требованиям модернизации образовательной системы России.

Учебные материалы и уровень грамотности носителей являются одним из важнейших критериев оценки состояния языка. Министерство образования и науки старается обеспечить учебный процесс учебно-

методическими комплексами по тувинскому языку и литературе. Тем не менее, ощущается нехватка учебников даже по программе основной школы. Отсутствие справочной литературы по тувинской филологии, учебно-методических комплексов, основанных на передовых педагогических технологиях, и небольшие тиражи художественной литературы не дают возможности полной реализации всех направлений образования, повышения уровня преподавания тувинского языка и литературы в школе. Институт развития национальной школы в силу нехватки кадров и отсутствия соответствующих научно-педагогических кадров не в состоянии полностью решать проблемы методического обеспечения. Не разработаны научные основы методики преподавания тувинского языка в русскоязычной аудитории, а программы и учебники тувинского языка мало рассчитаны на воспитание полилингвов. Необходимо выработать отдельную концепцию преподавания тувинской литературы в школе. В XXI век тувинская школа вступила с методическим обеспечением XX века. Объективной трудностью в создании учебно-методического комплекса по тувинской литературе является отсутствие соответствующей литературной критики и анализа абсолютного большинства произведений тувинской литературы, предложенных в качестве программных. Анализ речи школьников подросткового возраста показывает, что тувинская речь остается на разговорно-бытовом уровне, переходящем в жаргон. Падает интерес и низка мотивация изучения родного языка у детей, их в этом поддерживают родители, озабоченные успешной сдачей ЕГЭ.

Особое место в сохранении языка играют новые сферы использования языка: средства массовой информации, печатная продукция, киберпространство. В фондах библиотек Тувы не обновляются произведения классиков тувинской литературы, которые очень редки в свободной продаже. Практически нет иллюстрированных красочных изданий для младшего поколения. В настоящее время мизерна доля теле- и радиопередач, вещающих на тувинском языке. Телевидение выходило в эфир с передачами

до 1,5-2 часов в день, в настоящее время ежедневно выходят новости 3 раза в сутки по 5-7 минут с повторяющимися новостями из столицы. Специальные передачи возобновились только в последние 2 года по 2-3 раза в неделю на 25-30 минут. Отсутствуют передачи на тувинском языке для школьников и детей дошкольного возраста. Несмотря на наличие периодики на тувинском языке, тираж их небольшой, а регулярность выхода газет существенно снизилась. Вот отдельные сравнительные показатели: в 1980-х гг. тираж самой распространенной газеты «Шын» на тувинском языке, основанной в 1925 г., достигал 30 тыс. экземпляров, после 1990-х гг. снизился до 2 тыс. экземпляров; а в настоящее время тираж едва перешагнул 3 тыс. Художественная литература на тувинском языке выходила средними тиражами 10-15 тыс. экземпляров, а в год печаталось до 30 наименований книг, в настоящее время редкая книга выходит тиражом в 1000 экземпляров. Анализ языка передач радио и телевидения, а также печатных СМИ, выход художественной литературы на тувинском языке говорит о существенном снижении их качества, о многочисленных нарушениях норм устной и письменной речи.

Одним из возможных каналов передачи языкового опыта может стать киберпространство. Его максимальное использование проблематично из-за недостатка внимания к данной проблеме, отсутствия разработанной политики по вопросам выживания языка в киберпространстве и поощрения создания и поддержания распространения локального контента в Интернете, а также из-за хаотичности приспособления шрифтов и адекватной передачи специфичных букв тувинского алфавита. Данный вопрос можно решить только комплексом мероприятий на разных уровнях, созданием правовых актов и упорядоченных шрифтов, операционных систем, систем автоматизированного перевода, электронного архива и его распространения.

Из всего сказанного следует, что в Республике Тыва уже заложена основа снижения уровня владения родным языком, появились признаки ассимиляции тувинского языка и реального быстрого исчезновения в

условиях глобализации. Необходимо предпринимать все усилия по сохранению и изучению тувинского языка как лингвистического, историко-культурного феномена, по передаче языкового опыта молодому поколению.

Таким образом, нынешнее состояние литературного языка, вопросы его поддержки в условиях глобализации остаются острыми. В плане его воздействия на диалекты и говоры однозначно можно сказать, что усилия по укреплению литературных норм всеми возможными путями дали свой результат: произошло нивелирование диалектных различий, а также появились вариативные формы.

11.5. Национальный состав населения Республики

Тыва, его влияние на формирование диалектов

В Республике проживают тувинцы, русские, хакасы, украинцы, армяне, киргизы и представители другие народностей. Они расселены в основном в столице Республики г. Кызыл и его окрестностях – Кызылском, Пий-Хемском, Тандынском, Каа-Хемском районах, традиционных местах проживания русскоязычного населения со времени переселения в Туву староверов, т. е. с конца XIX века (прил. 1, карта 3).

Кроме того, тувинцы проживают в г. Шагонар Улуг-Хемского района (территория, где до начала XX века пролегал один из путей сообщения с Минусинским и Красноярским краями), а также в г. Ак-Довурак Барун-Хемчикского (бывший промышленный центр, где работал горно-обогатительный комбинат по производству асбеста) района. Как видим, целые районы Тувы, кроме вышеуказанных, являются мононациональными.

В языковом отношении особо выделяется территория сумона Нарын Эрзинского района, где население владеет также монгольским языком, кроме тувинского и русского языков.

В настоящее время 82 % населения республики составляют тувинцы – представители коренной титульной нации, а из них абсолютное большинство

(свыше 90%) считают тувинский язык родным, и он является средством активной коммуникации во многих сферах жизни общества. В 1950–1970-е гг. приезжали квалифицированные специалисты из России для работы в разных отраслях народного хозяйства республики. В первую очередь это были медицинские работники, учителя, врачи, инженерно-технические кадры, приглашенные для поднятия и развития сферы здравоохранения, народного образования, формирования и функционирования агропромышленных объектов республики. Это была направленная политика советского руководства, нацеленная на всестороннюю помощь молодой развивающейся республике. К примеру, в 1960–1970-е гг. в Туву прибывали рабочие в основном на комбинаты «Туваасбест» и «Тувакобальт» [Материалы отдела статистики и здравоохранения...]. Во все последующие годы наблюдалось постепенное возрастание миграционного оттока русскоязычного населения за пределы республики, пик которого пришелся на 1990 г. [Демографический ежегодник России 2008: 520]. Как известно, основным фактором оттока русскоязычного населения из республики явилось резкое на тот период ухудшение социально-экономического положения населения. При этом наибольший миграционный поток русскоязычного населения наблюдался из столицы республики, п.г.т. Хову-Аксы Тандинского кожууна, а также из сел Каа-Хемского и Кызылского кожуунов, т. е. из районов, отличающихся наиболее смешанным этническим составом.

Среди причин повышения миграционной мобильности русских следует также назвать их сравнительно слабую интегрированность с титульной национальностью, наличие существенных этнокультурных различий между основными этническими группами Тувы. Достаточно отметить, что, по данным Всесоюзных переписей населения, за более полувека совместного проживания менее 1 % русских в какой-то мере овладели языком титульной национальности. Показательно, что, по сравнению с другими регионами, во все годы здесь было незначительным число межнациональных браков. Так, к

1990 г. доля этнически смешанных браков едва достигала 6 % (по материалам ЗАГСа г. Кызыла РТ).

Тувинское население ориентировано, как правило, либо в другое село, либо в город внутри республики. При этом наибольшая миграционная мобильность была характерна для молодежи, на долю которой приходилось примерно две трети из общего числа мигрирующих в трудоспособном возрасте. Подавляющее большинство участвующих в миграционном обмене – люди, имеющее образование.

В Туве произошли значительные изменения, в числе которых следует отметить существенный рост численности населения республики, в первую очередь за счет естественного прироста доли титульной национальности. Кроме того, демографическая ситуация исследуемого периода характеризуется значительным преобладанием в общей численности населения молодых возрастных групп. Все более активизируется сельская миграция. Понятно, что дальнейшее ухудшение условий жизни на селе будет в дальнейшем сопровождаться ростом миграционного потока из сельской местности в города республики [Электронный ресурс. Режим доступа: [http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/b84e8d00405c151cb0e6f7367ccd0f13/02_Записка+об+итогах+ВПН-2010+\(2012г\).htm](http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/b84e8d00405c151cb0e6f7367ccd0f13/02_Записка+об+итогах+ВПН-2010+(2012г).htm) (Дата обращения 09.09.2017)].

В 2010 г. владение русским языком указали 260 733 человека (86,2% из числа ответивших на вопрос о владении русским языком). Среди горожан владели русским языком 81,9 %, а среди сельского населения – 77,0 %.

Наиболее распространенным языком в республике является тувинский, этим языком владеют 82,2 % населения, ответивших на вопрос о владении языками, в том числе 81,6 % тувинцев и 0,6 % лица других национальностей

При переписи населения 2010 г. были получены сведения о родном языке. Из общей численности населения, ответившего на вопрос о родном языке, 98,7 % назвали родным язык, соответствующий в переписном листе ответу о национальной принадлежности, а 2,1 % населения (кроме русских)

указали родным русский язык, в том числе 1,0 % лиц, отнесших себя к тувинцам.

Впервые при переписи получены данные о владении глухонемыми и слабослышащими русским жестовым языком. Владение этим языком указали 791 человек.

Таким образом, нынешний национальный состав республики должен благоприятствовать состоянию местных разновидностей речи, но тем не менее, именно коренное население все больше стало отказываться от родного языка. В этих условиях трудно говорить о сохранности диалектных форм языка.

11.6. Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом

Уникальный языковой ландшафт отрогов Алтая до недавнего времени был закрыт для тюркологов России. На восточных (монгольская сторона) и западных склонах (китайская сторона) Алтая проживают небольшие по численности группы этнических тувинцев, которые в силу исторических обстоятельств в течение длительного времени были разобщены и не имели контактов между собой.

По данным историков, алтайские тувинцы оказались оторванными от основного этноса со времен переселения монгольского племени *дербет* [История Тувы 2001: 307]. Лишь небольшая группа тувинцев нынешнего рода *оорцок* (*ооржак* – в центральной Туве), выходцы из центральной Тувы, были переселены туда в начале XVIII века. Сами информанты называют точное место на территории современной Тувы – Ак-Довурак, откуда пришли их предки. Там до сих пор проживает в основном племенная группа *ооржак*.

В. Я. Бутанаев дает интересные наблюдения о присоединении Хонгорая (Хакасии) к России. Оно официально завершено в 1727 г. Кяхтинским миром и связано с трагическими страницами в жизни хакасского народа.

Енисейские кыргызы, как в XVIII в. называли их в русских документах, были частично переселены за Алтай и оказались рассеянными по громадным просторам Центральной Азии – от Калмыкии на западе до Маньчжурии на востоке. В 1703 г. Джунгарский контайша Цэван-Рабдан (годы правления 1699–1727), учитывая осложнившуюся политическую обстановку в Центральной Азии и опасаясь военной угрозы со стороны Китая и России, решил военной силой переселить к своей ставке по р. Эмель-гол номадов Южной Сибири – кыргызов Хонгорая, телеутов Северного Алтая и мингатов из Тувы. Было угнано от 70 до 80 % всего населения долины Среднего Енисея [Бутанаев 2006: 13-15].

В. Я. Бутанаев полагает, что в это же время часть среднеенисейских кыргызов составили отдельную племенную группу среди тувинцев [Там же: 15]. Если взять во внимание диалектное слово улуг-хемских кыргызов *ини=им* от *ини* ‘младший брат или сестра’, оказавшееся и у хакасов из провинции Хэйлуцзян, вполне можно предположить и такое.

Исторические источники и сведения информантов позволяют считать временем отделения алтайских тувинцев от основного этноса начало XVIII века как минимум.

Особенности речи зарубежных носителей тувинского языка В. И. Рассадину позволили считать, например, язык тувинцев Цагаан-Нура отдельным уйгур-цаатанским языком саяно-алтайской группы наряду с тофаларским, сойотским, уйгуро-урянхайским [Рассадин 2013: 134]. Мы же считаем тувинскую речь жителей Цэнгэла, Кобдо, Селенги, Цагаан-Нура Монголии и алтайского Китая зарубежными диалектами тувинского языка, основываясь на самосознании носителей диалектной речи.

Вопрос о соотношении языка и диалекта в языкознании изучается давно [Яхонтов 1977; Ширалиев 1963 и др.]. В каждом случае его решают исходя из конкретной ситуации. Непросто решаются вопросы о признании статуса языков тех этнических групп, которые проживают за пределами территорий основного этноса. Они усугубляются интенсивными контактами

близкородственных языков. Так, сложен вопрос о признании статуса идиом татар, живущих в Башкирии, и наоборот, о языке башкир, живущих вне пределов территории основного этноса [Юлдашев 2005], сибирских татар [Тумашева 1977].

Аналогичный вопрос об определении статуса языка норильских долган, которые проживают вне пределов территории распространения якутского языка, был объектом внимания якутских языковедов. Об этом очень подробно написано в работе М. С. Воронкина, где автор определил его своеобразным диалектом якутского языка [Воронкин 1999: 160-166].

В нашем случае решение вопроса об определении статуса бесписьменного идиома, носители которого живут изолированно небольшими группами, обоснованно предлагается в статье Д. И. Эдельман «К проблеме ‘язык или диалект’ в условиях отсутствия письменности» [1980]. Во время наших экспедиций мы говорили с носителями диалектной речи о возможности признания их идиома как отдельного языка, отличного от тувинского литературного языка, распространенного на территории Республики Тыва. Свои доводы мы обосновывали тем, что многие дети уже не владеют родным тувинским языком, что довольно часто переспрашиваем друг друга, уточняем значения слов, иногда плохо понимаем друг друга, т. е. указывали на значительную разницу между их идиомом и литературным языком. Чаще всего у носителя диалектной речи данный вопрос вызывал крайне неодобрительную реакцию, которая ярче всего выражала недовольство и недоумение. В сознании носителей всех зарубежных диалектов тувинского языка очень прочно усвоен тот факт, что они являются по крови тувинцами. И все считают тувинский язык Танды-тыва (распространенный на территории Республики Тыва) старшим, основным, а все остальные зарубежные идиомы – его частью.

У всех тувинцев Монголии и Китая есть изречение *сөөгүвүстүң сыны болган, ханывыстың чамдыы болган төрөл чонувус* ‘букв. наш народ, который есть осколок кости нашей, часть крови нашей’, что соответствует

фразеологизму в русском языке «кровь от крови, плоть от плоти (кость от кости)». Все в один голос утверждают, что они – тувинцы.

При определении статуса зарубежных идиом мы обязательно принимали во внимание их самоназвание. Так, тувинцы сумона Цэнгэл называют себя *Сеңгил дыъвазы*, сумона Буянт – *Коьпту дыъвазы*, в центральном аймаке – *Селеңги дыъвазы*. Можно также услышать объяснение, что есть *Аьлдай дыъвазы*, *Таңны дыъвазы*; в Цагаан-Нуре – *туха*, *дуьха*, *дыъва*, *барыын тайга кишици*, *Чөөн тайга киййиси*.

Тувинцы Китая проживают в живописных местах в северо-западной части Алтайского горного хребта, которая расположена близко к южной границе Горного Алтая и на востоке граничит с территорией сумона Цэнгэл Монголии. В научной литературе они известны под названиями *көк-мончак*, *мончак*, тувинцы Китая, тувинцы Синьцзяня. Сами называют себя *тыъва*, *аьлдай тыъвасы*, или *көкмончак*, *моьнчак*, а свой язык *тыъважа*, или *моьнчакша*.

Первые сведения о численности *кокмончаков*, об их языке можно увидеть в работах Э. Р. Тенишева [1956], Л. Ю. Доржу, Ш. Ч. Сата [Доржу, Сат 1999], работе М. Монгуш [Монгуш 2007]. В работе ученого-этнографа Намкямидаг из Китая указывается, что тувинцев в Китае насчитывается свыше 2500 человек. Во время публичной лекции в Тувинском госуниверситете профессор Намкямидаг подтвердила свои сведения о сокращении тувинского населения алтайского Китая в силу разных причин.

Сами тувинцы также затрудняются ответить на данный вопрос, дают самые разнообразные ответы. Сведения о численности тувинцев, живущих в Китайском Алтае, затруднены целым рядом причин: ассимилированием родного тувинского языка под влиянием близкородственного казахского языка, увеличением количества смешанных браков и т.п.

Тем не менее, благодаря данным информаторов нам удалось установить и подтвердить цифру 2500 по численности тувинцев Китая на сегодня (по монгольским кочевым традициям, подсчет количества населения ведется по

домохозяйствам, где в среднем насчитывают 5 человек). Они распределены следующим образом: в селении Көк-Догай 60 домохозяйств (280 человек), в Хоме 170 домохозяйств (640 человек), в Ханасе 130 домохозяйств (400 человек), Ак-Хаба 70-80 домохозяйств (300 человек), Алагаак 80 домохозяйств (400 человек), Шунгур 20 домохозяйств (100 человек), Чемежек 10 домохозяйств (50 человек), Чиңгил 3 домохозяйства (20 человек), по 20 домохозяйств (по 100 человек) в г. Буурчин и Алтай.

Родной (тувинский) язык мончаков остается языком семейно-бытового общения, так как обучение в школе ведется на монгольском языке с использованием старомонгольского письма. Сохраняется богатое устное народное творчество: многие песни, записанные участниками данного проекта в Китае, оказались аналогичными образцам фольклора тувинцев Северо-Западной и центральной Монголии [Цэцэгдарь, Бавуу-Сюрюн Б., 2010; Бавуу-Сюрюн М. 2011], где также компактно небольшими группами проживают этнические тувинцы.

С получением сведений по языку тувинцев Китая у нас появилась возможность обнаружить данные по тому недостающему звену, отсутствие которого не позволяло выстроить систему зарубежных диалектов и говоров тувинского языка.

Современные тувинцы Китая считают себя потомками тех, кто жил на территории Китайского Алтая еще до Джунгарского ханства. Китайский исследователь Намкимядаг пишет, что тувинцы населяют нынешнюю территорию своего проживания не менее 270 лет [Намкимядаг 2007]. Алтайские тувинцы оказались оторванными от основного этноса со времен переселения дербетов, поэтому время провозглашения Джунгарского государства можно считать временем начала формирования этого диалекта тувинского языка. Однако многие информанты говорят, что китайские тувинцы переселились на западные отроги Алтайского нагорья еще во времена Чингисхана, в составе его войск, и, наверное, поэтому они свято чтят его имя, а его портреты висят на самых почетных местах в домах тувинцев.

В начале XX в. ослабление позиций государственной власти в Туве, России, Китае, Монголии под влиянием известных революционных событий, а затем гражданская война между казаками и дунганями в 1930-е гг., вынудила часть тувинцев, проживавших в Китайском Алтае, бежать в Монголию и обосновать небольшую группу численностью около 2 тысяч человек в сумоне Буянт и г. Ховд Кобдоского аймака Монголии. У оставшейся части тувинцев Китая судьба сложилась также по-разному. Казахи оттеснили тувинцев глубоко в необжитые таежные местности, близко к поселениям русских староверов, которые пришли в верховья Иртыша в поисках Беловодья, райского уголка на земле. Основной причиной местных вооруженных конфликтов было стремление захвата земель, принадлежащих тувинцам китайского Алтая. Оставшихся тувинцев из Хом, Ханаса вынудили переехать зимой южнее на 250 километров в Кызыл-Өек, затем в 1970-е гг. разрешили вернуться обратно по решению китайских властей.

Наши экспедиционные материалы также показывают присутствие алтайского этнического элемента в составе современных родоплеменных групп тувинцев России, Китая и Монголии. По словам информантов из сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии, в 1920–1930-х гг. небольшая группа *делег* переселилась в Китайский Алтай (Ханас) и на территорию сумона Цэнгэл в поисках свободных от чумы мест. Родоплеменная группа алтайцев называлась *чаьгат* // *шагат*, которая делилась на *кара чаьгат* и *акчаьгат*. В настоящее время *делеглер*, живущие в Монголии и Китае среди тувинцев, родным языком признают тувинский язык, а свою родоплеменную группу называют *делег* и считают, что эта группа входит в состав родоплеменных групп *адай-делег*, *адай-иргит*, *адай-монгол*. О том, что в составе тувинцев Китая ассимилировалась алтайская родоплеменная группа или группы, свидетельствуют также следы материальной культуры. Так, например, в селении Ак-Хава нами были обнаружены деревянные сооружения, называемые местными тувинцами *өг* ‘юрта, дом, жилище’. По своей конструкции они полностью идентичны

алтайским деревянным юртам *аил*: шестистенные или четырехстенные деревянные дома без окон, с конической крышей.

По словам информантов из Монгун-Тайгинского кожууна, факты миграции и затем ассимилирования алтайцев в составе западных родоплеменных групп Тувы *салчак* и *иргит* имели место в 1920-х и 1940-х гг.

Таким образом, в составе тувинцев Китая и Цэнгэла, Монгун-Тайгинского кожууна Тувы растворились малочисленные отдельные алтайские родоплеменные группы двумя волнами и стали тувиноязычными.

В 1960–1970-е гг. с началом промышленного освоения северо-востока Монголии часть цэнгэльских тувинцев мигрировала на восток и образовала небольшую диаспору вокруг города Дархан и в самом Дархане (около 20 хозяйств); в сумонах Орхон и Зуун-Бурен (около 100 хозяйств), в сумоне Заамар (около 1000 человек) Центрального аймака, они себя называют селенгинские тувинцы. В сумоне Орхон около 50 семей занимаются овощеводством. В Зуун-Бурен в основном переселяются кочевые скотоводы из Цэнгэла, перегоня свой скот на 1800 километров. Этот путь они преодолевают за 2-2,5 месяца. Известный писатель

Чинагийн Галсан в 1980-х гг. на свой гонорар организовал переселение своих земляков из Селенги обратно в Цэнгэл. Через некоторое время часть тувинцев вернулась в Селенгу. В настоящее время, хотя и не таким мощным потоком, но все же продолжается миграция тувинцев из Цэнгэла в более промышленно развитые аймаки Монголии.

Коренные жители сумона Цэнгэл ведут определенную работу по сохранению родного языка: функционируют три школы – начальная с тувинским языком обучения, полная средняя и духовная с монгольским и казахским языками обучения. В 2007 г. Комитет тувинцев Цэнгэла обратился к Председателю Правительства РТ Ш. В. Кара-оолу с просьбой создать учебники для Цэнгэльской начальной школы Баян-Ульгийского аймака Монголии. Школа была открыта в 1991 г. Два учителя прошли курсы повышения квалификации в Кызыле, Минобразования РТ помогло учебниками (разного качества), обменом опытом с приграничными школами, однако проверка знаний учащихся показала неутешительные результаты.

В 2012 г. была начата работа по транснациональному проекту по созданию и выпуску учебников тувинского языка для Цэнгэльской начальной школы Баян-Улэгэйского аймака Монголии. Созданы оригинальные учебники с 1-го по 4-й класс, программа по тувинскому языку для начальной школы, продукция выпускается на средства ЮНЕСКО.

В сумоне Цагаан-Нур Хубсугулского аймака Монголии смешались беженцы, оленеводы из Кунгуртуга и Тоджии, кочевавшие в исконно родных местах. Первоначально они образовали сумон Улаан-Уул, а в 1980-е гг. откочевали во вновь образованный сумон Цагаан-Нур (Ак-Хөл) на 90 км севернее, ближе к оленным пастбищам. Кочевые оленеводы известны под именами тувинцы, цаатаны, уйгур-цаатаны.

Семьи оленеводов либо бежали в 1940–1950-е гг. по разным причинам из Тувы, либо не переставали вести кочевой образ жизни в таежной глуши, труднодоступных местах Восточных Саян. Лишь с 1950-х гг. они признали себя гражданами Монголии в соответствии с соглашением между СССР и

Монголией о признании прав кочевников-оленеводов Восточных Саян, кочующих в пограничной зоне. Называют себя *дуьха, туьха*. Выходцы из Кунгуртуга называют себя *туха*. Основные родоплеменные группы, зафиксированные нами, – *балыкшы, чооду, урат, хэйук*. Это в основном олениводы, лишь пять информантов из 20, с которыми мы общались, занимались до недавнего времени другим видом деятельности (работали рыбаками в артели).

Небольшая группа энтузиастов пытается сохранить родной язык цаатанов. Был организован совместный американо-российско-монгольский проект «Цаатаны – возрождение культуры и языка». По его результатам был создан документальный фильм. С американской стороны финансирование проекта было осуществлено фирмой «Сантиспродакшн»; с российской стороны – ТувГУ, с монгольской стороны – принимали участие Министерство науки и образования Монголии, Институт образования. Был организован летний лагерь в двух летних стойбищах с целью социализации детей олениводов, обучению их родному тувинскому языку, возрождения их родной культуры. Консультантом по учебной деятельности выступила М. В. Бавуу-Сюрюн. Учебники по тувинскому языку для начальной школы Цэнгэла также передаются для желающих выучить родной тувинский язык в Цагаан-Нур, Кобдо, Селенгу. Тем не менее, диалект остается в критическом состоянии.

По данным 2014 г., составленным администрацией сумона Цагаан-Нур, тувинцы составляют 35 % населения сумона, в абсолютных цифрах – 587 чел., из них олениводами считаются 286 человек, или 17 % от общего числа, остальные 8 % – животноводы, 10 % живут в сумонном центре. В тайге кочевой образ жизни ведут 64 семьи. В сумоне среди олениводов преобладают следующие родоплеменные группы: *балыкшы, соян, урат, чооду, ак-куулар, кызыл-куулар*.

Данные по этническому составу Хубсугульского аймака свидетельствуют о том, что наиболее многочисленными группами являются

халха-монголы – 78 381 чел, дархады – 17 714, хотогойдцы – 13 082, урианхайцы – 3 211, цаатаны – 244 чел., тувинцы – 191, буряты – 1039, представители остальных свыше 20 родоплеменных групп – меньше ста. Всего население аймака – 114 331 чел. [Хүн... 2012: 49-52].

В Хубсугульском аймаке проживают урианхайцы, для которых родной язык – *туха*, как сами носители его называют. Живут урианхайцы в двух сумонах – Цагаан-Уур и Чандмань-Ондер, всего урианхайцев в аймаке 3211, основным местом их проживания является сумон Цагаан-Уур, где живут около 1500 урианхайцев, из них всего около 20 человек знают свой родной язык, причем это люди в возрасте старше 60 лет. В научной литературе они известны под названием уйгур-урианхайцы. На территории сумона Цагаан-Уур (на монгольском Цагаан-Үүр), отчасти сумона Чандмань-Ондер Хубсугульского аймака, на юго-восточной части озера Хубсугул проживает тюркоязычная группа урианхайцев. Информанты считают, что они говорят на языке *туха*, а по родоплеменной принадлежности являются *ураанхай*, проживали они на 100 с лишним километров севернее нынешнего места проживания. Их переселили во времена коллективизации в 1950–1960-х гг.

Уйгур-урианхайский язык не является объектом нашего исследования. В отдельных вопросах мы приводим сравнительный материал из этого языка, так как он входит в группу саянских тюркских языков.

Современное казахское население Монголии (в настоящее время они составляют 80 % населения Баян-Улэгэйского аймака, часть Кобдоского аймака) переселились менее 80 лет тому назад. Они насчитывали всего два аала в сумоне Цэнгэл, куда перебрались из российского Алтая. Разрешение занять пастбищные угодья Алтая им было дано ещё 150 лет тому назад царским правительством. Казахский язык оказывает мощное влияние на китайский и цэнгэльские говоры алтайского диалекта. По причине обнаружения инновационных явлений в АД, обусловленных маргинальными языковыми контактами, сам казахский этнос и его язык входит в сферу нашего исследования.

Надо отметить, что тувинцы Цэнгэла и Китая кроме своего родного языка владеют монгольским и казахским языками; у остальных тувинцев Монголии – тувинско-монгольский билингвизм.

Таким образом, в современной истории Тувы, Монголии и Китая происходили миграции кочевых тюркоязычных племен как внутри государств, так и за его пределы. Они обусловлены разными причинами: местными вооруженными конфликтами в целях захвата пастбищ, природными бедствиями, урбанизацией и другими. Эти миграционные процессы непосредственно влияют на современное состояние и на дальнейшую судьбу диалектов и говоров тувинского языка.

Как видно из вышеизложенного материала, условия функционирования диалектов и говоров тувинского языка на территориях их распространения существенно менялись за последнее столетие. На их современное состояние значительно повлияли социально-экономические, политические преобразования в жизни народа-носителя на территории трех государств. И то, что все местные разновидности тувинского языка нуждаются в поддержке и сохранении, не подлежит сомнению. В этом отношении вопрос о создании диалектного корпуса как хранилища этнолингвистического материала становится актуальной задачей.

11.7. Создание диалектологического корпуса как необходимый этап изучения тувинских диалектов

Процессы глобализации губительно действуют на состояние бесписьменных диалектов и языков, а также на языки малочисленных народов как не имеющих свои национально-территориальные образования, так и на те языки, которые объявлены как государственные на территории субъектов Российской Федерации. По данным ЮНЕСКО, многие языки народов России попали в список исчезающих или языков с угрозой исчезновения: 136 языков в России находятся в опасности, а 20 из них уже

признаны мертвыми. Такие цифры приводятся в интерактивном Атласе исчезающих языков мира, опубликованном на сайте ЮНЕСКО.

Такому положению языков малочисленных народов способствует современное социально-экономическое, политическое, образовательное, культурное пространство, в котором находится языковое сообщество, оно заставляет выбирать язык большинства, более престижный язык, по мнению социума. В этих условиях в самом тяжелом положении в плане сохранности оказываются бесписьменные и изолированные языки и диалекты. С одной стороны, они испытывают прессинг со стороны языка большинства или более престижного языка, с другой стороны – языковой нигилизм самих носителей. Для лингвистов исчезновение любого языка, даже свертывание его социальных функций – большая потеря. Именно поэтому важно сохранение и документирование исчезающих языков и диалектов.

Не составляет в этом отношении исключения тувинский язык и его диалекты. Сам язык входит в список языков с угрозой исчезновения, отдельные его диалекты и говоры находятся в критическом состоянии.

Поскольку тувинский язык не имеет длительной письменной истории, материалы диалектов и говоров являются одним из важнейших источников по его истории и исторической грамматике, именно поэтому особое внимание нужно уделять созданию единого и доступного для исследователей фонда электронных диалектных материалов. На основе собранного и теоретически осмысленного материала нужно создавать различные справочники и словари для практических нужд. Пример такого сотрудничества при создании шестязычного словаря названий птиц Тувы и западной Монголии есть. Орнитологами подсчитано свыше 300 видов различных гнездящихся, перелётных, зимующих птиц на территории Тувы, из них только 90 имеют названия на тувинском языке, на остальные не нашли тувинских аналогов. В словаре использовано 60 названий птиц, собранных из диалектных материалов, любезно переданных диалектологом З. Б. Чадамба

[Забелин, Забелина, Цэцэгдарь 1999: 6]. К сожалению, этим опытом не воспользовались создатели определителя растений Тувы.

На первых порах для тувиноведения было бы уместно ставить вопрос о создании базы данных диалектных материалов, так как для того чтобы создать диалектный корпус, нужно поэтапно решить множество трудоемких задач.

Теоретическая и практическая значимость диалектологических исследований бесспорна. Особенно на первом этапе они были необходимы «для определения опорного диалекта, на основе которого создавался письменный литературный язык» [Убрятова 2010: 11].

В тувинском языкознании особое внимание уделяется изучению диалектов и говоров, начиная с конца 50-х годов прошлого столетия. Сектор языка, литературы и истории Тувинского научно-исследовательского института (ТНИИЯЛИ, ныне – ТИГПИ) совместно с кафедрой тувинской филологии Кызылского государственного педагогического института начали выезжать в районы республики с целью сбора диалектного материала по специально составленным опросникам. Отчеты экспедиций регулярно печатались в Учёных записках института (см. библиографический список), был создан специальный фонд в рукописном отделе данного института. Ныне аудиофонд ТНИИЯЛИ (ТИГПИ) переводится на цифровые носители.

Следующий этап диалектологических исследований в Туве характеризуется тем, что отдельные ученые результаты своей деятельности стали представлять в виде специальных диссертационных исследований и выпущенных на их основе монографий по диалектам и говорам, распространенным на территории Республики Тыва. Это работы З. Б. Чадамба по тоджинскому диалекту [1974], М. Д. Доржу по бай-тайгинскому говору [2002], П. С. Серен по тере-хольскому диалекту [2006], Е. М. Куулар по юго-восточному диалекту [2012]. Как видно, они все посвящены периферийным диалектам. Центральный диалект не подвергался

монографическому исследованию; имеются только отдельные статьи по его отдельным говорам.

Как показывает опыт других регионов, особенно Башкирии, Якутии и других, сбор и изучение диалектной лексики по тематическим группам дают возможность создать тематические словари, а в дальнейшем обеспечивают базу для лингвогеографических исследований [ДАБЯ 2005; ДАЯЯ 2004, 2010]. По тематическим группам лексики на материале диалектов тувинского языка можно отметить несколько работ. Лексике животноводства в цэнгэльском говоре была посвящена работа Б. Баярсайхана [2009]. Хотя специально и не посвящена вопросам диалектологии, но содержит значительный диалектный материал по терминам родства и свойства работа Л. С. Кара-оол [2006], по лексике оленеводства Е. М. Куулар и Н. Д. Сувандии [2014]. Немало материала, освещающего тематические группы лексики, содержится в выпускных классификационных работах, выполненных на кафедре тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета.

Выполненные в разное время работы позволили М. Д. Доржу составить словарь диалектных слов тувинского языка [2011]. Электронный словарь диалектных слов алтайского диалекта тувинского языка, составленный усилиями трех исследователей разных говоров данного диалекта: Б. Баярсайхан, Х. Гансук, У. Цэцэгдарь под руководством М. В. Бавуу-Сюрюн, нужно дополнить материалами языка китайских тувинцев. Программное обеспечение электронного словаря выполнено доцентом кафедры информатики С. М. Далаа. Авторские права составителей словаря защищены: имеется Свидетельство «База данных *Словарь диалектных слов алтайского диалекта тувинского языка*» от 2013 г.

По зарубежным диалектам и говорам тувинского языка появились специальные монографические исследования Т. Мавканули по языку тувинцев Китая «The phonology and morphology of Jungar Tuva» [1999]. Он же выпустил тексты «Jungar tuvan texts» [2005] на латинской графической

основе, они прогlossированы и переведены на английский язык. Язык тувинцев Цэнгэла Монголии в сравнительно-сопоставительном плане исследовала Х. Гансук [2009]. К сожалению, работа осталась в рукописном виде. В работе также имеются образцы диалектной речи тувинцев Цэнгэла, орфографированные кириллицей. Язык тувинцев Цагаан-Нура исследовала Э. Рагагнин, выпустив монографию «Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia» [2011], где в приложении имеются диалектные тексты, орфографированные латиницей, прогlossированные и переведенные на язык исследования (английский). Язык тувинцев Кобдо Монголии исследовала У. Цэцэгдарь [2013]. Ранее записи речи тувинцев Кобдо ею были опубликованы в монографии «Образцы фольклора и бытовой речи тувинцев Кобдо» [2003]. В работе тексты орфографированы кириллицей, переведены на русский язык; имеются аудиозаписи текстов. Остается прогlossировать эти тексты. Статьи [Монгуш 1973; Аранчин 1975; Тенишев 2006; Бавуу-Сюрюн 2008–2012] содержат отдельные примеры, отражающие особенности тувинской речи зарубежных тувинцев в сравнении с литературным тувинским языком.

Немало собрано фольклорного материала у тувинцев Цэнгэла немецким исследователем Э. Таубе, сектором фольклора ТНИИЯЛИ (ТИГПИ), у тувинцев Китая научным сотрудником Института филологии СО РАН Ж. Юша. Из них очень ценными являются записи Э. Таубе, сделанные в 1960-е гг.

Безусловно, фольклорные тексты имеют свою специфику. Тем не менее, записи, сделанные Э. Таубе, имеют важное значение и как тексты, зафиксированные в тот период, когда влияние казахского языка было минимальным. К сожалению, для исследователей тувинского языка доступны тексты фольклора алтайского диалекта, переведенные на русский язык [1994]. Лишь всего несколько песен тувинцев Цэнгэла Монголии по записям Э. Таубе вышли из печати на языке оригинала [1995]. Надо отметить, что работа была выполнена в международном научном центре «Хоомей»

благодаря усилиям известного этномузыковеда З. К. Кыргыз. Она выступила редактором издания, а подготовил текст к печати известный тувиновед Д. А. Монгуш. Нужно вести работу для того, чтобы получить копии записей Э. Таубе, безусловно, с её разрешения. Пример такого понимания есть: американский ученый-этномузыковед Теодор Левин подарил записи полевых экспедиций по тувинскому горловому пению Тувинскому институту гуманитарных исследований.

По языку тувинцев Цэнгэла есть материалы, собранные Б. Баярсайханом, Х. Гансук. Тексты прогlossированы и переведены на русский язык в рукописи «Язык тувинцев Цэнгэла». Таким образом, можно констатировать, что основа для базы данных тувинского диалектного корпуса есть. Остается дальше его развивать и обработать в соответствии с правилами составления диалектных материалов, которые следует создать, обсудить и принять.

Надо сказать, что все вышеуказанные исследования по зарубежным диалектам тувинского языка проводились на основе полевых материалов, собранных самими авторами. Понятно, что не все материалы излагаются в небольших по объему статьях, диссертационные исследования не всегда содержат связанные тексты в качестве приложения, тем более аудиоматериалы в цифровом формате. Поэтому надо планомерно пополнять аудиофонды, фиксировать изменения, происходящие в местных разновидностях тувинского языка.

Каждое учреждение может создавать свой корпус диалектных текстов, но в условиях нашей республики в настоящее время, когда диалектологов, непосредственно занимающихся активными исследованиями, буквально 2-3 человека, нужно объединять усилия. Особенно если учесть то, что сбор образцов речи зарубежных тувинцев – дорогое, затратное мероприятие.

На волне социально-экономических изменений в стране стало возможным формирование специальности «Родной (тувинский) язык и литература», в учебном плане которой обязательной стала

диалектологическая практика. Выезды в районы республики на диалектологические практики для студентов филологического факультета способствовали формированию с 1990-х гг. диалектологического фонда при кафедре тувинской филологии Тувинского государственного университета, где сейчас хранятся аудио-, видео-, фотоматериалы, сформирована картотека. Только лет шесть тому назад был переведен на цифровые носители имеющийся аудиофонд. Его дополнили материалы экспедиций по зарубежным идиомам тувинского языка. Тем не менее, отдельные материалы продолжают храниться у членов различных экспедиций, поэтому в первую очередь требуется составление единого каталога имеющихся материалов.

Оцифрованные кафедральные фонды, записанные ранее на магнитных носителях, оказались частично не очень хорошего качества, так как записи велись на простых бытовых магнитофонах. Была попытка очистить их от посторонних шумов, улучшить их качество. Затратный по времени и по объему процесс, он требует также соответствующей квалификации.

Таким образом, в настоящее время назревает необходимость создания общего для тувинского языка фонда, введение его в общий доступ для других исследователей, безусловно, с соблюдением всех норм и правил научной этики.

Следующий этап – расшифровка аудиозаписей. Плохое качество записей затрудняет процесс фиксации графическими знаками. Информанты при повторном опросе могут менять произношение, выдавать разные варианты произношения, какой бы удовлетворил интервьюера. Особенно если информанты владеют несколькими языками, это могут быть варианты произношения на разных языках: на казахском, монгольском, тувинском. Поэтому перед записью спонтанной речи обязательно надо просить информанта говорить на тувинском языке.

Проблема, которую приходилось решать, это фиксация записей, адекватное отражение фонетической системы исследуемого идиома. В настоящее время чаще всего в диалектологических исследованиях

применяется алфавит литературного тувинского языка с использованием при необходимости дополнительных знаков и большинстве случаев с соблюдением правил орфографии. Пока нет унификации записей. Такое положение упрощает фиксацию диалектной речи и убыстряет темп работ, но имеет ряд недостатков при использовании в дальнейших сопоставительных и сравнительно-исторических исследованиях.

Исследователи, носители тувинского языка, следуя правилам орфографии литературного языка, иногда не фиксируют фарингализацию, сильные придыхательные согласные в начале слова и другие важные фонетические процессы. Именно таким образом отдельные примеры тувинского языка, скорее всего взятые из тувинско-русского словаря, проиллюстрированы неточно в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» Б. А. Серебренникова, Н. З. Гаджиевой [1998]. Например, на с. 9 констатируется, что «древний краткий *a* в первом слоге сохраняется: ... тув. *баиш*». Между тем, в тувинском языке в данном слове вместо древнего краткого гласного звучит фарингализованный гласный [a^h]. Этот гласный фиксируется в общетюркских основах с кратким гласным в словах *каш* [ka^hʃ] *кольк*, *чаиш* [sha^h ʃ] *ос*, *аьт* [a^ht] 'лошадь'. По правилам орфографии тувинского языка фарингализованные гласные обозначаются в девяти основах: *аьт*, *эьт*, *оьт*, *каьт*, *аьш-чем*, *дүьш*, *чүьк*, *чаьс*, из них в первых четырёх – постоянно, в производных у остальных слов фарингализация не обозначается. Подобные ошибочные утверждения о сохранившихся древних кратких гласных [y], [ы], [о] в тувинском языке и соответственно примеры *куш* [ку^hш], *кыш* [кы^hш], *ок* [о^hк], *оьк*, *оьт*, *оьрта* в указанной книге не дали возможность авторам увидеть главную отличительную черту тувинского языка в системе от других тюркских языков – соответствие фарингализованных гласных вместо кратких древних гласных в отдельных словах.

Такие же ошибочные интерпретации получили придыхательные согласные в начале слова, а слабые согласные в начале слова определены как звонкие. Надо обратить внимание на произношение аффрикат в анлауте у

носителей алтайского диалекта, носителям центрального диалекта их уловить на слух сложно.

Нельзя также забывать, что в произношении и правописании заимствований из русского языка также существует большая разница. Таким образом, корректная фиксация записей должна быть одной из главных требований подготовки базы данных диалектного корпуса тувинского языка.

Список опорных пунктов или территорий, откуда нужно получить образцы речи коренных жителей не является непосредственной целью диалектного корпуса в свете дальнейших его перспектив использования, хотя необходимо его пересмотреть. При сборе материалов для Диалектологического атласа тюркских языков СССР (ДАТЯС) были определены следующие опорные населенные пункты: с. Кара-Хол Бай-Тайгинского района, с. Хайыракан Дзун-Хемчикского района, с. Эрзин Эрзинского района, с. Адыр-Кежиг Тоджинского района, с. Кок-Хаак Каа-Хемского района [Широбокова 1987: 13]. Понятно, что для такого огромного ареала тюркских языков СССР важно было взять только те пункты, которые отражали бы особенности выделенных к тому времени основных диалектов тувинского языка – центрального, западного, северо-восточного (тоджинского), юго-восточного диалектов. На наш взгляд, вместо с. Эрзин надо было взять в качестве опорного пункта с. Кунгуртуг Тере-Хольского кожууна (района) как самой отличительной в диалектном отношении территории Тувы.

Если в перспективе ставить задачу создания диалектологического атласа тувинского языка, следует также обратить внимание на выбор опорных пунктов для обследования. Следующим аргументом в пользу данного предложения является то, что территория центральной Тувы располагает многочисленными говорами, отличающимися небольшими диалектными различиями, границы которых к настоящему времени определены по административно-территориальному делению Тувы. В перспективе также следует точнее определить границы распространения, а также уточнить

классификационные признаки диалектов и говоров. Поэтому к вышеуказанным предлагается добавить следующие опорные пункты: села Моген-Бурен и Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского кожууна, сёла Ак-Эрик, Берт-Даг Тес-Хемского, Дус-Даг, Хандагайты Овюрского кожууна, сумоны Балыктыг и Кунгуртуг Тере-Хольского кожуунов, Качык, Нарын Эрзинского кожууна, село Ий Тоджинского кожууна, Севи, Хут, Аржаан, Тарлаг Би-Хемского, Чаа-Хол, Шанчы Чаа-Хольского, Ийме, Баян-Тала Дзун-Хемчикского, Кызыл-Тайга, Бора-Тайга Сут-Хольского, Баян-Кол Кызылского, Элегес Чеди-Хольского, Сосновка Тандынского, Бурен-Бай-Хаак Каа-Хемского кожуунов.

Безусловно, сюда должны войти и тувиноязычные территории за пределами Тувы.

Особо хочется сказать о туха-языке урянхайцев Хубсугульского аймака Монголии. Он не был предметом системного исследования российских тюркологов, а на фоне его быстрого угасания необходимо незамедлительно организовать работу по документированию и сохранению образцов данного идиома для лингвистической науки.

Язык *туха* распространен на территории сумона Цагаан-Уур (монг. Цагаан-Үүр), отчасти сумона Чаньдман-Ондер Хубсугульского аймака Монголии, на юго-восточной части озера Хубсугул. Основным местом проживания носителей туха языка являются первый и второй баги сумона Цагаан-Уур. Информанты считают, что они говорят на языке *туха*, а по родоплеменной принадлежности являются *урянхай*. Монголы их называют *уйгур-урианхай*, или *урянхай*. Соответственно, в научную литературу впервые этноним уйгур-урянхай в качестве названия языка этой тюркоязычной родоплеменной группы ввёл монгольский ученый Л. Болд [Болд 1978], работа которого была посвящена лишь особенностям данного языка. В дальнейшем он был поддержан В. И. Рассадиным. В работах монголистов обязательно присутствуют этнонимы *уйгур* и *урянхай*. До нас этот регион посетила немецкий ученый Э. Рагагнин [2010].

В настоящее время свой язык *туха* на пороговом уровне знают менее 20 человек в возрасте свыше 60 лет из 1500 представителей рода урянхай. Более молодые информанты знают язык либо пассивно, либо вовсе не владеют. У *уйгур-урянхайцев* сумона Цагаан-Уур нами зафиксировано пять родоплеменных групп: *ямаатай, данчила, куртугаиш, чоохундай, диртиле*. Как видно из данного списка этнонимов, ни один не встречается у тувинцев Тувы и Цагаан-Нура, что позволяет говорить о далеком родстве языка цаатанов и туха. В каком бы положении по отношению к тувинскому языку ни находился язык туха, ясно одно: время работает против тюркологов, язык находится в критическом состоянии. Этим языком никто из ученых Монголии и России в настоящее время серьёзно не занимается, а между тем материалы могли бы быть полезны всем тюркологам, занимающимся сравнительно-сопоставительными и сравнительно-историческими исследованиями языков народов Центральной Азии. Опыт общения с носителями данного идиома показывает, что носителям тувинского языка в целом он понятен и можно собирать этнолингвистический материал, создать специальную базу данных.

Большим подспорьем являются работы этнолингвистического характера, собранные у зарубежных тувинцев П. С. Серен «Моолда Хомду тываларының чаңчылдары (Обряды кобдоских тувинцев в Монголии)» [2013], «Моолда Цагаан-Нуур тываларының чаңчылдары (Обряды и обычаи цаган-нурских тувинцев в Монголии)» [2014], «Моолда Сенгел тываларының чаңчылдары (Обряды цэнгэльских тувинцев в Монголии)» [2015]. Все они содержат словари диалектных слов.

Методика сбора диалектного материала. Традиционно сбор диалектных материалов производится по специально составленному вопроснику. При очевидных положительных моментах этой методики сбора полевого материала на территории республики, при сборе материалов у зарубежных тувинцев такие вопросники не помогали по целому ряду объективных обстоятельств.

1. Сбор материала мы проводили среди зарубежных тувинцев, которые не владеют орфографией современного тувинского литературного языка.

2. Языком-посредником мог быть только монгольский язык, которым не владели мы, т. е. исследователи. Поэтому отчасти мы пользовались словариком, составленным на монгольском языке, с просьбой перевести на тувинский язык (в их диалектной форме).

3. Орфография монгольского языка, безусловно, отличается от орфографии тувинского языка. Одними и теми же графическими знаками в монгольском и тувинском языках обозначены разные фонемы и аллофоны. Соответственно, рассчитывать на помощь информантов в виде фиксации языкового материала носителями диалекта или же просить произносить то, что было написано по правилам орфографии тувинского языка, было невозможно.

4. Китайские тувинцы не владеют кириллицей. Все это вызывает значительные трудности при сборе и фиксации материала.

Во время сбора материала надо было также учитывать этнические и психологические особенности информантов. Пока не устанавливались доверительные отношения, трудно было рассчитывать на продуктивные контакты. В этом отношении достаточно сложно было работать с цаатанами – тувинцами сумона Цагаан-Нур Хубсугульского аймака Монголии и с тувинцами Китая.

Много нюансов технического плана, особенно это касается «чистоты» записей в полевых условиях, т. е. технического оснащения экспедиций, оплаты работы информантов, гидов-переводчиков, вопрос о возможности включения в состав экспедиции профессиональных операторов (ведь зачастую собирается эксклюзивный этнолингвистический материал).

При записи образцов речи зарубежных тувинцев необходимо разработать специальный опросник и выработать такие методики работы с информантами, которые дали бы возможность собрать языковой материал без посредника. Простой опросник с просьбой назвать какую-нибудь группу

слов может привести к неправильному толкованию значений слова, особенно при семантических сдвигах слов. Например, при перечислении названий молочных продуктов называют *өреме* 'пенки', *сүт* 'молоко' и т.д., при этом имея в виду под лит. *өреме* сливки, отделенные при помощи сепаратора, тогда как в литературном языке данное слово обозначает пенки, снятые с поверхности прокипяченного и оставленного застывать молока. У зарубежных тувинцев словом *ааршы* называют продукт, который получается после процеживания и сушки кусками гущи вареного кисломолочного продукта *хойтпак* ещё в том состоянии, когда можно откусывать. Когда полностью высыхает, его называют *курут* / *хурут*. По всей территории Тувы словом *ааржы* называют тот же продукт, но мелкими кусками или даже тертый в порошок; крупные высушенные куски называются *курут*. Пока продукт сушится, его называют *өл ааржы* (*өл* 'мокрый').

С такими же проблемами идентификации объекта сталкивались при сборе лексики природного окружения со школьными учителями во время работы инновационных площадок. Например, в качестве иллюстрации слова *шончалай* 'хлебенка' был помещён снимок лапчатки гусиной, кто-то признавался, что не знает такого растения. Между тем в Туве очень распространено собственное имя *Шончалай*, очень любят песню с этим же названием. Эти яркие примеры, когда название не могут идентифицировать с объектом, можно оценивать как показатель снижения уровня владения родным языком.

На первом этапе создания диалектологического корпуса тувинского языка надо собрать достаточно репрезентативный корпус текстов с метаразметкой, аудио-, фото-, мультимедийным сопровождением. Опыт общения с информантами показывает, что именно такая фиксация записей будет гарантом объективности и точности собранного материала.

Разработка диалектного корпуса в настоящее время находится на начальной стадии, поэтому широкое обсуждение обозначенных проблем

является актуальной задачей при дальнейшей подготовке электронного корпуса тувинского языка и залогом его успешного развития.

При условии выработки общей концепции создания диалектного корпуса тувинского языка, создания четких инструкций по всем параметрам сбора и обработки диалектного материала для включения в корпус, организации постоянно действующих семинаров для специалистов, участвующих в наполнении корпуса, можно надеяться на то, что диалектный корпус тувинского языка имеет реальную перспективу достижения поставленных задач на первом этапе и может уже в ближайшее время стать научным источником, обладающим значительным потенциалом.

Понятно, что для получения объективных результатов необходим достаточно репрезентативный корпус диалектного материала, собранного из множества различных источников в различное время и на основных территориях распространения диалектов и говоров тувинского языка. Печатные источники сделаны на разной графической основе. Поэтому немаловажным условием создания такого фонда является унификация записей, позволяющих вести в дальнейшем автоматическую обработку материалов.

Для тувинского языка с немногочисленным количеством исследователей, особенно по диалектологии, разработка в полном объеме диалектного корпуса с фонетической, семантической, морфологической разметкой – это работа на долгие годы. Но базу данных диалектных текстов и тематических групп лексики, диалектных словарей нужно готовить сейчас в связи с ассимиляционными процессами, объединяя усилия всех заинтересованных сторон. Вторым этапом будет разработка программного обеспечения поиска и обработки материалов, что значительно повысит объективность результатов исследования.

Надо констатировать, что по-прежнему остается актуальной задачей остается *«быстрейшая фиксация материала»*. Она была сформулирована в

статье М. А. Бородиной «О развитии лингвогеографических исследований языков Сибири» [Бородина 1976: 51] ещё 40 лет тому назад.

Итак, при современных темпах глобализации, приводящей к быстрому разрушению традиционных условий существования диалектов тувинского языка и нивелировке их различий, важно сохранение образцов местных разновидностей речи с использованием всех видов современных средств их фиксации.

Выводы

В заключение приходим к следующим выводам. Экстралингвистическими факторами, влияющими на состояние диалектов и говоров тувинского языка, являются:

- исторические условия формирования как тувинского языка в целом, так и его местных разновидностей;
- нивелирующее влияние литературного языка на диалекты;
- социально-экономические и территориальные факторы;
- процесс глобализации.

Несмотря на то что носители тувинского языка до середины прошлого века оставались кочевыми скотоводами, современные территории распространения диалектов и говоров находятся на тех же территориях, где веками жили их носители. Это обусловлено историческими факторами. Поэтому тувинский язык на территории проживания основной массы носителей языка более однороден, чем на тех территориях, которые оказались изолированными в силу природных препятствий и исторических событий.

Нижней границей начала формирования диалектных черт следует признать время существования древних тюркских языков, от которых сохранились отдельные языковые явления, фиксируемые в современных диалектах и говорах тувинского языка.

Глава II. Фонетические особенности диалектов и говоров тувинского языка

Звуковой строй диалектов и говоров тувинского языка стал предметом исследования ученых с середины прошлого века. Впервые методами экспериментальной фонетики звуковой строй тес-хемского говора изучил А. Ч. Кунаа [Кунаа 1957], затем вышла обобщающая монография К. А. Бичелдея «Звуковой строй диалектов тувинского языка» [Бичелдей 2001а]. Далее проводились экспериментально-фонетические исследования вокализма каа-хемского говора И. Д. Дамбыра [Дамбыра 2003, 2005], консонантизма сут-хольского говора С. В. Кечил-оол [Кечил-оол 2004, 2006].

Надо отметить, что все экспериментально-фонетические исследования основаны на методиках, составленных известным специалистом в области языков коренных народов Сибири, монголоведом, тюркологом, основателем сибирской фонетической школы В. М. Наделяевым. Он был руководителем кандидатской диссертации К. А. Бичелдея по вокализму тувинского литературного языка [1985], руководил работой С. Ф. Сегленмей по тувинскому консонантизму [1979]. Несмотря на то что работа А. Ч. Кунаа была выполнена в Ленинградском государственном университете под руководством проф. М. И. Матусевича в 1954–1957 гг., нельзя не увидеть в ней участие В. М. Наделяева, который первым начал преподавать тувинский язык в вузе, а именно на тувинском отделении Восточного факультета ЛГУ в 1947 и к 1957 г. выпустил три группы тувиноведов. В числе первых учеников В. М. Наделяева был А. Ч. Кунаа.

Впоследствии работу В. М. Наделяева продолжила его ученица И. Я. Селютина, в числе огромного количества диссертационных исследований методами экспериментальной фонетики по языкам коренных народов Сибири она руководила тувинскими работами С. В. Кечил-оол и И. Д. Дамбыра.

Таким образом, фонетическая система как литературного тувинского языка, так и отдельных его диалектов и говоров методами экспериментальной фонетики были исследованы под эгидой одной фонетической школы, что делает сопоставимыми результаты работы разных авторов, а затем на их основе позволяет проводить на типологические исследования [Селютина, Уртегешев, Рыжикова и др. 2008; Селютина, Уртегешев, Летягин А. Ю. и др. 2011; 2014].

В ряде диссертационных исследований фонетическая система диалектов и говоров тувинского языка представлена на основе слухового метода [Чадамба 1974; Доржу 2002; Серен 2006а]. В работах последних лет, где также фонетические особенности обследуемых территорий изучались слуховым методом, появились новые данные по юго-восточному диалекту [Куулар 2012] и зарубежным диалектам и говорам тувинского языка: по языку тувинцев Китая [Mawkanuli 1999], Цагаан-Нура Хубсугульского аймака Монголии [Ragagnin 2011], сумонов Цэнгэл Баян-Улэгэйского [Гансух 2009в; Баярсайхан 2009], Буянт и г. Ховд Кобдоского аймаков Монголии [Цэцэгдарь 2013].

В нашей работе мы пользуемся данными своих полевых материалов, результатами экспериментально-фонетических работ, проведенных в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН, а также данными предыдущих исследований по диалектам и говорам тувинского языка.

Рассмотрим отдельно систему согласных и гласных, их функционирование в потоке речи, выделяя основные интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров в области фонетики.

2.1. Система гласных в диалектах и говорах

Как мы говорили выше, фонетическая система отдельных диалектов и говоров стала объектом исследования с 50-х годов прошлого столетия. Первым, кто начал изучать отдельные говоры тувинского языка методами экспериментальной фонетики, был А. Ч. Кунаа. Результаты обобщены им в работе «Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка» [1958].

На основании экспериментальных данных и слухового метода А. Ч. Кунаа выявил 30 гласных фонем в тес-хемском говоре тувинского языка: 15 твердорядных – ы, ыы, у, уу, о, оо, а, аа, ы̄ы, о̄о, а̄а, ы̄ь, ӯь, о̄ь, а̄ь; 15 мягкорядных – и, ии, ү, үү, е, ээ, ө, өө, ӣи, э̄э, ө̄ө, ӣь, ү̄ь, э̄ь, ө̄ь. Из приведенного списка совершенно очевидно, что А. Ч. Кунаа назализованные долгие гласные выделил как самостоятельные фонемы [Кунаа 1958: 9]. В отличие от К. А. Бичелдея, который выделяет 8 долгих назализованных гласных, он нашел 6 долгих назализованных гласных: ы̄ы, о̄о, а̄а, ӣи, э̄э, ө̄ө. У А. Ч. Кунаа отсутствуют в их составе долгие назализованные ү̄ү, ӯу – узкие губные верхнего подъема, переднего и заднего рядов.

Авторы грамматики тувинского языка отмечают, что «в тувинском разговорном языке имеются также долгие гласные с носовым оттенком, но они представляют собой лишь говорные варианты простых гласных, хотя и выступают в качестве самостоятельных фонем в отдельных диалектах» [Исхаков, Пальмбах, 1961: 9]. Правда, не указано конкретно, в каких диалектах и говорах функционируют эти долгие назализованные гласные как отдельные фонемы.

В системе гласных А. Ч. Кунаа вывел 6 пар фонематически противопоставляемых признаков гласных:

- твердорядность // мягкорядность;
- узкость // широкость;
- огубленность // неогубленность;
- фарингализованность // нефарингализованность;

- назализованность // неназализованность;
- краткость // долгота [Кунаа 1958: 9].

Эти положения А. Ч. Кунаа подтверждаются дальнейшими экспериментально-фонетическими исследованиями вокализма тувинского литературного языка и звукового строя диалектов тувинского языка в работах К. А. Бичелдея [Бичелдей 1985, 1989, 2001a]; вокализма каа-хемского говора И. Д. Дамбыра [Дамбыра 2003, 2005].

Авторы грамматики тувинского языка в литературном тувинском языке (ЛТЯ) выделяют «три параллельных ряда соотносительных фонем:

- а) чистые гласные нормальной долготы (краткие);
- б) гласные фарингализованные;
- в) обыкновенные долгие гласные [Исхаков, Пальмбах 1961: 9].

Общепринятой считается точка зрения, в соответствии с которой система гласных в современном тувинском языке состоит из восьми кратких, восьми долгих и восьми фарингализованных – всего 24 гласных: [a], [a:], [aʔ], [ы], [ы:], [ыʔ], [o], [o:], [oʔ], [y], [y:], [yʔ], [e], [э:], [эʔ (еʔ)], [и], [и:], [иʔ], [ə], [ə:], [əʔ], [ʏ], [ʏ:], [ʏʔ]. Этой точки зрения придерживаются авторы грамматики тувинского языка [Исхаков, Пальмбах 1961: 9-41]. Ш. Ч. Сат в учебнике для вузов также придерживается данной точки зрения [Сат, Салзынмаа 1980: 58].

Рассмотрим состав гласных согласно общепринятой точке зрения.

2.1.1. Состав гласных

[a] – краткий твердоядный гласный нижнего подъема, широкий, неогубленный. В диалектах и говорах, а также в ЛТЯ встречается во всех позициях – в начале, середине и конце слова: *агаар* ‘воздух’, *ак* ‘белый’, цэнг., кит., цаг.-н. *шана* ‘лыжи, обитые мехом’, АД *чаш*, лит. *хар* ‘возраст’; *хараган* ‘карагана’; кобд. *согана* ‘лук’, лит. *согуна*.

В диалектном отношении среди кратких гласных особой характеристики требует звук [æ] как вариант фонемы [a], остальные гласные в

артикуляционном отношении в целом близки к соответствующим гласным современного тувинского литературного языка.

Аллофон [æ] зафиксирован у тувинцев Китая [Mawkanuli 1999: 41], у тувинцев Цэнгэла [Гансух 2009б: 24-25], в эрзинском говоре [Куулар 2012: 33-34], Кобдо [Цэцэгдарь 2013: 32] и Цагаан-Нура в заимствованиях из монгольского языка: [æ] вместо лит. [a]: цаг., кобд., кит. *найрмдыл* [næ:ɾmdɪl], лит. *найырал*, монг. *найрамдал* ‘война’; цаг., цэнг, кобд., кит., эрз. *дайн* [dæ:jn], лит. *дайын*, монг. *дайн* [dæ:jn] ‘война’; цэнг, кобд., кит., эрз. *хайран* [xæ:jɾan], лит. *хайыраан*, монг. *хайран* [xæ:jɾn] ‘жалко’, цэнг., кобд. *найриир* [næjri:r], лит. ‘играть в бабки’, монг. *найрах*; цэнг., кобд. *захирил* [zæhiril], монг. *захирал*, лит. *директор* ‘директор’ и т.д. А у цэнгэльских и китайских тувинцев подобное явление отмечается также в заимствованиях из казахского языка: *айтөв* [æjtöv] ‘все же’, каз. *әйтеуір*; *аптен* [æpten] ‘очень; совсем’, каз. *бәден*; *хезир* [kæzir] ‘сейчас же’, каз. *казір*.

Д. А. Монгуш считает данный аллофон влиянием ойратского языка в языке тувинцев северо-западной Монголии: «звукосочетание *ай* в некоторых словах монгольского происхождения произносится как ударный дифтонг *äi*, что является, видимо, особенностью того ойратского подговора, которым пользуется рассматриваемая группа тувинцев: *бäйдал* обстоятельство, положение’, *тäйлбыр* бьяснение, отгадка (загадка)’, *нäйр* праздник’, *нäйрлан* разднуя’» [Монгуш 1983: 134].

Т. Мавканули аллофон [æ] оценивает как отдельную фонему (широкий, переднерядный, неогубленный, краткий гласный) в заимствованиях из арабского и персидского языков [Mawkanuli 1999: 40-41], а в примерах есть слово *калæш* ‘калоша’, скорее заимствованное у русских староверов. Относительно арабизмов и заимствований из персидского можно сказать, что они пришли в язык тувинцев Китая через казахский язык, а то, что звук не освоен носителями тувинского языка как отдельная фонема, совершенно очевидно. Данный аллофон не функционирует как в собственно тувинской

лексике, так и в общетюркских словах в языке тувинцев Китая, поэтому мы аллофон [æ] считаем реализацией фонемы [a].

Сравнивая примеры, приводимые авторами, а также свой материал, мы склонны считать, что у тувинцев, контактирующих, кроме монголов ещё и с казахами, к этим же словам с аллофоном [æ] из монгольского добавляются слова, заимствованные из казахского языка. В свою очередь, казахский заимствовал эти слова из арабского и персидского языков. Таким образом, данный аллофон [æ] как реализация фонемы [a] в потоке речи в разных диалектах и говорах тувинского языка имеет разное иноязычное происхождение.

Звук [ä] или [äü] встречается перед среднеязычным сверхслабым й в неодносложных словах в таежном говоре тоджинского диалекта как реализация фонемы [a]. В потоке речи «сверхслабый й ослабляется, становится шире по артикуляции и, приспособившись к предшествующему гласному, переходит в гласный и» [Чадамба 1974: 21]. Действительно, в словах лит. *дайын* ‘война’, *айтыр* ‘показать’ сочетание *ай* в речи монголоязычных тувинцев и у тоджинцев звучит как дифтонг [æi]. Подобный звук в тофаларском В. И. Рассадин оценивает как «ложный дифтонг» и считает, что в тофаларском языке дифтонгов как особых фонем нет, а «распространены ложные дифтонги, состоящие из гласного и неслогового очень слабого <j> или <ĩ> (фактически ставшие в данном случае полугласными) [Рассадин, 1971: 31].

Таким образом, реализация фонемы [a] в виде аллофона [æ] происходит под влиянием контактирующих монгольского и казахского языков, а сочетание *ай* даёт «ложный дифтонг» [æi], что сближает тоджинский и алтайский диалекты, эрзинско-тес-хемский говор с тофаларским языком (прил. 1, карта 4).

[ы] – полуузкий твердоярдный краткий гласный верхнего подъема, неогубленный. Он встречается во всех позициях в слове, как в литературном языке, так и во всех диалектах и говорах: центр. *ырак* ‘далекий’, *ымыраа*

‘комар’, зап. *ымыраа* ‘муха’, танд. *ыргак-ымыраа* ‘комар’, кобд. *ындыйында* ‘на другой стороне’, лит. *ындында*; *савыл* ‘деревянная чашка с ручкой’; цэнг. *мыс* ‘кошка’, лит. *диис*.

Гласный [ы] сильно редуцируется в положении между сонорными согласными как в диалектах, так и в ЛТЯ. Исследователи языка тувинцев Кобдо и Цэнгэла фиксируют редукцию в заимствованиях из монгольского языка: кобд., цэнг. *найрмдыл*, монг. *найрамдал*, лит. *найырал* ‘дружба’; *амдрыл*, монг. *амьдрал*, лит. *амыдырал* ‘жизнь’ [Гансух 2009в: 26; Цэцэгдарь 2013: 5].

[о] – полуширокий твердорядный краткий гласный среднего подъема, огубленный. В отличие от других гласных тувинского языка встречается только в первом слоге слова почти во всех диалектах и говорах: *орай* ‘поздно’, *оп* ‘хитрость’, *от* ‘огонь’, *оюн* ‘игра’, *оваа* ‘1. груды, куча; 2. жертвенный курган’, *ожук* ‘тренога’. Исключение составляют зарубежные диалекты и таежный говор тоджинского диалекта.

Так, в отдельных словах, фиксируемых в таежном говоре тоджинского диалекта, в отличие литературного языка *о* употребляется в непервых слогах: *оъртолук* в м. *оъртулук* ‘остров’, *согона* в м. *согуна* (реч.), *соңгуна* (лит.) ‘лук’, *куъргойак*, *коъргойак* в м. *куъруйак* / *куьйак* ‘баба’ [Чадамба 1974: 22].

Такое же явление встречается в зарубежных диалектах: цэнг. говоре алтайского диалекта *овоо* ‘мушка’, лит. *башкы хараал* [Цэцэгдарь 2013: 6]; кит. *соңгода* ‘в последнее время’, лит. *соңгаар* [Мауқанулі 1999: 203], *чорор*, лит. *чоруур* ‘идти’ [Мауқанулі 1999: 192]. Указанные примеры в первом случае мы рассматриваем как влияние монгольского языка, а в последних случаях казахского языка. Хотя надо отметить вариативность произношения *о* в непервых слогах у носителей алтайского диалекта, что свидетельствует о неустойчивости *о* в непервых слогах.

В сложных словах, образованных при помощи слова *чок* ‘нет’, во 2-м и 3-м слогах произносится *о*. Например, в цэнг., кобд. *куржок*, лит. *кадай*, *херээжен* ‘женщина’; *кемчок*, лит. *ажырбас* ‘хорошо, ладно’; *аянчок* ‘очень, необычно’, лит. *медээжок* ‘чрезвычайно, сильно’ [Дамбаа 2005: 16-18].

В цагаан-нурском диалекте гласный *o* фиксируется также во вторых и третьих слогах сложных числительных от 30 до 90: *ушон* ‘тридцать’, лит. *үжен*, *дөртон* ‘сорок’, лит. *дөртөн*, *бешон* ‘пятьдесят’, лит. *бежен*, *алтон* ‘шестьдесят’, лит. *алдан*, *чедон* ‘семьдесят’, лит. *чеден*, *сесон* ‘восемьдесят’, лит. *сезен*, *тосон* ‘девяносто’, лит. *тозан*. В данном случае в стяженных словах второй компонент *-он* ‘десять’ сохраняет свой фонетический облик, не подчиняясь гармонии гласных. Об образовании сложных числительных будет сказано в соответствующем разделе морфологии.

[y] – узкий твердоярдный краткий гласный верхнего подъема, огубленный. Во всех диалектах и говорах встречается в любой позиции слова: центр., зап. *туужуур*, лит. *ширбиши* ‘веник’; зап., цэнг. *уну*, лит. *ынаа* ‘длинная жердь, служащая стропилом в юрте’; *унуун*, лит. *оон* ‘затем’; *тудуш*, лит. *тудуг* ‘стройка’; эрз. *куусымак*, лит. *куузумаар* ‘сероватый’.

[e] – широкий мягкорядный краткий гласный среднего подъема, неогубленный. Не имеет позиционного ограничения, встречается в любых позициях в слове как в литературном языке, так и во всех диалектах.

Данная фонема в тувинском языке, согласно его правилам орфографии, обозначается двумя графемами [Пальмбах, Арагачы 1963: 25]: в абсолютном начале слова обозначается буквой *э*: лит. *эжик* ‘дверь’, *эш* ‘товарищ’; в остальных случаях обозначается графемой *е*: *шевер* ‘аккуратный, чистый’, *селеске* ‘ящерица’. При обозначении долгих гласных пишется два *э*: *дээр* ‘небо’, цэнг. *ээрбеңге*, лит. *ээрмчик* ‘паук’.

У тувинцев Монголии в соответствии с правилами орфографии монгольского языка собственные имена пишутся с *э*: *Цэцэгдарь*, *Наранцэцэг*, *Энгтэй*, *Цэнгэл*.

[и] – узкий мягкорядный краткий гласный верхнего подъема, неогубленный. Встречается в любых позициях в слове как в ЛТЯ, так и во всех диалектах: *ирик* ‘прокисший’, тодж. *инелик* ‘игольник из рога марала’; кобд. *изиг-сиген*, лит. *изиг-оът* ‘имбирь’; цэнг. *дээдис*, лит. *дээр* ‘небо’; *шиви* ‘ёлка’.

[**ɵ**] – полуширокий мягкорядный краткий гласный среднего подъема, огубленный. Встречается только в первом слоге слова как в литературном языке, так и почти во всех диалектах и говорах: ЛТЯ, центр., зап. *ɵрге* ‘суслик’, *ɵл* ‘мокрый’, *ɵт* ‘желчь’, *ɵзер* ‘вырасти’.

Единичный пример функционирования *ɵ* в непервом слоге в таежном говоре тоджинского диалекта приведен в работе З. Б. Чадамба *ɵртɵк* (монг. *ɵртɵг*) в м. лит. *ɵртек* ‘цена’ [Чадамба 1974: 22].

Нами были зафиксированы отдельные слова с *ɵ* в непервом слоге у тувинцев Китая: *ɵтрɵк* в м. лит. *ɵдурек* ‘утка’, *ɵд=ɵр* в м. лит. *ɵьд=ер* ‘мокнуть’; *ɵрɵгɵ* в м. лит. *ɵреге* ‘войлочное покрывало дымохода юрты’.

В алтайском языке, его диалектах функционирует как палатальная, так и губная гармония: *ɵскɵн* ‘выросший’, *тɵрɵн* ‘родившийся’, *мɵкɵ* ‘силач’, *болгон* ‘был’ [Баскаков 1972: 18-19].

Думается, что последовательная губная гармония и появление *ɵ* в непервых слогах является результатом языковых контактов с алтайскими племенами и этнической ассимиляции отдельных алтайских племен в составе тувинского населения Китайского Алтая.

В речи носителей качикского подговора Е. М. Куулар выделяет звук [ɵ̞], который «характеризуется как гласный звук среднего ряда, который носит дифтонгоидный характер: начинается с более широкого элемента и заканчивается более узким. Этот звук произносится как нечто среднее между [o] и [ɵ], т. е. типа [o] с призвуком [ɵ] и на слух он воспринимается как более долгий, чем обычный краткий гласный. В данном подговоре чистого звука [ɵ] нет. Встречается он во всех без исключения позициях слова: *ɵг*, лит. *ɵг* ‘юрта’; *ɵшку*, лит. *ɵшкү* ‘коза’; *хɵл*, лит. *хөл* ‘озеро’; *чɵхɵ*, лит. *чөөгей* ‘пенка некипяченого молока’; *хɵ*, лит. *хөө* ‘сажа’» [Куулар 2012: 38].

Исследуя звуковой строй диалектов тувинского языка, К. А. Бичелдей дал артикуляторные характеристики этого звука [Бичелдей 2001: 18-21], на основании которых и характеризует данный аллофон Е. Куулар.

Не вступая с авторами в полемику относительно артикуляционной настройки гласного [ò], мы считаем, что функционирование данного аллофона ограничено позицией первого слога.

Аналогичный аллофон фиксирует в кобдоском говоре алтайского диалекта У. Цэцэгдарь, приводя следующие примеры: *өөк* ‘фартук’, лит. *өөк* ‘пуговица’; *дөргүн*, лит. *дөргүл-төрөл* ‘родственники’; *өлүген*, лит. *башкы хар* ‘первый снег’; *бөдей өг*, лит. *аныяктар өө* ‘юрта молодоженов’ [Цэцэгдарь 2013: 6]. В наших экспедиционных материалах, полученных в Цэнгэле, также был отмечен данный аллофон [ö] как реализация фонемы [ø].

[ү] – узкий мягкорядный краткий гласный среднего подъема, огубленный. Не отличается от соответствующей фонемы литературного языка. Встречается в первом-втором слогах в словах: *чүг*, лит. *чүг* ‘перо’; кобд. *үреңги*, лит. *артынчы* ‘отход’; танд. *түрген*, лит. *дүрген* ‘быстро’; тес-х. *хүреген*, лит. *күдээ* ‘зять’; центр. *бүрү* ‘лист (дерева)’.

Исследователь юго-восточного диалекта Е. М. Куулар выделяет в качикском подговоре «[ү] – гласный среднего ряда, носящий также дифтонгоидный характер. Первая его часть представлена слабо огубленным звуком [y], а вторая часть сильно огубленным [y], произносится как нечто среднее между [y] и [ү], т. е. [y] с призвуком [ү]. Данный звук выступает во всех позициях слова: *үш*, лит. *үш* ‘три’; *үңхүр*, лит. *үңгүр* ‘нора’; *чүрек*, лит. *чүрек* ‘сердце’; *күчү*, лит. *күчү* ‘мощь, мощность’. Гласный [ү] произносится также с частичной долготой: *шүр*, лит. *шүүр* ‘шумовка’, *дүн* лит. *дүүн* ‘вчера’, *бүтү*, лит. *бүдүү* ‘втихомолку, тайно’» [Куулар 2012: 38-39]. Подобное произношение мы также фиксировали во время экспедиций у коренных жителей Нарына и Качыка Эрзинского кожууна Тувы.

Аналогичная картина, по данным У. Цэцэгдарь, наблюдается в кобдоском говоре [Цэцэгдарь 2013: 6], а также по нашим материалам в цэнгэльском говоре алтайского диалекта.

Вероятно, наличие аллофона [ү] в отдельных словах в языке тувинцев Монголии и монголоязычных тувинцев Эрзина также можно объяснить влиянием монгольского языка.

Таким образом, по составу кратких гласных диалекты и говоры тувинского языка не отличаются от литературного языка, кроме случаев с аллофонами [æ], [ү], [ö], которые определяют специфику речи монголоязычных тувинцев Нарына, Качыка, Эрзинского кожууна Тувы, Цэнгэла, Кобдо Монголии и Китая от ЛТЯ, в то же время выделяя их на фоне других тувинских идиом; [ü], [ö] встречаются sporadически в составе как заимствований, так и исконной лексики. Аллофон [æ] чаще всего встречается в заимствованиях из монгольского и казахского языков, поэтому совершенно очевидно, что он контактного происхождения. А в тоджинском, алтайском диалекте и в эрзинско-тес-хемском говоре дифтонг [äi] иного происхождения – результат изменений звукового комплекса с интервокальным сверхслабым *й*. Огубленные фонемы *о*, *ө*, функционирующие далее первого слога, сближают таежный говор тоджинского диалекта, язык тувинцев Китая с киргизским и алтайским языками. Хотя надо отметить, что в тоджинском диалекте такое явление встречается гораздо реже, чем у тувинцев Китая.

Совершенно очевидный факт этнической ассимиляции алтайских родоплеменных групп, зафиксированный нами в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии и в Китае, дает основание утверждать о наличии алтайского субстрата.

2.1.2. Долгие гласные в диалектах и говорах в сравнении с ЛТЯ

Долгие гласные в своей артикуляционной характеристике не отличаются от аналогичных кратких гласных. Долгота как акустический признак для ЛТЯ и его диалектов и говоров играет смысловозначительную функцию, являясь одним из важных фонематических признаков гласных. В этом отношении тувинский язык находится в одном ряду с остальными сибирскими тюркскими языками.

Большинство тувиноведов придерживаются мнения, что в тувинском языке нет первичных долгот. Образованию долгих гласных в тувинском языке посвящена работа Ф. Г. Исхакова [1957: 33-51], подробное описание они получили также в грамматике тувинского языка [Исхаков, Пальмбах 1961: 26-41].

Ф. Г. Исхаков выделяет следующие долготы по происхождению: древнетюркские, тюрко-монгольские, а также собственные долготы тувинского языка. Он считает, что «долгие гласные тувинского языка в звуковом отношении тождественны таким же гласным, имеющимся в ряде других современных тюркских языков: алтайском, киргизском, туркменском, азербайджанском, хакасском, шорском и якутском, но в историко-этимологическом плане они имеют общие свойства, главным образом, лишь с хакасским и шорским, в значительной степени также и с алтайскими и киргизскими долготами» [Исхаков 1957: 33]. Его мысли подтверждают и другие авторы. В свете реконструкции языка-основы группы тобаских идиом значительное внимание образованию долгот в этих языках, в том числе и тувинского языка с его диалектами, уделил И. В. Кормушин [СИГТЯ 2002: 608-611]. И. Я. Селютина, исследуя происхождение долгих гласных в сибирских тюркских языках, пришла к мнению, что чаще всего они появлялись в результате выпадения интервокальных согласных (как правило, это звуки γ, j, η) и последующего стяжения гласных [Селютина 2008: 19].

Долгими гласными тувинского языка специально занималась ученица Б. И. Татаринцева О. М. Саая [2005], которая подробно исследовала появление в тувинском языке вторичных долгот, обусловленных разными причинами.

Во всех работах ученые едины: долгие гласные в тувинском языке результат стяжения гласных вследствие выпадения интервокальных сверхслабых согласных. Исследователи диалектов и говоров тувинского языка в отношении долгих гласных отмечали особенности

функционирования долгих гласных на определенной территории, о чем будет сказано ниже.

Позиционные ограничения в слове имеют долгие гласные [и:], [о:], [ө:]. Последние два гласных могут быть только в первом слоге, а долгий [и:], наоборот, реализуется в непервых слогах, кроме междометного слова *ии*, выражающего испуг, опасение (ТСТЯ I 582), и производных от него.

Как особый случай употребления долгого гласного [а:] в абсолютном начале слова вместо краткой гласной [а], определяющего специфику диалектов, следует отметить два слова.

Долгий гласный [а:] в абсолютном начале слова вместо краткой гласной [а] в слове *аайтыр* в. лит. *айтыр* 'показать, указать' встречается в бай-тайгинском говоре [Доржу 2002: 27], а также в юго-восточном диалекте [Куулар 2003: 60] как фонетическая особенность диалекта. По нашим материалам, *аайтыр* говорят на всей территории распространения западного диалекта, что является заметным показателем диалектной речи.

На это же слово как диалектный маркер указывают исследователи языка зарубежных тувинцев: *аайтыр* 'сказать, говорить' в. *айтыр*, которое имеет значение в ЛТЯ 'показать, указать', соответствует в лит. глаголу *чугаалаар* 'сказать, говорить'. То, что данное слово одновременно является и лексико-семантическим, и фонетическим диалектным словом в языке цэнгэльских и кобдоских тувинцев, показали исследователи указанных говоров [Гансух 2009в: 29; Цэцэгдарь 2013: 7], оно же было зафиксировано нами у тувинцев Китая во время этнолингвистических экспедиций 2010 и 2011 годов.

Второе слово в языке тувинцев Кобдо, где в анлауте зафиксирован долгий гласный [а:]: *ааңгыр*, лит. *аңгыр* 'турпан'. Появление долгого [а:] в начале слова в определенном количестве слов трудно считать закономерным явлением, но тем не менее слово *аайтыр* 'сказать, говорить' является одним из наиболее частотных в речи тувинцев Кобдо, Китая и Цэнгэла и потому интегрирующей их в один диалект фонетической особенностью.

Таким образом, произношение долгого [а:] в слове *аайтыр* 'сказать,

говорить' указывается нами как один из интегральных и дифференциальных признаков диалектов и говоров тувинского языка. В то же время следует признать отсутствие каких-либо объяснений у исследователей о причине появления долготы в корне данного слова.

Образование вторичных долгих гласных с назализацией в результате выпадения интервокальных согласных в диалектах впервые отметила З. Б. Чадамба, зафиксировав в тоджинском диалекте фонетический вариант *доор* вм. лит. *доңар* 'замерзать' [Чадамба 1974: 24], у тувинцев Северо-Западной Монголии отметил Д. А. Монгуш в словах: *дөөй*, лит. *дөмей*, наряду с *дүңей* (ср. алт. *түңей*) 'одинаковый, похожий'; *хураан*, лит. *хураган* 'ягненок'; *тарваан*, лит. *тарваган* 'тарбаган, сурок' [1983: 135]. В приведенных примерах долгие гласные образовались в результате выпадения *з*, *м* в интервокальной позиции. Кроме того, в кобдоском говоре обнаружено, что в некоторых основах выпадает также интервокальный согласный *ң* с последующим стяжением соседних кратких гласных в один долгий: *доор*, лит. *доңар* 'замерзать'; *сыый*, лит. *сыңый* 'мочевой пузырь'; *сиир-*, лит. *сиңир-* 'впитывать' [Цэцэгдарь 2013: 7].

Они же отмечены в тере-хольском диалекте как слова с долгими назализованными гласными [Серен 2006: 16]. Также появление долгих гласных в подобных случаях отмечается в языке тувинцев Цэнгэла [Гансук 2009б: 29].

Указанный способ образования долгих гласных характерен не только для тувинского языка, но и для других тюркских языков, поэтому появление долгот в указанных диалектных словах можно считать общетюркским явлением по происхождению.

В алтайском диалекте в слове *чумурга* [ǰSʉmurgɑ], лит. *чуурга* 'яйцо' сохранился древний фонетический облик слова [СИГТЯ. Лексика 1997: 149], а в литературном языке образовался долгий гласный в результате выпадения сонорного *м* в интервокальном положении.

Следующий особый случай удлинения гласного аффикса глагола на =ар отмечается в речи жителей Танды [Сат 1963: 76; Сарыкай 1973: 245], в речи тувинцев, проживающих в с. Усинск Ермаковского района Красноярского края [Сарыкай 1971: 275], барун-хемчикских [Мартан-оол 1977: 80], дзун-хемчикских и сут-хольских тувинцев [Сегленмей 1983: 152-153]; в бай-тайгинском говоре [Доржу 2002: 51], а также в речи тувиноязычных жителей Цэнгэла [Гансук 2009б: 31].

В ЛТЯ характерно появление долгого гласного на морфемных швах, когда основа оканчивается на гласный и следующий за ним аффикс начинается с гласного: *номчу=ур* ‘читать’, *бижи=ур* ‘писать’, *чуру=ур* ‘рисовать’. В данном случае немотивированный долгий гласный в аффиксе на =ар является яркой особенностью территориальных разновидностей тувинского языка.

Появление долгих гласных вместо кратких гласных в глагольном аффиксе -ар очень подробно описано в кобдоском говоре У. Цэцэгдарь: а) после формы понудительного залога (-т): *үүр~үр: көдүртүүр* в.м. *көдүртүр* ‘заставить поднять’, *өөртүүр* в.м. *өөртүр* ‘радовать’; *иир~ир: бүүректедиир* в.м. *бүүректедир* ‘просить кастрировать’, *күүседиир* в.м. *күүседир* ‘исполнять’; *ыыр~ыр: ойладыыр* в.м. *ойладыр* ‘гонять’, *санадыыр* в.м. *санадыр* ‘давать считать’; *уур~ур: олуртуур* в.м. *олуртур* ‘посадить’; б) после формы совместно-взаимного залога (-и): *иир~ир: хүрежиир* в.м. *хүрежир* ‘бороться’; *үүр~үр: көржүүр* в.м. *көржүр*; *ыыр~ыр: чаржсыыр* в.м. *чаржыр* ‘бегать наперегонки’, *оралдажыыр* в.м. *оралдажыр* ‘пытаться’; в) после формы страдательного залога (-л): *иир~ир: эглиир* в.м. *эглир* ‘возвращаться’; *ыы~ы: чарлыыр* в.м. *чарлыр* ‘отсекаться’; г) после формы возвратного залога (-н): *хээлениир* в.м. *хээленир* ‘наряжаться’, *хөөлениир* в.м. *хөөленир* ‘измазаться сажей’, *даараныыр* в.м. *даараныр* ‘шить’ [Цэцэгдарь 2013: 9]. Как видно из примеров, в основном долгими гласными в аффиксе =ар становятся узкие гласные – как огубленные, так и неогубленные.

И. В. Кормушин писал о времени возникновения вторичных долгот в языках тобаской группы: «Образование вторичных долгих имело место также еще в целом ряде тюркских языков восточного ареала разных классификационных подгрупп: это почти все *z*-языки – хакасский, шорский, чулымский (за исключением сарыг-югурского), *t*-языки – якутский, долганский, “центрально-восточные” *j*-языки – киргизский, алтайский» [СИГТЯ. Региональные 2002: 610]. Автор подчеркивал, что «во всех названных языках долгие гласные и, соответственно, корреляция по долготы/краткости являются развившимися в силу тех же причин, что и в тобаских диалектах, – в результате падения корневых сонантов на стыке слогов и аттракции соседних гласных» [Там же, с. 610]. И. В. Кормушин считает, что «вторичные долгие не отмечены в уйгурском и узбекском, а также в древнеуйгурском. Следовательно, в тюркской основе пратобаского (как и других региональных праязыков) образование вторичных долгих не происходило» [с. 610]. По мнению автора, «этот механизм должен был включиться после наложения тюркской основы на монгольский языковой субстрат» [с. 610]. Он считает, что все древние северные монгольские диалекты – ойратские, халха-монгольские и бурятские – «могли находиться в разного рода взаимодействиях с названными тюркскими языками, – именно в период раннего средневековья переживали аналогичный процесс образования долгих гласных из двуслогов с сонантами: $V\bar{y}V > \bar{a}, \bar{o}$ и т. д., который завершился к XIII в. А все перечисленные выше тюркские языки, в которых возникли вторичные долгие гласные, совершенно недвусмысленно и очевидно относятся к числу языков, отмеченных мощным монгольским влиянием» [СИГТЯ. Региональные 2002: 610].

Мы рассмотрели только те три случая появления долгих гласных, которые можно считать диалектными для тувинского языка. В одном из них вторичные долготы в говорах и диалектах образовались в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного, что является общетюркским явлением; в другом – в результате произношения

долгого гласного вместо краткого в глагольном аффиксе *-ap*, которое оказалось характерным явлением для целого ряда диалектов и говоров тувинского языка. И в третьем случае – произношение долгого [a:] в слове *айтыыр* ‘говорить’ и в других примерах в начале слова – является характерной особенностью и интегральной чертой, объединяющей речи тувинцев Кобдо, Цэнгэла, Китая с западным диалектом тувинского языка и эрзинских тувинцев.

Таким образом, к классификационным признакам диалектов и говоров тувинского языка следует отнести долгий узкий гласный в форме *=ap*, долгий [a:] в анлауте отдельных слов.

2.1.3. Фарингализованные гласные в диалектах и говорах тувинского языка

Фарингализованные гласные тувинского языка были объектом внимания многих ученых. Очень подробно и глубоко они проанализированы в обстоятельной работе о фарингализации в свете последних достижений экспериментально-фонетических исследований по целой серии языков народов Сибири [Селютина, Уртегешев, Рыжикова и др. 2014].

В данной части работы мы рассматриваем фарингализацию как основной дифференциальный и интегральный признак диалектов и говоров тувинского языка.

Фарингализация как интегральный и дифференциальный признак диалектов тувинского языка значится в числе главных с самого начала становления тувинской диалектологии [Пальмбах 1968: 235]. Она является также существенной особенностью вокализма литературного тувинского языка, его диалектов и говоров по сравнению с другими тюркскими языками [Кунаа 1957: 23-24].

М. Б. Мартан-оол, характеризуя фарингализацию в тувинском языке, как ареальное явление, отмечает, что «изоглоссное явление фарингализации гласных регистрируется в следующих зонах распространения: в тувинском

языке и в близкородственном ему тофаларском, в языке буянтских и цэнгэльских тувинцев, населяющих Кобдоский и Баян-Улэгэйский аймаки северо-западной Монголии, а также в уйгуро-урянхайском» [Мартан-оол 1986: 37]. Надо сказать, что под языком буянтских тувинцев автор имеет в виду тувинцев Кобдо, которые живут разрозненно на территории сумона Буянт и города Ховд Кобдоского аймака Монголии. Наши полевые материалы показывают, что в этом плане язык уйгур-урянхайцев требует отдельного внимания. И если все-таки учесть разный характер фарингализации в тувинском и тофаларском языке, спорадическое его проявление у алтайских тувинцев, то следует вернуться к данному вопросу с точки зрения распространения фарингализации разного характера, обусловленных разными причинами.

В тувинском литературном языке фарингализованные гласные произносятся также в заимствованиях из русского языка [Бичелдей 1999: 74; Дамбыра 2005: 48-63], но правописание, которое предполагает сохранение написания основы как в языке-оригинале, не отражает данного явления в текстах. Со списком слов с фарингализованными гласными можно познакомиться в специальной работе К. А. Бичелдея, где рассматриваются вопросы происхождения, артикуляции и акустики, функционирования фарингализации в тувинском языке [Бичелдей 2001].

Кроме тувинского языка фарингализованные гласные как отдельные фонемы В. И. Рассадин выделил в тофаларском, отмечая иной характер фарингализации, чем в тувинском [Рассадин 1971: 20-21]. Он же выделил в сойотском языке 10 фарингализованных гласных с характеристикой, близкой к тофаларскому [Рассадин 2012: 6]. Методами экспериментальной фонетики С. Б. Сарбашевой убедительно доказано, что релевантность наличия / отсутствия признака фарингализации как сопутствующего конститутивно-дифференциальным признакам краткости / долготы в туба-диалекте алтайского языка является спецификой тувинского вокализма [Сарбашева 2004: 81, 209].

Принимая во внимание данные по зарубежным диалектам тувинского языка, мы увидели противоречивую характеристику тувинской речи кёкмончаков Китая в небольшой статье Э. Р. Тенишева «Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна». Автор отмечает, что «в языке кёкмунчаков в отличие от литературного языка и диалектов отсутствует ряд фарингализованных гласных» [Тенишев 2006: 186]. Прямо противоположное утверждение имеется в работе Т. Мавканули [Mawkanuli 1999: 43]. Надо отметить, что и Н. Ф. Катанов, находясь в Туве достаточно длительное время, все же не смог услышать такую особенность тувинского языка. Безусловно, не носителям языка трудно уловить его специфику в полевых условиях в период кратковременного пребывания и без хороших переводчиков.

Нами отмечены следующие моменты функционирования фарингализации гласных в речи носителей АД:

1) фарингализованные гласные в основном произносятся и употребляются, как и в других говорах и диалектах, соответственно норме тувинского литературного языка: *чуъртувус* ‘наша родина’, *киъши* ‘человек’, *суг баъжы* ‘исток, родник’, *аъдам* ‘мой отец’, *көъвейтеп чыъдыр бис* ‘нас становится больше’, *аърга*, лит. *аърга* ‘горный лес’; *буъдук*, лит. *буъдук* ‘сук, ветка’; *кыъзар*, лит. *кыъзар* ‘жать, сжимать’; *дуъдук*, лит. *дуъдук* ‘плесень’.

2) Явление фарингализации гласных распространяется также на заимствованные слова из монгольского языка: *баъгшы*, монг. *багш* ‘учитель’, *доъпчу*, монг. *товч* ‘пуговица’, *оъкун*, монг. *охин* ‘девочка’; из казахского языка: *даъртпа*, каз. *тартпа* ‘серп’, *соъгум*, каз. *согым* ‘скот, предназначенный на (зимний) убой’.

3) В составе собственно диалектных слов у тувинцев Монголии также имеются фарингализованные гласные: *аъзыл улус*, лит. *узун назылыг улус* ‘долгожители’; *баъшкырай*, лит. *маас* ‘овод’; *доъңулак*, лит. *төгерик* ‘круглый’; *дуъңге*, лит. *терезин* ‘ковыль, чий’; *каълбы*, лит. *бүрү* ‘лист древесный’; *каълга*, соотв. лит. *чаак* ‘щека’; *моъңулак*, соотв. лит. *борбак* ‘круглый’; *мыържак*, лит. *чочак-тараа* ‘горох’; *таърчы*, лит. *сувай кыс*

тарбаган ‘сурчиха без детенышей’; *чигир-бояа*, лит. *чигир-сиген* ‘солодка’; *эъже*, лит. *кырган-ача* ‘дедушка’; *чыъвыт*, лит. *кашпал* ‘скрытый крутой поворот в ущелье’; *эънчи*, лит. *келинниң ада-иезинден алып эт-хөреңгизи* ‘приданое’.

4) Во время экспедиций по сбору диалектного материала мы заметили более краткое произношение фарингализованных гласных в односложных словах: *ат* [aʰt], лит. *аът* ‘лошадь’; *эт* [eʰt], лит. *эът* ‘мясо’; *от* [oʰt], лит. *оът* ‘огонь’; *дош* [doʰʃ], лит. *доъш* ‘лёд’; *каш* [kaʰʃ], лит. *каъш* ‘сколько’; *кеш* [keʰʃ], лит. *кеъш* ‘шкура, кожа’ у более молодых информантов из Китая, иногда даже отсутствие фарингализованного гласного.

Аналогичное явление замечено в речи тувинцев Цэнгэла [Гансук 2009: 32] и у жителей Эрзина [Куулар 2012: 94]. Надо также отметить, что в речи пожилых информантов, которые родились в Көк-Догае Китая, фарингализованные гласные не отличаются в своем произношении от литературного языка. Возможно, причина кроется в том, что речь молодых представителей подверглась более сильному влиянию монгольских языков, в которых фарингализация отсутствует.

Кроме того, в ЛТЯ позиции фарингализованных гласных в односложных словах при присоединении к ним аффиксов ослабевают.

5) Произношение краткого гласного вместо фарингализованного в слове *ујт* вм. лит. *ыт* [ыʰт] ‘собака’ нами отмечено у отдельных жителей Цэнгэла. Думается, что здесь имеет место сохранение древней формы [СИГТЯ. Лексика, 1997: 188] у этнических алтайцев, ассимилированных в составе близкородственного народа – тувинцев.

6) Спорадическое проявление фарингализации, его отсутствие в односложных общетюркских словах *ат* ‘лошадь’, *эт* ‘мясо’, но сохранение в двусложных словах *чеъдер* ‘дойти’, *баъдар* ‘спускаться’ наблюдается в речи тувинцев Китая. Беседуя с информантами, мы заметили, что многие из них в разговоре с нами начинали произносить фарингализованные гласные в словах *аът* ‘лошадь’, *эът* ‘мясо’, *кыъш* ‘зима’. Мы предположили, что такое

проявление фарингализации в языке тувинцев Китая – явление инновационное, вызванное влиянием казахского языка, потому что носители «отпочковавшегося» кобдоского говора, бывшие китайские тувинцы, бежавшие в Монголию в 1930–1940-х гг., сохраняют фарингализацию до сих пор в неизменном виде.

Таким образом, спорадический характер фарингализации в цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта тувинского языка обусловлен двумя факторами: влиянием близкородственного казахского языка, а также наличием в составе тувинцев Монголии и Китая этнических групп алтайцев, ассимилированных тувинскими племенами и полностью перешедших на тувинский язык.

Неоднородным функционированием фарингализованных гласных характеризуется и цагаан-нурский диалект, хотя в работе Э. Рагагнин он в этом отношении выглядит более однородным [Ragagnin, 2012]. Наши материалы, собранные в 2010–2014 гг., свидетельствуют, что в нём есть фарингализованные гласные, которые отмечаются в основном у выходцев из Тоджи, а у бывших коренных жителей Тере-Холя эти гласные отсутствуют. Например, жители Западной тайги в основном говорят *киши* ‘человек’, а жители Восточной тайги это же слово произносят с фарингализованным гласным на первом слоге – *киъйи*. Такое же разное произношение слов *тыва* [tuxa], [dy^hva], *Тожу* [t^hodju], [todju]. Нам посчастливилось встречаться с представителями старшего поколения выходцев из разных мест Тоджинского района (представителями речного и таежного говоров тоджинского диалекта), которые сохраняли исконное произношение. Этому, безусловно, способствовал изолированный кочевой образ жизни таежных оленеводов, позволявший сохранить материнский диалект. Но в последние годы по различным обстоятельствам (переход на оседлость части оленеводов и их детей, смешанные браки, обучение в школе на монгольском языке, расширение возможностей коммуникации между группами и др.) эти

различия стали стираться, причем в пользу более краткого произношения фарингализованных гласных.

Итак, наличие фарингализованных гласных в фонетической системе диалектов и говоров тувинского языка является основным интегральным признаком, объединяющим под названием *тыва дыл* «тувинский язык» как язык тувинцев, проживающих в Республике Тыва, так и малочисленных этнических групп тувинцев, проживающих в Монголии и Китае. Фарингализация гласных в заимствованиях как из русского, так и монгольского языков, представляет данное явление как живое и продуктивное и в диалектах, и в тувинском литературном языке.

В то же время отсутствие фарингализации является дифференциальным признаком только для тере-хольского диалекта. Спорадическое её проявление в односложных общетюркских словах у тувинцев Китая и Цэнгэла Монголии является дифференциальным признаком, отличающим их от других диалектов и говоров. Оно оценивается нами как инновационное явление, возникшее под влиянием казахского и алтайского языков. Как показали наши последние полевые исследования, фарингализация отсутствует в односложных тюркских словах в речи у тех тувинцев Цэнгэла и Китая, которые генетически принадлежат алтайской родоплеменной группе *делег*. Различение и неразличение фарингализации в родной речи у разных жителей Цагаан-Нура – явление, сохранившееся от тере-хольского и тоджинского диалектов, от которого отделились и образовали одно территориальное объединение носители нового цагаан-нурского диалекта. Более краткое произношение фарингализованных гласных в кобдоском и эрзинско-качикском диалектах – возможное влияние монгольского языка.

Можно заключить, что различение или неразличение фарингализации, а также варианты её функционирования (названные нами в данной работе спорадические проявления фарингализации) – основной классифицирующий признак диалектов и говоров тувинского языка.

2.1.4. О долгих назализованных гласных

Существование долгих назализованных гласных в тувинском языке в свое время выявил А. Ч. Кунаа [Кунаа 1958]. Методами экспериментальной фонетики он выделил 6 долгих назализованных гласных в тес-хемском говоре: [ы́:], [о́:], [а́:], [и́:], [э́:], [ө́:]. У А. Ч. Кунаа отсутствуют в их составе долгие назализованные узкие огубленные верхнего подъема, переднего ряда [ү́:] и заднего ряда [у́:].

О наличии долгих назализованных гласных в тоджинском диалекте писала З. Б. Чадамба: «В незначительном числе слов тоджинского диалекта, как и общенародного тувинского языка в целом, встречаются назализованные варианты долгих гласных, представляющие собой обычно результат слияния гласных после выпадения сверхслабых *м, н, ц, й*. Примеры: тув. *чаа* ‘новый’, ср. алт. *дьаңы*, кирг. *жаңы*, башк. *яңы*; тув. *сөөк* ‘кость’, ср. каз. *сүйөк*, азерб. *сүмүк*; тув. *сиир* ‘сухожилие’, ср. кирг. *сиңир*, башк. *һеңер*.

В тоджинском диалекте в некоторых словах выступают более древние назализованные варианты кратких или долгих гласных [а́] ‘сарана’, хо́и ‘овца’, *да́арта* (< *даң эрте*)¹ ‘завтра’], где в литературном языке встречаются чистые гласные ¹*даң* ‘заря, рассвет’; *эрте* ‘рано’. Под влиянием регрессивной ассимиляции представители таёжного говора иногда произносят это слово как *на́ирта*» [Чадамба 1974: 19].

К. А. Бичелдей выделяет в ЛТЯ 8 кратких, 8 долгих, 8 долгих назализованных и 8 фарингализованных фонем: [а], [а:], [а:], [аъ]; [ы], [ы:], [ы:], [ыъ]; [о], [о:], [о:], [оъ]; [у], [у:], [у:], [уъ]; [е], [э:], [э:], [эъ]; [и], [и:], [и:], [иъ]; [ө], [ө:], [ө:], [өъ]; [ү], [ү:], [ү:], [үъ] [Бичелдей 1985: 17].

Свою точку зрения К. А. Бичелдей обосновывает рядами квазиомонимов: [χа́áj] ‘нос’ – [χаа́j]= форма деепричастия от глагола *хаар*= ‘закрывать’; [χо́ör] ‘отколупать’ – [χоор] ‘приглашать шамана’; [ħj̥i:r]= ‘крошить’ – [ħju:r]= ‘мыть’; [sã:t] ‘сера’, [ǰr] ‘вор’, [i:r] ‘ступка’, [ɬ] ‘излучина’, [χы́ыргы́ы] ‘камыш’, [sĩ:r] ‘сухожилие’, [ө́k] ‘пуговица’, [ɬ] ‘запасы провианта’ и др. При этом назализация делится им на две

группы:

обусловленная наличием соседствующих носовых согласных и необусловленная, которая не может рассматриваться как следствие выпадения сверхслабых носовых согласных *м, н, ң*, а также заднеязычного сверхслабого *з*, и образования вторичных долгот. Всего автором выявлено более ста слов с необусловленными назализованными гласными [Бичелдей 1979: 32-34]. Надо сказать, что мы не смогли познакомиться с полным списком данных слов в публикациях.

П. Серен выделяет ряд слов с краткими и долгими назализованными гласными, отмечая позиционную обусловленность кратких назализованных, а также фонематичность долгих назализованных в тере-хольском диалекте. Автор пишет: «Назализованные долгие гласные в абсолютном большинстве случаев встречаются в односложных, реже в двухсложных основах.

В односложных основах они употребляются в следующих типах слогов:

1. Г:С, например, *ээр* ‘крутить’, *аар* ‘тяжелый’, *оот* ‘вор’, *өөк* ‘пуговица’, *ыыт* ‘голос’;

2. СГ:, например, *хөө* ‘сажа’, *чаа* ‘новый’;

3. СГ:С, например, *чаак* ‘щека’, *хаак* ‘лыжи’, *чиик* ‘легкий’, *сөөк* ‘кость’, *тээк* ‘запонки’, *хаай* ‘нос’, *хоор* ‘каурый’. Из всех приведенных примеров видно, что в начале слов употребляются глухие согласные.

В двухсложных основах они употребляются в первых слогах:

Г:С, например, *оорха* ‘спина’, *ээрхиини* ‘веретено’, *аарыг* ‘болезнь’.

СГ:С, например, *тоона* – *тогана* ‘большой обруч наверху юрты для закрепления жердей’, *хоор* – *кас* ‘название одного из видов уток’, *тоормууш* ‘название птицы’, *таарта* ‘завтра’, *хоорай* ‘город’, *хөөрүк* ‘бурундук’, *мөөхү* ‘гриб’» [Серен 2006: 20-24].

По мнению П. Серен, «для тувинской зоны центром, из которого распространилось инновационное явление фонологической назализации, является тере-хольский диалект, где явление назализации наиболее развито и фонологизировано» [Серен 2006: 24].

Исследуя юго-восточный диалект тувинского языка, Е. М. Куулар называет основным характеризующим признаком *качикско-терехольского говора* «фонематический характер долгих назализованных гласных в некоторых квазиомонимах в речи терехольцев; отсутствие или факультативное произношение долгих назализованных гласных в речи жителей Нарына и Качыка» [Куулар 2012: 76-77]. Эти слова противоречат предыдущему ее утверждению «Наши данные свидетельствуют о следующем: а) произношению представителей тесхемского (жители сумонов О-Шынаа и Ү-Шынаа) и эрзинского (акэрикцы Тес-Хемского района) говоров присуща гнусавость, которая придает речи носовой оттенок. Создается такое впечатление, что при произнесении звуков струя воздуха выходит как бы через носовую полость; б) в эрзинском и *качикско-терехольском говорах отсутствуют долгие назализованные гласные* (выделено нами. – М. Б-С.). Сами носители диалекта не улавливают разницу между чистыми долгими и назализованными долгими гласными: по их мнению, они произносят и слышат один и тот же чистый гласный звук. Наличие или отсутствие назализации никакой существенной роли не играет, т. е. не изменяет лексическое значение слова. В общем, в юго-восточной части Тувы назализованные гласные, за исключением отдельных пар квазиомонимов, зафиксированных в работах наших предшественников, нефонематичны, и их назализация является всего лишь оттенковым признаком» [Куулар 2012: 23].

В настоящее время носители тувинского языка практически не улавливают на слух или не произносят носовой оттенок в указанных квазиомонимах, объясняя этот оттенок индивидуальными особенностями конкретных носителей тувинского языка. Данное утверждение основано на результатах тестов, проведенных среди студентов филологического факультета, обучающихся на специальностях «Родной язык и литература», «Родной язык и литература; иностранный язык», «Филология (русская)». Все они представители коренной титульной нации – тувинцы. Испытуемые

безошибочно на слух определяли краткие, долгие, фарингализованные гласные; слышали, но затруднялись произносить фарингализованные гласные выходцы из Тере-Холя. Абсолютное большинство (до 95 %) не различали на слух и не произносили назализованные гласные.

Поэтому в настоящее время трудно однозначно утверждать, что долгие назализованные гласные имеют фонемный статус, так как современные носители тувинского языка уже не улавливают смыслоразличительную функцию этих гласных в квазиомонимах. А носовой оттенок гласных в потоке речи в определенных позициях улавливается как у кратких, так и у долгих гласных в ЛТЯ и во всех диалектах и говорах.

В наших полевых исследованиях также фиксируется некоторая гнусавость речи отдельных пожилых носителей таежного говора тоджинского и цагаан-нурского диалектов в словах с начальным *й*, которому соответствует в ЛТЯ *ч*: *йаңгыс* ~ *чаңгыс*, *йоҕ* ~ *чок*, *йеҕи* ~ *чеди*. Мы не смогли получить такую же четкую картину, как с фарингализованными гласными, у жителей Тере-Холя в отношении необусловленных назализованных гласных. А позиционно обусловленные носовые гласные присутствуют спорадически почти по всей Туве, что наталкивает на мысль также об индивидуальных особенностях речи носителей тувинского языка.

Таким образом, видно, что позиции исследователей тувинского языка относительно фонемного статуса долгих назализованных в литературном языке и диалектах не совпадают. Они противоречивы даже у одного и того же исследователя. Возможно, до поры становления норм литературного языка явление назализации встречалось чаще, о чем свидетельствует наличие специальной буквы для назализованного *j* в первом тувинском алфавите, который был аннулирован через 23 года [Сат 1973: 38]. Это свидетельствует в пользу версии об угасании данного фонетического явления в современных диалектах и говорах тувинского языка. Возможно, что здесь также сказывается нивелирующее влияние литературного языка.

Особенности гласных представлены в табл. 1 и на карте 5 (прил. 1).

Особенности гласных в диалектах и говорах тувинского языка

ЛТЯ	Внутренние диалекты					Зарубежные диалекты	
	Центральный	Тоджинский	Тере-Хольский	Западный	Цаган-Нурский	Алтайский	
Наличие фарингализованных гласных	Наличие фарингализованных гласных	Наличие фарингализованных гласных	*Отсутствие фарингализованных гласных	Наличие фарингализованных гласных	Спорадическое проявление фарингализации	Спорадическое проявление фарингализации	
Отсутствие дифтонга [äi].	Отсутствие дифтонга [äi]	Наличие дифтонга [äi] <i>чешн, хейн-дырар</i>	Отсутствие дифтонга [äi]	Отсутствие дифтонга [äi]	Наличие дифтонга [äi] <i>чешн, хейн-дырар</i>	Наличие дифтонга [äi]	
Отсутствие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов	Наличие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов в эрзинском говоре	Отсутствие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов	Отсутствие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов	Отсутствие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов	Наличие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов [ængi] <i>энги</i> класс	Наличие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в монголизмах и в казахских заимствованиях	
Отсутствие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	Наличие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте эрзинского говора <i>еэ [öy] юрта</i>	Отсутствие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	Отсутствие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	Отсутствие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	Наличие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	Наличие среднего аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте	
Отсутствие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Наличие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Отсутствие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Отсутствие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Отсутствие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Наличие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	Наличие среднего аллофона [ü] как реализации фонемы [y] : <i>ymi</i> [ü]	

ЛТЯ	Внутренние диалекты					Зарубежные диалекты	
	Центральный	Тоджинский	Тере-Хольский	Западный	Цагаан-Нурский	Алтайский	
Краткие узкие гласные в вариантах аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	Долготы в вариантах с узкими гласными аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться в суг-хольско-дзун-хемч., кара-хол. говоре	Краткие узкие гласные в вариантах аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	Краткие узкие гласные в вариантах аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	Краткие узкие гласные в вариантах аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	Краткие узкие гласные в вариантах аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	Долготы в вариантах с узкими гласными аффикса глагола на =ar после залоговых основ, оканчивающихся на согласный чыг=л=ыр' собираться	
Отсутствие необусловленных долгот в анлауте	Отсутствие необусловленных долгот в анлауте	Отсутствие необусловленных долгот в анлауте	Отсутствие необусловленных долгот в анлауте	Наличие необусловленных долгот в анлауте: ай-тыр 'показывать, сказать'	Нет сведений	Наличие необусловленных долгот в анлауте: ай-тыр 'показывать, сказать'	

* Отсутствие фарингализации замещается наличием сильных придыхательных согласных, перед которыми после ослабления согласных и формируются фарингализованные гласные.

2.2. Фонетические явления

Соответствия звуков между краткими и долгими, широкими и узкими, огубленными и неогубленными гласными отмечаются во всех диалектах и говорах тувинского языка, а также во всех позициях в слове: анлауте, инлауте и ауслауте. Причем эти соответствия трудно показать в общих списках. Исследователи диалектов тувинского языка отмечают, что соответствия выступают в самых разнообразных фонетических условиях и потому не поддаются определенной фонетической характеристике [Чадамба 1974: 27; Сат 1987: 34]. Рассмотрим соответствия в области гласных.

2.2.1. Соответствия в области гласных

1. Соответствия огубленных и неогубленных гласных.

Соответствия *ы~у* или *у~ы* – довольно известные явления, отмеченные во всех диалектах тувинского языка, поэтому их можно считать общедиалектными. Они зафиксированы в юго-восточной Туве [Сарыкай 1973: 243] и в центральном и западном [Сат 1987: 31, 41, 52] диалектах тувинского языка:

а) неогубленный краткий **ы** соответствует в лит. *у*: *бурын* в.м. *бурун* ‘перед’, *буурыл* в.м. *буурул* ‘седой’, *колын* в.м. *колун* ‘подпруга’. Иногда узкие гласные второго слога редуцируются;

б) в то же время огубленный краткий **у** соответствует неогубленному **ы**: *будаа* в.м. *быдаа* ‘суп’. И наоборот, в улуг-хемском говоре центрального диалекта неогубленный краткий **ы** соответствует огубленному **у**: *дымаа* в.м. *дума* ‘сопли’, *дыңма* в.м. *дуңма* ‘младший брат или сестра по возрасту’.

Таким образом, в диалектах и говорах фиксируются разнонаправленные фонетические соответствия у узких гласных.

Такие же соответствия *и~ү* или *ү~и* отмечены в речи жителей Кара-Холя: *чивидер* в.м. *чүгүдер* ‘замешивать тесто’, *шүвегей* в.м. *шивегей* ‘шило’.

в) Соответствие огубленного *o* неогубленному *ы* в первом слоге единичных слов: кобд. *шойлашкын* вм. *шыйлашкын* ‘дождевой червь’.

г) Соответствие огубленного *y* и неогубленного *a*: кобд. *сулу* вм. *сула* ‘овес’, тодж. *согана* вм. *согуна* ‘лук’, кобд. *бурга* вм. *мургу* ‘большой сурок’.

2. Соответствие узких и широких кратких гласных.

а) в непервых слогах некоторых слов *ы* соответствует *a*, например: кит. *быдыраар* вм. *быдараар* ‘разбредаться, раствориться в другой среде’, танд. *хаяапчы* вм. *хаяапча* ‘длинная полоса из войлока (закрывающая нижнюю часть решётки юрты)’, цэнг. *соңкы* вм. *соңга* ‘окно’.

Соответствие *ы~a* в инициали отмечено также у жителей Бии-Хемского [Сарыкай 1968: 298], Улуг-Хемского [Хертек 1970: 226], Дзун-Хемчикского [Сегленмей 1983: 150] районов, принадлежащих разным говорам центрального диалекта, и в тоджинском диалекте [Чадамба 1974: 30].

И. В. Кормушин отмечает, что «в небольшом числе тобаских слов *ы* в первом корневом слоге соответствует общетюркскому *a*. Аналогичное изменение наблюдается в якутском, хотя в нем только некоторые слова представлены с *ы*. Например: тув. *čylya-*, тоф. *čylqa-* ‘лизать’ – общетюрк. *jaɣla-*, ср. як. *sala-* [СИГТЯ 2002а: 605]».

Это свидетельствует о том, что соответствие *ы~a* свойственно не только диалектам современного тувинского языка, но присутствует и на межъязыковом уровне (между древними и современными языками);

б) более последовательное соответствие узкого *и* и широкого *э* в словах, заимствованных из монгольского языка, отмечается в языке тувинцев Монголии: *эрдим*, монг. *эрдэм* ‘наука’; *эмиктэ*, монг. *эмэгтэй* ‘женщина’; *белик*, монг. *бэлэг* ‘подарок’; *мергин*, монг. *мэргэн* ‘мудрый’ [Гансух 2009б: 36]. На территории Тувы данное соответствие в анлауте отмечается повсеместно в нескольких словах: *ики* вм. *эки*, *ижик* вм. *эжик*;

в) соответствие узкого *y* широкому *ø*: *дүмбүң* вм. *дәмбүң* ‘бидончик’.

3. Соответствие узких и широких долгих гласных.

а) соответствие **ыы, уу ~ аа** в непервых слогах основ прилагательных: *калчыы* в м. *калчаа* ‘сумасшедший’, *чаьлгыы* в м. *чалгаа* ‘ленивый’. Такое явление наблюдается также в глагольных формах – чаще всего в случаях прогрессивной ассимиляции и выпадения интервокального *г*: *бижииш* (<бижи+гииш > бижи=геиш) в м. ‘написав’, *кырыыш* (<кыры+гыш > кыры=гаиш) в м. *кырааиш* ‘состарившись’, *солуун* (<солу+гун>солу=ган) в м. *солаан* ‘поменял’, *номчууш* (<номчу+гуш>номчу=гаиш) в м. *номчааш* ‘прочитав’.

По наблюдениям Х. Гансух, эта черта не обнаружена в других диалектах тувинского языка, исключая речь тувинцев Цэнгэла [Гансух 2009в: 36];

б) соответствие **уу ~ оо**: центр. *шуудай* в м. *шоодай* ‘мешок’; кобд. *хуули* в м. *хоойлу* ‘закон’; *хуучу* в м. *хоочу* ‘хроническая болезнь’;

в) соответствие **үү ~ өө**: кобд., кит. *туүхү* в м. *төөгү* ‘история’; *чүүн* в м. *чөөн* ‘восточный’. Подобное соответствие обнаружено в шорском языке [Дыренкова 1941: 36] и в сагайском диалекте хакасского языка [СИГТЯ 2002: 484].

В диалектизмах двух последних пунктов (б, в) долгие гласные в основах – узкого ряда, в то время как в литературном языке – широкого, так как в тувинских основах с долгими широкими долготами образовалась самостоятельно из долготных комплексов VCV [Саая 2005: 36]. Основы с долгими гласными в речи тувинцев Кобдо, видимо, заимствованы непосредственно из современных монгольских языков.

4. Соответствие долгих и кратких гласных.

а) некоторые монголизмы в речи тувинцев Монголии отличаются наличием долгих гласных вместо сохранившихся долготных комплексов, как в старописьменном монгольском языке: кобд. *кишүүн*, совр. монг. *гишүүн* в м. лит. *кежигун* ‘член’, стп.-монг. *гэшигун*; кобд. *кадаат*, совр. монг. *гадаад*, в м. лит. *кадагааты*, стп.-монг. *гадагату* ‘иностранец’; кобд. *шүүмчүлил*, совр. монг. *шүүмжлэл*, в м. лит. *шүгүмчүлел*, стп.-монг. *шигүмчилэл* ‘критика’ [Гансух 2009: 38; Цэцэгдарь 2013: 8].

Б. И. Татаринцев, исходя из их тематической группы, считает литературные формы поздними заимствованиями из текстов, написанных на старописьменном монгольском [1976: 72];

б) соответствие долгих и кратких гласных: 1) у имен существительных в разных позициях: кара-х. *агыынак* вм. *аганак* ‘белая куропатка’, кобд., цэнг. *ааджа* вм. *ача* ‘папа’, улуг-х. *инээлик* вм. *инелик* ‘стрекоза’, цэнг. *карган* вм. *каарган* ‘ворона’, кара-х. *делдиген* вм. *дээлдиген* ‘коршун’, кобд. *даайлымбуу* вм. *даалымба* ‘далемба’; кара-х. *ааңгыр* вм. *аңгыр* ‘турпан’; 2) у глаголов: а) в основе: зап., кобд., цэнг., кит. *аайтыр* вм. *айтыр* ‘указывать’; долгие гласные появляются на стыке морфем; б) повсеместно наблюдается долгий гласный аффикса отрицательной формы глагола, если к нему присоединяется другой формант: *чор=баа=зы=ң=за* вм. *чор=ба=зы=ң=за* ‘если ты не пойдешь’, *шокарла=ваа=ды=ң* вм. *шокарла=ва=ды=ң* ‘ты не украшал (резьбой)’. Можно полагать, что первый широкий гласный, удлиняясь, повлиял на образование долгого гласного из комплекса с неоднородными гласными [Саая 2005: 21]; в) аффикс глагола на =*ар* произносится с долгим гласным: *аайт=ыыр* вм. *айт=ыр* ‘говорить’, *хоочыла=ж=ыыр* вм. *хоочула=ж=ыр* ‘бороться’, *туът=ч=уур* вм. *туът=ч=ур* ‘помогать держать’.

Данное явление является общедиалектным, оно встречается в большинстве говоров и диалектов [Хертек 1968: 306; Кунаа 1973: 252; Сарыкай 1973: 242; Арагачы 1964: 327; Чадамба 1974; Сат 1987: 31, 49, 69; 32; Гансух 2009б: 5; Цэцэгдарь 2013];

в) в речи кобдинских тувинцев отмечены диалектные слова с долготными комплексами, соответствующими долгим гласным тувинского литературного языка: кобд. $VmV \sim$ лит. V : *тамыкы* вм. *таакны* ‘табак’, *чумурга* вм. *чуурга* ‘яйцо’, *самырар* вм. *саарар* ‘студить, остуживать, помешивая, переливая’; кобд. $V\gamma V \sim$ лит. V : *хугыцаа* вм. *хуусаа* ‘срок’. Кроме того, зафиксирован пример с сохранением комплекса VCV , соответствующего литературному краткому гласному: кобд. *сагылдырык* вм.

салдырык ‘петля в нижнем конце жерди, служащей стропилом в юрте’ [Цэцэгдарь 2013: 13-14];

г) в единственном случае в речи тувинцев Цэнгэла отмечено следующее фонетическое явление с выпадением согласных рядом с гласными: у глагола *бо=п* в. *бооп* <*бол=уп* ‘совершаясь, делаясь’, произошла замена долгого гласного кратким на стыке морфем корня и деепричастного аффикса [Гансук 2009: 13-14].

Таким образом, соответствия гласных встречаются в любых позициях слова, а также на стыках морфем. Они разнонаправлены даже в пределах одного говора или диалекта, поэтому в них трудно найти закономерную последовательность, хотя и отмечается последовательное сужение гласных у тувинцев Монголии, что может быть отнесено к дифференциальным признакам АД.

2.2.2. Вставка гласных

Все исследователи диалектов и говоров, а также фонетисты вставку гласных последовательно отслеживают только в заимствованиях из русского языка.

Протеза отмечается в случаях, когда слово начинается с нехарактерных для тувинского языка стечений групп согласных типа *ст, зд, шк* и т.д.: *ышкоола* ‘школа’, *ыстоол* ‘стол’, *ыздыр* ‘здоровый’, т. е. появляется узкий редуцированный гласный перед стечением групп согласных. У тувинцев Монголии появляются широкие гласные *остоол* в. *стол* перед нехарактерным для анлаута согласным *р*: *араажан* в. *радио*.

Явление *эпитезы* – вставки редуцированных гласных в середине слова между стечением групп согласных, опять же нехарактерных для тувинского языка, – встречается в основном в русских заимствованиях. Так, в речи тувинцев Монголии: *чаатыр* в. *театр*, *бирзээнт* в. *брезент*, *бергаат* в. *бригада*, *дириил* в. *дрель*.

Эпентеза также характерна для русских заимствований: *студенти* вм. *студент*, *цирки* вм. *цирк*, *та:ңкы* вм. *танк*.

Причина возникновения подобных фонетических явлений, как мы уже сказали, – нехарактерное стечение групп согласных в начале, середине или конце слова. Те билингвы, которые освоили русский язык на достаточно высоком уровне, безусловно, произносят эти слова в соответствии с нормами русского языка. Но при наращивании аффиксов с начальным согласным появляются соответствующие вставочные согласные:

документ + лиг > документ-и-лиг;

дефект + лиг > дефект-и-лиг;

фундамент + лиг > фундамент-и-лиг;

банк + лыг = банк-ы-лыг;

киоск + луг > киоск-у-луг.

Вставные гласные подвергаются редукции между согласными, поэтому в устной речи достаточно часто можно услышать алломорфы, не гармонирующие с последним гласным основы: *киоск + у + ну > киоскуну* – на письме, где последний гласный основы *о* требует твердый огубленный вставной гласный *у*, соответственно присоединяется вариант аффикса винительного падежа с огубленным твердым гласным =*ну*. В устной речи – *киоск-ы-ны* [кио:скѣның] твердый огубленный вставной гласный *у* подвергается редукции, поэтому присоединяется вариант аффикса винительного падежа с неогубленным твердым гласным =*ны*, а ударный гласный оригинала в тувинской речи звучит как долгий гласный. Вышесказанное относится в полной мере к ЛТЯ, а в устной речи диалектов и говоров фиксируется достаточно пестрая картина, поэтому можно говорить о ещё не устоявшихся фонетических процессах.

2.2.3. Редукция и выпадение гласных

Выпадение гласных встречается в речи жителей тес-хемского [Арагачы 1964: 327], тандинского [Сарыкай 1973: 243], каа-хемского [Чадамба 1973:

232], бай-тайгинского [Доржу 2002 37] кожуунов и в юго-восточном диалекте [Куулар 2012: 64] тувинского языка. Например: *бөр* вм. лит. *бөрү* ‘волк’, *добм* вм. *домбу* ‘чайник’, *шур* вм. *шуру* ‘коралл’, *шү* вм. *шүве* ‘ладно’, *шал* вм. *шала* ‘пол’ (монг. *шал*), *шар* вм. лит. *шары* ‘вол’ (монг. *шар*).

Чаще всего редуцируются узкие гласные в анлауте перед сонорными **н** и **й**: *не* вм. *ине*, *нек* вм. *инек*, *йаш* вм. *ыаш* и т.д. Данное явление характерно почти для всех говоров и диалектов тувинского языка:

а) выпадение узких гласных в положении между сонорными или перед слабыми согласными в середине слов: *мойн* вм. *мойун* ‘позвонок’ (ср. лит. *моюн*), *дарыйнда* < *дарыйында* вм. *дараазында* ‘затем’, *чайн* вм. *чайын* ‘летом’. Данное явление отмечено в тандинском говоре [Сарыкай 1973: 243] и в речи жителей Цэнгэла [Гансук 2009б: 8]. В цагаан-нурском диалекте, по мнению Э. Рагагнин, вместо сочетаний звуков с **й** образуются дифтонги [Ragagnin, 2011: 84];

б) выпадение в многосложных основах **й** и **ы**, а также их сочетаний: **йы**, **ый**: *хандырар* вм. *хайындырар* ‘варить’, *кыгырар* вм. *кыйгырар* ‘звать’, *тайлбыр* вм. *тайылбыр* ‘объяснение’ (монг. *тайлбар*) характерно для цэнгэльских тувинцев [Гансук 2009: 42].

В тувинском языке и его диалектах редуция и выпадение узких гласных **ы**, **у**, **и**, **ү** предударных слогов – достаточно распространенное явление. Чаще всего редуции подвергаются гласные в энклитиках *-дыр*, *-дир*, *-дур*, *-дүр* и т.п., поэтому редуцию гласных трудно отнести к интегральным и дифференциальным признакам диалектов и говоров.

2.2.4. Стяжение в диалектах и говорах

Фонетическое явление стяжения – слияние двух соседних гласных на стыке слов в потоке речи с постепенным образованием нового слова, видоизмененного фонетически. Такое фонетическое явление чаще всего встречается при слиянии двух указательных местоимений: *дениин* < *дээ ол=дан*, лит. *дуу оон* ‘оттуда’, *монуун* < *бо ол=дан*, лит. *моон* ‘отсюда’. При

его помощи образуются союзы: кобд, цэнг. *инемезе* < (и)нэ ‘что’+ *эвес*=*зе*, лит. *азы* ‘или’. Например: *Бээр келгер, инемезе аңгаа тургар* ‘Идите сюда, или стойте там’.

Стяжение отмечено в речи жителей каа-хемского [Чадамба 1973: 236] и барун-хемчикского кожуунов [Мартан-оол 1977: 81], в тере-хольском диалекте [Серен 2006: 58], в языке тувинцев Цэнгэла [Гансук 2009б: 7] и Кобдо [Цэцэгдарь 2013: 16].

Совершенно особый случай стяжения на стыке компонентов аналитических глагольных конструкций даёт тоджинский диалект, когда выпадает последний слог или стечение звуков первого компонента и часть второго компонента, затем происходит стяжение двух компонентов в один: *чуп каапкан* < *чу* + *каакан* < *чукаакан* ‘помыл’; *чүдүрүп каан* < *чүдүрү* + *каан* < *чүдрүкаан* ‘погрузил’. Об этом очень подробно писала З. Б. Чадамба [Чадамба 1974: 82].

В результате стяжения образовались некоторые формы падежей, глаголов; для тувинской разговорной речи характерно стяжение аналитических грамматических конструкций, поэтому они также подробно будут рассмотрены в разделе грамматических особенностей диалектов и говоров.

2.2.5. Сингармонизм в диалектах и говорах

Мы не будем здесь рассматривать закономерные для тувинского языка явления сингармонии гласных, о которых достаточно написано Ф. Г. Исхаковым, А. Ч. Кунаа, К. А. Бичелдеем, И. Д. Дамбыра во всех вышеуказанных работах. Остановимся лишь на моментах, которые заслуживают внимания как диалектные явления, характерные для тех или иных территорий распространения тувинского языка.

Проявление последовательной губной гармонии по широкому гласному в трёхсложных словах *өрөмө*, *өрөгө* также можно считать алтайским влиянием в языке отдельных тувинцев Китая. В литературном языке во

втором и третьем слогах вместо огубленной широкой гласной произносится негубной *өреме* 'пенки молочные', *өреге* 'двор, семья'. Последовательная губная гармония мягкого широкого гласного *ө* отмечается во втором слоге сложного числительного *дөртөн* в.м. лит. *дөртен* 'сорок'; в собственном имени *Мөнгө* в.м. лит. *Мөнге*.

Чаще всего наблюдаются вариативное произношение аффиксов с широким губным *ө* вместо *е*, например: аффикса дательного падежа *өг=гө* в.м. *өг=ге* 'юрте', аффикса местного падежа *өг=дө* в.м. *өг=де* 'в юрте', аффикса множественного числа *өг=лөр* в.м. *өг=лөр* 'юрты', аффикса причастия прошедшего времени в словах *өс=көн* в.м. *өс=кен* 'выросший', *көр=гөн* в.м. *көр=ген* 'видевший'; аффикса отрицательной формы причастия будущего времени *көр=бөс* в.м. *көр=бөс* 'который не увидит'.

Таким образом, губную гармонию по широкому гласному как инновационное явление в языке тувинцев Китая, проявившееся как алтайский субстрат, можно отнести к дифференциальным признакам данного говора.

Фонетические явления в области гласных представляют достаточно сложную картину для выявления закономерностей и признания их в качестве классификационных признаков диалектов и говоров тувинского языка. В них чаще всего можно увидеть взаимно противоположенные соответствия узким широким или наоборот. Отдельные явления сопутствуют морфологическим особенностям территориальных разновидностей тувинского языка.

2.3. Система согласных в диалектах и говорах

Система согласных диалектов и говоров, а также литературного тувинского языка состоит из 18 согласных фонем, среди которых выделяются сильные – *п, т, с, ш, х*; слабые – *б, д, з, ж, ч, к*; сверхслабые – *м, н, л, й, р, г, ң*.

Относительно состава согласных диалектов и говоров тувинского языка мнения фонетистов и диалектологов не расходятся.

2.3.1. Консонантизм диалектов и говоров в сравнении с ЛТЯ

Исследования А. Ч. Кунаа в области консонантизма тувинского языка имеют важное теоретическое и практическое значение. Он под руководством В. М. Надеяева впервые во главу классификации согласных тувинского языка поставил градацию напряженности артикуляции согласных и выделил группы сильных, слабых и сверхслабых согласных. Как показала дальнейшая практика, именно такой подход является единственно верным.

В дальнейшем А. Ч. Кунаа продолжил свою диалектологическую работу и написал статью «О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района» [Кунаа 1974: 251-253]. Автор рассмотрел вокализм и консонантизм тувинской речи населения Эрзина в сравнении с данными литературного тувинского языка.

В области консонантизма в речи населения Эрзинского района А. Ч. Кунаа отмечает такие отличительные черты по сравнению с литературным тувинским языком:

а) анлаутные сильные фонемы характеризуются сильной придыхательностью;

б) в интервокальном положении слабые согласные не озвончаются, а произносятся глухо;

В целом анализ фонетических особенностей речи населения Эрзинского района, по мнению автора, позволяет выделить особый эрзинский диалект, куда входит речь населения и Ак-Эрика (Тес-Хемского района). А. Ч. Кунаа считает, что в современном тувинском языке существуют три диалекта: центральный, тоджинский и эрзинский [Там же: 253].

2.3.2. Состав согласных

Согласные тувинского языка классифицируются по степени напряженности артикулирующего органа, по активному речевому органу и по способу образования. По первому признаку они противопоставляются как сильные, слабые и сверхслабые. Согласные диалектов и говоров в этом плане не отличаются от литературных.

Нет нужды рассматривать все согласные системы консонантизма, остановимся лишь на особенностях отдельных согласных фонем.

в [β] – губно-губной слабый щелевой согласный звук. Он встречается в середине основы, в интервокальном положении: *көвей* ‘много’, *эвээш* ‘мало’, *ава* ‘мама’, *ува-честе*, лит. *угба-честе* ‘родной зять’. В ЛТЯ данный звук не занимает позицию абсолютного начала и конца слова.

В АД звук **в** [β] может занимать положение перед согласными, что не характерно для ЛТЯ: *давхыр*, лит. *дакпыр* ‘повтор’, *девсек*, лит. *деспек* ‘площадка в горах’, *чээрви*, лит. *чээрби* ‘двадцать’, *овоо*, лит. *башкы хараал* ‘мушка’, *пүрвү* вм. *бүрбү* ‘четверг’; к сонорным *г*, *л*, *р* в конце глагольных основ прибавляются форманты с начальным согласным [β]: *чорвас*, лит. *чорбас* ‘не идти’, *салва*, лит. *салба* ‘не отпускай’, *турвас*, лит. *турбас* ‘не будет стоять’; в основе перед слабым [ш] употребляется [β] вместо [п]: *довшу*, лит. *допшу* ‘пуговица’ [Гансух 2009в: 34; Цэцэгдарь 2013: 8].

В других диалектах и говорах нет особых отличительных позиций данного звука.

[з] – переднеязычная слабая щелевая звонкая фонема. В литературном языке в исконных словах встречается в середине слова между двумя гласными или между сонорным и гласным, в начале слова употребляется лишь в русизмах.

Наличие же его в инициали является отличительной чертой языка тувинцев Кобдо и Цэнгэла. Еще Д. А. Монгуш отмечал, что в некоторых монголизмах отдельные лица произносят аффрикату **дз** (*дзүгээр* ‘неплохо, вполне удовлетворительно’, *нам, дзасыктыңачы-авыралында* ‘благодаря

заботе партии и правительства’) [Монгуш 1983: 135]. Он соответствует литературном [ч]: кобд. *засыг*, лит. *чазак*, монг. *засаг* ‘правительство’; кобд. *захиргаа*, монг. *захиргаа*, лит. *чагырга* ‘администрация’; кобд. *заваан*, монг. *заваан*, лит. *чүдек* ‘гадкий, пошлый’; кобд. *зæрлиг*, лит. *чарлык*, монг. *зарлиг* ‘постановление’; *захы*, монг. *зах* ‘рынок’.

По мнению У. Цэцэгдарь, в анлауте отдельных слов тюркского происхождения также встречается [з] вместо [с]: кобд. *зылдыс* вм. *сылдыс* ‘звезда’, *залгын* вм. *салгын* ‘ветерок’, *зогым* вм. *согум*, цэнг. *согум* ‘мясной запас на зиму’ [Цэцэгдарь 2013: 8].

Начальный [з] вместо [с] отмечен также в юго-восточном диалекте тувинского языка: *задыг*, лит. *садыг* ‘магазин’, *зайылхаан*, монг. *цахилгаан*, лит. *сайгылгаан* ‘электричество’, *зиирт*, лит. *сиърт* ‘хребет’ [Куулар 2003: 11].

Появление *з* в анлауте тувинских слов в указанных диалектах следует считать влиянием монгольского языка.

[к] – заднеязычный смычный слабый звук, встречается во всех позициях слова: *каг*= лит. *каг*= ‘ставь’, *келин*, лит. *келин*, *керин* ‘невестка’, *кыъскаш* ‘щипцы’, *бок мал* ‘мелкий рогатый скот’, *кадык* ‘здоровый’, кит. *кызык*, лит. *кызыл* ‘красный’.

[ч] – переднесреднеязычная смычнощелевая слабая аффриката. Она употребляется во всех позициях: *чаиш*, лит. *хар* ‘возраст, лета’, *бичиш*, лит. *бичиш* ‘маленький’, *чаак*, лит. *чаак* ‘подбородок’, *ачы-дуза* ‘помощь’.

Согласный [ч] может употребляться в ауслауте у тувинцев Монголии в заимствованиях типа *физич* ‘физик’, *химич* ‘химик’, *академич* ‘академик’. В ЛТЯ он в данной позиции может встретиться только в заимствованиях и в контаминированных словах: например, отчество у мужчин, которое оформляется заимствованными из русского языка морфемами =ович, =евич. При произношении в конце слова появится вставочный гласный *и* по закону гармонии гласных, а ударение будет падать на последний слог: *ондар=ович=и́*.

Э. Таубе в своих примерах регулярно употребляет в начале слова и после сонорных *дж*: *ак джем* ‘молочные продукты’, *джигир* ‘конфета’, *джылыг* ‘теплый’, *джишк* ‘легкий’, *авыр джыргал* ‘счастье’, *джүрек* ‘сердце’, *джеле* ‘привязь для молодняка’, *джалама* ‘ритуальные ленты’, *Джыланныг* ‘приток р. Кобдо’ [Барыын Моол 1995].

Д. А. Монгуш в свое время отметил звук *дж* в речи монгольских тувинцев: «Иногда в начале и середине слова ясно слышится согласный *дж* там, где в говорах и диалектах и литературном языке произносится *ч*: *джустук* ‘перстень, кольцо’, *ааджам* ‘мой отец’. Возможно, что такое произношение является факультативным, зависящим от позиции *ч* в слове (в словесном окружении) или же оно отражает особенность фонетики языка монгольских тувинцев, которую нам не удалось уловить» [Монгуш 1983: 135]. Аффриката [дж] широко употребляется в речи тувинцев Кобдо и Цэнгэла, хотя не является отдельной фонемой.

Надо признать, что носителям центрального диалекта сложно услышать и выделить отдельно данную аффрикату. Представители рода *дегег* четко различают и слышат её. Но при создании учебника тувинского языка для начальных классов Монголии пришлось придерживаться правил орфографии литературного тувинского языка, ориентируясь на то, что аудитория будет нацелена на всестороннюю интенсивную коммуникацию с Тувой.

[ц] – переднеязычная сильная смычно-щелевая, аффрикативная фонема. В литературном языке она употребляется только в русских заимствованиях: *цемент*, *цех*, *кооперация*, *центнер* [Исхаков, Пальмбах 1961: 84]. В тувинском языке и его диалектах аффриката [ц] не вполне освоена, лучше всего обстоит дело у билингов с высоким уровнем сбалансированного тувинско-русского двуязычия. В речи большинства тувинцев ей последовательно соответствует спирант [с], например: *сиир(и)к* ‘цирк’, *систээрна* ‘цистерна’, *ситаата* ‘цитата’, *революсия* ‘революция’.

Употребление [ц] отмечено в эрзинском говоре и качикском подговоре у монголоязычных тувинцев в заимствованиях из монгольского языка: *цецек*,

монг. *цэцэг*, лит. *чечек* ‘цветок’; *цериг*, монг. *цэрэг*, лит. *шериг* ‘войско’; *караца*, монг. *гарз*, лит. *каража* ‘ущерб, потеря’ [Куулар 2003: 81]. Наши наблюдения во время экспедиций подтверждают эти данные.

В речи тувинцев Монголии широко используется аффриката [ц] в словах, заимствованных из русского и монгольского, где она является самостоятельной фонемой и встречается во всех положениях в слове. Однако употребление ее не одинаково:

1) в словах, заимствованных из монгольского и русского языков, аффриката [ц] произносится так же как в языке-источнике: *өгүрцши*, рус. *огурцы*; *оңгуца*, монг. *онгоц* ‘самолёт’; *цахилгаан*, монг. *цахилгаан* ‘лампочка’; *цацыл*, монг. *цацал* ‘кропило’;

2) в некоторых словах, монголизмах аффриката [ц] соответствует спиранту [с]: *сөмү*, монг. *цөм* ‘все’.

Следует отметить, что у лиц со сбалансированным высоким уровнем тувинско-монгольского, русско-тувинского билингвизма аффриката [ц] произносится как в языке-источнике.

[б] – губно-губной слабый смычный звонкий звук. В отличие от литературного языка, где он в начале слова реализуется как непридыхательный, слабый и слабовзвонкий, в речи тувинцев Монголии он в начале слова звонкий, а после сонорных согласных не отличается от такового в литературном: *бала* ‘пест’; *бөөтүк*, лит. *бонук* ‘пинетки’; *боърча*, лит. утрачено ‘сушенное зимой мясо’; *албыс*, лит. *албыс* ‘злой дух’.

В табл. 2 приведены особенности функционирования согласных в диалектах и говорах (см. также прил. 1, карта б).

Особенности согласных в диалектах и говорах тувинского языка

ЛТЯ	Внутренние диалекты					Зарубежные диалекты	
	Центральный	Тоджинский	Тере-Хольский	Западный	Цагаан-Нурский	Алтайский	
Отсутствие придыхательных согласных в интервокальном положении	Отсутствие придыхательных согласных в интервокальном положении	Наличие сильных придыхательных согласных в интервокальном положении	Отсутствие придыхательных согласных в интервокальном положении	Отсутствие придыхательных согласных в интервокальном положении	Разное произношение сильных придыхательных согласных в интервокальном положении	Отсутствие придыхательных согласных в интервокальном положении	
Отсутствие Ч в ауслауте	Отсутствие Ч в ауслауте	Отсутствие Ч	Отсутствие Ч в ауслауте	Отсутствие Ч в ауслауте	Произношение Ч в ауслауте	Произношение Ч в ауслауте	
Не полностью освоенное произношение Ц	Не полностью освоенное произношение Ц	Не полностью освоенное произношение Ц	Не полностью освоенное произношение Ц	Не полностью освоенное произношение Ц	Произношение Ц	Произношение Ц	

2.3.3. Закономерности употребления согласных в основе слова

Наблюдения по функционированию согласных тувинского языка в разных позициях отмечены уже в работе Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» [Катанов 1903: 184-186].

О закономерностях сочетаемости согласных в тувинском языке специальную статью писал Д. А. Монгуш [1963: 196-211]. Нас же интересуют случаи, отражающие особенности диалектов и говоров в этом отношении.

В первую очередь это касается глухих и звонких реализаций фонем. Для выявления закономерностей сочетания согласных в основе слова важна характеристика по степени участия голоса и шума, хотя данный признак не относится к основным. Глухие согласные в тувинском языке функционируют в начале (сильные и слабые) и в конце (только слабые), в середине слова – рядом с другими глухими согласными или долгие. Особенности диалектов и говоров в этом отношении проявляются в том, что в тере-хольском диалекте оглушение интервокальных согласных сопровождается нивелировкой фарингализации вследствие падения напряженного согласного в основах типа *киши* в м. *киъжи* ‘человек’, *аи-чем* в м. *аъи-чем* ‘всякая еда’, *башым* в м. *баъжым* ‘моя голова’. Оно отмечается также и в заимствованиях.

1. В АД и в речи монголоязычных тувинцев Эрзина глухие согласные [с], [х], [ч], [ш] употребляются в интервокальном положении: *баса* в м. *база* ‘тоже’, *жишээ* в м. *чижээ* ‘например’ (< монг. *жишээ*), *мичин* в м. *мечи* ‘обезьяна’ (< монг. *мич*), *чаваачы* в м. *чаваажык* ‘жеребенок’, *түүхү* в м. *төөгү* ‘история’ (< монг. *түүх*), *үндүсүн* в м. *үндезин* ‘коренной’ (< монг. *үндэс*).

У тувинцев Северо-Западной Монголии в 1980-х гг. Д. А. Монгуш обнаружил это явление и зафиксировал следующие примеры: *андасын* ‘плуг’, *үндесин чуъртувус* ‘наша исконная родина’, *хенчеси* ‘младший (из детей)’, *албан биъчик* ‘официальная бумага (документ)’, *бүхү* ‘весь, все’ [Монгуш 1983: 134].

Подобное явление наблюдается в юго-восточном и тере-хольском диалектах [Сат 1987: 69; Куулар 2003: 79; Серен 2006: 43-52].

Произношение глухих согласных в интервокальном положении отмечается как в монгольских заимствованиях, так и в тюркизмах. В заимствованиях из монгольского языка сохраняется произношение слова в языке-источнике.

2. Оглушение согласных внутри слова отмечается также в положении между сонорным и гласным: *хойсуур* вм. *хойзур* ‘пугать’, *болса* вм. *болза* ‘если будет’, *чажым болса чээрби тос* ‘мне двадцать девять лет’, *боорсак* ‘боорзак (кушанье из жаренного в масле теста)’, *хөгчүүр* ‘развиваться’, *ааршы* ‘сушеный творог (особый вид)’, *шыңшыра* ‘греметь’, *сонуурхадыр* ‘сообщить новости’ [Монгуш 1983: 134]. Х. Гансук отметила следующие слова в речи цэнгэльской тувинцев: *хааршак* вм. *хааржак* ‘ящик’ (ср. монг. *хайрцаг*), *аршаан* (ср. монг. *аршаан*) вм. *аржаан* ‘минеральная целебная вода’, *уншуур* (ср. монг. *униших*) вм. *номчуур* ‘читать’, *шыгшаар* вм. *шыгжаар* ‘хранить’, *тааршыыр* вм. *тааржыр* ‘подходить’ (ср. монг. *таарах*), *дагшаар* вм. *дагжаар* ‘шуметь’ [Гансук 2009: 52].

Стабильное произношение глухого согласного *с* после сонорных согласных *г, л, м, н, р* характерно для носителей алтайского диалекта: *алсын* вм. *алзын* ‘пусть возьмет’, *амса* вм. *амза* ‘пробуй’ (ср. монг. *амс*), *барса* вм. *барза* ‘если пойдет’, *сиңсе* вм. *чиңзе* ‘шарик, прикрепленный к головному убору’, *тамсыыр* вм. *дамдыладыр* ‘капать’, *ногаансым* вм. *ногаанзымаар* ‘зеленоватый’, *эмшир* вм. *эмзирер* ‘кормить грудью’, *жиримсин* вм. *иштиг* ‘беременная’, *орса* вм. *орза* ‘если сидит’. Спирант *с* сохраняется в аффиксе ослабленной степени прилагательных =*сымаар*, в форманте 3-го лица повелительного наклонения =*сын* и условного наклонения =*са*.

2.3.4. Согласные в потоке речи

Различные соответствия согласных наблюдаются не только во всех говорах и диалектах тувинского языка, но и в различных тюркских языках.

Наиболее распространены следующие соответствия: слабых и сверхслабых $v \sim n$, $m \sim \bar{b}$, $m \sim v$; сильных и слабых $x \sim k$, $t \sim d$, $n \sim \bar{b}$; аффрикат и сильных $ч \sim ш \sim c$ и т.д. Рассмотрим их по отдельности.

1. Соответствие $m \sim \bar{b}$ наблюдается в начале слова: *молаар* в.м. *болаар* ‘идти (ехать) дорогой’, кобд. *бурга*, лит. *улуг эр тарбаган* ‘большой сурок – самец’, овюр. *муьргу*; цэнг. *бөге* в.м. *мөге* ‘борец’ (ср. монг. *бөх*), кобд., цэнг. *багана* (ср. монг. *багана*) в.м. *магана* ‘подпорка’. Это соответствие в свое время было отмечено Д. А. Монгушем [Монгуш 1983: 136].

Соответствие $m \sim \bar{b}$ – древнее диалектное явление, существовавшее еще в языке орхоно-енисейских памятников. Например: *бен* (*мен*), *беңгү* (*мөңге*), *биң* (*муң*) [Батманов, Арагачи, Бабушкин 1962]. Такое соответствие встречается в большинстве говоров и диалектов, а также в тюркских языках [СИГТЯ. Фонетика 1984: 310-316]. Таким образом, соответствие $m \sim \bar{b}$ мы наблюдаем как общетюркское фонетическое явление.

2. Соответствие $n \sim \bar{b}$, $n \sim m$: *паалың* в.м. *баалың* ‘эмаль (посуды)’, *паскактаныр* в.м. *баскактаныр* ~ *маспактаныр* ‘сидеть, скрестив ноги’, *паска* в.м. *маска* ‘молоток’, *бөс* (ср. монг. *бөс*) в.м. *пөс* ‘ткань’, *бар* (ср. монг. *бар*) в.м. *пар* ‘тигр’.

Такое явление наблюдается в тоджинском диалекте [Чадамба 1974: 49] и в речи населения Дзун-Хемчикского района [Сегленмей 1983: 152]. Соответствие $\bar{b} \sim n$ здесь можно объяснить влиянием монгольского языка.

3. Соответствие $m \sim \bar{b}$, $m \sim v$, $v \sim n$ внутри слова между гласными. Данное соответствие отмечено в немногочисленных словах: *эмес* в.м. *эвес* ‘не’, *даман* в.м. *даван* ‘нога’, *эмээш*, *эвээш* в.м. *эвээш* ‘мало’, *чамана* в.м. *чавана* ‘селезенка’, *темене* в.м. *тевене* ‘шило’, *шолман* в.м. *шолбан* ‘Венера’, *девсек* в.м. *депсек* ‘площадка на вершине горы’. Частица *эмес* отмечена в каа-хемском говоре, в языке тувинцев Цэнгэла и в тере-хольском диалекте [Серен 2006: 53, Гансух 2009: 54], а *даман* употребляется в овюрском, саянском, эрзинско-тес-хемском, барун-хемчикско-бай-тайгинском, пий-

хемском говорах [Сат 1987: 36-73] и в тере-хольском диалекте [Серен 2006: 53], поэтому *м~в* является общедиалектным соответствием.

4. Соответствие сильного *х~* слабому *к* в начале слова – достаточно распространенное явление: *хадаар* ‘шить, пришивать’ в м. *кадаар* ‘приколачивать гвоздь’, *хадагалаар* в м. *кадагалаар* ‘хранить, беречь’, *харандаш* в м. *карандаш* ‘карандаш’, *хезээде* в м. *кезээде* ‘всегда, вечно’, *хелин*, *херин* в м. *келин* ‘невестка’, *хишли* в м. *килограмм* ‘килограмм’, *хиисгиур* в м. *киискиур* ‘реять, развеиваться’, *худа* в м. *куда* ‘сват’. Об этом также писал Д. А. Монгуш [Монгуш 1983: 134].

Большинство случаев употребления начального *х* вместо *к* в речи тувинцев Монголии объясняется монгольским влиянием. Из составленного нами словаря выявлено 15 основ, где литературному *к* в инициали соответствует *х*, все эти основы оказались заимствованиями из монгольских языков.

Соответствие *к~х* является типичным почти для всех говоров и диалектов: в речи жителей пий-хемского [Сарыкай 1968: 294], улуг-хемского [Хертек 1968: 309], барун-хемчикского [Мартан-оол 1977: 82], дзун-хемчикского [Сегленмей 1983: 152], овюрского [Хертек 1964: 334] районов; в тес-хемском [Арагачи 1964: 328], тандинском [Сарыкай 1973: 243], саянском [Сарыкай 1971: 271] говорах; в тоджинском [Чадамба 1974: 46], тере-хольском [Серен 2006: 44] диалектах.

Встречается и обратное явление – соответствие слабого *к* сильному *х* в инициали: *колуур* в м. *холуур* ‘не подпускать, отказываться’, *кадың* в м. *хадың* ‘берёза’, *кырын* в м. *хырын* ‘брюхо, живот’. Последние два примера отмечены также у цэнгэльских тувинцев [Гансух 2009: 55].

Оно имеется также в других говорах тувинского языка: улуг-хемском [Хертек 1968: 309], саянском [Сарыкай 1971: 271], каа-хемском [Чадамба 1973: 34], тес-хемском [Арагачи 1964: 328], пий-хемском [Сарыкай 1968: 295], тандинском [Сарыкай 1973: 243].

Подобное явление наблюдается в енисейских памятниках и в киргизском, хакасском, шорском, алтайском языках: *кун* ‘солнце’, кирг., хак., шор., алт. *кун* ‘солнце’ [Батманов, Арагачи, Бабушкин 1962: 85]. Также слово *kün* в соответствующих вариантах в современных тюркских языках и древних памятниках: рун., др.-уйг., чаг., ст.-осм., ср.-кыпч., куман. *kün* [СИГТЯ 2006: 333]. Соответствие *к~х* обнаружено в уйгурском языке в середине слова [СИГТЯ 2002: 370].

5. В начальной позиции встречается соответствие сильного *т* слабого *д* литературного языка: *тонаала* вм. *долаана* ‘боярышник’, *төөнейлиг* вм. *дөөнейлиг* ‘с белой отметиной на лбу’, *тумаа* вм. *думаа* ‘сопли’, *тээрме* вм. *дээрбе* ‘мельница’.

Соответствие слабого звонкого *д* вместо глухого *т* наблюдается в середине слова: *ширдек* вм. *ширтек* ‘войлочный коврик’, *шылгалта* вм. *шылгалда* ‘экзамен’ (п.-монг. *шилгалта*). Слово *тыт* отмечено в статье Д. А. Монгуша [Монгуш 1983: 134].

Это соответствие характерно и для других говоров: тес-хемского [Арагачи 1964: 327], каа-хемского [Чадамба 1973: 234], улуг-хемского [Хертек 1968: 309], монгун-тайгинского [Сат 1987: 52] и цэнгэльского [Гансух 2009: 56].

В тюркских языках в начале слова такое явление встречается в узбекском языке [СИГТЯ 2002: 371]. Слово *темир* употребляется в других тюркских языках в двух вариантах: *temir~temür* и в уйгурском *temür* [СИГТЯ 2002: 691].

6. Соответствие слабого *ч* и сильного *ш* в анлауте отмечено в единичных словах: *чагар* вм. *шагар* ‘жалить’; *шоорган* вм. *чоорган* ‘одеяло’. Оно также зафиксировано в тес-хемском [Арагачи 1964: 328], пий-хемском [Сарыкай 1968: 296], саянском [Сарыкай 1971: 271] говорах, речи тувинцев Цэнгэла [Гансух 2009: 7], а также в тоджинском [Чадамба 1974: 48] и тере-хольском [Серен 2006: 46] диалектах.

В результате анализа наших материалов можно сказать, что соответствие *ч~ш* обусловлено монгольским влиянием.

7. Соответствие слабого *ч* сонорному *й* в анлауте характерно для тоджинского [Чадамба 1974: 47] и цагаан-нурского диалектов. Примеры: *йаңгыс* в м. *чаңгыс* ‘один, одинокий’, *йеди* в м. *чоон*, *йоон* в м. *чоон* ‘толстый’, *йаны* в м. *чаны* ‘около’, *йамдык* в м. *чамдык* ‘некоторый’, *йаак* в м. *чаак* ‘щека’, *йарыл* в м. *чарыл* ‘расставаться’, *йырык* в м. *чырык* ‘светлый’, *йдавас* в м. *чадас* ‘наверное’, *йөдүр* в м. *чөдүр* ‘кашлять’, *йанык* в м. *чанык* ‘затвор’ и т.д., список слов можно продолжить. Н. Н. Широбокова, работая по данным ДАТЯ, отмечает древнетюркский *j* в кондомском диалекте шорского языка, во всех диалектах сибирских татар, в тоджинском диалекте тувинского языка [Широбокова 2005: 163-164].

8. Литературному *ч* в единичных примерах соответствуют согласные *д*, *с*, *з*: кара-х. *чаштын* в м. *даштын* ‘на улице, вне чего-то’; *замык* в м. *чамык* ‘затвор у ружья’, *сиңсе* в м. *чиңзе* ‘шарик, прикрепленный к головному убору’, *чагылдак* в м. *сагылдак* ‘ирис’. Фонетический процесс *t > č* наблюдается в диалектах многих тюркских языков. Ср. аз. диал. *čiš* < *diš* ‘зуб’, тур. диал. *Čirnak* < *tirnak* ‘ноготь’, уйг. *Čiši* < *diši* ‘самка’, *čüšmäk* < *düšmäk* ‘падать’ [СИГТЯ. Фонетика 1984: 210]. Возможно, такое соответствие было распространено в историческом прошлом тюркских языков как влияние древнеуйгурского языка. В исследуемой речи это мы считаем остаточным явлением.

В единичных примерах встречаются соответствия и других согласных в середине слова: *ц ~ д*, *ж ~ ч*, *в ~ г*: *колуу* в м. *колдуу* ‘в основном’, *чивидер* в м. *чүгүдер* ‘замешивать’, *шоожа* в м. *шооча* ‘замок’, *хойчу* в м. *хойжу* ‘пастух’.

9. В языке тувинцев кара-холя заметно соответствие *ж ~ й*: *бай=ым* в м. *баж=ым* [баъжым] ‘моя голова’; *байың* в м. *бажың* ‘дом’, *майына* в м. *маъшына*, *майына* в м. лит. [маъшиина] ‘машина’.

10. В одном слове наблюдается соответствие геминантных согласных: удвоенного глухого *к* и удвоенного глухого *т*: *кк~тт*: *окулар* в м. *оттулар* ‘топить’. Другие примеры нами не обнаружены. Подобное соответствие отмечается в монгун-тайгинском говоре западного диалекта.

В табл. 3 приведены фонетические соответствия в области консонантизма в анлауте. Звуковые соответствия представлены по мере убывания списков слов. В столбцах показаны противонаправленные звуковые соответствия, например *к // х* и *х // к*. Номера примеров к данным явлениям соответствуют номерам столбцов конкретных звуковых соответствий.

1) *К ~ Х*: *кадыр – хадыр* ‘крутой’, *калчан – халчан* ‘плешивый’, *карбаң – харбаң* ‘драчливый’, *Каа-Хем – Хаа-Хем* ‘Малый Енисей’, *көвүрүг – хөвүрүг* ‘мост’, *кат – хат* ‘ягода’, *кадыыр – хадыыр* ‘коса (инструмент)’, *кадак – хадак* ‘шелк для подношений’, *казар – хазар* ‘рыть’, *колдуунда – холдуунда* ‘в основном’, *көдээ – хөдээ* ‘стоянка, село’;

2) *Х ~ К*: *хараган – караган* ‘караганник’, *хырба – кырба* ‘клей’, *хулбус – кулбус* ‘косуля’, *хол – кол* ‘рука’, *хемчээ – кемчээр* ‘измерять’;

3) *Ч ~ Й*: *чаңгыс – йаңгыс* ‘один’, *чаак – йаак* ‘щека’, *чем – йем* ‘пища’, *чөдүр – йөдүр* ‘кашлять’;

4) *Й ~ Ч*: *ядыы – чадыы* ‘бедный’, *ёзу – чоъзу* ‘обычай’, *йөрээл – чөрээл* ‘благопожелание’, *янзы – чанзы* ‘разный’, *ёра – чора* ‘дурное’;

5) *М ~ Б*: *малгаиш – балгаиш* ‘грязь, болото’, *морзук – боързук* ‘барсук’, *молдурга – боолдурга* ‘годовалый теленок’, *мезил – беъзил* ‘налим’, *маска – баска*;

6) *Б ~ М*: *багана – магана* ‘подпорка’, *болчаг – молчаг* ‘свидание’, *берге – мерге* ‘сложный’, *бөрзек – мөрзек* ‘волчонок’, *бодаган – модаган* ‘верблюжонок’, *бензин – минзин* ‘бензин’;

7) *М ~ П*: *матпадак – патпадак* ‘жаворонок’;

Фонетические соответствия в области консонантизма в анлауге

Район	К~Х 1	Х~К 2	Ч~Й 3	Й~Ч 4	М~Б 5	Б~М 6	М~П' 7	Д~Т 8	Т~Д 9	П~П' 10	П~Б 11	Ш~Ч 12	Ч~С 13
Лит.													
Китай	+	+											
Цэнгэл	+	+											
Кобдо	+	+											
Мөңгүн-Тайга	+	+				+							
Бай-Тайга	+	+		+		+							
Кара-Хөл	+	+		+									
Барун-Х.	+	+		+		+							
Өвүр	+	+		+		+		+					
Дзун-Х.	+	+			+	+		+			+		
Усинск		+			+				+				
Чаа-Хөл	+	+				+		+					
Улуг-Хем	+	+				+		+					
Бий-Хем	+	+			+	+		+				+	+
Каа-Хем	+	+											
Танды								+					
Тес-Хем			+			+		+					
Ак-Эрик			+										
Эрзин			+					+					
Нарын													
Качык													
Тере-Хол	+	+						+				+	
Тоджа р.													
Тоджа т.			+										
Цагаан-Нур			+										

8) Д ~ Т': *даңгырак* – *таңгырак* ‘клятва’, *даңза* – *таңза* ‘курительная трубка’, *демдек* – *темдек* ‘знак’, *демисел* – *темисел* ‘борьба’, *дең* – *тең* ‘светильник’, *дыл* – *тыл* ‘язык’;

9) Т' ~ Д: *тон* – *дон* ‘пальто’, *төш* – *дөш* ‘грудь’, *терезин* – *дересин* ‘чий блестящий’;

10) Б ~ П': *бажың* – [п'ажың] ‘дом’, *надеж* [падэ:ш] – [п'адэ:ш];

11) П' ~ Б: *пөс* – *бөс* ‘ткань’, *пага* – *бага* ‘лягушка’;

12) Ш ~ Ч: *шыгжаар* – *чыгжаар* ‘хранить’, *шимчээр* – *чимчээр* ‘двигаться’, *шаанда* – *чаанда* ‘раньше’, *шыдыраа* – *чыдыраа* ‘шахматы’, *шаъгар-оът* – *чаъгар-оът* ‘крапива’;

13) Ч ~ С: *чыскаал* – *сыъксаал* ‘строй’, *чүскүк* – *сүъксүк* ‘перстень, кольцо’.

2.3.5. Метатеза согласных

Как и во всех тюркских языках и их диалектах, в тувинском языке метатеза согласных наблюдается часто. Она в основном локализуется внутри слова в сочетаниях глухих согласных [Исхаков 1955: 293-297].

Основные типы: *киш* в м. *шк*: *кокшадыр* в м. *кошкадыр* ‘ослаблять’, *шокшуур* в м. *шошшуур* ‘бежать трусцой’ (ср. монг. *шогших*), *чуъкшуур* в м. *чуъшшуур* ‘ковыряться’, *чукушуу* в м. *чушшуу* ‘затылок’, *кокшак* в м. *кошкак* ‘слабый’.

Следующие виды метатезы *вш* в м. *шп*, *вс* в м. *сп* встречаются в АД, они нехарактерны для внутренних диалектов и говоров, так как в сочетании согласных сверхслабые *в*, *г* предшествуют глухим сильным *с*, *ш*. В основном это монголизмы, в которых сохраняется произношение языка-оригинала.

Например, *вш* в м. *шп*: *доъвшуур* в м. *доъшпулуур* ‘балалайка’ (ср. монг. *товшуур*), *каъвшал* в м. *каъшпал* ‘ущелье’ (ср. монг. *хавцал*), *чаъвшан* в м. *чаъшпан* ‘попынь’;

вс в м. *сп*: *девсек* в м. *деспек* ‘площадка на вершине горы’;

ги в м. *шк*: *багшы* в м. *баъшкы* ‘учитель’ (<монг. *баги*), *догшун* в м. *дошкун* ‘свирепый’ (<монг. *догшин*), *дагша* в м. *дашка* ‘чарка’ [Гансукх 2009в: 58; Цэцэгдарь 2013: 11].

Следующие ряды метатезы встречаются почти повсеместно. Их можно оценить как диалектные явления по отношению к нормам ЛТЯ.

кс в м. *ск*: *деъкси* в м. *деъски* ‘гладь, ровный’, *өъксээр* в м. *өъскээр* ‘1. отправлять вверх по реке, 2. поднимать’;

ск в м. *кс*: *аъскы* в м. *аъксы* ‘его рот’, *сускун* в м. *суксун* ‘напиток’, *баъксыра* в м. *баъскыра* ‘ухудшаться’, *бижиске* в м. *бижиксе* ‘хотеть писать’;

ск в м. *ст*: *чүскүк* в м. *чүстүк* ‘колечко’;

кт в м. *тк*: *уктуур* в м. *уъткуур* ‘встречать’ (ср. монг. *угтах*), *дуъктууш* в м. *дуъткууш* ‘ухват’, *доъктар* в м. *доъткар* ‘помеха’, *чүктүл* в м. *чүткүл* ‘стремление’;

шк в м. *ки*: *чошкур* в м. *чокишур*, *чоошкулаар* в м. *чоокишулаар* ‘приблизиться’;

кп в м. *пк*: *тектилежишур* в м. *тепкилежир* ‘пинать (ударять ногами)’;

пс в м. *сп*: *деъпси* в м. *деъспи* ‘корыто’;

нч в м. *шк*: *чүктенчи* в м. *чүктешки* ‘котомка’;

шп в м. *пи*: *чышпынчак* в м. *чыпшынчак* ‘липкий’.

Также встречается метатеза несмежных сверхслабых согласных. Например: *хс* в м. *ск*: *ахсак* в м. *аскак* ‘хромой’, *аъхсы* в м. *аъскы* ‘его рот’.

Как видим, трудно вывести закономерности перестановок звуков, их направление иногда противоположно: *ск* // *ск*, *кс* // *ск*. Перестановки согласных внутри слова бывают индивидуальны и могут меняться даже у одного и того же информанта.

2.3.6. Вставка и выпадение согласных

1. Вставка согласных наблюдалась в речи усинских [Сарыкай 1971: 272; Куулар 1999: 43], каа-хемских [Чадамба 1973: 235], улуг-хемских [Хертек 1970: 227], пий-хемских [Сарыкай 1968: 298], тандинских [Сарыкай 1973:

245], бай-тайгинских [Доржу 2002: 26] тувинцев и в тере-хольском диалекте [Серен 2006: 57]:

а) в середине некоторых слов: *хөлеңги* в м. *хөлеге* ‘тень’, *орчалаң* в м. *очалаң* ‘сансара’, *дошулдуур* в м. *дошулуур* ‘двухструнный щипковый музыкальный инструмент’, *даайлы* в м. *даалы* ‘домино’;

б) в конце некоторых слов появляются вставные согласные **к, й**: кобд. *кырзак* в м. *кырза* ‘хорек’, *хончук* в м. *хончу* ‘брючина’, кобд. *торгай* в м. *торга* ‘дятел’.

2. Выпадение согласных происходит лишь в единичных диалектизмах: *дуькү* в м. *дуькпү* ‘плевок’.

Как видно из примеров, явление довольно редкое, практически единичные случаи отмечены в вышеуказанных работах, поэтому вставку и выпадение согласных сложно отнести к классифицирующим признакам диалектов и говоров.

2.3.7. Ассимиляция согласных

Изменение звуков происходит в потоке речи, т. е. в процессе говорения. Явление ассимиляции характерно как для общенародного тувинского языка, так и для диалектов. Оно было изучено Ф. Г. Исхаковым [1955: 314-319] и описано в «Грамматике тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах 1961: 98-101].

В диалектах и говорах наблюдаются прогрессивная и регрессивная ассимиляции, неизменно контактная, преимущественно полная.

Прогрессивная ассимиляция происходит при прибавлении аффиксов, начинающихся с согласных, к основам, оканчивающимся на определенные группы звуков [Исхаков 1955: 116].

Регрессивное уподобление согласных по активному речевому органу, свойственное разговорной речи, реализуется следующим образом, например:

а) сочетание согласных **нм** дает **мб**: *даара=тым=ба* в м. *даара=тын=ма* ‘не вышивай’, *химирем=бе* в м. *химирен=ме* ‘не бубни’, *болдум=бас* в м.

болдун=*мас* ‘не получится’, *чиртим*=*бес* в.м. *чиртин*=*мес* ‘несъедобное’, *колдам*=*ба* в.м. *колдан*=*ма* ‘не проси’, *номчуттум*=*бас* в.м. *номчуттун*=*мас* ‘не читает’. Ассимиляция происходит на стыке морфем: к глагольным основам, оканчивающимся на **н** (в частности, возвратного залога на *-тын*) присоединяется аффикс отрицательной формы =*ма* с начальным **б** в.м. лит. **м**. А в чистых глагольных основах, оканчивающихся на **н**, под влиянием губно-губного **б**, носовой **н** чередуется с **м**: *чам*=*ба* в.м. *чан*=*ма* ‘не возвращайся домой’, *умбе* в.м. *унме* ‘не выходи’.

Такая ассимиляция отмечена в тандинском [Ооржак 1964: 61] говоре, а также в тоджинском [Чадамба 1974: 54-55] и юго-восточном [Куулар 2003: 98-99] диалектах. В статье Д. А. Монгуша тоже отмечено: *энир чылын оьт умбээн* ‘В прошлом году трава не выросла’ [1983: 143];

б) явление ассимиляция геминированных согласных в основе слов *кк* <*тт*: *өккунер* в.м. *өттунер* ‘подражать, передразнивать’. Хотя основа в настоящее время не разложима, Б. И. Татаринцев указывает в глаголе именные формы *уй-* с соответствиями *ut(d)-*, *ид-*, *из-* ‘похожий, подобный’, формант =*гын* с фонетическими вариантами, также эквивалент в тоф. *өткун-* ‘подражать, передразнивать’ [Татаринцев 2008: 422]. Учитывая этимологию, можно считать, что в речи ТК и тувинском языке произошли у каждого свои явления ассимиляции: в литературном прогрессивная полная *өттун-* < *өткун-*, а в говоре регрессивная полная *өткун-* > *өккун-*. Если не углубляться в генезис данного слова, здесь скорее присутствует соответствие согласных.

Внешне такое же явление происходит и с глаголом *каккырар*: в.м. лит. *каттырар* ‘смеяться’ < *каткы* ‘смех’ =*р*=*ар*. Здесь также произошла прогрессивная полная ассимиляция в именной основе отыменного глагола, а в речи тувинцев Монголии – регрессивная полная. В именной основе не происходит уподобления согласных, возможной причиной этого является образование многосложного слова. Таким образом, в данных словах ассимиляции в речи тувинцев Монголии и в ЛТЯ являются, так скажем, «противоположными».

в) регрессивная ассимиляция в речи тувинцев Кобдо и Цэнгэла *тт<рт*: *сыттык* в.м. *сыртык* ‘подушка’; *ск < ст*: *өскүрген* в.м. *өстүрген* ‘вырастил’ [Гансух 2009б: 61].

Таким образом, многие фонетические явления в области согласных трудно отнести к классифицирующим признакам диалектов и говоров тувинского языка.

2.4. Ударение в диалектах и говорах

Ударение в тувинском языке в свое время исследовали У. Байчура [1964], Ш. Сат [1968в], А. Тяпкин [1985]. Согласно мнению авторов, ударение в тувинском языке силовое, или динамическое, при котором ударный слог выделяется большей напряженностью гласного, на которое падает ударение, обычно это последний слог, то есть характеризуется как постоянное. Например: *терэк* ‘тополь’, *терек=тэр* ‘тополя’, *терек=тер=ивис* ‘наши тополя’, *терек=тер=ивис=кэ* ‘нашим тополям’. Как видно из примера, каждый раз при наращивании аффикса ударение переходит на последний слог.

Но при этом есть несколько случаев, не подпадающих под это общее правило: 1) не перетягивает на себя ударение аффикс направительного падежа *одаг=же* ‘к костру’; 2) у сложных аффиксов деепричастия на *=бышаан*, предельного склонения на *=гыже=м=че* ударение будет оставаться на первом гласном аффикса: *кел=гийже* ‘пока не придет’, *номчу=вүшаан* ‘читая, одновременно что-то делает; до сих пор читает’; 3) аффикс отрицательной формы, присоединяясь к односложным основам глагола, сохраняет при себе ударение: *ал=бá=ды* ‘не взял’. Эти же аффиксы, присоединяясь к многосложным основам, не принимают на себя ударение, и оно сохраняется у последнего гласного основы: *кир=иш=не=ди* ‘не участвовал’. Есть несколько слов, у которых ударение остается

неподвижным на первом слоге: *бѳгун* ‘сегодня’, *áдыр* ‘подожди’, *óрта* ‘там’ [Сат, Салзынмаа 1980: 70-71].

Помимо этих случаев, в диалектах и говорах отмечается неподвижное ударение в 1-м слоге односложных глагольных основ при прибавлении к нему 1) аффикса отрицания: *кѳл=бе* в. лит. *келбѳ* ‘не приходи’; 2) аффикса деепричастия на =*гаш*: *кѳл=геш* в. лит. *келгѳш* ‘придя’; 3) аффикса деепричастия на =*байн*: *кѳл=бейн* в. лит. *келбѳйн*. ‘не придя’, т. е. несколько более противопоставленное явление, чем в ЛТЯ.

Такое явление характерно для тоджинского [Чадамба 1974: 56-57], тере-хольского диалектов [Серен 2006: 54-55], эрзинско-тес-хемского говора [Куулар 2012: 74-75] и для жителей Каа-Хемского кожууна.

Произношение ударения в первом слоге в слове *ийе* ‘да’ характерно для носителей тере-хольского, цагаан-нурского диалектов (табл. 4).

На наш взгляд, причину сохранения ударения на первом слоге основы глагола в некоторых случаях можно объяснить как черту, сохранившуюся от праязыка, если взять во внимание точку зрения Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой, которую приводим далее: «Ударение в тюркском праязыке, по-видимому, было силовым и падало на первый слог слова. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы: 1) Для того, чтобы первый слог сохранял направляющую роль в осуществлении гармонии гласных, он не должен был терять своего качества. Сохранить его можно было только в том случае, если на первый слог падало ударение.

2) Ударение в тюркском праязыке не могло быть разноместным по той простой причине, что все языки, имеющие ярко выраженную гармонию гласных, отличаются фиксированным ударением. 3) Ударение на первом слоге всегда связано с глухим началом слова... Позднее в тюркских языках происходило перемещение ударения с первого на последний слог. Причины этого перемещения неясны» [Серебренников, Гаджиева 1986: 73-74].

Как видно, позиции ударения на первом слоге основы глагола сохранились в тех диалектах, которые проявляют сходство с тофаларским

языком. В табл. 4 показаны ареалы, где сохранилось неподвижное ударение на первом слоге.

Таблица 4

Ударение в ЛТЯ и диалектах

Район	На последнем слоге	<i>бáр=ба</i>	<i>íйе</i>	<i>бáр=байн</i>	<i>бáр=гаиш</i>
Лит.	+				
Китай	+				
Цэнгэл					
Кобдо	+				
Монгун-Тайга	+				
Бай-Тайга	+				
Кара-Хол	+				
Барун-Х.	+				
Өвюр	+				
Дзун-Х	+				
Усинск	+				
Чаа-Хол	+				
Улуг-Хем	+				
Бии-Хем	+				
Каа-Хем	+				
Танды	+	+		+	+
Тес-Хем	+	+		+	+
Ак-Эрик	+	+		+	+
Эрзин	+	+		+	+
Нарын	+	+		+	+
Качык	+			+	+
Тере-Хол	+		+	+	+
Тоджа р.	+				+
Тоджа т.	+			+	+
Цагаан-Нур	+		+		
Сэлэнга	+				

Для ЛТЯ характерно ударение на последнем слоге, кроме сложных аффиксов = *гыжемче*, =*бышаан*, направительного падежа =*че//же*.

Кéл=бе – неподвижное ударение в 1-м слоге односложных глагольных основ при прибавлении к нему аффикса отрицания, деепричастия на =*гаиш*, =*байн*.

Úйе – произношение ударения в первом слоге в отдельных словах.

Выводы

Резюмируя все вышесказанное в данной главе, подчеркнем следующее.

Вокализм. По составу кратких гласных диалекты и говоры тувинского языка не отличаются от литературного языка. Аллофоны [æ], [ö], [ü] вм. лит. [a], [ø], [y] объединяют в одну группу речь монголоязычных тувинцев юго-

восточной Тувы (Нарына и Качыка), Монголии и Китая; встречаются в заимствованиях из монгольского и казахского языков. Дифтонг [äi] появляется в результате сложных фонетических процессов вместо сандхи айы. Он отмечен в зарубежных диалектах и тоджинском диалекте, что сближает его с тофаларским языком.

Анализ соответствий гласных позволяет сказать, что в алтайском диалекте наблюдается тенденция сужения широких гласных в разных позициях, что отличает его от ЛТЯ.

Долгие гласные в диалектах и говорах, как и в ЛТЯ, образовались в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного. В АД, дзун-хемчикском говоре и западном диалекте произносится долгий гласный вместо краткого в составе аффикса причастия на =ар, после основ, оканчивающихся на согласный. Произношение долгого [a:] в анлауте в слове айтыр 'говорить' является дифференциальной чертой для всего западного диалекта и АД.

Фонетическое освоение русизмов во внутренних диалектах и говорах происходит так же, как и в ЛТЯ, где удлиняется ударный гласный заимствований из русского языка. В АД и цагаан-нурском диалектах русизмы проникли через монгольский или при маргинальных непосредственных контактах, поэтому закономерности их фонетического освоения отличаются от ЛТЯ.

Из всех диалектов и говоров тере-хольский диалект отличается отсутствием фарингализованных гласных. Спорадическое проявление фарингализации характерно для алтайского, а также цагаан-нурского диалекта, что обусловлено разными причинами: языковыми контактами как следствие дивергентным и конвергентным происхождением цагаан-нурского диалекта, этнической и языковой ассимиляцией у части носителей АД.

Консонантизм. Состав согласных фонем диалектов и говоров полностью идентичен аналогичной системе ЛТЯ. Согласные в потоке речи имеют общетюркские соответствия б ~ м, к ~ х, ч ~ й и др., причем эти

соответствия разнонаправлены внутри говоров и диалектов, по этой причине их трудно считать интегральными и дифференциальными чертами какой-либо конкретной территории. Сонорный **й** в анлауте слов в тоджинском и цагаан-нурском диалектах рассматривается как сохранение древнетюркского согласного. Между гласными в положении между сонорным и гласным сохраняются глухие согласные в АД, т. е. не отмечается чередование *с* в м. з. Сильные придыхательные согласные в интервокальном положении в терехольском диалекте является отличительной чертой данного идиома, к нему близка речь монголоязычных тувинцев Эрзина.

Во внутренних диалектах и говорах отсутствует **ч** в ауслауте и не полностью освоено произношение **ц** их носителями, тогда как в АД его носители полностью освоили произношение **ч** в ауслауте и **ц** в заимствованиях, что объясняется освоением ААБ монгольского языка. Аффриката [ц] произносится как в языке-источнике теми, у кого сбалансированный высокий уровень тувинско-монгольского, русско-тувинского билингвизма.

Тем не менее, по фонетической системе малоисследованных зарубежных идиом и особо выделяющегося в этом отношении терехольского диалекта необходимо провести экспериментально-фонетические исследования, которые дали бы более объективную картину, нежели при исследовании слуховым методом.

Есть большая потребность и в создании диалектологического корпуса тувинского языка, куда бы вошли материалы также находящегося в критическом состоянии уйгур-урянхайского языка. Хотя он не входит в диалектную систему тувинского языка, его материалы могли бы дать интересный сопоставительный материал и пролить свет на историческую грамматику саянских тюркских идиом.

Результаты исследований В. И. Рассадина, наши материалы и исследования показывают глубокую связь внутренних диалектов тувинского языка восточной зоны с идиомами Восточных Саян. Они несут интересные

сведения по истории этих бесписьменных родоплеменных языков коренных народов Восточных Саян. Нивелирование диалектных различий литературным языком и процессы глобализации ведут к тому, что носителей этих идиом становится все меньше. Поэтому важно сохранить хотя бы в виде аудио- и видеозаписей образцы речи носителей этих идиом до той поры, пока не найдется новый пытливый ум, который бы взялся за эту работу.

Глава III. Особенности диалектов и говоров тувинского языка в области грамматики

В данной главе рассмотрим особенности диалектов и говоров в области словообразования, частей речи по формальным показателям и особенностям функционирования.

3.1. Особенности диалектного словообразования

Словообразование в диалектах тувинского языка не отличается от системы словообразования ЛТЯ: используются все способы словообразования – аффиксальный, синтаксический, лексико-семантический и другие. На всей территории распространения тувинского языка носители диалектной речи, пользуясь общетюркскими моделями, строят слова, специфичные для этой территории. Но число диалектных слов, образованных различными моделями, составляет единицы. Например, приспособление, используемое во время охоты на сурка, в цэнгэльском и кобдоском говорах называют *хөөретки* от глагольной основы *хөөре* болтать, много и эмоционально говорить, к которой присоединились залоговый аффикс *т* и словообразовательный аффикс *ки*. По этой же модели построены слова ЛТЯ *ажы=т=кы* закваска, *чыры=т=кы* светильник и др. Такие единичные примеры использования словообразовательных моделей для образования новых слов в диалектах сложно отличить от окказионального словообразования.

Тем не менее, интерес представляют некоторые модели, которые не являются в ЛТЯ продуктивными, а в диалектах и говорах они либо продуктивны, либо являются модификациями известных способов словообразования.

В ЛТЯ имя существительное, образуя парные слова, употребляется в значении собирательности, обобщения и множественности, что характерно для всех тюркских языков, а также для монгольского языка. Как отмечал В. М. Надеяев, парное основосложение широко используется в монгольском языке: «Грамматическое средство словообразования – образования парных слов (биномов) из двух лексико-грамматических основ по модели R+R» [Надеяев 1988: 35]. Он подчеркивал, что эта модель словообразования «характеризуется равноправным включением обеих исходных простых основ в образованную сложную основу» [Надеяев 1988: 35].

В этом отношении все диалекты и говоры, за исключением алтайского диалекта, строят парные слова одинаково, по нескольким моделям: объединяются в одно сложное слово слова-синонимы *арын-нуур* 'совесть', слова-антонимы *унер-кирер* 'выходить-заходить', повторно-парные слова *ном-нам* 'всякие разные книги' [Ондар 2004].

Алтайский диалект отличается тем, что повторно-парные слова фонетически оформляются несколько иначе, чем в ЛТЯ и других диалектах. Так, в ЛТЯ слово-эхо, повторяющее первый компонент, изменяет состав гласных первого компонента: *кижи-кажы* 'люди всякие, кто-то', *чурук-чарык* 'фото, рисунки всякие', *сандай-сундай* 'табуретки, стулья всякие'. А в АД слово-эхо начинается, как правило, со звука *м*, то есть меняется первый согласный слова-повтора. Например: *тудуш-мудуш* 'стройка всякая', *кино-мино* 'кино всякое', *чидиг-мидиг* 'острый такой-сякой'. *Бистиң уруглар каш-маш чивес* 'Наши дети не едят всякие каши'.

Поэтому слова-эхо с видоизмененным первым согласным с *м* следует считать характерным признаком алтайского диалекта, отличающего его от других диалектов тувинского языка.

Следующая особенность АД в области словообразования – аналитический способ образования глаголов от звуко-, образоподражательных слов, когда к их основе примыкает вспомогательный глагол *кайын /хайын* 'кипеть'. Например:

Алдай-Беш-Богданың бетши иинде, Ак-Кемни өксээр орукта, чоокиулап баарга, балыы мыжыр кайнып турар «Балыктыг-Көл» деп көл бар ‘Перед склоном горы Алдай-Беш-Богда, по пути на Ак-Хем есть озеро Балыктыг-Көл, в котором рыба, если поблизости наблюдать, кишмя кишит’.

Как видно, к звукообразоподражательному слову *мыжыр* ‘кипение, шипение’ примыкает глагол *кайн=ыр* ‘кипеть’, во-первых, образуя глагол в аналитической форме; во-вторых, одновременно передавая видовое значение ритмичности, множественности. В ЛТЯ слово имеет фонетический облик *хайныр*, где видно звуковое соответствие *х ~ к* в анлауте, что характерно для всего АД.

В грамматике тувинского языка в разделе «Словообразование глаголов» отдельно выделено образование глаголов от звуко- и образоподражательных слов при помощи аффиксов *-ңайын, -кайын, -ңна*. Эти аффиксы образуют глаголы со значением ‘однообразно (мерно, ритмично) звучать’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 410]. (Заметим, что в данной работе нет упоминания о происхождении аффикса.)

Далее в таблице «Синтетические виды» только указано, что «ритмический вид образуется от звукообразоподражательных слов и глаголов чувствования-ощущения при помощи видового показателя *-(а)ңна // -(э)ңне, -(а)ңайын // -(э)ңейин, -кайын // -кейин*» [Исхаков, Пальмбах 1961: 410].

Сопоставление алломорфов глагольного словообразования и ритмического вида и семантика образуемых ими глаголов даёт основание утверждать, что речь идёт об одном и том же показателе, имеющем различные фонетические варианты.

Некоторое прояснение относительно происхождения аффикса дают авторы учебника, которые считают, что в ЛТЯ глагол *кайн=ыр* ‘кипеть’ перешёл в разряд аффиксов и имеет алломорфы *=аңайын (<аң=гайын), =еңейин (<ең=гейин), =ыңайын, =иңейин =уңайын, =уңейин* [Сат, Салзынмаа 1980: 166-167].

Сопоставив материалы АД и ЛТЯ, мы считаем, что в ЛТЯ в результате стяжения двух компонентов сложного глагола произошло выпадение гласного последнего слога вспомогательного глагола *хайын* между сонорными, затем ассимиляция согласного в анлауте под влиянием конечного согласного первого полнзначного компонента. В результате этих сложных фонетических процессов и образовался аффикс ритмического вида, имеющий следующие алломорфы в ЛТЯ:

1) =*гайн*/=*гейн*, =*ңайн*/=*ңейн*, присоединяющиеся к основам на гласный и сонорные: *дыйы=гайн=ыр* или *дыйы=ңайн=ыр* ‘пищать, визжать’, *ыы=гайн=ыр* или *ыы=ңайн=ыр* ‘пищать как комар’. Из примеров видно, что алломорфы имеют варианты с вариативным начальным согласным *г* и *ң*. Очевидно, что *г* в анлауте аффикса – результат чередования глухого *х* со звонким *г* в интервокальном положении; а сонорный заднеязычный носовой *ң* произошёл в результате обратной дистантной ассимиляции под влиянием конечного носового согласного *н* аффикса.

2) =*кайн*/=*кейн*, присоединяющиеся к основам на глухие согласные: *кизирт=кейн=ыр* ‘издавать шум, хруст неоднократный’, *дыдырт=кайн=ыр* ‘издавать шум как от топота копыт’.

Таким образом, в АД сохранилась полная форма аналитического глагола, где второй компонент выступает в роли словообразовательного элемента и выражает одновременно ритмическое, повторяющееся действие, подпадающее под разряд видовых форм глагола. Сохранённая полная форма аналитического глагола в диалекте даёт возможность установить происхождение аффикса =*ңайн*/=*ңейн* в ЛТЯ и утверждать, что в литературном языке и в других диалектах функционирует стяженная форма. Очевидно, что по времени синтеза аналитического полифункционального показателя ритмического вида произошла после отделения носителей АД от основного этноса, то есть минимум после XVIII века. Эту полную полифункциональную форму аналитического глагола со вспомогательным

глаголом *хайныр* нужно считать отличительной чертой АД от ЛТЯ и других диалектов и говоров.

Следующая отличительная особенность АД в области словообразования – широко используемый в китайском говоре АД общетюркский словообразовательный аффикс =ча и его фонетические варианты: *могол=ча* ‘монгольский язык’, *казах=ша* ‘казахский язык’, *кыдат=ша* ‘китайский язык’. Например: *Мектепте могол=ча домактаныр*, *өгде тыва=жа хоочулаар*, лит. *Школада моол=да=п чугааланыр (өөренир)*, *өгде тыва=лап чугаалаар* ‘В школе говорят на монгольском, дома на тувинском общаются’. *Мен ону ханзы=ша аайтып берейн*, лит. *Мен ону кыдат=та=п айтып берейн* ‘Я расскажу это на китайском’.

В китайском же говоре нами зафиксированы аффиксы 1) =стан в слове *Туви=стан*, которое построено по аналогии слов *Татарстан*, *Казахстан*, *Башкортостан*; 2) =хана персидского происхождения, также вошел в язык тувинцев Китая через казахский язык в слове *дохтур=хана* ‘поликлиника, больница’ (ТМ: 149). Слово интересно тем, что основа *дохтур* заимствована из русского языка. Второе слово *китапхана* ‘библиотека’ полностью заимствовано из казахского языка. Возможно, и слово *дохтур=хана* заимствовано целиком из казахского языка, но в нём носители тувинского языка выделяют его структурные элементы.

В китайском говоре продуктивен общетюркский аффикс =лык: *авыл=дык* ‘деревня’, *ай=лык* ‘1) зарплата, 2) отрезок времени, равный месяцу’; *баъш=тык* ‘лидер, председатель’, *сускундук* вм. *сускун* ‘напиток’, *орундук* вм. *сандай* ‘табуретка, стул’, *касандык* вм. *печка*, *суугу* ‘печка’. Слова *ай=лык* ‘отрезок времени, равный месяцу’, *чылдык* ‘отрезок времени, равный году’ в ЛТЯ используются в фольклорных текстах.

Названия купюр строятся в цэнгэльском говоре при помощи общетюркского аффикса =лык, присоединяемого к основам имен числительных: *бирлик* ‘один тугрик’, *бештик* ‘пять тугриков’, *оннук* ‘десять

тугриков’, *үштүк* ‘три тугрика’, *чээрвилик* ‘двадцать тугриков’, *чүстүк* ‘сто тугриков’.

В ЛТЯ =лык может быть отнесен к категории непродуктивных, даже мертвых аффиксов в связи с тем, что в современном тувинском языке он уже не используется в словообразовании, но выделяется в составе нескольких слов. Авторы тувинской грамматики =лык отнесли к группе аффиксов, встречающихся редко, и привели слова:

ортулук ‘остров’ от *орту* ‘середина’; *от=тук* ‘огниво’ от *от* ‘огонь’; *көс=түк* (<*көс-түк, но, возможно, *көзүл-үк, ибо *көзүл-үр* > *көстүр*) ‘1) очки; 2) светлые точки над глазами у собак’ (прим. М. Б.-С.); *кес=тик* ‘маленький нож’ от *кес-* ‘резать’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 175]. К этой же группе следует отнести слова *кол=дук* ‘подмышки’ от *кол / хол* ‘рука’, *чүс=түк* ‘подмышки’ от *чүс* ‘сустав’.

В тувинском языке общетюркский аффикс =лыг реализуется в разных фонетических формах: =лыг и =лык. Первый является высокопродуктивным, образует имена прилагательные, соотносится с общетюркским =лы. Вторым образует имена существительные и непродуктивен. В азербайджанском языке он не разграничивается, =лыг и =лык являются вариантами одного словообразовательного аффикса [Севортян 1966: 20]. В современных и в древних тюркских языках наиболее продуктивной является модель *N + luy*, образующая слова с абстрактным значением [СИГТЯ. Морфология 1988: 142-143]. В зарубежных говорах отмечаются слова, построенные по данной модели, которые выражают конкретно-вещественные значения. В тюркских языках наименее продуктивными являются наименования денежных знаков, построенные по данной модели [Севортян 1966: 34-41; СИГТЯ. Морфология 1988: 143]. Очевидно, что в китайском и цэнгэльском говорах непродуктивная в ЛТЯ модель стала продуктивной под влиянием казахского языка.

Слово *долук=суз* встречается в составе сочетания *долук=суз орта мектеп* ‘неполная средняя школа’, в слове выделяется основа *долук* ‘полный’ и аффикс именного отрицания =суз. Думается, что в данном случае (и в других случаях

аффиксального словообразования) китайский говор заимствовал готовые формы из казахского языка, а поскольку языки близкородственные, носители говора легко видели структуру слова, выделяли в нём отдельные части.

В тувинском литературном языке общетюркский аффикс отрицания =сыз сохранился только в слове *өскүс* <өк+сүз 'сирота' [Сат, Салзынмаа 1980: 103]. Фиксируя это же слово с аффиксом именного отрицания в тофаларском языке, В. И. Рассадин даёт обширную картину распространения этого аффикса во всех сибирских тюркских языках. В них отсутствие данного древнего аффикса отрицания замещает постпозитивное слово *чок* 'нет' [Рассадин 1978: 98-99]. Функционирование *чок* 'нет' в ЛТЯ подробно исследовала О. В. Дамбаа [2005]. Нам встретилось одно слово *куржок*, калька монг. *бусгүй* 'женщина (букв. пояса нет)' у тувинцев Монголии. Исходя из анализа, проведенного О. В. Дамбаа, и данного примера, можно предположить, что развитию словообразования при помощи отрицания *чок* 'нет' способствовало калькирование монгольских слов, а затем по заимствованной модели стали строиться собственно тувинские слова. В одном случае эти слова имеют противоположное значение *аянчок* 'соответствующий, подходящий' вместо ожидаемого 'не соответствующий, некрасивый', а в другом случае сохраняется прямое значение: *хөөнчок* 'нехотя'.

Подводя итоги сказанного, в качестве отличительных черт китайского говора АД мы выделяем наличие продуктивных словообразовательных аффиксов =ча, =хане, =стан как инновационных явлений; продуктивного аффикса именного отрицания =сыз, именного словообразования =тык, не характерных для ЛТЯ и внутренних диалектов. Алтайскому диалекту в целом свойственны аналитические глаголы с нестяженным вспомогательным глаголом *хайныр* 'кипеть' как полифункциональной формы.

3.2. Особенности диалектов и говоров тувинского языка в области морфологии

3.2.1. Имя существительное

Грамматические категории имени существительного в диалектах и говорах в основном не имеют значительных противопоставленных отличий от ЛТЯ. В то же время нами, а также предыдущими исследователями выявлены отдельные особенности, которые мы рассмотрим в настоящей главе.

3.2.1.1. Категория числа существительных. Во всех диалектах и говорах тувинского языка имя существительное имеет два числа: единственное и множественное.

Единственное число совпадает с основой существительного, не имеет формального показателя: *кас* ‘гусь’, *демдек* ‘отметка, отметина’, *чаъс* ‘дождь’, *ошкү* ‘коза’, *каът* ‘этаж, слой’, *чурукчу* ‘художник’, *ээрэмчик* ‘паук’.

Множественное число образуется присоединением к основе слова общетюркского аффикса множественного числа =*лар* и его вариантов (табл. 1).

Форма единственного числа отдельных существительных может передавать идею множественности. Это, как правило, слова, обозначающие группу предметов, животных: *хой* ‘овца, овцы, стадо овец’, *инек* ‘корова, стадо коров’, *чылгы* ‘табун, лошади’, *мал* ‘домашнее животное, скот’. Примеры реализации во фразах: *хой кадара берген* ‘ушёл пасти овец (букв. овцу пасти ушёл)’, *иви малдап турар* ‘содержит оленей’. А в сочетании *сүрүг мал* ‘гурт (букв. гурт скот)’, *кодан мал* ‘отара (букв. отара животное)’ слово *мал* не оформляется аффиксом множественного числа, так как перед ним стоит существительное, обозначающее множество.

В то же время практически каждое существительное может принимать аффикс множественного числа: *суг* ‘вода’ – *суг=лар* ‘воды’, *сүт* ‘молоко’ – *сүттер* ‘молоко, налитое в некое множество посуды’. Например, *сүттер ажып каан-дыр* ‘Молоко (имеется в виду налитое в разную посуду) прокисло’. Некоторое множество лошадей передается сочетанием *аскыр өөрү чылгы*

Формы множественного числа существительных в ЛТЯ

Конечный основы	Вариант аффикса		Примеры
	С твердыми гласными	С мягкими гласными	
Гласные, -г, -й, -р	=лар		ары=лар 'осы', хову=лар 'степи', даг=лар 'горы', хой=лар 'овцы', суурлар 'деревни'
		=лер	чер=лер 'земли', бұру=лер 'листья', чүг=лер 'перья', өөр=лер 'друзья'
-л	=дар		сал=дар 'усы', хыл=дар 'жилы', хол=дар 'руки', кул=дар 'рабы'
		=дер	өрээл=дер 'комнаты', шил=дер 'стекла', хөл=дер 'озера', чүүл=дер 'статьи'
-м, -н, -ң	=нар		таан=нар 'грачи', аяң=нар 'поляны', ном=нар 'книги'
		=нер	хем=нер 'реки', тен=нер 'шипы', хөйлең=нер 'рубашки' дүрүм=нер 'правила', үн=нер 'голоса', дишң=нер 'белки'
Глухие (п, т, к, с, ш)	=тар		кат=тар 'ягоды', дьт=тар 'лиственницы', кас=тар 'гуси', даш=тар 'камни', шанак=тар 'сани', шкаф=тар 'шкафы'
		=тер	эжик=тер 'двери', диис=тер 'кошки', өдүрек=тер 'утки', эшикиши=тер 'весла'

‘табун лошадей во главе с жеребцом (букв. жеребец группа=его табун)’,
причем группа не превышает 20 особей.

В ЛТЯ широко используется аффикс множественного числа =лар и его варианты в терминах родства для обозначения группы лиц [Кара-оол 2009: 143] в сочетании со словом суг во множественном числе, а сам термин оформляется аффиксом принадлежности: ава=м суглар ‘моя мама и те, кто с ней’. При присоединении к собственным именам =лар также обозначает группу лиц во главе с тем, кто назван: Кызыл-оол=дар ‘Кызыл-оолы’. Это может быть семья, друзья, соратники, родственники. В сочетании авам суг ‘моя мама и те, кто с ней’ мы усматриваем форму инклюзива [Убрятова 2011б:

256-263], которая также выделяется в составе глагольных форм (см. об этом далее в параграфе «Повелительное наклонение»).

В кара-хольском говоре западного диалекта к имени собственному во множественном числе присоединяется сложное слово *аал-аймаа* ‘семейство, клан’ в форме принадлежности 3-го лица (модель II изафета). Например: *Кара-оол=дар аал-айма=а* (<*аал=аймак+ы*) ‘Кара-оолы или семья Кара-оолов (букв. Кара-оолы семейство=их)’. Синонимичным является сочетание имени собственного с аффиксом *=лыг* и слова *кезек* ‘часть’ в значении 1) семья во главе с тем, кто назван: *Кара-оол=дуг кезек* ‘Кара-оолы или семья Кара-оолов’. Последнее сочетание встречается везде, имеет оттенок некоторой фамильярности, пренебрежительности, характерно для устной речи.

В некоторых словах сохраняются древние формы множественности: в ЛТЯ и во всех диалектах имеется слово *ийи=с* ‘двойня’ сохранился древний аффикс множественности *с* (-*s* < -*z*). В ЛТЯ *эж=еш* ‘пара’, АД *ада=ш* ‘друзья’ также сохраняют древние формы множественности.

Интересно, как в цэнгэльском говоре АД для обозначения группы лиц используется аффикс множественного числа: к основе слов, выражающих родственные отношения, последовательно присоединяются аффикс принадлежности, затем аффикс множественного числа, причем его значение соответствует именному сочетанию с частицей *суг* в ЛТЯ, придающей собирательное или обобщающее значение, например: *куүй=үм=нер* ‘мои тётя (жена дяди по матери) и с ней другие’, лит. *куүйүм суг*; *ээдж=им=нер* ‘моя мать и с ней другие’, лит. *авам суг*; *аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’, лит. *акым суг*.

Впервые эту особенность речи тувинцев Цэнгэла зафиксировала в своей диссертации Х. Гансук [2009в: 64-65], в других говорах АД эта особенность не проявилась. В ЛТЯ можно строить форму только в последовательности: основа существительного + аффикс множественного числа + аффикс принадлежности (N=PL=POSS.), например, *акы=лар=ым* ‘мои братья (букв. братья=мои)’. Как видно, значения ‘мой брат и с ним ещё кто-то’ это сочетание

не передает. Поэтому форма N=POSS=PL *аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’ является отличительной особенностью цэнгэльского говора от всех остальных диалектов и говоров тувинского языка.

Отличительной чертой АД при обозначении группы людей является форма слова, где к основе имени существительного прибавляется аффикс множественного числа монгольского языка =чууд (и его варианты): *баячым* < *бай* + *чым* ‘богачи’, монг. *баячууд*; *малчым* < *мал* + *чы*+*т* ‘скотоводы’, монг. *малчид*; *эмиктээчим* < *эмиктээ* + *чим* ‘женщины’, монг. *эмэгтэйчүүд*; *чалыычим* < *чалыы* + *чим* ‘молодёжь’, монг. *залуучууд*; *эриктээчим* < *эриктээ* + *чим* ‘мужчины’, монг. *эрэгтэйчүүд*; и к этой основе одновременно может присоединиться общетюркский аффикс множественного числа =лар: *чалыы=чим=тар* ‘молодёжь’, *мал=чы=т=тар*. Об этой особенности речи жителей Кобдо и Цэнгэла писали У. Цэцэгдарь [1999: 215], Х. Гансух [2009в: 65].

В ЛТЯ заимствована основа *мал=чын* ‘животновод, чабан’, а в АД функционирует также монгольское заимствование, но в форме *мал=чы=д* ‘скотоводы’, где к основеслова присоединились последовательно словообразовательный аффикс =чы и вариант аффикса множественного числа монгольского языка =д. Такое двойное оформление аффиксами множественного числа можно наблюдать у небольшого количества слов, обозначающих группу лиц по возрасту, профессии.

Употребление двойного показателя множественности, состоящего из монгольского и тюркского показателей, является отличительной особенностью не только алтайского диалекта, но и языка тувинцев Цагаан-Нура. Тем самым двойной показатель множественности, являясь специфической особенностью зарубежных диалектов, дифференцирует их от ЛТЯ и внутренних диалектов. Данная модель выражения множественности в них продуктивна.

В ЛТЯ имеется всего несколько слов из группы терминов родства и свойства, в составе которых выделяется аффикс множественности: *каты+ат* > *кат=аат* ‘родственники жены (мужская часть), *чуржа=ат* (от *чуржу*)

‘младшие братья и сёстры жены’, *кеннэ=эт* ‘невестки’; и они осознаются носителями тувинского языка как передающие множественность. К этим же словам могут присоединиться аффиксы множественного числа *кат=аат=тар* ‘родственники жены (мужская часть), *чуржа=ат=тар* ‘младшие братья и сёстры жены’, *кеннэ=эт=тер* ‘невестки’.

А этот же аффикс в составе заимствования из монгольского *дүжүмет* ‘чиновник’ в современном тувинском языке не выделяется, в нём не сохраняется значение множественности, а воспринимается как форма единственного числа, то есть на почве тувинского языка произошло опрощение в составе слова. Следовательно, двойное оформление множественности монгольским и общетюркским аффиксами в ЛТЯ непродуктивно.

В сибирских тюркских языках такое же двойное оформление множественности имён существительных М. С. Воронкин отмечает в якутском языке со ссылкой на свои предыдущие исследования и на работу Л. Н. Харитоновой [Воронкин 1999: 139]. В «Диалектологическом атласе якутского языка» данное явление получило подробное описание и представлено на отдельной карте [ДАЯЯ 2019: 48-49, 88]. Описание было сделано С. А. Ивановым на основе работ П. С. Афанасьева, М. С. Воронкина, Е. И. Коркиной. Показатель множественности (*=т*) встречается в языке рунических памятников: *таркат* ‘тарханы’ (титул, Памятник в честь Кюльтегина) [Тенишев 1953: 7].

Из работ видно, что в якутском языке двойное оформление множественности широко распространено территориально и охватывает обширные группы лексики, используется оно и в заимствованиях из русского языка. Можно заключить, что в якутском языке эта модель стала активно функционировать гораздо раньше, чем в тувинском, что подтверждается регулярностью её использования.

Сопоставляя якутские, тувинские и древнетюркские слова, можно предположить, что в ЛТЯ в трёх словах *кеннээт*, *чуржаат*, *катаат*

сохраняется древний аффикс множественности, а в других случаях, отмечаемых в зарубежных диалектах, наблюдается результат влияния монгольского языка; монгольское заимствование *дүжүмет*, в составе которого выделяется аффикс множественности в процессе этимологизирования, можно считать более поздним явлением. Иначе говоря, пути формирования единого на современном этапе оформления множественности двумя аффиксами в ЛТЯ и диалектах разные.

Еще одна диалектная черта в выражении множественности заключается в том, что лексико-грамматический омоним (слово) *кылын* в АД выражает значение ‘много, множество; многочисленный’, а в ЛТЯ данное слово передает значение ‘толстый, глубокий’. Таким образом, лексико-семантическое диалектное слово *кылын* используется вместо литературного *хөй* ‘много, множество; многочисленный’. Данное явление характерно для всего алтайского диалекта.

Интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров в выражении множественного числа существительных можно считать:

1) двойное оформление множественности, характерное для зарубежных диалектов, дифференцирующее их от ЛТЯ и внутренних диалектов. Это явление приближает диалекты из сибирских тюркских языков к якутскому, а аффикс множественности *-t* к текстам рунических памятников;

2) модель последовательного присоединения к основе слова, выражающего родственные отношения, формы принадлежности, а затем – аффикса множественного числа (характерно для цэнгэльского говора);

3) присоединение к имени собственному во множественном числе сложного слова *аал-аймаа* ‘семейство, клан’ по модели II изафета (свойственно кара-хольскому говору западного диалекта);

4) использование лексико-семантического диалектного слова *кылын* вместо лит. *хөй* (характерно для АД).

Особенности форм множественного числа существительных в диалектах и говорах тувинского языка представлена в табл. 2.

Особенности форм множественного числа существительных в диалектах и говорах тувинского языка

ЛТЯ	Внутренние диалекты				Зарубежные диалекты	
	центральный	тоджинский	таре-х.	западный	цагаан-курский	алтайский
Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'	Двойной аффикс мн. числа сущ. в <i>трех</i> словах: <i>кат=аат</i> 'родственники жены (мужская часть), <i>чуржа=ат</i> (от <i>чуржу</i>) 'младшие братья и сёстры жены', <i>кеннэ=эт</i> 'невестки'
Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'	Собственное имя с аффиксом <i>=лыг</i> и слово <i>кезек</i> 'часть' в значении 1) глава с тем, кто назван: <i>Кара-оол=дуг кезек</i> 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'
Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре	Двойное оформление множественного числа сущ. как живое явление в эрз.-тесх. говоре

Окончание табл. 2

ЛЯ	Внутренние диалекты				Зарубежные диалекты	
	центральный	тоджинский	тере-х.	западный	цагаан-нурский	алтайский
Термины родства с аффиксом принадлежности в сочетании со словом <i>суг</i> во мн. числе: <i>ава=м</i> 'моя мама и те, кто с ней'	Термины родства с аффиксом принадлежности в сочетании со словом <i>суг</i> во мн. числе: <i>ава=м</i> 'моя мама и те, кто с ней'	Термины родства с аффиксом принадлежности в сочетании со словом <i>суг</i> во мн. числе: <i>ава=м</i> 'моя мама и те, кто с ней'	Термины родства с аффиксом принадлежности в сочетании со словом <i>суг</i> во мн. числе: <i>ава=м</i> 'моя мама и те, кто с ней'	Термины родства с аффиксом принадлежности в сочетании со словом <i>суг</i> во мн. числе: <i>ава=м</i> 'моя мама и те, кто с ней'		
Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	<p>Основы слова, выражающего родственные отношения, в форме принадлежности, а затем аффикс мн. числа: <i>оай</i> =ым =нар 'мой дядя и с ним другие' (только цэнг.)</p>

3.2.1.2. Формы принадлежности. Формы принадлежности в говорах и диалектах аналогичны формам современного тувинского литературного языка. Они совпадают без изменения во всех трех лицах как единственного, так и множественного чисел (табл. 3, 4).

Такое совпадение характерно для большинства современных тюркских языков, унаследовавших эти аффиксы местоименного происхождения из тюркского праязыка [СИГТЯ. Морфология 1988: 22-23].

Таблица 3

Формы принадлежности в ЛТЯ. Единственное число

Лицо	Конечный основы	Аффиксы		Примеры
		твердый	мягкий	
1-е лицо	Гласный	=м	=м	<i>салаа=м</i> ‘мой палец’, <i>шиви=м</i> ‘моя ёлка’, <i>буруу=м</i> ‘моя вина’, <i>үгү=м</i> ‘моя сова’
	Согласный	=ым =ум	=им =үм	<i>хем=им</i> ‘моя река’, <i>ад=ым</i> ‘моё имя’, <i>чон=ум</i> ‘мой народ’, <i>үн=үм</i> ‘мой голос’
2-е лицо	Гласный	=ң	=ң	<i>салаа=ң</i> ‘твой палец’, <i>шиви=ң</i> ‘твоя ёлка’, <i>буруу=ң</i> ‘твоя вина’, <i>үгү=ң</i> ‘твоя сова’
	Согласный	=ың =уң	=иң =үң	<i>хем=иң</i> ‘твоя река’, <i>ад=ың</i> ‘твоё имя’, <i>чон=уң</i> ‘твой народ’, <i>үн=үң</i> ‘твой голос’
3-е лицо	Гласный	=зы =зу	=зи =зү	<i>салаа=зы</i> ‘его палец’, <i>шиви=зи</i> ‘его ёлка’, <i>буруу=м</i> ‘моя вина’, <i>үгү=м</i> ‘моя сова’
	Согласный	=ы =у	=и =ү	<i>хем=им</i> ‘его, её река’, <i>ад=ым</i> ‘его имя’, <i>чон=ум</i> ‘его, её народ’, <i>үн=үм</i> ‘его, её голос’

Особенностью диалектов можно считать использование алломорфов =гар // =гер вместо лит. =ңар // =ңер: *аьдыгар* ‘ваша лошадь’, *эжигер* ‘ваш друг’, которая встречается в бай-тайгинском [Доржу 2002: 41] и дзун-хемчикском говорах [Сегленмей 1983: 156], в АД [Монгуш 1983: 143; Цэцэгдарь 1999б: 215; Гансух 2009в: 69]. В ЛТЯ этот аффикс также является стилистическим маркером высокого стиля [Сат, Монгуш 1967: 89], данный вариант можно услышать в устной разговорной речи пожилых информантов почти повсеместно.

Формы принадлежности в ЛТЯ. Множественное число

Лицо	Конечный основы	Аффиксы		Примеры
		твёрдый	мягкий	
1-е лицо	Гласный	=выс, =вус	=вис, =вүс	салаа= выс 'наши палец', шиви= вис 'наша ёлка', буруу= вус 'наша вина', үгү= вүс 'наша сова'
	Согласный	=ывыс, =увус	=ивис, =үвүс	хем= ивис 'наша река', ад= ывыс 'наше имя', чон= увус 'наш народ', үн= үвүс 'наш голос'
2-е лицо	Гласный	=ңар	=ңер	салаа= ңар 'ваш палец', шиви= ңер 'ваша ёлка', буруу= ңар 'ваша вина', үгү= ңер 'ваша сова'
	Согласный	=ыңар =уңар	=иңер =үңер	хем= иңер 'ваша река', ад= ыңар 'ваше имя', чон= уңар 'ваш народ', үн= үңер 'ваш голос'
3-е лицо	Гласный	=зы =зу	=зи =зү	салаа= зы 'их палец', шиви= зи 'их ёлка', буруу= зу 'их вина', үгү= зү 'их сова'
	Согласный	=ы =у	=и =ү	хем= и 'их река', ад= ы 'их имя', чон= у 'их народ', үн= ү 'их голос'

Ад в оформлении аффикса принадлежности последователен, и в этом показывает сходство с алтайским языком, который имеет следующие варианты 2 л. мн. ч.: =ыгар, =игер, =гар, =гер, =гор, =гөр [ГСАЯ. Морфология. 2017: 27-28].

Б. Серебренников, Н. Гаджиева пишут: «Показатель множественности =ар, =ер здесь тот же, что и в хакасском, тувинском и киргизском, но ему предшествует другой вариант аффикса 2 л. ед. ч. =г, =ыг. Чередование *ң* и *г* в вариантах аффиксов =ңыз и =гыз можно объяснить по-другому. В тюркском праязыке было два варианта притяжательного аффикса 3 л. ед. ч. =ң (=ың) и =г (=ыг). Оба они могли образовать мн. число путем прибавления форманта =ыз (=из). Возникавшие таким образом формы мн. числа =ңыз, =ңиз и =гыз, =гиз чисто стихийно распределялись по разным тюркским языкам» [СИГТЯ 1979: 97].

Таким образом, видно, что тувинский язык сохранил разные варианты древнего притяжательного аффикса 3 л. ед. ч. =ң (=ың) и =г (=ыг), литературной нормой установлен вариант с =ң.

Особенность языка тувинцев Китая в притяжательном оформлении имен собственных проявляется в словах *оол* ‘мальчик’, *аас* ‘рот’.

В ЛТЯ при присоединении аффикса принадлежности в основе слова восстанавливается выпавший интервокальный сверхслабый *ɣ* (*оол* > **огул*) [Исхаков, Пальмбах 1961: 57]: *огл=ум*, *огл=уң*, *огл=у*. В китайском говоре аффикс принадлежности присоединяется уже к стяженной форме *оол=ум*, *оол=уң*, *оол=у*, т. е. не восстанавливается выпавший сверхслабый *ɣ*.

В притяжательных формах слова *аас* [ās] ‘рот’, где также произошло выпадение сверхслабого *ɣ*, сохраняется произношение сверхслабого *ɣ* перед глухим *с*: *агсы*. А в ЛТЯ *ɣ* перед глухим *с* подвергается ассимиляции по глухости: *аксы* ‘его рот’. В разговорной речи у многих носителей внутренних диалектов тувинского языка происходит метатеза *аксы//аскы*.

Разновидность общетюркской формы принадлежности в виде аффикса =*ыңыз*, нехарактерной для ЛТЯ и других диалектов и говоров, мы зафиксировали в речи китайских тувинцев. Эта форма проявлялась спорадически, скорее всего, она обусловлена влиянием казахского языка, поэтому можно только предположить, что форма =*ыңыз* может закрепиться в данном говоре.

Таким образом, в диалектах и говорах тувинского языка функционируют две древние формы аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа имен, унаследованные от др.-тюр. *iңiz* // *iḡiz*; а также сочетанием соответствующего аффикса единственного числа с аффиксом =*лар*: -(*i*)*бар*, -(*i*)*нар*. В этом отношении тувинский язык стоит в одном ряду с киргизским, алтайским, тофаларским и шорским [Щербак 1977: 73-74].

Итак, интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров в данной области можно считать присоединение аффикса принадлежности уже к стяженной форме слов *оол* ‘мальчик’, *аас* ‘рот’, где не восстанавливается выпавший сверхслабый *ɣ*, а также спорадическое применение одной из древнетюркских форм =*ыңыз*, обусловленное влиянием казахского языка. Это является инновационным явлением в языке тувинцев

Китая. В то же время этот случай можно рассматривать как один из признаков разрушающего воздействия близкородственного казахского языка на один из бесписьменных зарубежных говоров тувинского языка.

3.2.1.3. Систему падежей в тувинском литературном языке составляют семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный и направительный падеж [Исхаков, Пальмбах 1961: 118-147], табл. 5.

Таблица 5

Система падежей в ЛТЯ и во внутренних диалектах

Падеж	Ауслуут основы	Мягкий	Твердый	Примеры
Именительный *		-		Хем 'река', хол 'рука', хөл 'озеро', дымт 'лиственница', ары 'оса', чүг 'перо'
Родительный	Гласные, г, й, р, м, н, ң	-ның, -нуң	-ниң, -нүң	Хем= ниң 'реки', ары= ның 'осы' Хой= нуң 'овцы', чүг= нуң 'пера'
	Глухие	-тың, -туң,	-тиң, -түң,	Дымт= тың 'лиственницы', хеп= тиң 'одежды' Дус= туң 'соли', дүш= түң 'сна'
	л	-дың, -дуң	-диң, -дүң	сал= дың 'усов', эл= диң 'берега' хол= дуң 'руки', хөл= дүң 'озера'
Дательный	Гласные, сверхслабые	-га	-ге	хол= га 'руке', хөл= ге '(к) озеру'
	Глухие	-ка	-ке	дымт= ка 'лиственнице', хеп= ке 'одежде'
	Диалектные формы	-ма -па -ба	-ме -пе -бе	авам= ма 'маме', хем= ме 'реке' авам= па 'маме', хем= пе 'реке' авам= ба 'маме', хем= бе 'реке'
Винительный	Гласные, г, й, р, м, н, ң	-ны, -ну	-ни, -нү	Ары= ны 'сна', хем= ни 'сна' Хой= ну 'сна', чүг= нү 'сна'
	Глухие	-ты, -ту	-ти, -тү	Дымт= ты 'лиственницу', хеп= ти 'одежду', дус= ту 'соль', дүш= тү 'сон'
	л	-ды, -ду	-ди, -дү	Чыл= ды 'год', эл= ди 'берег' хол= ду 'руку', хөл= дү 'озеро'
Местный	Гласные, сверхслабые	-да	-де	Ары= да 'оса', хол= да '(на) руке', хөл= де '(на) озере'
	Слабые, глухие	-та	-те	Дымт= та '(на) лиственнице', хеп= те '(на) одежде'

Падеж	Ауслат основы	Мягкий	Твердый	Примеры
Исходный	Гласные, сверхслабые	-дан	-ден	Ары= дан ' (от) осы', хөл= ден ' (от) озера'
	Слабые, глухие	-тан	-тен	Дыт= тан ' (от) лиственницы', хеп= тен ' (от) одежды'
Диалектные формы	Гласные, сверхслабые	-нан	-нен	Ары= нан ' (от) осы', хем= нен ' (от) реки'
Направительный ¹	Гласные, г, р, й	-	-же	Ары= же ' (к) осе', даг= же ' (к) горе', хой= же ' (к) овце', хар= же ' (к) снегу'
	Л, м, н, ң, глухие	-	-че	Хем= че ' (к) реке', хол= че ' руке', хөл= че ' (к) озеру', дыт= че ' (к) лиственнице'
Направительный ²	Гласные, г, р, й, л, м, н, ң	-дыва	-диве	Ары= дыва ' к осе', хем= диве ' (к) реке'
		-дува	-дүве	Хол= дува ' руке', хөл= дүве ' (к) озеру'
	Глухие	-тыва	-тиве	Дыт= тыва ' лиственнице', хеп= тиве ' одежде'
		-тува	-түве	Дус= тува ' соли', чук= түве ' в сторону'

* Не выделяется отдельно звательный падеж, но его форма в отдельных словах терминов родства и свойства сохраняется.

Тувинский язык по классификации Г. Ф. Благовой относится к уйгурско-кыпчакскому типу склонения, который характеризуется использованием падежных алломорфов с согласным в анлауте как в именной, так и в посессивно-именной парадигме [СИГТЯ. Морфология 1988: 62].

По количеству падежей и их составу в абсолютном большинстве диалектов и говоров тувинского языка система падежей идентична с литературным языком. Исключение составляет только алтайский диалект, во всех его говорах выделяется восемь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, орудный и направительный, то есть он отличается наличием орудного падежа. По форме оформления падежей также отличаются тоджинский, тере-хольский и цагаан-нурский диалекты (табл. 6).

Особые падежные формы в сравнительном плане

Диалект	Формы направительного падежа				Оруд. падеж	Двойн. падеж	Исходный падеж	
	=че// же	=дыва/ / =диве	=куду// гуду	N + куду			=нан// нен	=Р.П.+ местн. Исх.
ЛТЯ	+						+	
Китай				+	+			
Цэнгэл		+		+	+			
Кобдо				+	+			
Монгун-Тайга	+	+					+	
Бай-Тайга	+	+					+	+
Кара-Хол	+	+					+	+
Барун-Х.	+	+					+	
Овюр	+						+	
Дзун-Хем.	+						+	
Усинск	+						+	
Чаа-Холь	+						+	
Улуг-Хем	+	+					+	
Бии-Хем	+						+	
Каа-Хем	+						+	
Танды	+						+	
Тес-Хем	+						+	
Эрзин	+					+	+	
Тере-Холь	+*							=
Тоджа р.	+*	+	+					+
Тоджа т.	+*	+	+					+
Цагаан-Нур	+	+	+					+
Сэлэнга				+	+			+

* Ранее, в 1960–1970-х гг., не отмечалось в речи коренных жителей.

Кроме того, формы некоторых падежей в диалектах имеют алломорфы, обусловленные их позиционными характеристиками. Это формы дательного, исходного, орудного падежей, несколько форм выражения имеет направительный падеж. Формы падежей рассматриваются ниже.

Напомним, что в качестве отдельного падежа не выделяется, но присутствует в ряде терминов родства и свойства форма древнего звательного падежа: *авай* ‘мама’, *ачай* ‘папа’, *угбай* ‘сестра’, *даай* ‘дядя’, *кууй* ‘тётя (жена дяди)’, *даай-авай* ‘тётя (по матери)’, *кырган-авай* ‘бабушка’, *кырган-ачай* ‘дедушка’, *честей* ‘зять’, *чеңгей* или *чаавай* ‘невестка (жена старшего брата)’,

акый ‘старший брат’, *дуңмай* ‘младший брат’. Все эти формы слов являются обращениями. В языке тувинцев Цэнгэла к этому списку примыкают два обращения *оглу=й* ‘сыночек’, *кыз=ый* ‘доченька’ [Гансух, 2009 в: 71].

Значение орудия действия, передаваемое родительным падежом при помощи послелога *биле* в ЛТЯ, в АД передается его полной формой послелога *билен*: *Өгнүң орнун банзы билен шалдап алып бис*, лит. *Өгнүң орнун манза-биле шалалап алып бис* ‘На месте юрты устраивают полы из досок?’, *Хойнуң хомулаа билен хомалак тыртар*, лит. *Хойнуң хомулаа-биле хуваанактаар* ‘При помощи овечьего помета гадать (как на камушках)’; *Унуну тал билен кылып*, лит. *Унуну тал билен кылып* ‘Жерди для юрты делают из тальника’.

Остальные диалекты и говоры не отличаются друг от друга формой родительного падежа.

Винительный падеж не отличается в диалектах от ЛТЯ, поэтому на нем не будем специально останавливаться.

Дательный падеж. В литературном языке показателем этого падежа является форма *=га* (*=ге*, *=ка* // *=ке*).

Кроме данных фонетических вариантов используются также варианты *=ба* // *=бе*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на сонорный *=м*: *даайымба*, лит. *даайымга* ‘дяде (со стороны матери)’; *чуртумба*, лит. *чуртумга* ‘родине моей’; *номба*, лит. *номга* ‘книге’. Эти алломорфы повсеместно характерны для устной речи.

В тоджинском [Чадамба 1974: 54], юго-восточном [Куулар 2003: 120] и тере-хольском диалектах [Серен 2006: 68] встречаются губно-губные варианты *=ма* // *=па*: *авампа*, лит. *авамга* ‘моей матери’; *кызымпа*, лит. *кызымга* ‘моей дочери’; *чембе*, лит. *чемге* ‘пище’; *эжимпе*, лит. *эжимге* ‘другу’; *холумпа* ‘моей руке’.

В отдельных словах улуг-хемского и дзун-хемчикского говоров центрального диалекта фиксируются полностью ассимилированные алломорфы с начальным *=ма* // *=ме* после основы, оканчивающейся на *м*: *хемме* ‘к реке’, *хир-чамма* ‘грязи’, *эжимме* ‘моему другу’. Как видно из

примеров, вариативность алломорфов проявляется в прогрессивной ассимиляции губно-губного *м*, на которые заканчивается основа слова, он уподобляет частично или полностью начальный согласный аффикса дательного падежа.

Таким образом, алломорфы дательного падежа в диалектах демонстрируют вариативность практически повсеместно. Вариативность форм обусловлена ассимиляцией согласных.

Исходный падеж. В ЛТЯ и во всех его диалектах и говорах исходный падеж оформляется формой =дан (=ден, =тан // =тен), как и в большинстве тюркских языков.

В алтайском диалекте в аффиксах исходного падежа наряду с формой на =тан // =тен, после основ, оканчивающихся на гласные, и после сонорных =г, =м, =н, =ң, =р встречается вариант =нан // =нен, а варианты =дан//=ден прибавляются к основам, оканчивающимся на сонорный =л. Например: *дүгүннен*, лит. *дүгүнден* ‘из шерсти’; *хемнен*, лит. *хемден* ‘от реки’; *холдан*, лит. *холдан* ‘с рук’.

Вариант аффикса исходного падежа =нан // =нен также отмечен в западном диалекте [Бабушкин 1961: 249-252; Доржу 2002: 43], в речи жителей Кобдо [Цэцэгдарь 1999: 216] и населения Эрзина и Тес-Хема [Куулар 2003: 124].

Отсюда следует, что алломорфы исходного падежа в диалектах демонстрируют вариативность практически повсеместно.

Для алтайского диалекта характерен **орудный падеж** с аффиксом =нан (его варианты: =нен, =тан//=тен, =дан//=ден) со значением ‘с; вместе с’. Например: *Бистиң чамдык улус сыырткынан балыктаар бис* ‘Некоторые из наших рыбацат при помощи удочки’.

По происхождению орудный падеж восходит к послелогу *биле*. В тувинском он представлен в полной форме, в отличие от других сибирских тюркских языков [Пальмбах, Исхаков 1961: 438]. В АД встречается наречие *даңбылан* ‘на заре (скорее всего, букв. ‘вместе с зарей’), которое состоит из

двух компонентов: *даң* ‘заря’ и *былан* ‘ вместе с’, очевидно, в последнем компоненте слова сохранился древний вариант. Происхождение вариантов данного общетюркского послелога *bile /birlen*, отмеченных в древнетюркских памятниках как *birlä, bilä, birlän*, подробно описала Л. С. Левитская в части «Послелого» коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» [СИГТЯ. Морфология 1988: 496].

Направительный падеж. Из всех падежей тувинского языка направительный падеж даёт самую разную картину как в ЛТЯ, так и в его территориальных разновидностях, что свидетельствует о его более позднем формировании.

Общепринято, что в ЛТЯ направительный падеж образуется при помощи двух разных форм:

1) =*че* // =*же*; аффикс имеет только два варианта с мягкими гласными, что не подчиняется закону гармонии гласных, согласный анлаута аффикса подчиняется закону уподобления согласных по глухости и звонкости, а также не принимает на себя ударение, что свидетельствует о его послеложном происхождении;

2) =*тыва* // =*тиве* (его варианты: =*тува* // =*түве*, =*дыва* // =*дыве*, =*дува* // =*дүве*) [Пальмбах, Исхаков 1961: 138-140; Сат, Салзыңмаа 1980: 118].

Авторы грамматики тувинского языка вслед за Н. П. Дыренковой называют первый аффикс направительного падежа «послелог-аффикс» [Пальмбах, Исхаков 1961: 138]. Она же отмечает употребление послелог-аффикса в алтайском, шорском, хакасском языках в разных функциях [Дыренкова 1940: 217-218, 239-340].

Во внутренних диалектах и говорах отмечается третья форма направительного падежа. В бии-хемском говоре встречается =*кыды* с вариантами // =*киди*, =*куду* // =*күдү* [Сарыкай 1968: 303], в тере-хольском диалекте (= *гыды* // = *гиди*) [Сат 1968: 112; Серен 2006: 69], в каа-хемском говоре зафиксированы варианты =*кыды* // =*киди* (встречается редко) [Чадамба 1973: 239] и в барун-хемчикском говоре выявлены твердый и мягкий варианты

с начальным глухим =кыды // =киди [Мартан-оол 1977: 84]. В тоджинском диалекте выявлено восемь вариантов данного аффикса: =гыды // =гиди, =гуду // =гүдү, =кыды // =киди, =куду // =күдү [Чадамба 1974: 98], подчиненных закону гармонии гласных и сочетаемости согласных тувинского языка.

Ш. Ч. Сат и З. Б. Чадамба считают, что аффикс =куду развился из самостоятельного слова куду 'вниз' [Сат 1968: 117; Чадамба 1974: 98], что подтверждают кобдоский и китайский говоры.

Направительный падеж в кобдоском говоре представлен аффиксом =гуду, =куду, который не имеет варианта с мягким гласным. В речи пожилых людей встречается аффикс =дыва // =диве (его варианты =дува // =дүве, =тыва // =тиве, =тува // =түве). Например: Сумун гуду мешээннен көжер бис, лит. Сумуже машина-биле көжер бис 'В сумон перекочем на машине'; Демги уруг кем кежер үеде бир сыргазын суг куду кааптап тур 'Когда переезжали через реку, девушка одну из своих серёг опустила в воду'.

Основным значением направительного падежа является выражение направления движения или действия, и соответствует русскому предлогу 'к'.

Аффикс =че // =же отсутствует в АД, вместо него широко используется послелог-аффикс =гуду // =куду и послелог куду. В цагаан-нурском диалекте параллельно используются три формы: =че // =же, =дыва // =диве, =гуду // =куду, что свидетельствует о большой вариативности, обусловленной составом носителей данного диалекта.

Аффикс =дыва/ со всеми его восемью вариантами встречается в дзун-хемчикском говоре [Сеглеңмей 1983: 156], в эрзинско-тес-хемском говоре (по классификации Е.М.Куулар в юго-восточном диалекте) [Куулар 2003: 126] и в бай-тайгинском говоре [Доржу 2002: 44], в западном диалекте; с глухими вариантами – в тере-хольском диалекте – редко.

Ареалы распространения различных форм направительного падежа на территориях функционирования тувинского языка показаны в карте №7 в приложении.

В языке тувинцев Цэнгэла вместо литературной формы дательного падежа употребляется местный падеж в значении дательного при обозначении обстоятельства места, например: *Аңның изи харда* (лит. *харга*) *үнер* ‘Следы зверя видны на снегу’. *Чаа бөстүң быжындызын отка оккуларда* (лит. *оттуларга*), *от өөрөр дидир* ‘Когда кладут лоскут новой ткани в огонь, огонь радуется, говорят’ [Гансук 2009в: 72-73]. Такое же явление зафиксировано в ЮВД явление зафиксировано в ЮВД: *Мен авамда чордум* (лит. *Мен авамга чордум*) ‘Я был у мамы’ [Куулар 2003: 121].

Е. М. Куулар считает, что смешение падежей обусловлено монгольским влиянием, так как тувинские дательный и местный падежи соответствуют одному дательному-местному падежу монгольского языка с аффиксом $=d(a) // =m(a)$ [2003: 121]. Об этом же пишет А.Б.Хертек [2013: 170-178].

На наш взгляд, в тувинском языке, несмотря на строгую дифференциацию локальных падежей при выражении временных и пространственных значений [Исхаков, Пальмбах 1961, 134-147; Шамина 1987; Хертек 2013:], в диалектах сохраняется недифференцированный в этом отношении древний дательного-местный падеж [СИГТЯ. Морфология, 1988.114-115]. Это же явление проявляется на уровне сложного предложения. Например:

Бо чемни кыл=ыр=га, хооваң кырынга кулурун быжырып алыр в.м. лит. *Бо чемни кыл=ыр=да, хооваң (изиг-демир) кырынга кулурун (далганын) быжырып алыр* ‘Для того, чтобы изготовить это блюдо, нужно на поверхности железной печки, подсушивают лепешку из (пресного) теста’.

В следующей моносубъектной полипредикативной конструкции следования литературная норма предполагает оформление предиката деепричастной формой на $=гаиш$, вместо неё в диалекте используется причастно-падежная форма $=ар=да$.

Арагы ижип ал=ыр=да (1), *ырлай албас кижии мен* (2) в.м. лит. *Арага ижип ал=ыр=га, кижии ырлай албас* ‘Когда выпью араки, не могу петь’.

Исследовав многозначные модели полипредикативных конструкций $T_v=ар=да$, $T_v=ар=га$ темпоральной семантики тувинского языка, Л.А.Шамина

убедительно доказала, что ЛТЯ развил и дифференцировал эти модели в зависимости от лексико-семантического наполнения [Шамина, 2001: 134-138].

Таким образом, падежная система всех диалектов и говоров, кроме алтайского диалекта, не отличается от литературного языка за исключением случаев с вариантами аффиксов дательного и исходного падежей. Алтайский диалект отличается наличием орудного падежа, отсутствием аффикса =*че* у направительного падежа. Послелог *куду*, выражающий значение направления движения в АД, даёт основание утверждать, что аффикс =*гуду* развился из самостоятельного слова. Форма =*дыва* показывает сходство тоджинского и цагаан-нурского диалектов с рядом говоров центрального диалекта. В последнее время наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа в тоджинском, тере-хольском диалектах, кара-хольском говоре, что обусловлено влиянием литературного языка. Особенности диалектов и говоров в системе падежей представлены в табл. 7.

Интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров в области падежной системы существительных можно считать четыре формы выражения направительного падежа, наличие и отсутствие орудного падежа; алломорфы дательного и местного падежей.

3.2.2. Имя прилагательное

Данная часть речи в тувинском языке, как и во всех тюркских языках, относится к неизменяемым частям речи. В её составе существуют синкретичные корреляты, которые представляют несколько рядов:

А) имя прилагательное – имя существительное: *даш октаар* ‘кидать камень’ – *даш бажың* ‘каменный дом’; *шил бузар* ‘разбить стекло’ – *шил сава* ‘стеклянная посуда’;

Б) имя прилагательное – имя существительное – наречие: *соок кыш* ‘холодная зима’ – *соок дүшкен* ‘наступила зима’, *соок чугаалашкан* ‘холодно разговаривал’;

Особенности падежных форм в диалектах и говорах тувинского языка

ЛТЯ	Внутренние диалекты				Зарубежные диалекты	
	центральный	тодзинский	тере-х.	западный	цагаан-нурский	алтайский
Напр. пад. 1) =че, =же; 2) =дыва, =диве, =дува, =дүве, =тыва, =тыве, =тува, =түве	Напр. пад. 1) =че, =же; 2) нет; 3) =гуду, =куду, =гиди, =киди	Напр. пад. 1) =че, =же; 2) =дыва, =диве, =дува, =дүве, =тыва, =тыве, =тува, =түве; 3) =гуду, =куду, =гиди, =киди (реже)	Напр. пад. 1) =че, =же; 2) =дыва, =диве, =дува, =дүве, =тыва, =тыве, =тува, =түве; 3) =гуду, =куду, =гиди, =киди	Напр. пад. 1) =че, =же; 2) =дыва, =диве, =дува, =дүве, =тыва, =тыве, =тува, =түве	Напр. пад. 1) =че, =же; 2) =дыва, =диве, =дува, =дүве, =тыва, =тыве, =тува, =түве; 3) =гуду, =куду, =гиди, =киди	Напр. пад. 1) нет; 2) нет; 3) нет; 4) послелог куду
Отсутствие форм орудного падежа	Отсутствие форм орудного падежа	Отсутствие форм орудного падежа	Отсутствие форм орудного падежа	Отсутствие форм орудного падежа	Отсутствие форм орудного падежа	Наличие орудного падежа =нан, =нен
Отсутствие двойных падежей	Наличие двойных падежей в эрз.-тес-хем. говоре	Отсутствие двойных падежей	Отсутствие двойных падежей	Отсутствие двойных падежей	Нет сведений	Наличие двойных падежей: Р. п. + Местн. п., Р. п. + Дат. п.

LAT – направительный падеж на =сар.

LAT₁ – направительный падеж на =че.

LAT₂ – направительный падеж на =дыва.

LAT₃ – направительный падеж на =гыды.

LAT₄ – направительный падеж с послелогом куду.

В) имя прилагательное – наречие: *дүрген бодал* ‘мгновенная мысль’ – *дүрген халыыр* ‘быстро бежать’.

Б. И. Татаринцев подобные корреляты считал лексико-грамматическими омонимами [Татаринцев 1987: 122-224], о них же на материале тувинского языка исследование вела А. А. Сюрюн [2011]. В этом отношении диалекты и говоры не отличаются от ЛТЯ.

Состав прилагательных диалектов тувинского языка характеризуется сравнительной однородностью, лишь небольшие группы слов относятся к диалектным словам, имеющим семантические сдвиги; есть и отличия в образовании степеней сравнения. В основном это относится к зарубежным диалектам.

В АД выявлены прилагательные, не фиксируемые в ЛЯ: кобд., цэнг. *хоюг оолдар* (*хоюг уруглар*), лит. *бичии уруглар* ‘дошкольники’; кобд., цэнг. *оонак оолдар*, лит. *элээди уруглар* ‘подростки’; цэнг. *тегши*, лит. *хөнү* ‘прямой’, ср. монг. *тэгш* ‘равный, соразмерный’; кобд. *шолук*, цэнг., кит. *шолак*, лит. *кыска* ‘короткий, краткий’, ср. каз. *шолак* ‘короткий; куцый; безрукий’ [КазРС 1988: 388]; *кызыктыг*, лит. 1. *солун*; 2. *хөктүг* ‘1. интересный; 2. забавный, развлекательный, смешной, комичный’.

В то же время ряд прилагательных можно считать яркими маркерами принадлежности субъекта речи определенному диалекту или говору. Например, *чившин* ‘неприятный’, *салам* ‘упитанный, крепко сбитый’ – показатель эрзинского говора. Тувинцы до сих пор по таким активным словам определяют принадлежность речи к определенной родоплеменной группе или территории.

В кобдоском говоре фиксируется аффикс прилагательных =*ыйг*, выражающий ослабление качества, он имеет следующие алломорфы: *алгыг*=*ый*=*г* > *алгыыйг* ‘довольно широкий’, лит. *алгыыг*, *алгыгзымаар*; *чылыг*=*ый*=*г* > *чылыыйг* ‘довольно тёплый’, лит. *чылыыг*, *чылыгзымаар* [Цэцэгдарь 2013: 14]. Эта же форма ослабления качества отмечена в таежном говоре тоджинского диалекта, а также встречается в западном диалекте

тувинского языка [Сат 1987: 47, 50]: *быъжший* или *быъжшийак*, лит. *быъжсыыг* ‘довольно прочный’, *баъгший* или *баъгшийак*, лит. *баъгаай* ‘довольно плохой’. По мнению З. Б. Чадамба, в таежном говоре последний гласный корня или основы переходит в звук *и*, после него прибавляются аффиксы =*ий* или =*ийак* [1974: 88]. Такое же явление наблюдается в кара-хольском говоре западного диалекта: *соойук* ‘немножко, чуть холодный’.

Формы ослабления качества 1) =*сым* / =*сим*; =*сумал* / =*сумел*; =*сымак* / =*симек*: *куу* ‘серый’ – *куусум*, *куусумал*, *куусумак* ‘сероватый’ вм. лит. =*сымаар*/=*симээр*: *куу* ‘серый’ – *куусумаар* ‘сероватый’; 2) =*шыл*//=*шил*: *акшыл* вм. лит. *аксымаар* ‘беловатый’, *көкшил* вм. лит. *көксимээр* ‘синеватый’ в цэнгэльском говоре АД фиксирует Х. Гансук [2009б: 11-12]. При такой большой вариативности аффиксов в говоре можно только констатировать, что повторяющейся частью является *сым*, став основой для других вариантов.

АД отличается от ЛТЯ набором слов-квалитативов, не характерных в данной роли: *беърги*, *сүрлүг*, *чиъңгин*, *шында*, переводящихся совершенно одинаково как ‘очень, чрезвычайно’. Например: *Силерниң ында кыжын сүрлүг улуг хар дүжер, улуг соок деп дыңнаан мен.* ‘Я слышал, что у вас там зимой много снега, очень холодно’; *Оглу сүрлүг сергелең оол.* ‘Его сын очень подвижный мальчик’; *Чаа, бөгүн Тыва АССР-нен келген бистиң ха-дуңма агаларывыс, эитеривис бистиң өг-бүлевиске таныжып ап келгенинге сеткиливис ханызынан сүрлүг өөрүп тур бис.* ‘Очень рады от всей души, что наши друзья, старшие братья, приехавшие только сегодня из Тувинской АССР, пришли знакомиться в нашу семью’.

В следующем примере превосходная степень образуется при помощи слова *чыт*, которое в ЛТЯ переводится как ‘запах’. Совершенно необъяснимо использование данного слова в данном качестве. *Хомду кем үерлээнде, чыт кызыл анаар болгаи бистиң билиривис көвей кижиниң тынын алган.* ‘Река Хомду, когда разливается, становится кроваво-красной и унесла жизни многих людей, которых мы знали’.

В ЛТЯ превосходную степень от прилагательного *кызыл* можно образовать несколькими способами: 1) повторением первого слога *кып-кызыл* ‘ярко-красный’; 2) словами *чиңгир* и *чидиг*: *чиңгир-кызыл*, *чиьдиг-кызыл* ‘ярко-красный’. В сложном слове *чиьдиг-кызыл* ‘ярко-красный’ появление компонента *чыт* можно объяснить утратой второго слога *-иг* слова *чидиг* с последующим оглушением согласного *д* и регрессивной гармонией гласных стяженного второго компонента *кызыл*. Из всех способов образования превосходной степени прилагательных АД проявляет самые своеобразные сочетания, которые заставляют исследователя внимательно отнестись к семантическим сдвигам в лексической семантике.

Формы *-шыырхы/...*, *-шуул* Е. М. Куулар фиксирует как аффиксы сравнительной степени прилагательных, оформляющихся при помощи аффиксов уподобления в речи жителей Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов: *хамшырхыы* – *хам ышкаш* ‘подобно шаману’, *ытшырхыы* – *ыт ышкаш* ‘подобно собаке’, *ошырхыы* – *ол ышкаш* ‘точно такой’, *инекширхи* – *инек ышкаш* ‘подобно корове’, *дөмейшырхуу* – *дөмей хевирлиг* ‘точно такой’, *моолчурхуу* – *моол ышкаш* ‘подобно монгольскому (о речи)’, *тывашырхыы* (Морен) – *тыва дыл ышкаш* ‘подобно тувинскому (о языке)’, *эзерширхүү* – *эзер ышкаш* ‘как седло’, *төшшүрхүү* – *төш ышкаш* ‘как грудинка’; *сээдеңшуул* – *сээдең ышкаш* ‘подобно сумасшедшему’; *аамайшуул* – *аамай ышкаш* ‘как растяпа’ [Куулар 2012: 103].

Как видно из примеров, указанные аффиксы образуют прилагательные от основ существительных, функционируют они как словообразовательный аффикс *=сыг//=зыг* или как показатель сравнения послелог *ышкаш*, что и рассматривает автор в примерах ЛТЯ.

Не оспаривая мнение исследователя об этих аффиксах как особом признаке тес-хемско-эрзинского говора, мы не можем согласиться с их статусом. В грамматике тувинского языка есть один пример со словом *узуншургуу* ‘чуть-чуть длиннее’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 189], что

действительно может быть воспринято как показатель степени сравнения прилагательного, так как аффикс примыкает к основе имени прилагательного.

Диалектные особенности форм степеней прилагательных позволяют предположить, что ЛЯ утратил некоторые формы ослабления качества, которые сохранились в кобдоском, цэнгэльском говорах и тоджинском диалекте. АД использует ряд слов-квалитативов, не характерных для ЛТЯ. Коренные жители Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов заимствовали аффиксы ослабления качества из монгольского языка. Отдельные прилагательные (*чивиин, салам*) можно считать маркерами диалектной речи для конкретных территорий. Все указанные черты мы считаем интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров в области прилагательных.

3.2.3. Имя числительное

В ЛТЯ числительное имеет пять разрядов: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, приблизительного счета. По образованию, изменениям и функционированию числительные в диалектах и говорах незначительно отличаются от числительных ЛТЯ. Остановимся только на отличиях в области числительных в говорах и диалектах.

Количественные числительные почти одинаковы с литературным языком, кроме слова *иъйи* ‘два’, в цэнг. *иъжи* ‘два’, в улуг-х. *иъны*. В цагаан-нурском отмечены два варианта произношения числительного ‘два’: *иъйи, ихи*. В речи людей среднего и старшего возраста в кара-х. говоре произносится *иъжи*. В слове *иъжи* анлаутный гласный [и] фарингализованный [Доржу 2005: 46]. Такое же числительное фиксируется в цэнгэльском говоре [Гансук 2009б: 12]: *Бир-иъжи хонгаи, демги хамның цокцузу чиде барып тур* ‘Через два-три дня оказалось, что исчез бубен того шамана’.

Отмечается параллельное функционирование форм составных числительных в тоджинском и цагаан-нурском диалектах: а) в виде стяженной сложной основы, где второй компонент, указывающий на десятки, подчиняется закону гармонии гласных и сочетаемости согласных как в ЛТЯ:

дөртен ‘сорок’, *бежен* ~ [*печён*] ‘пятьдесят’; б) в виде стягивающейся формы с ударением на последнем слоге, где сохраняется фонетический облик десятки: *дөртөн* ‘сорок’, *бешён* ‘пятьдесят’.

В алтайском диалекте в первом десятке к основам числительных присоединяется аффикс =*киең*, придающий числительным ограничительное значение ‘лишь только’, ‘всего лишь’: *чаңгыскиең* ‘всего лишь один’, *иъжикиең* ‘всего лишь два’, *тоскиең* ‘всего лишь девять’. Например: *Бо көвей баргааттер иштинен иъжикийен баргаат тыва* ‘Среди этих бригад только две – тувинские’.

Данный аффикс =*кыйа* с разными фонетическими вариантами =*кыйна*, =*кийе*, =*кийне*, =*күйне*, =*киең* ‘лишь только’, восходящий к древнетюркскому аффиксу =*кыйа* со значением уменьшительности [СИГТЯ, Морфология 1988: 506], отмечен он в тес-хемском [Арагачи 1964: 330], каа-хемском [Чадамба 1973: 232] говорах, тоджинском [Чадамба 1974: с. 90], овюрском [Хертек 1964: 330], юго-восточном [Куулар 2012: 113] и цагаан-нурском [Ragagnin 2011: 164] диалектах тувинского языка.

Во всех диалектах и говорах порядковые числительные образуются следующими способами: а) при помощи прибавления к количественному числительному слова *дугаар*, которое заимствовано из монгольского языка: *бир дугаар* ‘первый’ (монг. *нэгдүгээр*), *он дугаар* ‘десятый’; б) при помощи присоединения к количественному числительному аффикса =*гы* и его фонетических вариантов =*ги*, =*гу* // =*гү*, =*кы* // =*ки*, =*ку* // =*кү* с соблюдением законов сочетаемости согласных тувинского языка и сингармонизма: *дөрткү* ‘четвертый’, *чедиги* ‘седьмой’.

В алтайском диалекте порядковые числительные образуются при помощи присоединения к количественному числительному общетюркского аффикса =*нчы* // =*нчи*, =*нчу* // =*нчү* с соответствующими по сингармонизму гласными: *дөртүнчү* ‘четвертый’, *чединчи* ‘седьмой’, *тозунчу* ‘девятый’, *аьлдынчы* ‘шестой’. В этом отношении из всех сибирских тюркских языков диалект близок к алтайскому: *Ол уулчакка бежинчи дьаиш барып дьат* ‘Тому мальчику

идёт пятый год' [Дыренкова 1940: 86-87], шорскому языку, а также многим другим тюркским языкам, где порядковые числительные образуются такими же аффиксами [СИГТЯ. Морфология 1988: 184], который восходит к древнеуйгурскому =*нч* [Насилов 1963: 47].

Разделительные числительные во всех диалектах и говорах, как и в ЛТЯ, образуются прибавлением к порядковому числительному сложного аффикса =*лап* // =*тап* (глаголообразующий аффикс =*ла*, деепричастный аффикс =*п*): *бир-бир=ле=п* '(беря) по одному', *үш-үш=те=п* '(беря) по три', *он-оннап* '(беря) по десяти'. Кроме этой формы по аналогии может быть использована форма соединительного деепричастия: *ийи-ийи=ле=й чыскаар* 'выстроить по два', *ийи-үш=те=й хуваар* 'разделить по два-три'.

В алтайском диалекте параллельно употребляются аффиксы исходного падежа =*нан* // =*нен* в тех же функциях, с теми же значениями. Например: *Хойну иъжи-иъжинен холбаар* 'Овец перевязывают по две', *Тарваанны он-оннан дергилеп ап кээп турдум* 'Я приезжал, приторочив сурков арканом по десять штук с каждой стороны' [Гансух 2009в: 73; Цэцэгдарь 2013: 14]. АД в оформлении разделительных числительных сопоставим с алтайским, хакасским [ГХЯ 1975: 120] и шорским языками.

Единичный пример использования древней формы разделительного числительного на =*ар*/=*ер* был зафиксирован в цагаан-нурском диалекте: *Бирер хүн исиг, бирер хүн соок час чаар* 'В один день жарко, в другой (букв. один) день идёт холодный дождь'. З. Б. Чадамба приводит также единственный пример, когда к числительному *чаңгыс* прибавляется =*ар*: *Чаңгызар-чаңгызар кылдыр олуруп албаңар* 'Не садитесь по одному' [Чадамба 1974: 91]. Данная форма на =*ар*/=*ер* функционирует в большей части тюркских языков, отмечена в древнеуйгурском [СИГТЯ. Морфология 1988: 193]. В тофаларском В. И. Рассадин приводит полный перечень первой десятки, в которой образуются при помощи данного аффикса разделительные числительные [Рассадин 1978: 124]. Такой же способ образования данного разряда числительных отмечают авторы

хакасской грамматики [ГХЯ 1975:

120]. Таким образом, древняя форма разделительного числительного на $=ar/=er$ сохранилась в единичных примерах в тоджинском и цагаан-нурском диалектах, в этом отношении они показывают близость к тофаларскому и хакасскому языкам.

Для выражения приблизительного счета в тюркских языках употребляются различные формы числительных. Числительные приблизительного счета в диалектах и говорах ТЯ образуются, как и в ЛТЯ, только аналитически: путем сочетания двух количественных числительных: *ийи-чаңгыс* ‘редко, очень малочисленный’, *үш-дөрт* ‘три-четыре’, *үжөн-дөртөн* ‘тридцать-сорок’.

И только в алтайском диалекте – при помощи прибавления к количественным числительным общетюркского аффикса $=ча // =че, =же$ образуются приблизительные числительные: *онча*, лит. *он шаа* ‘около десяти’; *чээрвиже*, лит. *чээрби хире* ‘приблизительно двадцать’; *сезенче*, лит. *сезен хире* ‘около восьмидесяти’; *чүсче*, лит. *чүс шаа* ‘около ста’.

В этом отношении АД близок к хакасскому [ГХЯ 1975: 123], шорскому, киргизскому, уйгурскому; аффикс отмечен в рунических памятниках [СИГТЯ. Морфология 1988: 196].

Итак, числительные в диалектах и говорах в основном соответствуют числительным ЛТЯ, но отличительные особенности проявляются в алтайском, тоджинском диалектах и эрзинском говоре. Интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров в области числительных можно считать:

1) параллельное функционирование сложных числительных в цагаан-нурском диалекте;

2) образование в АД порядковых числительных при помощи общетюркского аффикса $=нчы$: *алдынчы* ‘шестой’, что сближает его с алтайским языком;

3) приблизительных числительных в АД с помощью общетюркского аффикса $=ча$: *онча* ‘около десяти’, что характерно для многих тюркских языков;

4) наличие аффикса =*киең* с ограничительным значением *иъхиең* ‘лишь только два’, который отмечается также в тоджинском диалекте;

5) разделительных числительных на =*ar*/=*er* в цагаан-нурском и тоджинском диалектах *чаңгызар*, *бирер* как проявление древних форм.

Особенности диалектов и говоров в области числительных представлены в табл. 8.

3.2.4. Местоимения

Состав местоимений в ЛТЯ и диалектах в основном совпадает с местоимениями литературного языка, но наблюдаются небольшие диалектные различия в образовании некоторых местоимений. Остановимся на них более подробно.

3.2.4.1. Личные местоимения *мен* ‘я’, *сен* ‘ты’, *ол* ‘он’, *бис* ‘мы’, *силер* ‘вы’, *олар* ‘они’ во всех диалектах и говорах идентичны с ЛТЯ.

Несколько особое от литературного языка функционирование местоимения *силер* ‘вы’ наблюдается на территории Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов: дети, обращаясь к своим родителям, пользуются местоимением множественного числа: *Авай, силер кажан бээр кээр силер?* ‘Мама, Вы когда приедете сюда?’. *Силерни дыка манап тур мен* ‘Жду Вас с нетерпением (букв. Вас очень жду)’. Объясняют такое речевое поведение тем, что таким образом показывают уважительное отношение к своим родителям. В остальной части Тувы обращение на **вы** можно использовать в случае, когда человек мало знаком, а к близким людям нужно обращаться на **ты**, а не дистанцироваться.

В языке тувинцев Цэнгэла употребляются местоимения *силер* ‘вы’, *олар* ‘они’ с двойным аффиксом множественного числа и другими фонетическими вариантами: *силер // силерлер // силлер // силелер*, *олар // оллар // олалар*, *болар // боллар // болалар*; в личных местоимениях единственного числа в родительном падеже вместо заднеязычного смычно-проходного [ң]

Особенности числительных в диалектах и говорах тувинского языка

ЛТЯ	Внутренние диалекты					Зарубежные диалекты	
	центральный	тоджинский	тере-х.	западный	цагаан-нурский	алтайский	
Сложные числит.: 30 – үжєн, 40 – дєртєн, 50 – бєжєн, 60 – алдан, 70 – чєдєн, 80 – сєзєн, 90 – тєзан	Как в ЛТЯ	Параллельное функционирование форм составных числительных: дєртєн – дєртєн (таёж. говор), үжєн – үшєн.	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Параллельное функционирование форм составных числительных: дєртєн – дєртєн, үжєн – үшєн. Бєшєн // бєжєн // [печєн]; икч киши тухалаар		
Порядковые числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Порядк. числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Порядк. числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Порядк. числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Порядк. числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Порядк. числ.: 1) - 2) икч дугаар; 3) =нчы икинчи, дєртүнчү	Порядк. числ.: 1) - 2) икч дугаар; 3) =нчы икинчи, дєртүнчү	
Порядковые числ.: 1) бирги, 2) бир дугаар	Как в ЛТЯ	1) =алан, ==лаан 2) Древний аффикс егү(н) Иъийээн, үжээн	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Ихиээн	Древний аффикс егү(н) Иъийээн, үжээн	
Собирательные числительные: =алан, ==лаан	Как в ЛТЯ	как в ЛТЯ Чаңгызар – чаңгызар 'по одному'	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Бирээ =р =и мунар, бирээ =р =и мумас, 'один сядет верхом, другой не сядет верхом'	Как в ЛТЯ	
Разделительные числительные Бирээ =ле =п, бирээ =ле =й	Как в ЛТЯ	как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	Как в ЛТЯ	
Приблизительные числительные Он шаа, он хире						Он =ча (кит. Говор)	

произносится переднеязычный, зубной смычно-проходной [н] *мээн* (ср. лит. *мээң*) ‘мой’, *сээн* (ср. лит. *сээң*) ‘твой’ [Гансux 2009 в: 98-99].

В разговорной речи у тувинцев часто личные местоимения единственного числа *мен, сен, ол* в дательном падеже произносятся *меңгээ < мегээ* в.м. лит. *меңээ < мээ* ‘мне’, *сеңгээ < сегээ* в.м. лит. *сеңээ < сээ* ‘тебе’, *аңгаа < агаа* в.м. лит. *аңаа* ‘ему, ей’. Здесь переднеязычный **н** переходит в заднеязычный **ң** перед согласным *г*, что довольно часто встречается в тувинском языке, а аффикс дательного падежа =*га* // =*ге* произносится с долгим гласным.

В исходном падеже к личным местоимениям *мен, сен* в целом ряде говоров и диалектов прибавляется аффикс этих падежей =*нен*, но склоняемая основа местоимения *ол* имеет два разных фонетических варианта, в исходном падеже принимает форму *ун*, меняя свой корневой гласный **о** на **у**. В тоджинском диалекте, по мнению З. Б. Чадамба, формы *онуун* // *унуун* исходного падежа возникли по предполагаемой схеме: *он+дан > ондан > оннан > оннун > онун > онуун* // *унуун* [Чадамба 1974: 102]. В тере-хольском диалекте также отмечена форма исходного падежа *онуун* [Серен 2006: 73]. Эта форма характерна также для жителей Цагаан-Нура.

Формы личных местоимений в остальных падежных формах не отличаются от норм ЛТЯ.

3.2.4.2. Вопросительные местоимения. Состав вопросительных местоимений и их формы в диалектах и говорах полностью совпадают с ЛТЯ:

кым ‘кто’, *чүү* ‘что’;

кандыг ‘какой’, ‘как’; *кайы* // *кайызы* ‘который’;

кымныы, чүнүү ‘чей, кому принадлежащий, к чему относящийся’;

чеже // *каш* ‘сколько’;

кайда ‘где’, *каая* ‘где, куда’, *кайнаар* ‘куда’; *кайыын* // *кайыыртан* ‘откуда’;

кажан ‘когда’;

чүге ‘зачем’, *чүден* ‘отчего’, ‘почему’ и т. п.

Тувинский язык отличается от других тюркских языков тем, что только в нем встречается местоимение *чүү* ‘что’. Как полагают авторы грамматики тувинского языка, это фонетическая разновидность монгольского местоимения *юу* ‘что’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 224]. В остальных тюркских языках Сибири используется местоимение *не*, которое, на наш взгляд, сохранилось в АД в составе союза *немезе* ‘или, если не’, который произошел путем стяжения местоимения *не* и отрицательной формы вспомогательного глагола $\text{э=} + \text{эмезе} > \text{не} + \text{э=мес} + \text{зе} > \text{не} + \text{э=мес} + \text{изе}$.

3.2.4.3. Указательные местоимения. Основными указательными местоимениями в тувинском языке являются *бо* ‘этот’ и *ол* ‘тот’.

Наиболее ярким интегральным признаком говоров западного диалекта являются указательные местоимения с инициальным **а** вместо **ы:** *ындыг* ~ *андыг* ‘такой’, *ынча* ~ *анча* ‘столько’, *ынчаар* ~ *анчаар* ‘так’. Начальный *а* для этих указательных местоимений характерен для древнетюркского, из современных – для хакасского, киргизского, алтайского языков [СИГТЯ. Морфология 1986: 229-246; ГСАЯ. Морфология 2017: 191-192].

В примерах, приводимых в «Грамматике ойротского языка», видно, что в алтайском языке параллельно используются основы с узким и широким гласными в анлауте *ындыг* ~ *андыг* ‘такой’ [Дыренкова 1940: 95].

В цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта наблюдается такая же картина, как в алтайском языке: варьирование начального гласного в указательных местоимениях *ындыг* ~ *андыг* ‘такой’. По данным наших информантов из Цэнгэла, с начальным **ы** *ындыг* ‘такой’ говорят все *мончаки* (то есть тувинцы), а фонетический вариант с начальным **а** *андыг* характерен для родоплеменной группы *делег*. Таким образом, вариативность начального гласного в указательных местоимениях *ындыг*, *ынча*, *ынчаар* или *андыг*, *анча*, *анчаар* у тувинцев Цэнгэла обусловлена этнической принадлежностью носителя диалектной речи. Необходимо проверить данную версию у тувинцев Китая. А в языке тувинцев Кобдо отмечены местоимения только с начальным **ы:** *ындыг*, *ынчаар*, *ынча*. Но, как бы то ни было, налицо параллельное

функционирование древнего и более позднего фонетического облика этих указательных местоимений в АД.

В западном диалекте указательные местоимения с начальным **а** являются яркими маркерами всех его говоров, объединяющих их в один диалект. Следует отметить, что аканье заметно и в некоторых населенных пунктах, входящих территориально в центральный диалект: Чыраа-Бажы Дзун-Хемчикского, Бора-Тайга Сут-Хольского кожуунов.

В АД также как диалектные отмечаем два фонетических варианта указательного местоимения: *дээ*, *дши* ‘тот’, ‘вон тот’, имеющие в ЛТЯ соответствия *доо // дөө // дуу // дүү*. *Дээ* указывает далекий предмет, *дши* – довольно далекий предмет: *Дээ энем кел чыдыр* ‘Там (недалеко) идет моя бабушка’, *Дши даг бажында чуңма чор* ‘Там вдалеке, на вершине горы, пасется горный козел’ [Гансук, 2009в: 101]. Этот же фонетический вариант *дээ* отмечен в речи монголоязычных тувинцев Эрзина [Куулар 2012: 48].

Использование личного местоимения 1-го л. мн. ч. **вы** в м. ед. ч. лит. **ты** местоимения в эрзинско-тес-хемском говоре; местоимений *силер* ‘вы’, *олар* ‘они’ с двойным аффиксом множественного числа в цэнгэльской говоре; варьирование начального гласного в указательных местоимениях *ындыг* ~ *андыг* ‘такой’; формы *андыг* ‘такой’ в западном диалекте; два фонетических варианта указательного местоимения: *дээ*, *дши* ‘тот’, ‘вон тот’ в АД являются дифференциальными признаками по отношению к ЛТЯ и другим говорам и диалектам.

3.2.5. Наречие

Разряды наречий, их образование, состав в диалектах и говорах в основном совпадают с ЛТЯ. Например, *аткаар*, *соңгаар* ‘назад’, *иш*=*кээр* ‘назад’, *бурун*=*гаар* ‘вперёд’, *кед*=*ээр* ‘в сторону’, в которых выделяются древние аффиксы продольного падежа.

Маркерами принадлежности тому или иному говору является определенное количество наречий. Например, *эге-ле* ‘совсем’ – яркий

показатель принадлежности тандынскому говору центрального диалекта, причем роду *оюн*; *хөлчөк* ‘очень, сильно’ – в западном говоре; *аянчак* – улуг-хемскому говору [Дамбаа 2005: 12].

Значительные отличия имеет АД. Из них собственно алтайскими диалектными словами являются наречия: *чалаң* соотв. лит. *үргүлчү* ‘постоянно, всё время, всегда’; *хара хөлээр* соотв. лит. *анаа, анаа-ла* ‘без причины; просто так; ни с того ни с сего, без цели’; *этчөк* (< *эт–чөк*) соотв. лит. *аажок, хөлчөк, дыка* ‘очень, сильно’; *чыт кызыл* в.м. лит. *кып-кызыл, чидиг-кызыл* ‘кроваво-красное’; *шевер орустаар* в.м. лит. *арыг орустаар* ‘говорить чисто на русском’.

При помощи послелога *билен* от основы существительного *даң* ‘заря, рассвет’ образуется наречие со значением ‘ранним утром’: *даңбилен* > *даң+билен*, которое также имеет фонетический вариант *даңмылан*.

Заимствованными из монгольского языка являются наречия *шулуун* в.м. лит. *дүрген, шалып* ‘быстрый’, монг. *шулуун* ‘прямой; честный; прямо’; *сүрлүг, сүргей* в лит. так же ‘очень, сильно, чрезвычайно, страшно’, монг. *сүрхий* ‘чрезвычайно, исключительно’.

В языке китайских и цэнгэльских тувинцев фиксируются заимствованные из казахского языка наречия: *һезир* в.м. лит. *ам* ‘теперь, сейчас, в настоящее время’, *ареңге* в.м. лит. *арай деп* ‘с трудом, еле-еле, едва’; *аптен* в.м. лит. *кедергей, аажок* ‘очень, совсем’; каз. < *баден, аренге*, лит. *арай боорда* ‘еле-еле’.

В разговорной речи у городской молодежи и работников СМИ часто можно услышать усеченные слова *дек / дээк* от *чүдек* в значении ‘очень, значительно’, *коргунчуг* в значении ‘очень’ от слова *коргунчуг* ‘страшно’. Останутся ли эти слова только в молодежном сленге или получит другое развитие, покажет время.

Наречие как неизменяемая часть речи в диалектах и говорах не проявляет больших отличий от ЛТЯ, кроме случаев заимствований из казахского и монгольского языков. Казахские заимствования являются инновационными в

цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта. Во внутренних диалектах отмечаются отдельные слова-маркеры, характерные для небольших территорий. Они и являются отличительными признаками указанных диалектов и говоров от ЛТЯ.

3.2.6. Глагол

Практически все глагольные формы в диалектах и говорах не отличаются от литературных форм, за исключением форм, рассматриваемых ниже. Диалектные особенности глагольных форм в основном проявляются в алтайском, хубсугульском, тоджинском и тере-хольском диалектах.

3.2.6.1. Отрицательная форма глагола. Аффикс отрицания имеет в тувинском литературном языке следующие разновидности: =*na* // =*ne* (после шумных согласных), =*ba* // =*be* (после сонорных плавных *л, р, й, з*), =*va* // =*ve* (после гласных), =*ma* // =*me* (после сонорных носовых *м, н, ң*) [Исхаков, Пальмбах 1961: 294].

В устной речи часто можно услышать варианты =*va* // =*ve* и после сонорных *з, л, р*: *ал-* ‘братъ’ – *алва* ‘не братъ’, *бил-* ‘знать’ – *билве* ‘не знать’, *дег-* ‘трогать’ – *дегве* ‘не трогать’, *көр-* ‘смотреть’ – *көрве* ‘не смотреть’, *тур-* ‘стоять’ – *турва* ‘не стоять’, *саг-* ‘доить’ – *сагва* ‘не доить’.

Происходит обратная ассимиляция при прибавлении варианта =*ba*/=*be*: *хон-* ‘ночевать’, лит. *хонма* ‘не ночевать’, в устной речи можно услышать *хомма*. Примеры: *үн-* ‘выходить’, лит. *үнме*, в устной речи *умме* ‘не выходить’. Поэтому трудно отнести данные фонетические варианты отрицательной формы глагола к диалектным особенностям.

3.2.6.2. Формы лица прошедшего времени на =ды. В ЛТЯ прошедшее категорическое время образуется присоединением к глагольной основе аффикса =*ды* и его вариантов. При спряжении по лицам формы 1-го и 2-го лица множественного числа в АД =*к* отличается от формы ЛТЯ =*выс*, показателем 2-го лица множественного числа является =*гар* вм. лит. =*ңар*.

Например: *Силерни кел чыдар деп Хараатыда аалдарга дыл чедирдик* ‘Мы послали весточку аалам на Харааты, что вы едете’.

Эти отличия отражены в табл. 9.

Таблица 9

Парадигма спряжения. Положительная форма глагола *бар-* ‘идти’

Вариант	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
ЛТЯ	<i>бар=ды</i> =м	<i>бар=ды</i> =выс	<i>бар</i> =ды=ң	<i>бар=ды=ңар</i>	<i>бар =ды</i>	<i>бар=ды(лар)</i>
АД	<i>бар</i> =ды=м	<i>бар</i> =ды=выс// <i>бар =ды=к</i>	<i>бар</i> =ды=ң	<i>бар=ды=гар</i>	<i>бар =ды</i>	<i>бар=ды=лар</i>

Аффикс 1-го лица мн. ч. =к прибавляется также к отрицательной форме =ды: *ал=ваа=ды=к* ‘мы не брали’, *тут=паа=ды=к* ‘мы не держали’, *чи=вээ=ди=к* ‘мы не ели’, *кел=вээ=ди=к* ‘мы не приходили’.

Таблица 10

Отрицательная форма глагола *бар-* ‘идти’

Вариант	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
ЛТЯ	<i>бар=ба</i> =ды=м	<i>бар=ба=ды</i> =выс	<i>бар=ба=</i> <i>ды=ң</i>	<i>бар=ба=</i> <i>ды=ңар</i>	<i>бар=ба=</i> <i>ды</i>	<i>бар=ба=ды</i> =лар
АД	<i>бар=ваа</i> =ды=м	<i>бар=ваа=ды</i> =выс// <i>бар=ваа=ды</i> =к	<i>бар=ваа</i> =ды=ң	<i>бар=ваа</i> =ды=гар	<i>бар=ваа</i> =ды	<i>бар=ваа=д</i> <i>ы</i>

В алтайском диалекте активно функционирует общетюркская форма =к, фиксируемая в казахском, алтайском [СГТЯ. Морфология 1988: 374]. Она же отмечается в языке сибирских татар при спряжении формы категорического времени на =ты: *ал=ты=м* (1 л. ед. ч.), *ал=ты=к* (1 л. мн. ч.) [Тумашева 1977: 97, 99].

Форма на =к характерна для огузских языков. Вероятно, в АД сохранилась древнеуйгурская форма, являющаяся отличительным признаком АД от ЛТЯ и других диалектов.

3.2.6.3. Форма на =мыш. Аффикс =мыш зафиксирован только в речи жителей Цэнгэла. В ЛТЯ древнеуйгурская форма глагола =мыш отмечается в составе сложного аффикса деепричастия =бышаан [Исхаков, Пальмбах 1961: 337].

Наши выводы в данной части главы строятся исключительно на наблюдениях Х. Гансук, исследовавшей цэнгэльский говор алтайского диалекта [2009б], она же является носителем данного говора. Форма на =мыш придает глаголам значение «поступать аналогично, подражать» с уничижительным оттенком: *Уруум кажык ойнамыштан олурары ол* ‘Вот, моя дочь сидит и якобы играет в бабки’. *Ооң экчизи ырламыштаар ийик бе?* ‘Его сестра ведь якобы поет?’. *Мындаа иъжи-чаңгыс шулук бичимиштэн мен* ‘Недавно я написал что-то вроде одного-двух стихотворений’.

Хотя по структуре приведенных глаголов можно увидеть, что аффикс =мыш предшествует общетюркскому глаголообразующему аффиксу =та, и, в свою очередь, сам аффикс =мыш присоединяется к глагольной основе (в данных примерах есть две производных и одна непр производная глагольная основа): *ойн=а=мыш=та=п* ‘вроде играя’, *ыр=ла=мыш=та=ар* ‘вроде поёт’, *бичи=миш=тэ=эн* ‘вроде писал’.

Модальный вспомогательный глагол бол= в форме =мыш создает сложные глаголы вместе с именами существительными, указывающими на профессию, род деятельности: *чогаалчы болмуш* ‘быть якобы писателем’, *дарга болмуш* ‘быть якобы начальником’, *төрели болмуш* ‘быть якобы родственником’. Например: *Дарга болмуш чивези бөгүн хурал кылган* ‘Тот, который якобы начальник, сегодня провел заседание’ [Гансук 2009б: 15].

То, что в предложении обязательно употребляется в препозиции слов *чиве* (лит. *чүве*) ‘вещь, предмет’, *кижи* ‘человек’, говорит о его причастном

происхождении. О таких конструкциях в тувинском языке в свое время писал Д. А. Монгуш [1983б].

У нас нет оснований отрицать факт наличия формы на =*мыш* в цэнгэльском говоре, и остается только фиксировать его как отличительный признак тувинского языка данной местности.

3.2.6.4. Настоящее время в ЛТЯ формируется при помощи вспомогательных глаголов *тур, чыдыр, чор, олур* [Исхаков, Пальмбах 1961: 380-382; Сат, Салзынмаа 1980: 196-199; Ооржак 2014: 98-101].

Е. И. Убрятова по системе глагола современные тюркские языки южной Сибири относит к кыпчакским языкам. Общим для этой группы она считает употребление служебных глаголов *тур-* ‘стоять’, *отур-* ‘сидеть’, *чат-* ‘лежать’, *чор-* ‘ходить’ для оформления длительных времен [Убрятова 2011: 59-60].

Известный диалектолог Г. Д. Тумашева отмечает, что настоящее данное время в языке сибирских татар выражается при помощи вспомогательных глаголов *йаты/ йатыр, оты/ утыр / ултыр*: *Кір йонып йатык* «мы стираем белье» [Тумашева 1977: 202]. Они активно используются в тофаларском языке [Рассадин 1978: 204-207]. Вспомогательные глаголы *тур=* ‘стоять’, ‘быть’, *јат=* ‘лежать’, ‘быть’, *отур=* ‘сидеть’, ‘быть’, *јүр=* ‘ходить’ / ‘двигаться’, ‘жить’ / ‘быть’, ‘становиться’ отмечены авторами новоизданной алтайской грамматики как показатели способов глагольного действия [ГСЯЯ. Морфология 2017: 246-247]. В турецком языке вспомогательный глагол *йор / чор* полностью перешёл в разряд аффикса настоящего времени [Щербак 1981: 74-75].

Среди указанных вспомогательных глаголов в ЛТЯ более употребительным, десемантизированным является глагол *тур=* ‘стоять’, ‘быть’.

А в АД заметно чаще, чем в ЛТЯ, используется вспомогательный глагол *чыт=* вм. лит. *тур=*. Например: *Бо оңгарда нарийн ногаа тарып чыдыр бис* ‘В этой низине выращиваем овощи (букв. сложные овощи)’; *Мешээн сумун*

төвү куду бар чыдыр ‘Машина направляется в сумонный центр’; *Бир оглум багшы болуп чыдыр, онуун бичиси чолаачылап чыдыр* ‘Один мой сын учитель, младше его (сын) работает водителем’.

Подобное явление нами зафиксировано в речи жителей Монгун-Тайги: *Таа дыштанып чыт, таа агаарлап чыт, бодуң билир сен* ‘Или отдыхаешь, или гуляешь, сам знаешь’; *Аныяамдан сарлык кадарып чыдыр мен* ‘С молодых лет пасу яков’; *Сен мону бижип чыт* ‘Ты пока пиши вот это’. Думается, что процесс десемантизации данных вспомогательных глаголов на разных территориях происходил позже, т. е. уже после освоения тувинским языком кыпчакских форм.

Исторически период кыпчакизации сибирских тюркских языков датируется временем господства на этой территории государства древних кыргызов, то есть с середины IX века по XII век. Именно в этот период сформировались в указанных языках формы с четырьмя вспомогательными глаголами, передающими значение продолжительности действия.

По Н. А. Баскакову, тувинский язык как отдельный язык сформировался в период с X по XV век [Баскаков 1962: 270-271]. Таким образом, уже на самом начальном этапе формирования отдельного языка произошла кыпчакизация данных форм. И процесс десемантизации и дифференциации значений этих 4 вспомогательных глаголов происходил уже на тувинской почве.

3.2.6.5. Деепричастие прошедшего времени на =каш. К деепричастиям прошедшего времени на =гаш // =геи присоединяется аффикс исходного падежа =тан (его варианты // =тен, =тын // =тин в некоторых диалектах). В юго-восточном говоре к указанной деепричастной форме присоединяется аффикс родительного падежа. Например: *амырааштың* (лит. *амырааш*) ‘радуясь’, *тыпкааштың* (лит. *тыпкаш*) ‘найдя’, *хуваагааштың* (лит. *хуваагааш*) ‘разделив’. Такая форма также отмечена в западном говоре тувинского языка.

В работах Л. А. Шаминой [Шамина 1986: 115-126] также есть упоминание об этой форме деепричастия в сочетании с аффиксом родительного и исходного падежей со ссылкой на грамматику тувинского

языка. Эти сочетания можно встретить в текстах художественной литературы. Поэтому достаточно сложно однозначно оценивать данные сочетания форм деепричастия на =*гаиш* с аффиксами падежей как диалектное явление. А особенностью АД диалекта стоит признать использование отличных от литературного языка вариантов аффиксов, как падежа, так и деепричастия на =*гаиш*.

3.2.6.6. Форма отрицательного деепричастия. В современном тувинском языке отрицательное деепричастие строится при помощи аффикса =*байн* и его фонетических вариантов. В этом отношении все диалекты и говоры едины, кроме алтайского. В нем отрицательное деепричастие имеет аффикс: =*пайнан* (его варианты): *киир=вейнен* ‘не допуская’; *ал=вайнан* ‘не взяв’; *эдерт=пейнен* ‘не беря’.

3.2.6.7. Форма условного наклонения. В тувинском литературном языке условное наклонение образуется от основы глагола с помощью сложных аффиксов в 1-м и 2-м лицах (=сы=м=за, =сы=ң=за) и простого аффикса общетюркского типа =*са* в 3-м лице.

Об образовании условного наклонения в тувинском языке есть подробная статья Ш. Ч. Сата [1968а]. Пользуясь данными других диалектов тувинского языка, также сравнивая с аналогичными формами других тюркских языков, в частности, с башкирским *uhe* – условной формой от корня *u*= ‘быть’, которая соответствует тувинскому *ize*, он приходит к выводу, что форма условного наклонения литературного тувинского языка восходит к древней аналитической форме =*ды эрсер* [Сат 1968а: 239].

В тоджинском, тере-хольском, цагаан-нурском диалектах и кара-хольском говоре уже наблюдается вариативность древней и литературной форм. А в АД сохраняется древняя форма на =*са*, в то же время наблюдается вариативность форм как наклонения, так и личного оформления глаголов. Они все представлены в табл. 11, 12.

Единственное число

Вариант	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
АД, тодж., цаг., тере-х.	<i>ал=са=м</i>	<i>ал=са=ң</i>	<i>ал=са</i>
Кобд. говор АД	<i>ал=ды=м=са</i>	<i>ал=ды=ң=са</i>	<i>ал=са</i>
Диал.	<i>ал=са=м</i>	<i>ал=са=ң</i>	<i>ал=са</i>
Кара-х. говор зап. диал.	<i>ал=зы=м изе //</i> <i>ал=ды=м изе</i>	<i>ал=зы=ң=зе //</i> <i>ал=зы=ң изе</i>	<i>ал=зе</i>
ЛТЯ, центр., тодж., цаг., тере-х.	<i>ал=зы=м=за</i>	<i>ал=зы=ң=за</i>	<i>ал=за</i>

Множественное число

Вариант	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
АД	<i>ал=са=выс //</i> <i>ал=са=к</i>	<i>ал=са=гар</i>	<i>ал=са</i>
Кобд. говор АД	<i>ал=ды=выс=са</i>	<i>ал=ды=гар=са</i>	<i>ал=са</i>
Тодж., цаг., тере-х.	<i>ал=са=выс</i>	<i>ал=са=ңар</i>	<i>ал=са(лар)</i>
Кара-х. говор зап. диал.	<i>ал=ды=выс изе //</i> <i>ал=ды=выс=се</i>	<i>ал=ды=ңар изе //</i> <i>ал=ды=ңар=зе</i>	<i>ал=са(лар)</i>
ЛТЯ, центр., тодж., цаг., тере-х.	<i>ал=зы=выс=са</i>	<i>ал=зы=ңар=за</i>	<i>ал=за</i>

Форма условного наклонения в алтайском, тере-хольском, цагаан-нурском и тоджинском диалектах тувинского языка образуется, как в остальных тюркских языках, путем присоединения к основе глагола аффикса условного наклонения и личного аффикса: *кир=се=м* ‘если зайду’, *кир=се=ң* ‘если зайдешь’, *кир=се=вис* ‘если зайдем’, *кир=се=ңер* (цэнг. *кир=се=гер*) ‘если зайдете’. В алтайском диалекте к основам, оканчивающимся на

сонорные, глухие и звонкие согласные, прибавляются только глухие варианты данного аффикса =ca // =ce.

Кобдоский говор показывает вариативность в образовании формы условного наклонения. Он образуется с помощью аффикса недавнопрошедшего времени =ды, к нему добавляется показатель лица и после этого стоит аффикс =ca: *мен бер=ди=м=се* ‘если отдам’, *сен бер=ди=ң=се* ‘если отдашь’.

Существенным отличительным признаком АД является аффикс первого лица множественного числа =к с параллельной формой на =выс.

В некоторых записях образцов устного народного творчества 1960–1970-х гг. тувинцев Цэнгэла имеется исчезнувший в настоящее время древний вспомогательный глагол э=//и в форме на =ca (и=зе):

Харлыг хөө Хара даг –

гажанга-да и=зе мээң джерим.

‘Заснеженная вершина Хара-даг – всегда моя земля’.

Хара буурул гошкары –

гажан-да и=зе мээң аңым.

‘Черный седой архар – всегда мой зверь’ (Таубе 1999: 43)

В ЛТЯ эти фразы звучали бы так:

Харлыг хөө Кара даг

кажанда-даа болза мээң черим.

Кара буурул кошкары –

кажанда-даа болза мээң аңым.

В данных примерах форма и=зе в цэнгэльском говоре используется как выделительная частица, соответствуя в ЛТЯ аналогичной частице *болза* [Исхаков, Пальмбаха 1961: 403; Байыр-оол 2009: 15]: Эта форма фиксируется в кара-хольском говоре западного диалекта и в языке тувинцев Цэнгэла.

Кроме этого, из примера видно использование формы дательного падежа при выражении обстоятельства времени *гажан=га-да* вместо литературной формы в местном падеже *кажанда-даа*.

Другой пример использования синтетической формы условного наклонения:

Бо өртемчейде нүүл-килинчек кылбас кижжи чок: бир мал өлүр=зе=ң=де – нүүл, бир курт өлүр=зе=ң=де – нүүл (МД, 29) ‘В этом мире нет человека, который не грешил бы, если резал животное – грех, если букашку раздавил – грех’.

К форме условного наклонения присоединился аффикс местного падежа =де в качестве показателя связи зависимой части к главному. В ЛТЯ в качестве показателя связи в таких конструкциях чаще используется аналитический показатель *бол=зу=ң=за* ‘если’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 454-455; Шамина, 1988: 101-102], т. е. в литературной форме данная фраза выглядела бы так: *бир мал өлүрер бол=зу=ң=за-даа – нүгүл, бир курт өлүрер бол=зу=ң=за-даа – нүгүл*.

В наших экспедиционных записях, сделанных в Китае, также есть аналитическая форма условного наклонения в образцах устной речи: *Куанза, ресторан чордум изе, ядарап кагган* ‘Если я пойду в столовую, ресторан, то потрачусь, останусь без денег’.

Все разнообразие форм условного наклонения в диалектах и говорах тувинского языка представлено в табл. 13.

Ареалы распространения различных форм условного наклонения на территориях функционирования тувинского языка показаны в приложении на карте 8.

Итак, диалекты и говоры тувинского языка проявляют большую вариативность форм условного наклонения. В настоящее время в тоджинском, тере-хольском диалектах наблюдается постепенное вытеснение синтетической древней общетюркской формы условного наклонения *бар=са=м*, а также аналитической формы в кара-хольском говоре западного диалекта литературной формой с двойным аффиксом. Аналитические диалектные формы сохраняются в речи старшего поколения. В цагаан-нурском диалекте функционируют также две формы, обусловленные разным

составом носителей диалекта. Самые разнообразные формы аналитических форм и форм выражения лица проявляет алтайский диалект. В нем сохранилась древняя форма *изе*.

Таблица 13

Формы условного наклонения в ЛТЯ и диалектах и говорах

Диалект	=са=м	=ды=м <i>изе</i>	=зы= <i>быза</i>	=ды=м=за	=зы=м=за	<i>И=зе</i>
	1.	2.	3.	4.	5.	6.
Лит.	–	–	-	–	+	-
Китай	+	+				+
Цэнгэл	+			+		+
Кобдо	+			+		
Монгун-Тайга					+	
Бай-Тайга					+	
Кара-Хол		+	+		+	
Барун-Х.					+	
Овюр					+	
Дзун-Хем.					+	
Чаа-Хол					+	
Улуг-Хем					+	
Бии-Хем					+	
Каа-Хем					+	
Танды					+	
Тес-Хем					+	
Тере-Хол	+				+	
Тоджа реч.	+				+	
Тоджа таежн.	+				+	
Цагаан-Нур	+				+	

- 1) =са=м – древняя форма условного наклонения: *бар=са=м*;
- 2) =ды=м *изе* – аналитическая форма условного наклонения от древнего вспом. глагола *эр=*, сохранившегося в тувинском в частицах *ирги*, *иргин*: *бар=ды=м и=зе*;
- 3) =зы=м *быза* – диалектная аналитическая форма: *бар=ды=м бы=за*, *бар=ды=м би=зе*;
- 4) =ды=м=за – диалектная стяженная форма: *бар=ды=м=за*;
- 5) =зы=м=за – литературная стяженная форма: *бар=зы=м=за*;
- 6) *и=зе* – условная форма от корня *и=* ‘быть’, замененного в ЛТЯ выделительной частицей *болза* от вспомогательного глагола *бол=*.

3.2.6.8. Форма повелительного наклонения. Специальной формы повелительного наклонения в тувинском языке, как и в других тюркских

языках, нет. Спряжение по лицам несколько отлично от ЛТЯ и других диалектов в алтайском и тере-хольском диалектах. Так, первое лицо единственного числа повелительного наклонения выражается с помощью аффикса =ай и личного аффикса =м вместо литературного =айн [Серен 2006: 75; Гансук 2009в: 115], также в анлауте аффикса третьего лица всегда сохраняется глухой с (табл. 14).

Таблица 14

Единственное число

Лицо	ЛТЯ	АД, тере-хольский
1-е	<i>бар=айн, чору=уйн</i>	<i>бар=ай=ым, чору=уй=ум</i>
2-е	<i>бар, чору</i>	<i>бар, чору</i>
3-е	<i>бар=зын, чор=зун</i>	<i>бар=сын, чор=сун</i>

В ЛТЯ используется фонетически полный вариант древнетюркского аффикса =айын, сохранившийся по всем сибирским тюркским языкам, а в АД и тере-хольском – =айым, сохранившийся в огузских языках [СИГТЯ. Морфология 1988: 334-335]. Отсюда можно заключить, что тувинский язык принял полные древние форманты -aj-ут, -aj-уп. Это, по мнению авторов СИГТЯ, довольно редкий случай [СИГТЯ. Морфология 1988: 334].

Формы 1-го и 2-го лиц во множественном числе отличает также алтайский диалект от ЛТЯ и других диалектов. Наряду с аффиксом =аалы, который в ЛТЯ и других диалектах считается формой двойственного числа, функционирует форма =аакай. Последний аффикс является по сути стяженной формой двух компонентов: формы 1-го л. мн. ч. =аалы и частицы кай со значением приглашения к действию. Например, *бар=аалы кай* ‘давайте пойдем все вместе’. В аналитической форме выпал второй слог первого компонента, затем частица стянулась с ааффиксом =аалы+кай > аа+кай > аакай. Парадигма спряжения повелительного наклонения во множественном числе представлена в табл. 15.

Множественное число

Лицо	ЛТЯ	АД
1-е	<i>бар=аалыңар, чор=уулуңар</i>	<i>бар=аалы // бар=аакай, чор=уукай</i>
2-е	<i>бар=ыңар, чор=уңар</i>	<i>бар=гар, чору=гар</i>
3-е	<i>бар=зын(нар), чор=зун(нар)</i>	<i>бар=сын, чор=сун</i>

Авторы грамматики тувинского языка выделяют двойственное число только в 1-м л. *бар=аалы* ‘пойдем (ты и я)’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 391-394]. На материале якутского языка подобные формы Е. И. Убрятова склонна считать частью системы инклюзива и эксклюзива [Убрятова 2011: 262-263]. Как диалектная особенность эта форма заметна в речи жителей Эрзинского кожууна, когда форма двойственного числа используется вместо формы множественного числа: *бар=аалы* ‘давайте пойдем все вместе’. Е. М. Куулар считает данную особенность присущей всей юго-восточной зоне [Куулар, 2012: 129].

В АД существуют две формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения с аффиксами: 1) *=аалы* – присоединяется к основе глагола, оканчивающегося на сонорные согласные; 2) *=аакай* (по сути, стяженные *=аалы + кай*). Отличается тере-хольский диалект реликтовой формой 1-го л. ед. ч. *=айым*, что сближает его с АД.

3.2.6.9. Форма предельного наклонения. В ЛТЯ и в большинстве его диалектов предельное наклонение образуется от основы глагола с помощью сложного аффикса *=гыже*, где гласный второго слога не подчиняется закону гармонии гласных и имеет только мягкий вариант [Исхаков, Пальмбах 1961: 404]. Специально о функционировании формы *=гыже* в области сложного предложения в ЛТЯ писала Л. А. Шамина [Шамина 1983: 36], отмечая тот факт, что аффикс может иметь гармонирующие варианты, в отличие от ЛТЯ, в котором второй слог сложного аффикса не гармонирует, имеет только

мягкий гласный. В алтайском диалекте второй слог аффикса подчиняется гармонии гласных: *кел чыт=кыжа* ‘пока ехал’, *ал=гыжа* ‘пока не возьмёт’.

3.2.6.10. Вспомогательные глаголы. Несколько отлично от ЛТЯ функционирование вспомогательных глаголов в тоджинском, цагаан-нурском и алтайском диалектах.

Употребление вспомогательных глаголов *бар-* вместо *бер-* в сочетании со слитным деепричастием также является отличительной чертой алтайского диалекта: *үне барды* в. лит. *үне берди* ‘вышел’; *өртений барган* в. лит. *өртени берген* ‘загорелся’.

Вспомогательный глагол *бер-* ‘давать’ в сочетании с деепричастиями на *=a* и на *=n* в ЛТЯ обозначает начало действия: *бижи-* ‘пиши’ – *бижий бердим* ‘я начал писать’, *чуру-* ‘рисуи’ – *чуруп бергеннер* ‘нарисовали (нарисовав, отдали)’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 412; Шамина 2008: 32].

Законченность действия обозначает вспомогательный глагол *кал-* ‘оставаться’ с деепричастием на *=n*, например: *уду-* ‘спать’ – *удуп кал-* ‘уснуть’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 414].

В тувинском литературном языке о сочетании глагола *кал-* деепричастием на *=n* рассматривала Л. А. Шамина [2008: 27]. В алтайском диалекте данный глагол также употребляется с деепричастием на *=n*, но при этом по-разному сочетается с первым компонентом.

Бо канчап калды? в. лит. *Бо канчап барды?* ‘Что случилось?’.

На наш взгляд, в этих аналитических конструкциях меняются субъекты действия. Если в ЛТЯ аналитическая форма *канчап калды* подразумевает, что объект подвергся действию, т. е. значение понуждения; то в АД имеет значение возвратного действия. Например: *Биъчик-үсүкке өөренип калды дээш мени ынчан сургуулдан үндүрүп каан* ‘Говоря, что научился грамоте (букв. привык), (родители) меня забрали из школы’.

В АД также употребляется деепричастная форма на *=байн* с аффиксом исходного падежа *=нан* в сочетании со вспомогательным глаголом *кал-*:

харгышвайнан (ужурашпайн) *калыр* ‘не встретились’; *билвейнен калыр* ‘не понял’.

В этом же диалекте вспомогательный глагол *тур-* в аналитических глагольных формах функционирует вместо частицы *-тыр* в ЛТЯ: *Демги аңчы эр канчаар эмес дээш, сыынга саат болбайн тур* *вм. лит. Демги аңчы эр канчаар эмес дээш, сыынга саат болбайн-дыр* ‘Охотник не стал мешать раненому зверю, стал наблюдать за ним’; *Эртенинде оттуп келгеш, будун көөрге, будунга турган бичии балыг чиде барып тур* *вм. лит. Эртенинде оттуп келгеш, будун көөрге, будунга турган бичии балыг чиде берип-тир* ‘Поутру, когда проснулся, увидел, что исчезла небольшая ранка на ноге’; *Ол шагнан эгелээш, улус ол аршаанга барып аарын эмнээр, улуг буянныг, чаагай Ак-Суг аршааны ажыттынып тур* *вм. лит. Ол шагдан эгелээш, улус ол аржаанга барып аарыын эмнээр, улуг буянныг, чаагай Ак-Суг аржааны ажыттынып-тыр* ‘С тех пор люди стали лечиться на том источнике, так был открыт целебный источник Ак-Суг’.

Таким образом, в АД ещё не дифференцированы вспомогательный глагол *тур-* в аналитических глагольных формах и частица *-тыр*, которая в ЛТЯ пишется через дефис и имеет фонетические варианты *-тыр/-тир/-тур /-тур/-дыр/-дир/-дур/-дүр*. Такое явление было характерно в 1930–1960-е гг. для ЛТЯ, когда шло становление норм литературного языка.

Глагол-связка *бол-* – отличительная особенность тоджинского диалекта, где он используется вместо вспомогательного глагола *тур* в ЛТЯ: *Мен ынчан 5 харлыг болган мен* *вм. лит. Мен ынчан 5 харлыг турган мен* ‘Мне тогда было 5 лет’. Этот же глагол связка *бол-* спорадически проявляется в цагаан-нурском диалекте.

Как утверждают авторы известного труда, «вспомогательный глагол *бол/ол*, у которого значение связки, синонимичное связке *ä-/e/u-*, развилось как вторичное. *Мининг пабам үгретчи полган* ‘Мой отец был учителем’» [СИГТЯ. Синтаксис 1986: 83]. Первичное значение глагола *бол/ол* – состояние ‘быть, становиться’.

Таким образом, можно утверждать, что в роли связки в тоджинском диалекте мы имеем древнетюркский *бол/ол*. Эта особенность была перенесена его носителями в цагаан-нурский диалект, где она проявляется спорадически.

Итак, в системе глагола в алтайском диалекте функционируют формы 1 л. мн. ч. на =к, =мыш, характерные для огузских языков; особые формы на =пайнан, 1 л. мн. ч. на =акай, не характерные для ЛТЯ и других диалектов. Отмечается несколько иное употребление отдельных вспомогательных глаголов в составе аналитических конструкций. Различные формы условного наклонения продемонстрировали все изолированные диалекты и говоры. Все перечисленные черты являются отличительными особенностями диалектов по сравнению с ЛТЯ.

3.2.7. Служебные части речи

Служебные части речи в диалектах и говорах тувинского языка в большей части не отличаются от литературного языка. Небольшие отличия имеет только алтайский диалект. Они состоят в следующем.

3.2.7.1. Послелог

Служебное слово *арт=ы=нан* вместе с именем существительным в родительном падеже составляет темпоратив: *Үш чылдың артынан ол уруг эьнчизин алыр* 'Через три года эта девушка получает приданое'.

В литературном языке данное служебное слово может обозначать только локатив: *Эжик=тиң арт=ы=н=дан бакылап келди* 'Выглянул из-за двери'.

Общетюркский послелог *-биле* в ЛТЯ используется в значении 'с; вместе, посредством', а в АД он употребляется в фонетически близкой форме *-билен*, в тоджинском, западном диалектах варьируется фонетически *-биле/-была*.

Слова *кентиг* употребляется и в качестве послелога, соответствует литературному *ышкаш* 'подобно, вроде, словно, как'. В анлауте послелога наблюдается фонетическое соответствие *к ~ х*, что характерно для данного диалекта. Морфологически слово делится на две части: корень *хеп* 'форма' и

словообразовательный аффикс =*тиг*, что дословно можно перевести ‘имеющий форму’.

Ону ырактан көөрүңге, малдың чүрээ кептиг, бора өңнүг, өңүн, дүрсүн көөрге, як өрү көргүзе каап каан чүрек кептиг көл ‘Если посмотреть оттуда, озеро точь-в-точь похоже на сердце животного серого цвета, как будто выставленное сердце’. *Ыраактан Бодаган-Моюнну ылаптап көөр болса, як бодаган моюну кептиг ораашкан кавшал бар* ‘Если издали всмотреться на Бодаган-Моюн, действительно есть извивающееся ущелье, похожее на шею верблюжонка’. *Хомду кемниң эриин эдерти хадыр даглар, кавшалдар күрээлеп, олар чалдап турар хааршак кептиг болурга, ынча деп адаан деп турар* ‘Говорят, что река получила свое название, потому что её берега обрамляют крутые горы, ущелья вдоль её течения, словно сундук обрамленный’.

Послелог *бола* в значении ‘за, ради, для, по причине’ соответствует в ЛТЯ послелогу *ужун*; послелог *өңге* соответствует в ЛТЯ *өске* ‘другой’ и восходит к древнетюркскому [СИГТЯ. Морфология 1988: 498]. Отмечен послелог *бойунча* в речи тувинцев Китая, что можно считать заимствованием из казахского языка.

Послелог *куду* в АД отличает его от ЛТЯ и других диалектов.

Хомду кечи Кодан, Хураган-Көлден эге ап каккаш, буруңгаар аймактар куду чоруй баар ‘Река Кобдо, беря свое начало от озер Кодан, Хураган-Көл, бежит к южным аймакам’. *Алдайның Өвүр чарыынан бир төрөл аймак аал Хомду куду көжүп тур* ‘С южной стороны Алтая кочевала одна родоплеменная группа в сторону Хомду’. *Дээр үеде өске черлер, кожуун чурт куду төрениң албан-бизжиин чедирерде, черни дөделей ол оруктан улаачылар ажып турган дээр* ‘В давние времена, чтобы доставить служебные документы в кожуун, в другие места, спрямляя дорогу, ямщики переезжали через это место’.

Таким образом, в служебных именах и послелогах имеются отличительные черты алтайского диалекта от литературного языка, остальные диалекты и говоры в этом отношении едины.

3.2.7.2. Частицы. В диалектах и говорах частицы отличаются лишь фонетически. Литературная норма вопросительной частицы *бе* предполагает вариант с мягким гласным. Но материалы показывают, что повсеместно в разговорной речи вопросительная частица *бе* подчиняется гармонии гласных, т. е. имеет два варианта: с твердым гласным *ба* и мягким гласным *бе*. Поэтому считать отличительной чертой какой-либо территории её нелитературный вариант было бы неверно.

Однако функционирование данной частицы в АД несколько отличается от ЛТЯ и других диалектов. Если в ЛТЯ вопросительная частица может обозначать предположение в сочетании с отрицательной формой глагола: *Чаъс чаар деп тур=ба=ан бе* 'Наверняка будет дождь', то в АД такая же конструкция с отрицательной формой глагола и с вопросительной частицей выражает утверждение: *Казир казактар ол ак-бести доктаатпайн тур=ба=ан ба* 'Сейчас казахи не останавливаются, чтобы добыть эту железу'. *Олар шупту улуг, кырган тарбааннар бооп тур=бас бе* 'Они все взрослые, старые сурки ведь'.

В цэнгэльском говоре, как утверждает Х. Гансух, широко употребляется сложная вопросительная частица *баан* (<*ба* + *аан* усилительная частица со значением сомнения 'ли', его вариант *ваан* – после гласного и сонорных согласных *г, л, р*).

Частица *иргин* от древнетюркского глагола *эр-* 'быть' в литературном языке придает высказыванию значение смягчения [Байыр-оол 2009: 14]. В цэнгэльском говоре она встречается в усеченном виде *-гин* и имеет тенденцию к стяжению с предыдущим полнозначным словом. Присоединяясь к основам с заднерядными гласными, фонетически не гармонирует: *Кежээ барын, алган номун уншуур-гин* 'Придя вечером, будет читать взятую книгу'.

Отмечен фонетический вариант отрицательной частицы *эмес* ‘не’ в м. лит. *эвес*, ср. др.-тюрк. *etäs* ‘отрицательная частица не’ [ДТС 1969: 172], встречается частица *эмейин*, что соответствует литературному *эвесе* ‘учтите, имейте в виду’. Как видно, частица *эвес* фонетически сильно варьируется в говорах АД.

Частица *-лаан* соответствует сочетанию в ЛТЯ =*ла ийин* в значении подтверждения и усиления. Диалектная форма является усеченной формой сочетания двух частиц *ла*, *ийин*. В частице *ийин* выпал первый слог *ий*, а в оставшейся части мягкий гласный *и* уподобился твердой гласной предыдущей частицы, в результате получился долгий гласный [а:]

Фонетический вариант частицы *оң* ‘ведь, оказывается’ в алтайском диалекте *ёң* соответствует литературному *ыйнаан*, в тоджинском диалекте *ыйнан//ийнен* со значением ‘видимо, вероятно’. Здесь также имеем дело со стяженной формой двух частиц *ийин оң*, где от первой частицы сохранилось сочетание *ий*, вторая полностью слилась с первой, в конечном итоге сверхкраткий гласный *и* в начале слова перед сонорным *й* стал редуцированным, а затем полностью утратился.

Частицы *хаала*, *хайды* в тоджинском диалекте также являются ярким показателем диалектной речи.

В сказках, рассказанных в Кобдо, часто повторяется концовка предложения *типр иин*, *типр оо*, *дидир оо* ‘сказали так’ в м. лит. *чүвең иргин* ‘было так’: *Эрте бурын бир шагда биътелелиг чаңгыс бора-куъшкаш туруп тур титр оо* ‘Давным-давно в одно время был воробей с зобом, сказали так’. *Бир самдар күске чоруп тур титр иин*. ‘Жила-была одна беднаямышь, сказали так’.

Такие концовки предложений встречаются в бытовых сказках Цэнгэла: *Эзим аргалар эглип чайгалып, эмирлип сыңмас ногаан турган үеде дидир оо!* (АД, 86) ‘Было время, когда тайга, лес гнулся, был сплошным зеленым, сказали так’. *Харлыг чут шувтурап турар шагда, халыын тыныш челбип*

турар үеде дидир оо (АД, 84) ‘В то время, когда снежная буря свирепствовала, веяло горячее дыхание, сказали так’.

По структуре концовки состоят из аналитических конструкций, где первую часть составляет глагол *ди-//де-* ‘говорить’, оформленный формой прошедшего времени =*ди*, которая совпадает с утвердительной частицей *-дир*. А вторая часть представляет собой повествовательную частицу *оо*. Их можно перевести ‘говорят так’, ‘сказали так’.

Данная конструкция внешне похожа на форму *-дро, -тро* в языке желтых уйгур, которую отметил С. Е. Малов как изъявительное наклонение настоящего времени, дав примеры *йок-тро* ‘не есть’, *сен огул-тро* ‘ты (есть) сын’ [Малов 1957: 189].

3.2.7.3. Союзы. Как известно, тувинский язык относится к языкам с неразвитой системой союзов, поэтому в диалектах и говорах список союзов в целом соответствует подобному списку ЛТЯ. Есть небольшие различия в их звуковом оформлении в АД: *болса*, лит. *болза* ‘если’; *харин*, лит. *харын* ‘но; а; наоборот’, ср. монг. *харин*; *билен*, лит. *биле* ‘и’.

Ол кавшалдан Хомду билен Ак-Кем иъжи каттыжып хап турар ‘С этого ущелья берут свое начало две реки Хомду и Ак-Кем’. *Ол Бодаган-Моюн Сеңгил билен Улаанхус сумуларның килизин зааглап аайтып турар* ‘Этот Бодаган-Моюн обозначает границы сумонов Сенгил и Улаанхус’.

Разделительные союзы *не* ‘или’, *немезе* ‘или’ функционируют во всем пространстве распространения АД. Как видно, общетюркское вопросительное местоимение *не* и производный от него союз *немезе* ‘или, если не’, который произошел путем стяжения местоимения *не* и отрицательной формы вспомогательного глагола $\text{э} = + \text{эмезе} > \text{не} + \text{э} = \text{мес} + \text{зе} > \text{не} + \text{э} = \text{мес} + \text{изе}$, в тувинском языке сохранились только в качестве союзов в АД.

В цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта противительный союз *бырак* в значении ‘1. но, однако; 2. совсем’, подчинительный союз *эгер* ‘если’ отличают их от кобдоского говора внутри самого диалекта,

одновременно от других диалектов и говоров, а также ЛТЯ. Они являются заимствованиями из казахского языка и по времени наиболее поздними.

Союзы, отличные от союзов ЛТЯ, в АД являются заимствованиями из монгольского и казахского языков, а также общетюркскими местоимениями, утраченными в ЛТЯ.

Выводы

Таким образом, диалекты и говоры тувинского языка за исключением алтайского диалекта демонстрируют довольно единую грамматическую систему. Противопоставленными литературным оказались формы лица глагола условного наклонения, направительного падежа, серии форм числительных, некоторые вспомогательные глаголы в тоджинском и терехольском, алтайском, западном диалектах. Это в основном изолированные диалекты и говоры.

При этом ни одна форма не демонстрирует ограниченных ареалов распространения. Многие диалектные формы унаследованы от древнетюркского, древнеуйгурского и древнекыргызского языков, а также обусловлены маргинальными языковыми контактами. Монгольские элементы проявляются только в тех диалектах и говорах, носители которых имели или имеют непосредственные маргинальные контакты, а также находящиеся в монголоязычном окружении. Тоджинский и цагаан-нурский диалекты проявляют близость с тофаларским и уйгур-урянхайским языками. А западный диалект проявляет черты, схожие с алтайским языком.

Глава IV. Лексические особенности диалектов и говоров

Каждый говор и диалект тувинского языка имеет ряд слов, характерных только для данной территории. Они отчасти зафиксированы в «Диалектном словаре тувинского языка» (ДСТЯ), составленном М. Д. Доржу [Доржу 2011]. Имеется электронный словарь диалектной лексики алтайского диалекта тувинского языка, подготовленный М. В. Бавуу-Сюрюн, Б. Баярсайханом, Х. Гансук, У. Цэцэгдарь. Он имеет свидетельство Роспатента, выставлен на сайте «Электронный корпус тувинского языка» по адресу <http://tuvacorporus.ru> в его разделе «Диалектологический корпус», который сейчас формируется.

По происхождению диалектная лексика тувинского языка разнообразна: основу составляют общетюркские, собственно тувинские слова; заимствованная лексика из контактирующих языков, большей частью из монгольского, наиболее поздними являются заимствования из русского и казахского языков, есть небольшой список алтайской, китайской лексики. Они отражают те известные этапы развития тувинского языка, о которых сказано немало в общетюркологических работах.

4.1. Собственно диалектная лексика

Диалектная лексика для тувиноведов представляет интерес не только при выявлении особенностей языка той или иной местности, но и при составлении истории и исторической грамматики тувинского языка.

Некоторые материалы лексики диалектов дают возможность определить относительную хронологию языковых изменений. Например, слово *иш* ‘работа’ в китайском говоре.

Словообразовательное гнездо общетюркского слова *иш* ‘работа’ в современном тувинском языке вытеснено монгольским заимствованием

ажыл ‘работа’, а монголизм и общетюркское слово вместе образуют в ЛТЯ сложное слово *ажыл-иш*. В китайском говоре слово *иш* ‘работа’ имеет однокоренные слова *иш=тэ=эр* ‘работать’, *иш кыл=ыр* ‘работать’, *иш иш=тэ=эр* ‘делать работу (букв. работу работать)’. В говоре не зафиксировано слово *ажыл*, поэтому можно предположить, что в ЛТЯ монгольские заимствования тув. *ажыл*, монг. *ажил* ‘работа’, тув. *ажыл-агый*, монг. *ажил-ахуй* ‘хозяйство’, *ажылчын* ‘рабочий’, *ажылдакчы* ‘работник’ [БАМРС I 2001: 92-193] и другие производные от них были заимствованы позднее, т. е. после отделения алтайских тувинцев от основного этноса, точнее после XVIII в. Заимствовано было из старописьменного монгольского языка, который функционировал в годы Тувинской народной республики как официальный язык делопроизводства. Наши предположения подтверждает Б. И. Татаринцев [ЭСТувЯ I 2000: 67-68]. Уже после освоения монгольского словообразовательного гнезда появились контаминированные слова в тувинском языке, т. е. слова, состоящие из морфем разного происхождения: *ажыл=гыр* ‘трудолюбивый’, где основа слова монгольская, а словообразовательный аффикс =*гыр* – общетюркский; *ажыл-агый=жы* ‘хозяйственный’, где =*жы* – общетюркский аффикс словообразования.

Таким образом, производные от общетюркского слова *иш* ‘работа’ в китайском говоре более ранние, чем от сложной основы *ажыл-иш* или от основы *ажыл* в литературном тувинском языке.

4.1.1. Названия видов жилища

По мнению исследователей (в частности, в работе И. Л. Кызласова «Алтаистика и археология»), название жилища относится к наиболее устойчивому пласту лексики. В тувинском языке это слово *өг* ‘юрта’, обозначающее традиционное жилище кочевников Центральной Азии, состоящее из деревянного остова и войлочного покрытия.

И в настоящее время традиционным видом жилища для степных и лесостепных кочевников Монголии остается войлочная юрта *өг*. В Туве им пользуются до сих пор во время летних кочевок, а модифицированные юрты в качестве общественных мест стали частью городского пейзажа. Поскольку почти все тувинцы, проживающие на территории России, с середины 20-го века перешли на оседлый образ жизни, стали жить в домах из различного материала, его называют монгольским словом *бажың*, а при указании материала и этажности жилища пользуются словосочетаниями *ыяш бажың* ‘деревянный дом’, *кирбиши бажың* ‘кирпичный дом’, *даш бажың* ‘каменный дом’. В Туве его части и комнаты называют заимствованиями из русского языка: *зал, кухня, комната* наряду с монголизмом *өрээл*.

Тувинцы Китая для обозначения деревянных и саманных домов пользуются также монголизмом *бажың*, имеется также сочетание *кидис өг* ‘войлочная юрта’, в то же время расширили значение слова *өг* при помощи сочетаний *аас өг* ‘прихожая или сенцы’, *дөр өг* ‘внутренняя, жилая часть дома или комната’. По аналогии начало чего-то часто называют *аас* ‘1) рот; 2) начало; 3 устье’, поэтому *аас өг* ‘прихожая или сенцы’. А словом *дөр* называют почетное место в юрте, в сочетании *дөр өг* ‘внутренняя комната или собственно жилая часть дома’. Как видно, у первого компонента сложного слова также наблюдается семантический сдвиг. В центральной Туве сохранилось приглашение войти в дом, сесть *дөрже эртигер* ‘проходите (букв. проходите на *дөр* (почетное место)’, *өрү эртигер* ‘пройдите выше’. В последнем случае имеется в виду, что в юрте места около очага и ближе к входу – места ниже, а дальше – места для почетных гостей и хозяина, это – выше.

На территории распространения центрального диалекта были известны *чер-бажың* ‘землянки (букв. земля-дом)’, у которых половина была врыта в землю, вторая часть имела окно, верх покрывался дёрном, а земляную часть и пол покрывали досками. Ближе к этому слову сочетание *черде бажың* ‘дом

на земле)’, противопоставленный понятию *каът бажың* ‘многоэтажный дом (букв. этаж дом)’.

В 1950–1960-х гг. в Туве строили также саманные дома (из необожженного кирпича), они так и назывались *саман-бажың*, теперь такие дома строят тувинцы Кобдо и Цэнгэла, переняв этот способ строительства у казахов, называют такие дома *малгаиш бажың* // *балгаиш бажың* ‘глиняный дом (букв. раствор дом)’. В Туве уже забывается слово *саман*, а значение слова *малгаиш* расширилось и стало обозначать также и раствор для строительства, например *бажың малгаиштаар* ‘штукатурить дом’.

Цагаан-нурские тувинцы в сумонном центре проживают в деревянных домах, который называют *ньеш өг* букв. ‘деревянная юрта’ (ньеш > ыяш). Данное сочетание *ыяш-өг* в улуг-хемском говоре обозначает ‘летняя кухня, подсобное помещение’, в этом же значении в отдельных местах центрального диалекта пользуются сочетанием *чаъдыр-өг* букв. ‘шалаш-юрта’. Сочетание *ыяш-өг* скорее всего сохранилось со времени строительства шестистенных деревянных домиков, какие строили хакасы, абаканские татары ¹.

Другие виды традиционного жилища кочевых оленеводов у тоджинцев записала З. Б. Чадамба [1974: 61]: у оленеводов Тере-Холя зафиксировали Ш. Ч. Сат [1968: 101], А. К. Делгер-оол [1993: 94], П. С. Серен [2006: 80]. Список их небольшой: *өг*, *кидис өг* ‘круглая войлочная юрта’, *тос өг* ‘берестяной чум (в нем жили оленеводы)’; *шаңта өг* ‘чум, покрытый корой лиственницы’. Кору лиственницы и бересту снимали весной и вываривали. Надо отметить, в настоящее время вместо коры березы и лиственницы используют везде брезент, а у оленеводов Тоджи – зимние палатки современного производства, кое-кто сооружает из бревен стационарные дома в традиционных зимних стоянках.

Интересно диалектное слово *алажы өг* (рис. 1).

Алажы өг – характерное слово для тоджинского и цагаан-нурского

¹ Известно, что у старого Чаа-Холя жила небольшая группа хакасов, а они в составе населения Тувы, по статистическим данным, всегда значились третьими по счету после коренного тувинского населения и русских.

диалектов, а также для ряда саянских тюркских языков: тофаларского, уйгур-урянхайского, сойотского.

Как историзм он зафиксирован в хакасском языке: «АЛАЧЫХ (-гы) I. 1) *ист.* Алачык (летнее хакасское жилище конусообразной формы, строилось из жердей, снаружи покрывалось берестой или кошмой); 2) *этно.* Алачык, временный свадебный шалаш (символизирующий жилище молодых; туда садили невесту и клали свадебные подарки)» [ХРС 2006: 51].

Между тем слово отмечается как общетюркское, входящее в лексический состав пратюркского языка **alaču*. С. Л. Левитская, автор части «Жилище, дом, поселение» коллективного труда, исходя из вариативности гласного в анлауте, полагает, что оно заимствовано из неопределенного источника [СИГТЯ. Лексика 1997: 497].

Спустя почти 10 лет А. В. Дыбо выявила, что **alaču* относится к китайским заимствованиям в пратюркском **(a)laču-k* в значении 'хижина, шалаш, маленькая юрта' [Дыбо 2007: 67].

Таким образом, диалектное слово *алажы* имеет очень древние корни.

Хотя и не относится напрямую к названию жилища, интересным представляется сочетание *барыын хол* 'западная рука', *чөөн хол* 'восточная

рука' в цэнгэльском говоре. Ориентация предметов и местонахождения людей, вход в юрту строго регламентировано, поэтому и рука человека определяется западной или восточной, исходя из ориентации на дверь юрты изнутри, т. е. находясь в юрте и глядя на вход, которая всегда смотрит на юг, можно узнать, что западная рука – это правая, а восточная рука – левая. Такая ориентация заимствована у монголов.

От основы *өг* образованы слова *өг=ле=н=ур* 'жениться или выходить замуж, обзаводиться семьей', *өг-баиштыг* 'семейный, имеющий семью (букв. имеющий юрту, начало)', *өглүг* 'семейный, имеющий семью (букв. имеющий юрту)', они известны всем носителям тувинского языка.

Подводя итоги сказанного, можно констатировать, что наряду с традиционным названием жилища кочевника *өг* используется монголизм *бажың* для стационарного жилища, а слово *өг* существенно расширило свое значение в китайском и улуг-хемском говорах. Для таежных кочевников Тоджи и Цагаан-Нура характерно для обозначения жилища слово *алажы*. Слово *өг* оставаясь константой, наращивает свою семантику при помощи атрибутивных сочетаний, словообразовательных аффиксов.

4.1.2. Слова-маркеры диалектов и говоров

В диалектах и говорах тувинского языка важно выделить слова-маркеры, характерные для отдельной территории, на основе которых безошибочно определяют, носителем какого диалекта или говора является собеседник; таких слов немного.

4.1.2.1. Диалектное слово *айдаар*

Айдаар – слово, характерное для западного диалекта, в значении 'погонять скот'.

В ЛТЯ ему соответствует сложный глагол *ай де-*, об этимологии которого можно прочесть в словаре Б. И. Татаринцева: '*ай де* – 'гнать, отгонять, прогонять (о скоте); призывать к порядку'[ЭСТувЯ I 2000: 78]. По его мнению, слово, зафиксированное в словаре В. В. Радлова [РСл. I: 49],

аналогично алтайскому *айда* в том же значении; проводится также параллель с языком желтых уйгур со ссылкой на С. Е. Малова.

Диалектный глагол *айдаар* Б. И. Татаринцев считает сингармонизированным вариантом глагольного сочетания *ай де-* [ЭСТувЯ I 2000: 78], такое же объяснение структуры слова у М. Д. Доржу [ДСТЯ, 2011: 42], с чем можно согласиться. В произношении они различаются: в ЛТЯ ударение падает на междометие *ай // хай* 'крик, когда гонят скот'; в диалектном слове ударение падает на второй слог [aydá:r].

Ш. Ч. Сат, исследуя взаимодействие тувинского и алтайского языков на смежной территории их распространения, обратил внимание на слово *айдаар*, причислив его к заимствованиям из алтайского языка [Сат 1987б: 26].

Факт маргинальных контактов западных тувинцев с соседними алтайскими племенами, которые породили ряд диалектных черт западного диалекта тувинского языка, неоспорим. О влиянии алтайского языка на становление дифференциальных черт западного диалекта тувинского языка в свое время писали также Г. Ф. Бабушкин [1960, 1961], Я. Ш. Хертек [1970]. Все исследователи приводят как пример заимствований глагол *айдаар*, лит. *ай дээр* 'гнать скот' (ср. алт. *айдаар*).

В толковом словаре тувинского языка даны оба слова: *ай де* (ТСТЯ I, 2003: 87), *айдаар* (ТСТЯ I, 2003: 88), при словарной статье **айдаар** отсутствует помета *диал.*, а также толкование со ссылкой на синонимичное слово *ай де* [ТСТЯ I, 2003: 88]. Отсутствие пометы выражает мнение составителя словарной статьи, основанием для которого, возможно, послужила иллюстрация, принадлежащая писателю Л. Чадамба, уроженцу Тоджи: «Хойжуларның айдааны болгаш тоотпалааны бир-ле хөйнуң ырышоору апарган, хөлзенчиг-ле чүве!» [ТСТЯ I, 2003: 88]. Сейчас трудно установить, из какого контекста взято данное предложение. Возможно, писатель использовал диалектное слово как художественное средство выразительности, к чему часто прибегают писатели.

В диалектном словаре тувинского языка слово *айдаар* значит как диалектное слово, характерное для жителей Бай-Тайгинского и Монгун-Тайгинского и Пий-Хемского говоров: «*ай дээр=, хай дээр= малды сүрер* ‘собрать, гнать скот в нужном направлении’. Образовано от междометия ‘ай!’ и вспомогательного глагола *де=*» [ДСТЯ, 2011: 42].

По нашим материалам, данное диалектное слово распространено на территории западного диалекта тувинского языка и является его ярким маркером, регулярно встречаясь в речи носителей данного диалекта.

4.1.2.2. Диалектное слово *тас-инек*

На высокогорных территориях Тувы и Монголии разводят яков, наряду с коровами. В Туве – в Монгун-Тайгинском районе, верховьях рек Ак и Алаш, в Бай-Тайгинском и Барун-Хемчикском районах, Кунгуртуге; в Монголии – в Баян-Улэгэйском аймаке, в частности в сумоне Цэнгэл, где живут этнические тувинцы. В ЛТЯ его называют *сарлык* ‘як’.

Вместе с тем в Бай-Тайге, так же как и в соседней Монгун-Тайге, як называется словом *инек* ‘корова’ или *сөмдөр инек* ‘мохнатая корова’.

Корову называют в западной Туве *тас-инек*, букв. ‘лысая корова’, т. е. корова с короткой шерстью, или *моол-инек* ‘монгольская корова’ [Доржу 2002: 70-71].

По нашим материалам, тувинцы Цэнгэла Баян-Улэгэйского аймака яка называют *инек* ‘корова’, а корову – *моол-инек* ‘монгольская корова’. Интересно то, что казахи в этом же сумоне корову называют словом *сыйыр*. Повсеместно, где разводят яков, помесь коровы с яком называют *хайнак / хайнык*. Цагаан-нурские тувинцы сочетанием *иви мал* отделяют оленей от других видов домашних животных, называя их *моол мал* ‘монгольская живность’. В это понятие входят коровы, овцы, козы, яки и верблюды.

4.1.2.3. Диалектное слово *акаа*

Для родоплеменной группы *соян*, населяющей в основном территорию сумона Ак-Эрик Тес-Хемского кожууна, характерно употребление

диалектного слова *аькаа* в значениях 1. старший брат; 2. мужчина, старший по возрасту. В литературном языке ему соответствует слово *акы* ‘брат’.

В разговоре с жителями других кожуунов или когда хотят подчеркнуть принадлежность к родоплеменной группе *соян* из сумона Ак-Эрик пользуются формой множественного числа *аькаа=лар* или сочетанием *Ак-Эриктиң аькаалары* ‘мужчины Ак-Эрика (коренные жители) или сояны (букв. Ак-Эрика старшие братья=его)’, и в этом заключается третье значение данного диалектного слова.

По поводу диалектного слова *акаа* Е. М. Куулар пишет: ‘В речи жителей Тес-Хемского и Эрзинского районов широкое использование получил термин *акаа* в значении ‘старшие братья отца всех степеней родства’ [Куулар 2012: 148].

Л. С. Кара-оол, исследовав термины родства и свойства в тувинском языке, установила гораздо более широкое употребление данного диалектного слова и других его фонетических вариантов, функционирующих в ЛТЯ и других диалектах. Она пишет: «Наиболее употребительные формы: номинативные: *аккы, акка, аккаа, аьга*. Значения: 1) старший брат – для всех приведенных форм; 2) младший дядя – младший брат отца и матери (для *аккы*); 3) старший брат отца, дядя (только для улуг-хемского); 4) сын старшего брата (при условии, если он старше эго); 5) вежливое обозначение и обращение к старшему по отношению к эго родственнику более отдаленной степени родства, чем родные брат, двоюродный брат и дядя, при условии, что он не подходит под категорию “дедушек”; 6) *разг.* отчим (для *аккы*); 7) почтительное обозначение и обращение к постороннему мужчине среднего возраста (не родственнику), если он старше эго» [Кара-оол 2006: 55-56].

Слово **ага* зарегистрировано в древнетюркском [ДТС 1969: 48] и других словарях [ЭСТЯ 1974: 121; СИГТЯ. Лексика 1997: 291].

Видно, что общетюркское слово в речи ак-эрикцев функционирует в другом фонетическом варианте, чем в ЛТЯ, где первый гласный в анлауте

фарингализованный, гласный второго слова – долгий *аькаа*; приобретает значение «мужчины (коренные жители) Ак-Эрика».

4.1.2.4. Диалектные слова *иниим*, *сарыым*

Обращение к младшему по возрасту человеку *ини=им* ‘младший по возрасту’ в улуг-хемском и чаа-хольском районах, входящих в территорию центрального диалекта ТЯ, представляет собой древнетюркское слово **ini*, зафиксированное в основных источниках [ДТС, 1969: 210; ЭСТЯ, 1974: 363; М.Кашгари 2010; 174-182] и фундаментальных исследованиях по тюркской лексике [СИГТЯ. Лексика 1997: 292]. Слово имеет различные фонетические варианты: *иниим*, *эниим*, *ним*, *нам*.

Форму *нам* с заднеязычным твердым кратким гласным *а* мы склонны считать сокращенной формой от *хунам* < *унам* < *ынам* < *нам*. Что касается форм *иниим*, *эниим*, *ним*, они, безусловно, являются формами, развившимися от древнего **ini*, подчиненными общим фонетическим закономерностям тувинского языка. Так, в форме *эниим* в анлауте наблюдается соответствие узкому переднеязычному *и* широкого переднеязычного *э*; а в форме *ним* гласный в анлауте подвергся редукции, а затем выпал перед сонорным *н*, также как в словах *инек* < *нек* ‘корова’, *ине* < *не* ‘игла’, что характерно для тувинского языка.

Данное диалектное слово фиксирует также диалектный словарь тувинского языка: «*Иниим* – улуг-хем., танд. ‘*бодундан бичии кижини эргеледип чугаалаары*’ ~ лит. *дуңмам* (обращение к младшему по возрасту)» [ДСТЯ, 2011: 63].

Как и все слова группы родства в тувинском языке, диалектное слово *ини* функционирует обязательно с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа, основа отдельно не используется в речи, поэтому является обращением только к одному лицу, а при обращении ко множеству лиц младшего возраста используется общелитературное слово *дуңма* ‘младший брат или сестра’, которое грамматически оформляется соответственно аффиксами множественного числа и принадлежности

дуңма=лар=ым ‘мои младшие братья (сёстры)’, при этом неважно указание на пол и степень родства младших по возрасту лиц, т. е. лица, к кому обращаются, не обязательно должны быть родственниками.

Примечательно, что данное диалектное слово распространено на той территории центрального диалекта, где проживают улуг-хемская родоплеменная группа *кыргыс*, которая делится на эйлиг-хемских (*Эйлиг-Хем кыргыстары*) и барыкских (*Барык кыргыстары*). Данная территория исторически была местом пересечения путей с севера на юг; т. е. через Эйлиг-Хем пролегла дорога, которая шла вдоль русла Енисея, соединяла Туву с Минусинским краем. Поэтому можно предположить, что данный диалектный маркер остался от древнекыргызского языка, хотя абсолютно доказано, что слово сохранилось с древнетюркской эпохи. В то же время можно предположить, что древнетюркское слово, сохранившееся в древнекыргызском, осталось в языке кыргызов Улуг-Хема как диалектное явление Енисея.

Это же слово *ини=им* от *ини* ‘младший брат или сестра’ В. Я. Бутанаев записал и у хакасов из провинции Хэйлунцзян (около Харбина) [Бутанаев 2006: 13-15].

Следующим маркированным обращением является субстантивированное прилагательное *сарыг* ‘желтый’, *перен.* ‘светлый’ в форме принадлежности 1 л. ед. ч. *сары=ым* в речи жителей Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского кожуунов. Слово имеет следующие значения: 1. младший брат или сестра; 2. милый(-ая), любимый(-ая), см. монографию [Кара-оол, 2006: 73].

Интересно отметить, что среди жителей нижнего течения реки Хемчик до впадения в Улуг-Хем и вдоль русла Улуг-Хема по Саянскому каньону на север, а также на юг по одноименным рекам Торгалыг Улуг-Хемского и Овюрского кожуунов часто можно увидеть светловолосых ‘сарыг баыштыг’, зеленоглазых ‘шаңгыр карактыг’ тувинцев, может быть поэтому именно на этой узкой полосе центральной Тувы распространилось обращение *сарыым*.

В последнее время в разговорной речи чаще всего можно услышать обращение *өней* (другая форма – *өпея*) к детям младшего возраста, происходящее от субстантивированного междометия *өней-өней* ‘баю-бай’. Мы не склонны его рассматривать как диалектное явление, привязанное к конкретной территории, оно распространено повсеместно на территории Тувы, но не фиксируется у тувинцев Монголии и Китая.

Огромное количество обращений к лицам младшего возраста можно увидеть в работе ‘Термины родства и свойства в тувинском языке’ Л. С. Кара-оол: *ачак, атчак, дом; огоом; онай; орай, өней, өпея, сарыым, чараиш, чараишпай, ынай, учук, хокаш, хунам, ыдым, ымам, нам, иниим, эниим, ним* [Кара-оол, 2006: 73].

Как видно, обращений к лицам младшего возраста достаточно много, причем они имеют разные фонетические варианты: *хунам < унам < ынам < нам; дуңмам < дом; дуңмам < ымам < мам; ашак < ачак < атчак. Чь* обращений происходит от названий домашних животных: от *хокаш* ‘олененок’; *хунам* (‘мой козлик’) от *хуна* ‘козел’; *ыдым* (‘моя собачонка’) от *ыт* ‘собака’. Во всех случаях мотивирующим признаком можно считать уменьшительно-ласкательное значение слова с точки зрения говорящего. Многие из приведенных обращений, на наш взгляд, являются окказионализмами, их трудно отнести к диалектной лексике.

Слова-обращения *чараиш, чараишпай* ‘красивый, красавчик’, думается, в качестве обращения используются сравнительно недавно, потому что традиционно тувинцы не давали благозвучных имён младенцам, до определенного возраста дети росли с прозвищами; не давали также так называемых имён-посвящений, т. е. избегали называть своих детей именами старших или ушедших в иной мир близких людей.

Слово *салам* используется в отношении к упитанному, крепко сбитому ребенку: *салам төл* ‘тяжеловесный ребенок’, *салам оол* ‘тяжеловесный мальчик’ у тувинцев Эрзина, существует запрет на использование слова *аар*

‘тяжелый’ по отношению к ребенку, считая, что слово *аар* обозначает тяжелую болезнь *аар аарыг*.

Мы остановились на самых ярких устойчивых маркерах-обращениях *иниим* и *сарыым* в улуг-хемском и дзун-хемчикском говорах центрального диалекта ТЯ. Огромное количество других обращений к лицам младшего возраста говорит о том, что ЛТЯ ещё не выработал единой формы обращения.

4.1.2.5. Диалектное слово *чивиин*

В диалектном словаре территориями распространения данного диалектного слова определены Каа-Хемский и Тес-Хемский районы: «*чивиин* –К-Х., Т-Х. ‘кижи хөңнү чок, чүдек, чаржынчыг, кыпсынчыг’ ~ Тере-Х. *чивиин* ‘хоранныг’ ~ лит. *чүдек, бужар, анчыг* (безобразный, противный)» [Доржу 2002: 154]. По нашим данным, оно характерно для жителей Эрзинского, Тес-Хемского районов.

4.1.2.6. Этнографизмы в диалектах и говорах

Несмотря на общность языка, материальной и духовной культуры тувинского этноса, отдельные территории отличаются этнографизмами. Их легко выделить в языке тувинцев Монголии, особенно у носителей АД.

Членам экспедиций в Монголию в 1999 и 2008 годах посчастливилось наблюдать за предсвадебным и свадебным обрядами у тувинцев Кобдо и Цэнгэла, в 2014 году – за подготовкой к свадьбе у оленеводов Цагаан-Нура. Они существенно отличаются от подобных обрядов, проводимых в Туве в настоящее время. Соответственно тематическая группа лексики предсвадебного и свадебного обрядов в АД отличается от подобной группы в ЛТЯ.

Вот несколько примеров из лексики свадебного обряда, записанных у тувинцев Кобдо и Цэнгэла: *тавак тудар* ‘поднести блюдо’, *тавак белеткээр* ‘подготовить блюдо’, *сөң каттыштырар* ‘объединить подношение’, *агын-көгүн кудар / тудар* ‘поднести молочную пищу с кадаком при сватовстве’, *чаъжыл* в м. лит. *тос-карак* ‘ритуальная ложка-девятиглазка для окропления

молока, чая’, *көъжеге ажыдар* ‘открывать занавеску (обряд на свадьбе, когда свекор открывает занавеску, за которой сидит невеста)’, *сойгалаар* ‘обличение (когда невесту забирают у родителей и на свадьбе обе стороны брачующихся высказывают недостатки жениха и невесты, т. е. обличают)’, *чода шанчар* ‘воткнуть голень в огонь (обряд на свадьбе, символизирующий принятие в свой круг невесту, когда она должна голень, обернутую в белую матерью, воткнуть на край огня в очаге)’.

В центральной Туве записана лексика, связанная с религиозными обрядами буддизма и шаманизма: *номга олуар* ‘присутствовать при чтении сутр (букв. сидеть на книге)’, *ном номчудар* ‘просить прочесть сутры, сопровождающие разные обряды’, *ном аштырар* ‘просить по сутре определить ход и условия проводов в последний путь (просить открыть сутру)’, *чораан кижиниң чүгүрүү* ‘негативная энергия, в которой накопилась обида ушедшего в иной мир (букв. ушедшего человека бег=его)’, *хамның амытаны* ‘помощник шамана (букв. животное шамана)’, *чыттыг-саң* ‘один из видов подношений, когда обязательно зажигают можжевельник’ и т. д.

Тувинцы Китая проводят три больших праздника в год: 1) *Шагаа* (новый год по лунному календарю); 2) *оваа дагыр* (поклонения духам земли в начале лета, рис. 2); 3) *чула байырлалы* (прихода тысячи будд на Землю, обычно в декабре). Праздники наглядно демонстрируют, что тувинцы Китая – приверженцы буддизма, но также сохраняют шаманские обычаи и традиции. Поэтому во время праздников обязательно посещается *балың* ‘сооружение из камней, наверху которого закрепляется ветка дерева, на неё навешивают разноцветные ленты *чалама*’.

Тувинцы Цагаан-Нура выкладывают 13 сооружений из стволов молодой лиственницы, а в домах, юртах или *алажы өг* вывешивают на почетном месте *ээрэн* ‘защиту’. Для тувинцев, кузнецов Китая и Кобдо, характерен обычай *сыр кагар* ‘выбивать искру’, его проводят потомственные кузнецы для своих близких родственников.

Рис. 2

Итак, слова-маркеры являются яркими отличительными признаками отдельных говоров и диалектов ТЯ.

4.1.3. Тематические группы лексики, характерные для отдельных территорий

Хозяйственная деятельность человека во многом предопределяется различными условиями его жизни. Важную роль играет географическое положение. Основная масса тувинского населения до недавнего времени в основном (до 95 %) занималась кочевым скотоводством, которое сочеталось с ограниченным орошаемым земледелием и охотой, а также домашним производством и ремеслом. Хозяйство таёжных тувинцев (тоджинцев) основывалось на охоте и оленеводстве, а также собирательстве и в меньшей степени – рыболовстве [Вайнштейн 1991: 8-9].

Географически Тува окаймлена с севера Саянскими горами, с юга горной цепью Танды-Уула, поэтому основная масса тувинцев проживает в так называемой Тувинской котловине, для которой характерны засушливые степи, долины вдоль рек, в предгорье – лесостепь; на юге хребта Танды-Уула раскинулись бескрайние степи и полупустыни с песчаными дюнами. На территории Тоджи – тундра и тайга, Тере-Холя – тайга с небольшими таежными долинами. В юго-западной части Тувы на территории Монгун-Тайгинского кожууна – безлесое высокогорье с ледниками.

В зависимости от природно-климатических условий определяется тип и объекты хозяйствования, промыслы. Например, для охотников западной Тувы и прилегающей к ней территории Алтайской горной гряды основным промысловым животным является сурок, тоджинцы-оленоводы и жители Тере-Холя промышляют пушными зверями *өлүк* ‘пушными зверями’, *улуз аң* ‘крупными копытными животными (маралы, лоси)’, для жителей лесостепных полос – *чиңге аң* ‘мелкие копытные животные (косули)’, до 60-х годов джейранами ‘*чээрэн*’, которых уже истребили, как и дроф ‘*тогдук*’. В качестве домашнего скота в разных климатических зонах содержат более приспособленных к местному климату животных. Например, яки могут содержаться на высокогорье, овцы и козы – там, где зимой выпадает меньше снега.

Особенности природы на отдельных территориях называются также отдельными диалектными словами. Например, в речи жителей Монгун-Тайги слово ‘*тайга*’ обозначает безлесую высокую горную гряду, в остальной Туве – высокогорную местность с хвойным лесом. На каменистом высокогорье юго-западной Тувы из растительности можно найти карликовые берёзы и можжевельник, на отрогах ледниковых гор разбросаны огромные каменные валуны *бүүрээ* ‘валуны’. В Монгун-Тайге обитает множество животных, произрастают растения, занесенные в Красные книги разных уровней. Например, *даг казы* ‘горный гусь’, *кызыл-думчук* ‘красноклювая клушица’,

меңги чечээ ‘эдельвейс’, *дырбыл оът* ‘мелкая трава на засушливых горных равнинах’ и т. д.

Тувинцы Цагаан-Нура хвойный лес называют словом ‘*ньеш*’, а таёжное высокогорье ‘*тайга*’, тундру с гольцами *тайга тазы* (букв. тайга голь=его).

В районах Тере-Холь и Тоджи огромное количество озер и рек, где водится водоплавающая дичь, которая становится объектом охоты, поэтому в речи жителей именно этих районов можно зафиксировать названия таких птиц. В остальной части Тувы, как правило, таких названий мало: например, есть родовое название типа *кас* ‘гусь’, *өдүрек* ‘утка’, *кушкаш* ‘птичка’, *хартыга* ‘сокол’, а видовые названия отсутствуют или их очень мало.

Эти причины позволяют рассмотреть указанные тематические группы лексики в качестве диалектной, характеризующей ту или иную территорию распространения тувинского языка. Их немного, так как основная лексика хозяйственной деятельности относится к животноводству. Исследованием лексики животноводства занимается Б. Баярсайхан [2002, 2006, 2009].

4.1.3.1. Половозрастные названия сурка в диалектах и говорах

Сурок как объект охоты распространен на южных отрогах хребта Танну-Ола, особенно на его западной части, а также на территории сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии, отчасти на китайском Алтае. Общее название животного в ЛТЯ *тарбаган*, в АД ‘*тарбаан*’. В отличие от других животных сурок не нуждается в воде, питается травой *агы-каңгы* | олын’. В лечебных целях используется его мясо, жир. Выделанные шкурки идут на одежду.

Для более полного представления системы названий сурка в качестве основного материала мы взяли работу Б. Баярсайхана [2010: 74-80], так как наиболее разветвленной системой данной тематической группы активно пользуются жители Цэнгэла Монголии. При использовании материалов других авторов даны ссылки на источники, в остальных случаях мы использовали свой материал, полученный в ходе полевых исследований. Охота на сурка является наиболее распространенным видом охоты на диких

животных и носила промысловый характер до недавнего времени, пока поголовье сурка не снизилось.

На территории Тувы этот грызун водится на приграничных с Монголией территориях: в Овьюре, Монгун-Тайге, Тес-Хеме, Эрзине, Тере-Холе. Он также известен тувинцам Кобдо и Китая. Общепринятое название у тувинцев Тувы – *тарбаган*, у тувинцев Цэнгэла, Китая и Кобдо *тарбаан*, где гласный второго слога – долгий, образованный в результате выпадения интервокального *г*. В цэнгэльском говоре сурка называют, учитывая самые различные признаки. Например, возраст:

ЛТЯ. *тарбаган оглу* ‘сурок до года’ – цэнг. *мөндүлө*; овюр., монг.-т., бай-т. *мөндеде*; тере.-х. *мөндегене, мөндүл*;

ЛТЯ. *бир харлыг тарбаган* ‘сурок-однолетка’ – цэнг. *сыңгы*;

ЛТЯ. *ийи харлыг тарбаган* ‘сурок-двухлетка’ – цэнг., бай-т. *бардам*, овюр. *бартам*, эрз. *бардам*.

ЛТЯ. *Үш харлыг тарбаган* ‘сурок-трехлетка’ – цэнг. *көпсел* [еъ], монг.-т. *көпсел* (Бабушкин 1961: 250), эрз. *көпсел* ‘дөрт харлыг тарбаган’, торе-х. *шар-хацыр* (сарыг чаак) ‘үш харлыг тарбаган’ (Куулар 2003: 222), овюр., бай-т. *депсел* ‘ийи харлыг тарбаган’ (Хертек, 1964: 337);

ЛТЯ. *4 харлыг тарбаган* ‘сурок-четырёхлетка’ – цэнг. *хара кудурук* ‘букв. черный хвост’;

ЛТЯ. *назы четкен тарбаган, чедишкен тарбаган* ‘зрелый сурок’ (достигший 5 лет) – цэнг. *чоон тарбаан* ‘букв. толстый сурок’. Для тувинцев Монголии взрослые особи домашнего скота называют словосочетанием *чедишкен чоон* [Баярсайхан, 2009б: 17]

ЛТЯ. *6 харлыг тарбаган* ‘сурок-шестилетка’ – цэнг. *сарыг-кудурук* ‘букв. желтый хвост’;

ЛТЯ. ‘*чеди харлыг тарбаган*’ ‘сурок-семилетка’ – цэнг. *сарыг-бөксе* ‘букв. желтая грудь’;

ЛТЯ. ‘*сес харлыг тарбаган*’ ‘сурок-восьмилетка’ – цэнг. *сарыг-бел* ‘букв. желтая поясница’.

Названия женских особей: лит. *оолдарлыг тарбаган* ‘сурчиха с детенышами’, цэнг. *көгүүле* [өъ], монг.-т., овюр, эрз. *көгүүле*, тере-х. *хөхүл, көхүү, көгүү* (мөрэн, эрз. ‘аскыр тарбаган’; лит. *төрүвээн кыс тарбаган* ‘сурчиха, ещё не приносившая потомство’ цэнг. *дарча*, монг.-т. *дачы*, т.-хем. *датчы* ‘яловая сурчиха’ [Куулар 2003: 222], цэнг. *сувай дарча* (Б. Баярсайхан), мөрэн *сувай-дачы*, ак.-эрик. *сувай-дарчы*, овюр. *сувай-тачык, сувай-тарты* ‘яловая сурчиха’ [Хертек 1964: 337].

Названия мужских особей: ЛТЯ *аскыр тарбаган* ‘сурок-производитель’; цэнг., мөңг.-т., овюр. *мургу* [уъ] ‘взрослый самец-сурок’. Слово зарегистрировано в эрз. *бурху*, тес-х. *бургу* ‘взрослый самец сурка’ [Куулар 2003: 222].

Названия сурков формируются и по другим отличительным признакам, например цвету шерсти, кожному покрову и другим приметам: лит. *дүгү чедишпээн тарбаган* ‘сурок, у которого шерсть не созрела для охоты’; цэнг. *ак көрсүн*, монг.-т. *ак тарбаган*; лит. *дүгү чедишкен күскү тарбаган* ‘осенний сурок, у которого шерсть созрела для охоты’; цэнг. *хара-көрсүн*, монг.-т. *кара тарбаган* ‘черный сурок’; цэнг. *хара-салдырга* ‘сурок с черными усами’; цэнг. *сарыг-салдырга* ‘сурок с желтыми усами’; цэнг. *сарыг-хээк* ‘сурок с желтыми висками’; цэнг. *хара-хээк* ‘сурок с черными висками’.

В бай-тайгинском говоре есть общее родовое название сурка, самца, самки, детеныша, годовалого сурка, зрелого, которые не отличаются от аналогичных названий в цэнгэльском говоре [Доржу 2002: 75].

Приспособлением при охоте на сурка является хвост яка светлого окраса, называемый в цэнгэльском и кобдоском говорах *хөөретки* от глагольной основы *хөөре-* олтать, много и эмоционально говорить к нему присоединился залоговый =*т*, затем словообразовательный аффикс =*ки*.

Кроме того, в работе Х. Гансух можно найти названия способов и других приспособлений для охоты на сурка [Гансух, 2009в: 142-144].

На одной из конференций в Туве Е. М. Куулар называла сурков по их назначению, деятельности *дуг дуглаар тарбаган* ‘сурок, закрывающий ходы в нору’, *ижээн казар* ‘сурок, роющий нору’, *сиген салыр* ‘сурок, готовящий травяной настил в норе’ и т.д.

Всего в цэнгэльской говоре половозрастных названий сурка 11, названий разновидностей сурка по цвету шерсти, кожному покрову и другим приметам 10, оценке шкурки 2, лексики охоты на сурка 4, итого 25. В монгун-тайгинском 12, бай-тайгинском 10, эрзинско-тес-хемском говоре 5, тере-хольском 4. Таким образом, наиболее разветвленную лексику в этой группе показывает цэнгэльский говор, по остальным территориям число слов по половозрастным и другим названиям сурка уменьшается, более-менее развито в монгун-тайгинском и бай-тайгинском говорах, меньше всего в эрзинско-тес-хемском. В ЛТЯ вошли всего два слова: самородовое название – *тарбаган*, детеныша – *мөнделе*. Подробных сведений по данной тематической группе у тувинцев Китая ещё не собрано, но зафиксировано общее родовое название *тарбаан*, функционирующее в таком же фонетическом облике, как у тувинцев Кобдо и Цэнгэла.

4.1.3.2. Лексика рыболовства, оленеводства, яководства как диалектные признаки

Данная тематическая группа лексики составляет особенность саянских тюркских языков, а также тех территорий распространения тувинского языка, которые граничат с тофаларами, сойотами, жителей высокогорной тайги и тундры Восточных Саян. Для нас важно показать, что группа данной лексики представляет комплекс таёжной лексики, характеризующей речь коренных жителей Саян: тоджинцев, тере-хольцев, жителей Цагаан-Нура. Она хоть и вошла в какой-то мере в словари тувинского языка, остается в активном словарном запасе у жителей тайги и практически не характерна для жителей степной зоны.

Лексика рыбного промысла в основном собрана нами у жителей Тере-Холя и Тоджи.

Щука у тере-хольцев является основной промысловой рыбой, поэтому употребляются разные названия, характеризующие возраст и размер.

Булдегене – мальки рыб размером 3-4 см.

Шелеш – мальки и мелкая рыба до 7-8 см.

Мосрай – молодая щука до 15-20 см.

Кызыл-адак – щука до 18-20 см с красными плавниками.

Тыңнаа – щука 25-30 см.

Торуш – взрослая щука размером 35-45 см.

Шортан – щука размером 60 см.

Ояр – щука размером свыше 60-70 см, может достигать до 1,5 метров в длину.

У хариуса, налима, ленка, тайменя, язя различают молодь и взрослых особей, которые называются *улуг кадыргы* ‘большой хариус’ и *бичши кадыргы* ‘маленький хариус’. Названия мальков по размеру *булдегене*, *шелеш* употребляются для всех видов рыб.

Лексика, связанная с рыбной ловлей: тере-х., цаг.-н. *аглап-пышар* ‘загонять рыбу в засаду длинной палкой с привязанными на ее конце ветками’; тере-х., цаг., уйг.-ур. *аглаар* ‘загонять рыбу в засаду, устраивать облаву’; *пышар* ‘вспугивать рыбу палкой’; тере-х., цаг., уйг.-ур. *согунаар* ‘ловить рыбу с помощью длинной палки, на конце которой прикреплен трезубец’; цаг., уйг.-ур. *холтаар* ‘ловить рыбу руками’; тере-х., цаг., уйг.-ур. *сүрер* ‘отгонять находящуюся подо льдом рыбу на мелкое место с тем, чтобы оглушить ее сверху колотушкой’; тере-х., цаг.-н., уйг.-ур. *серээлээр* ‘ловить рыбу с помощью остроги’; тере-х., цаг.-н. *туслук* ‘рыбий рассол’; тере-х., цаг.-н. *илпек* ‘крючок для вытаскивания рыбы из проруби’; тере-х., цаг.-н. *манаг* ‘зимняя ловля рыбы из проруби’; тере-х. *молтурук* ‘головная часть палки для отталкивания лодки’; тере-х. *чылым* ‘рыбья слизь’; тере-х. *шомаг* ‘мешок для ловли рыбы’; тере-х. *шөйгү* ‘палка для отталкивания лодки, плота’; тере-х. *сокпа* ‘колотушка, используемая для глушения рыбы’; цаг., тере-х. *ораашыр* ‘маленькая рыболовная сеть’; цаг.-н. *ойук* ‘прорубь для

ловли рыбы'; тере-х. *териски* 'нижняя часть лодки'; тере-х. *сүүткү* 'привязь рыболовной сети'; тодж. *алага оюну* 'нерест окуня', *балык оюну* 'время нереста рыбы'.

Слова *тартпа*, *тыртпа* 'рыболовные снасти в виде изогнутых в конце рогатин' зафиксированы у жителей Тере-Холя, Цагаан-Нура и Тоджи; *кармак* – у жителей Кара-Холя, а также в других тюркских языках [СИГТЯ. Лексика. 1997].

Слово *тикпе* 'сети рыболовные' зафиксировано нами у тувинцев Цагаан-Нура, у уйгур-урянхайцев. В этимологическом словаре Б. Татаринцева слово дано с пометой *диал.* Автор связывает его с тюркской глагольной основой *дик=*, *тик=* 'сшить', хакасским *тикпе* – 'поплавок сетей', т. е. названиями деталей рыболовной сети [Татаринцев 2002: 156].

Названия рыбных блюд. Тере-хольцы рыбу *тусаар* 'солят', *кургатыр* 'сушат', *ыштаар* 'копят', *пышырар* 'жарят', *хандырар* 'варят', *хулге хөмер* 'готовят под золой', *селёдкалаар* [seljo:tkala:r] 'маринуют', *манч кылыр* 'делают рыбные пельмени', *котлет пышырар* 'жарят рыбные котлеты'. Есть и особые блюда из рыбы.

Чайма – блюдо, приготовленное из внутренностей рыбы: очищенных кишок, печени, сердца, икры на собственном рыбьем жире с добавлением лука, соли, койнута (вид дикого укропа). Чтобы взять рыбий жир, рыбу подвешивают так, чтобы из желудка вытекал жир.

Борша – отделив из сушёной рыбы крупные кости, перемалывают в большой посуде, получается высушенная толченая рыба, как заготовка на зиму. Из неё готовят суп, рыбные котлеты, пельмени. *Борча* – название сушеного мяса в цэнг. и кобд. говорах. Мякоть заготавливаемой на зиму говядины подвешивают в сухом, проветриваемом закрытом помещении. Затем сухое мясо дробят, а получаемый из сухого мяса порошок называют *борча*. В обоих случаях совпадают способы приготовления заготовок на длительное хранение, только отличается исходный продукт. *Борц* в монгольском языке обозначает вяленое мясо (БАМРС I, 2001: 267). Таким

образом, *борча* в речи жителей Тере-Холя, Цэнгэла и Кобдо можно считать монголизмом.

4.1.3.3. Лексика оленеводства

Лексика оленеводства была очень подробно описана в известных работах Ш. Ч. Сата по тере-хольскому говору [1968б], З. Б. Чадамба по тоджинскому диалекту [1974], В. И. Рассадина по тофаларскому и сойотскому языкам, лексике природного окружения по саянским тюркским языкам [1971, 2012, 2013], А. К. Делгер-оола по языку жителей Тере-Холя [1993], П. С. Серен по тере-хольскому диалекту [2006], был объектом исследований в монографии Е. М. Куулар и Н. Д. Сувандии по лексике оленеводства [2014], поэтому материал данного раздела во многом собран по опубликованным работам. Мы же собирали материал у цагаан-нурских тувинцев и у носителей уйгур-урянхайского языка.

Надо сказать, что в настоящее время в тере-хольском и тоджинском диалектах данная тематическая группа лексики все больше выходит из активного употребления в силу того, что оленеводство на указанных территориях приходит в упадок. Можно сравнить цифры: в 70-80-х годах в оленеводческих совхозах Тувы насчитывалось свыше 25 тысяч голов оленей, в осенне-зимнее время проводился массовый забой. В настоящее время поголовье не превышает 1000 голов, а в Тере-Хольском кожууне они полностью истреблены. Однако для тувинцев Цагаан-Нура оленеводство остается основным видом хозяйственной деятельности наряду с охотой, рыболовством и собирательством.

Названия домашних оленей: *хокаш* ‘олень до года’, ср. тодж. *хокаш* ‘ласкательное название олененка’; *таспан* ‘оленок, родившийся в мае’, ср. тодж. *даспан*, тоф. *даспан* ‘двухлетний молодняк дикого оленя’, цаг.-н. *даспан* ‘молодые олени (общее название)’, цаг.-н. *доңгур* ‘молодой олень-самец’, тодж. *донгур* ‘оленок около двух лет’; тодж., цаг.-н. *дунгуш мынтыжак* ‘молодая олениха’; тере-х. *куутай* ‘молодые олени-самцы (общее название)’, (*куу* ‘серый’ + *дая* ‘жеребенок, молодой конь’), тодж. *куу*

дай ‘кастрированный олень’, цаг.-н. *бир түктүг куутай* ‘двухлетний олень-самец’, тодж. *бир дүктүг мыйыс* ‘олень самец около трех лет’, цаг.-н. *ийи түктүг куутай* ‘трехлетний олень-самец’, тодж. *ийи дүктүг мыйыс* ‘олень-самец около четырех лет’, тодж. *эьдер*, цаг.-н. *чары* ‘олень кастрированный’, *этер-буха* ‘бык, олень-самец (букв, ‘бык, который мычит’).

Чары в тоджинском, цагаан-нурском диалектах, тофаларском означает ‘бык-олень’, а *эьдер* представляет собой причастный атрибутив от глагола *эьт-* ‘реветь, гоняться в брачный период – об олене, лосе, изюбре’ [Рассадин, 1996:149]. В языке уйгур-урянхайцев нет общего названия оленя *иви*, его заменяет слово *чары*.

Названия корма оленей: *чаат* ‘ягель’ ср. тодж. *ада г* ‘лишайник’; *чекпе* ‘губа (высохший гриб-трутовик на стволах деревьев)’; *напсы-сиген* ‘трава (один из видов)’; *кара-хараган* ‘карликовая береза’; *чайын кара-хараган нурузу, чечек чшир (иви)* ‘Летом олени едят листья карликовой березы, ее цветы’.

Слова, связанные с оленеводством: *торзуктаар* ‘спутать у оленя задние ноги’; *хоорар* ‘приманивать (оленя); *хөлтүрүктээр* ‘надеть (натянуть) нагрудник (на оленя)’, *чекпелээр* ‘есть губку (высохший гриб)’.

Таким образом, лексика оленеводства как особая тематическая группа характеризует речь носителей цагаан-нурского, тоджинского и тере-хольского диалектов. В словарях в качестве литературной нормы вошли всего несколько слов: *иви, чары, хокаш*.

4.1.3.4. Лексика яководства

Яки как домашние животные появились в Туве относительно поздно, что подтверждается и языковыми данными. Эти животные обитают в высокогорье от 1200 до 2000 м над уровнем моря. Содержат их в западной Туве – в Монгун-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском кожуунах, в верховьях рек Хемчик, Ак, Алаш, в Тере-Холе, Цэнгэле Монголии. Именно на этих территориях распространена лексика яководства. Список слов небольшой. Родовидовым названием является слово *сарлык*, им

обозначают и мужские и женские особи, а по возрасту используют терминологию, принятую для обозначения крупного рогатого скота (коров), составляя сочетания *эр сарлык*, *буьга*, *сарлык буьгазы* ‘мужская особь яка’; *хайнык* – хайнак, ‘помесь яка с коровой’, *сарлык бызаазы* ‘теленочек яка’, *саар сарлык* ‘дойная ячиха’, *сарлык молдургазы*, *аныяк сарлык* ‘молодой як, як-двухлетка’, *хунан сарлык* ‘як-трехлетка’ и т.д. Но различают от обычных коров словом *семдер-инек* ‘як’ в Бай-Тайге, цэнг. *моол инек*, кара-х. *тас-инек* ‘корова’, *хайнык // хайнак* ‘помесь коровы с яком’; кара-х. *дожаар* ‘осенью отделиться от стада и бродяжничать и зимовать одному в глубокой тайге (о самце яка)’. Кара-х. *аңсыыр* в м. лит. *аңзыыр* ‘(о яке) не подпускать к себе человека, не возвращаться с пастбища, становиться как дикое животное’². *Шыыр* в м. лит. *ис*, *демдек* ‘примета, не видная глазу человека’. Производный глагол – *шыыр=а*: 1. в практике шаманизма ‘отследить (по каким-то признакам)’. Например, *шыырап келир*, *шыыр эдерип келир* – ‘отследить события по приметам, не видимым глазу человека’. 2. в яководстве о самце: найти стадо по запаху. Пояснение: во время случки мужские особи могут уйти очень далеко в другие стоянки, могут отстать от стада во время перегона с одной стоянки на другой, как говорят *могаттына бээр* ‘обидится’, и неподвижно стоять на одном месте до полусуток, поэтому отстать от стада или же уходят зимовать в глухую тайгу, а потом возвращаются или находят свое стадо или стоянку по запаху. *Каьттыжар* ‘як покидает своё стадо в поиске пары из другого стада’; *хүртүңнээр* ‘поведение во время случки’, *чиктиңнээр* ‘поведение перед случкой’, *бедик хендирбе* ‘кость горба яка’.

Таким образом, каждая тематическая группа, характеризующая отдельные территории Тувы, выступает как диалектная лексика. Только общие названия этих групп входят в норму ЛТЯ: *иви*, *тарбаган*, *сарлык*. Остальная специализированная часть остается особенностью речи жителей

² Тувинцы Кара-Холя в отличие от монгун-тайгинцев и тувинцев Цэнгэла не доят яков, считают их полудикими животными. После отела яки становятся особенно свирепыми, никого не подпускают к молодняку.

конкретной территории. Для жителей Кара-Холя, Монгун-Тайги и Цэнгэла характерна лексика яководства; лексика рыболовства – для носителей тере-хольского и цагаан-нурского диалектов, в меньшей степени – тоджинского; лексика оленеводства активна для носителей цагаан-нурского диалекта, начала переходить в разряд пассивной лексики для носителей тоджинского и уже пассивна у носителей тере-хольского диалектов. Лексика охоты и промысла на сурка самая развитая и активна для носителей цэнгэльского говора и Монгун-Тайги, менее активна и развита у носителей кобдоского и китаского, овюрского говоров, для жителей Эрзина и Тес-Хема также уже утрачивается.

4.2. Лексико-семантические диалектные слова

В диалектах и говорах есть небольшой список противопоставленных диалектных слов. Например, в ЛТЯ *ымыраа* ‘комар’ – в сутх. ‘муха’, и наоборот, в ЛТЯ *сээк*. ‘муха’ – в сут.-х. ‘комар’; комара ещё называют *ыргак-сээк*, *ыргак-ымыраа*, *ызырар-сээк*; в ЛТЯ *сава* ‘посуда’ соответствует в тере-х. *идиш*, в тодж. *соо*. В ЛТЯ и во внутренних диалектах слово *ааржы* обозначает «1. употребляемая в пищу гуща процеженного в холщовом мешке кислого молока, оставшегося после перегонки молочной водки араки. 2. Пищевой продукт из гущи измельченной и высушенной ааржи» (ТСТЯ I: 40). В зарубежных диалектах словом *ааршы* (глухой согласный *ш* вм. *ж* в ЛТЯ, внутренних диалектах) обозначают крупные куски размером 5-6 см, в Туве это измельченный, иногда до порошкообразного состояния, продукт. Словом *курут* // *хурут* обозначают продукт, нарезанный крупными кусками, подготовленный для длительного хранения.

Во всех диалектологических исследованиях даются списки лексико-семантических диалектных слов, они характеризуют местные особенности речи. Нет нужды их отдельно приводить здесь. Но эта работа не проделана в

отношении такой особой территории, как китайский Алтай, где живут тувинцы, язык которых малоизвестен российским исследователям, поэтому мы посчитали необходимым остановиться на них.

Лексико-семантические диалектные слова тувинцев Китая. Здесь собрана общетюркская или собственно-тувинская лексика, которая получила новые значения, не фиксируемые у остальных тувинцев зарубежья. По времени появления их можно назвать новейшими, так как эти значения появились тогда, когда от них откочевала кобдоская группа тувинцев. Например: *доң чер* в.м. *бедик чер*; *таан хөп эмес* в.м. *дыка хөй эвес* ‘не очень много’; *чоруп үнсе* в.м. *чадаг үнзе, үстеп каан орук* в.м. *асфальт* ‘асфальт, букв. намазанная маслом дорога’; *хараңгы өг* в.м. *кара-бажың* ‘тюрьма, букв. темная юрта’; *кадыг билир* в.м. *эки билир* ‘хорошо знать’; *баарсак кижиги* в.м. *төрөлзирек* ‘человек, признающий, любящий родственников’; *омшуун кижиги* в.м. *өөренген* ‘обучающийся’; *херексии* в.м. *сонуургак* ‘любопытный’; *кыгыртыыр саазын* в.м. *чалалга* ‘приглашение, букв. призывающая бумага’; *паспорт чаъзадыр* в.м. *паспорт кылдырар* ‘паспорт сделать’; *чыъдак* в.м. *дыштаныр чер* ‘лежак, место для отдыха’; *сыгыр үс* в.м. *растительное масло* ‘растительное масло’; *экей* в.м. *дунмай* ‘брат или сестра, младшие по возрасту’; *эдей, эрлиг* в.м. *эр хей* ‘молодец’; *самырлып калган* в.м. *эвээжеп каан* ‘рассеяться, уменьшиться’; *бөлүмээн* в.м. *чыылбаан* ‘не собрались’; *дой чазаваан* в.м. *өгленмээн* ‘неженатый, незамужняя’; *тура тур* в.м. *мана* ‘жди’; *кылаң чер* в.м. *тас чер* ‘ровное место’; *чула үүсгүдер* в.м. *чула кыпсыр (өөскүдер)* ‘зажечь свечку’; *укуул каъгар* в.м. *сыккыртыр* ‘ставить укол’; *быъдыраар* в.м. *тараар* ‘рассеяться’; *сиңе баар – сиңе бээр* в.м. лит. *каттыжып, холужуп каан чиде берген* ‘раствориться’, ‘впитаться’; *иш кылыр* в.м. *ажыл кылыр* ‘работать’; *улуг* в.м. *хөй* ‘много’, например *арага улуг иъжер* в.м. лит. *арага хөй иъжер* ‘много пить вина’; *доостур* в.м. *артпас*, например *хам дооступ калган* (букв. шаманы закончились) в.м. лит. *хам артпаан* ‘не осталось шаманов’.

Телефон кактырар в м. *долгаар* ‘звонить’. Очень интересно, как появились данные переносные значения слов. В литературном языке слово *долгаар* в значении ‘набирать телефонный номер’ появилось в 1960–1970-е годы с момента телефонизации, когда были в обиходе телефонные аппараты с дисковым набором, поэтому в ЛТЯ значение ‘звонить по телефону’ появилось у слова *долгаар* ‘крутить’. А у китайских тувинцев новое значение слова появилось у слова *как*= ‘бить, ударять’, скорее всего, у тувинцев Китая слово *как*=, *каъг*=*ар* имело также значение ‘нажимать’, поэтому совершенно очевидно, что значение ‘звонить’ у слова *как* // *хак* ‘бить, ударять’ появилось в говоре сравнительно недавно – с момента вхождения в быт мобильных телефонов.

В отличие от цэнгэльского и кобдоского говоров, где чаще всего используют слово *кылын* в м. лит. ‘много’, в китайском говоре предпочтительнее слово *көвей*. Производное от него *көвей*=*e*=*вес* в м. лит. *көвүдээр* ‘не увеличивается’.

Следующая серия лексико-семантических диалектизмов представляет собой педагогическую терминологию. Совершенно очевидно, что эта терминологическая система образовалась только на своей почве, так как само явление школьного, светского образования появилось только в 30-40-х годах прошлого века, когда носители говора давно были отделены от основной массы носителей тувинского языка. Например: *омшуур* в м. лит. *өөренир* ‘учиться’. В ЛТЯ используется общетюркское слово *өөренир*, в казахском *өгренирге*, а в китайском говоре образовано диалектное слово от монгольской основы *ном* ‘книга’, где начальный согласный выпал: *ом*. К данной основе прибавлен деривационный аффикс =*шу* (алломорф лит. =*чу*) Кстати, непроизношение начального *н* – явление, характерное и для кара-хольского говора западного диалекта, распространенного на территории Тувы. В ЛТЯ слово *ном*=*чу*=*ур* имеет значение ‘читать’. *Аңдарып бээр* в м. лит. *очулдуруп бээр* ‘перевести на какой-н. язык’. В ЛТЯ глагол *аңдар*=*ар* обозначает ‘1. перевернуть что-то; 2. вспахать’. *11-ни бүдүрген кийши болур* в м. лит. *11-*

ни дооскан кижги болур ‘закончить 11 классов’. В ЛТЯ глагол *бүдүрер* имеет значение ‘произвести что-то, завершить что-то’ в значении ‘закончить или завершить образование’ используется глагол *доозар* ‘завершить что-то, закончить действие’. *Өгдө моъншак дылда хоошулаар, мектепте – моголиша* в.м. лит. *Бажыңга (өгге) тыва дылга чугаалаар, школага – моол дылга* ‘Дома говорят на тувинском, в школе – на монгольском языке’.

Интересно заметить, что в значении ‘говорить, разговаривать’ в АД используется слово *хочу=ла=ар* // *хоошу=ла=ар* от основы *хоочу* ‘разговор, речь’, в Эрзине и Тес-Хеме наряду с литературным *чугаа=ла=ар* ‘говорить, разговаривать’ от *чугаа* ‘разговор, речь’ используется монгольская основа *яры=* ‘говорить, разговаривать’ с дальнейшим оформлением тувинскими формантами: *яры=ыр*, *яры=ж=ар*, где *=ж* – аффикс совместно-взаимного залога, *=ар* причастная форма. В тоджинском диалекте функционирует слово *соод=а=ар* от основы *соот* ‘разговор, речь’, которая в ЛТЯ встречается в составе сложного имени существительного *чугаа-соот* ‘разговор’. Это же диалектное слово *соод=а=ар* используется в тере-хольском и цагаан-нурском диалектах наряду с глаголом *чугаалаар*, *чугаалажыр*; также эти два слова параллельно функционируют в сойотском языке [Рассадин, 2012: 102-132]. В тофаларском языке используется слово *соот* и его производные [Рассадин 2016: 262-263], оно же нами зафиксировано в уйгур-урянхайском. В работе В. И. Рассадина есть ссылка на наличие слова *соот* в качинском диалекте хакасского языка и нижнеирусском тюркском [Рассадин 1971: 228].

Во всем АД функционирует слово *чаиш* в значении возраст в.м. лит. *хар*, т. е. исчисление возраста в Туве и Цагаан-Нуре, у уйгур-урянхайцев идет по зиме, поэтому используется слово *хар* ‘возраст’ от *хар* ‘снег’.

При первом знакомстве с человеком тувинцы Монголии и Китая обязательно указывают возраст и родоплеменную принадлежность. Например: *Аадым – Гулен, 41 чаитыг. Сөөгүм – кызыл-соян* ‘Моё имя – Гюлен, мне 41 год. Род (букв. кость моя) – кызыл-соян’.

В старой Туве называли имя, место жительства и родоплеменную принадлежность: *Адым-шолам – Хаспаажык, Элегестиң оюннарындан мен –* ‘Имя-кличка моя – Хаспаажык, я из (рода) оюннаров Элегеса’.

Слово *чыл* ‘год’ у тувинцев Монголии и Китая используется по старому исчислению времени – двенадцатилетнему циклу, по нему указывается год рождения, причем не по европейскому календарю, а по восточному летоисчислению, поэтому обязательно добавляют, например, *дагаа чылдыг мен* ‘я года курицы’. Для обозначения календарного года используется монголизм *он* вм. лит. *чыл* ‘год’. Например, у тувинцев Кобдо будет звучать так: *мың тос чүс бежен онда төрээн мен* вм. лит. *муң тос чүс бежен чылда төрүттүнген мен* ‘Я родился в 1950 году’. Поэтому на вопрос *Чылыгар чүл?* ‘Какой у Вас год?’, надо говорить год рождения по 12-летнему восточному циклу.

Также обязательно разделяют лунные дни и дни по европейскому календарю: *айның тос, он тос, чээрби тос чаазында дүңгүрлээр* ‘камлают (о шаманах) на лунные девятые, девятнадцатые, двадцать девятые дни’. Здесь важными компонентами являются сочетания *айның ... чаазы* ‘...дни лунного месяца’.

Интересным представляется слово *малдаар* у тувинцев Кобдо в значении ‘растить детей’ [Салчак 2012], в центральной Туве оно обозначает ‘поступать по отношению к человеку плохо, обращаться как с животным’. Новые значения на почве кара-хольского говора западного диалекта развило слово *бадар* ‘спускаться вниз по реке или с горы’. Когда носители говора едут в Кызыл из села Кара-Холь или со стоянки до территории Чаа-Хольского кожууна, слово соответствует своему значению в ЛТЯ, так как река Хемчик и его притоки текут с запада на восток, далее к северу от Чаа-Холя река Хемчик впадает в Улуг-Хем. А Улуг-Хем на территории Тувы течет с востока на запад, потом резко поворачивает на север. Но носители кара-хольского говора переносят направление движения на направление частей света, также в значении «ехать в Кызыл», поэтому далее также

используют в значении *шериг бадар* ‘букв. спускаться в армию’ в м. лит. *шериг чоруур* ‘идти в армию’.

Как видно из анализа, лексико-семантические диалектные слова характерны для определенных территорий, где живут носители тувинского языка, они имеют противопоставленную лексику в ЛТЯ.

4.3. Монголизмы в зарубежных диалектах и говорах тувинского языка

Заимствования из монгольского языка в ЛТЯ имеют всеохватный характер, в то же время имеются отличия в разных говорах и диалектах.

В обстоятельной работе «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику» Б. И. Татаринцев изучил монгольские заимствования в литературном тувинском языке [Татаринцев 1976], указал различные периоды и языки-источники, откуда монголизмы проникли в тувинский язык. Внешними признаками монголизмов в тувинском языке являются начальные *л, н, й*, словообразовательные аффиксы *=лга, =лда, =чын, =кчы*, также целый ряд тематических групп лексики: административного деления и государственно-административного устройства: *кожуун, арбан, суму, чагырыкчы* и т.д., лексика буддизма: *лама, ном, судур* и т.д. В данную часть нашей работы не вошли монголизмы в области животноводства, которая очень подробно исследована Б. Баярсайханом [2009б].

Государственным языком Монголии является монгольский язык, и тувинцы, проживающие там, как граждане Монголии пользуются им во всех сферах жизни, в то время как их родной, тувинский, язык служит средством общения только в кругу своей семьи, с родственниками и соплеменниками. Надо сказать, что в повседневной речи тувинцев Монголии можно услышать смешивание тувинского и монгольского языков; в Туве билингвами являются жители Эрзина, особенно Нарына и Качыка, отчасти Тес-Хема. Поэтому большую трудность вызывает процесс разграничения лексических

диалектизмов монгольского происхождения. В первую очередь отобраны слова, фонетически освоенные, функционирующие по законам тувинского языка; слова, не имеющие других эквивалентов в тувинской речи носителей диалекта. Рассмотрим лексические диалектизмы монгольского происхождения.

Названия возраста человека, родственных связей и пола.

Обозначение родственников и других близких людей, а также лиц по полу и возрасту в деталях заметно отличают речь монгольских тувинцев от речи носителей ЛТЯ: цэнг., кобд., кит. *ээджи* < монг. *ээж* ‘мать’, лит. *ава*; эрз. *ээжи* [Кара-оол 2006: 45]; кобд., цэнг. *экчи* < монг. *эгч*, лит. *угба* ‘старшая сестра’; кобд., цэнг. *эмиктээ* < монг. *эмэгтэй*, лит. *кыс*, *аныяк кыс кижжи* ‘молодая девушка’; цэнг. *куржак*, кобд. *куржок* < *кур чок*, букв. ‘без пояса; ср. монг. *бүсгүй* < *бүс*- ‘пояс’ + *гүй* – ‘без’, лит. *херээжен* ‘женщина’, калька из монгольского языка; цэнг. *авгай*, кобд. *авгаа* < монг. *авгай* [БАМРС I: 23], лит. *кадай* ‘жена’; цэнг., кобд. *өвген* < монг. *өвгөн*, лит. *кырган*, *өгбе* ‘старик’; цэнг., кобд. *окун*, *окин* < монг. *охин*, лит. *кыс уруг* ‘дочь, девочка’; цэнг., кобд. *агба ха* < монг. *авга ах*, лит. *акызы* ‘дядя по отцу’; кобд., эрз. *самган*, *самгын* < монг. *самган*, лит. *кады-кыраан* ‘супруга’.

Названия растений и ягод. Основными продуктами питания для монгольских тувинцев, как и у многих кочевых, скотоводческих народов служили молочная и мясная пища. В пищу употребляются и продукты из привозных зерновых: цэнг., кобд. *быдаа* < монг. *будаа*, лит. *чиңге-тараа* ‘просо’; *сарыг-быдаа* калька с монг. *шар будаа* ‘пшено’; цэнг., кобд., цаг.-н. *ак-быдаа* калька с монг. *цагаан будаа*, лит. *рис* ‘рис’. В Туве функционируют слова *көже*, *тара-быдаа*, лит. *тараа* ‘пшено’.

Названия ягод: кобд, цэнг. *дожулаа*, тер-х. *тошлаа* < монг. *тошлой*, лит. *кызырак-караа* ‘крыжовник’; кит., кобд, цэнг. *хой-артыш* калька с монг. *хонин ари*, лит. *артыш* ‘можжевельник туркестанский’.

Названия одежды: кобд., цэнг., цаг.-н. *лавшак*, дерб. *лавцаг*, лит. *шыва-тон* ‘летний национальный халат’; *шегедек*, дерб. *шэгдэг*, овюр. *шегедек*

‘женская безрукавка, надеваемая поверх верхней одежды’; цэнг. *бөөтүк* < монг. *бойтог*, лит. *кадыг-идик* ‘национальный сапог’; кобд., цэнг., кит. *тооршак* < монг. *тоорцог*, лит. *довурзак, доорзак* ‘тубетейка’; цэнг. *дакы* < монг. *дах*, лит. *чагы* ‘доха’; кобд. *нудурма* < монг. *нударга*, лит. *уштук* ‘обшлаг, манжета’; кобд. *шээжсимек* < монг. *цээж*, лит. *чеңи-чок*, бай-г. *шээжсимек*, улуг-х. *шээживек* ‘грудь’.

Названия частей тела: цэнг., кобд. *маңнай* < монг. *магнай*, лит. *хавак* ‘лоб’; *таңнай* < монг. *тагна*, лит. *таалай* ‘нёбо (верхняя стенка ротовой полости)’; *судасын* < монг. *судас*, лит. *дамыр, судал* ‘жила, кровеносный сосуд’; цэнг., кобд., цаг.-н. *ходаады* < монг. *ходоод*, лит. *коду* ‘желудок’; цэнг. *көмиске*, кобд. *хөмсүге* < монг. *хөмсөг*, лит. *кирбик* ‘бровь’. У монгольских тувинцев ресница называется *кирбик*. Монголизм *хөмсөг* встречается в сибирских тюркских языках, например, кач. *көміске*, саг. *күүміске*, шор. *күбіске* ‘бровь, брови’ [Рассадин 1980: 34]. *Көмүске* можно услышать у уйгур-уряныхайцев в значении ‘бровь, брови’.

Названия пищи. К молочным продуктам кочевые народы относятся почтительно, считая их почетной *ак чем* ‘белой пищей’. Монголизмами являются *уурак* (< монг. *уураг*), лит. *аа*, улуг-х., бии-х. *уурак* ‘молозиво’; *чөөкей* < монг. *зөөхий* ‘сливки’. В ЛТЯ словом *ааржы* называют два его вида: *өл-ааржы* ‘мокрый творог’ и *кургаг-ааржы* ‘сушеный творог’.

Из названий мясной пищи диалектизмами являются цэнг. *хырымсык*, кобд. *кырымсык* < монг. *хярамцаг*, лит. *хырбача* ‘мясо на зиму, замороженное в коровьей или бараньей брюшине’; цэнг. *борцу*, кобд. *боърча* < монг. *борц*, лит. *хеңмелээн эът* ‘вяленое мясо’; ср. тере-х., тодж. *борча* ‘сушеная рыба’.

Названия мучных изделий: кобд. *далын давхыр* < монг. *далан давхар*, лит. *каътталчак далган*, разг. *карттап-чиир* (букв. ‘съедаемое отслаивая’) ‘слойка’; цэнг., кобд., цаг.-н. *камбир* < монг. *гамбир*, лит. *отка хаарган далган* ‘жаренная на огне лепешка’; цэнг., кобд., цаг.-н. *талхы* < монг. *талх* ‘хлеб’;

кобд. *хайлымаг*, тес-х. *хайлымак* < монг. *хайлмаг* ‘кашеобразное кушанье из муки’; эрз., цэнг, кобд., цаг.-н. *кулур* < монг. *гурил*, лит. *далган* ‘мука’.

Названия частей юрты: цэнг., кобд., кит., тес-х., эрз., цаг.-н. *терме*, лит. *өгнүң ханазы*, ст. монг. *тэрэм*, калм. *тэрм* ‘стенка, решетка юрты’; цэнг., кобд., тес-х., эрз. *туурга* < монг. *туурга*, лит. *адаккы, туурга* ‘войлок (которым покрывают нижнюю часть стены юрты)’; цэнг., кобд., кит., тес-х., эрз. *уну* < монг. *унь*, лит. *ынаа* ‘тонкие жерди, служащие стропилом в юрте’; кобд. *ак бүрээсин* < монг. *цагаан бүрээс*, лит. *өгнүң шывыы* ‘матерчатое покрывало (чехол) юрты’.

Названия домашней утвари: кобд., цэнг., эрз. *адаска, адакса, адыска* < монг. *адсага*, лит. *чаргаиш алгы-дөжсек* ‘невыделанная кожа (обычно кладется на пол)’; кобд., цэнг., эрз., овюр. *яндаң, яндың* < монг. *яндан*, лит. *хоолай* ‘дымоходная труба’; *изиг-сава* калька с монг. *халуун сав* ‘термос’; *тойлу* < монг. *толь*, лит. *көрүнчүк* ‘зеркало’; *португа* < монг. *бортого* деревянное ведро, вмещающее около 1-2 л. жидкости; овюр., монг.-т., кобд., цэнг. *чаъжыг-ыяжы, чаъжыл-ыяжы* калька с монг. *цацлын мод*, лит. *тос-карак* ‘кропило (специальная ритуальная ложка для разбрызгивания молока во время жертвоприношений)’; цэнг. *хуткуур* < монг. *хутгах* ‘помешивать’, лит. *былгааш* ‘мешалка (для помешивания зерен при поджаривании)’; цэнг., кобд., кит., эрз., цаг.-н. *халбыга* < монг. *халбага*, лит. *шопулак, омааш* ‘ложка’; цэнг., кобд., кит., эрз., цаг.-н. *сандыл* < монг. *сандал*, лит. *сандай* ‘стул, табуретка’; кобд. *туужуур* < монг. *туужуур*, лит. *ширбиши* ‘веник’, в ЛТЯ *туужуур*: 1. типчак, 2. метелка или кисть из типчака [ТРС 1968: 427]; цэнг. *так* < монг. *таг*, лит. *курут кургадыр ыяш* ‘доска для сушки курута (молочных продуктов)’.

Названия овощей: цэнг., цаг.-н., сэлэнг. *төмүс* < монг. *төмс* ‘картофель’; кобд., цэнг. *манчын* < монг. *манжин* ‘редька’; кобд., цэнг. *кызыл-манчын* < монг. *улаан манжин* ‘свекла’; кобд., цэнг., цаг.-н., сэлэнг. *сармис* < монг. *сармис*, лит. *кош-согуна* ‘чеснок’. Тувинцы Кобдо называют некоторые овощи по-другому: *допуя* ‘картофель’, *кавын* ‘арбуз’ [Цэцэгдарь 2003].

Лексика, не вошедшая в указанные тематические группы: кобд., цэнг., монгун., тес-х., эрз. *оона* < монг. *ооно* ‘самец антилопы’; кобд., цэнг., цаг.-н., тес-х., эрз. *каъгай* < монг. *гахай*, лит. *хаван* ‘свинья’; кобд., цэнг. *аргасын* < монг. *аргал*, *аргас*, лит. *кургаг инек мыяа* ‘кизяк, сухой помёт’; кобд., цэнг. *хомаал* < монг. *хомоол*, лит. *аът мыяа* ‘кизяк лошадиный’; кобд., цаг., цэнг. *делшир* < монг. *дэлгүүр*, лит. *садыг* ‘магазин’; цэнг., цаг.-н. *негдил*, кобд. *негидил* < монг. *нэгдэл*, лит. *каттыжсыышкын* ‘объединение’; кобд., цэнг., цаг.-н. *онгуца* < монг. *онгоц*, лит. *ужар-хеме* (архаизм), *самолёт* ‘самолет’.

Заимствования из китайского через монгольский язык: цэнг., кобд. *байсаа*, монг. *байцаа*, кит. *во-ши* ‘капуста’; цэнг., кобд., цаг.-н. *коймаң*, монг. *гоймон*, кит. *куа-менг* ‘лапша’; цэнг., кобд., цаг.-н. *коонзу*, монг. *гуанз*, кит. *гуан-дзи* ‘столовая’; цэнг., кобд., цаг.-н. *луувуң*, монг. *лууван*, кит. *ло-по* ‘морковь’; цэнг. *чаазы*, монг. *жааз*, кит. *жйа-зhi* ‘рамка для фотографии’; цэнг. *чаазыыр*, монг. *заазуур*, кит. *зна-дао* ‘поварской нож’; цэнг. *шүүгээ*, монг. *шүүгээ*, кит. *шу-куей* ‘шкаф’.

Прямыми заимствованиями из китайского являются слова кит. *пен* вм. лит. ‘класс’, *май* = от китайского слова *май* ‘бизнес, торговля’.

Как показал анализ, монголизмы очень глубоко проникли в лексическую систему АД, отмечаются во многих базовых тематических группах лексики; в цагаан-нурском диалекте гораздо меньше, небольшое число монголизмов по сравнению с АД отмечается в речи жителей Эрзина и Тес-Хема. Через монгольский язык в зарубежные диалекты тувинского языка вошли и китаизмы.

В отличие от монголизмов в ЛТЯ, в диалектах в основном представлены конкретно-предметные имена существительные. В ЛТЯ достаточно много общественно-политической терминологии, лексики буддизма, кроме этого литературный язык заимствовал огромное количество словообразовательных аффиксов, которые в дальнейшем стали использоваться в создании собственно-тувинской лексики.

4.4. Русизмы в диалектах тувинского языка

XX век ознаменован интенсивными языковыми контактами во всем мире, которые отражаются на разных языковых уровнях, они обусловлены различными процессами глобализации. Не является исключением в этом отношении младописьменный тувинский язык, носители которого в основном проживают на территории Республики Тыва. О русско-тувинских языковых связях на лексическом уровне писал Б. И. Татаринцев в монографии «Русские лексические заимствования в тувинском языке» [Татаринцев 1974]. Он выделяет три этапа проникновения русизмов в тувинский язык:

I. Конец XIX века – начало 30-х годов XX в. – период индивидуального билингвизма и устного заимствования.

II. Начало 30-х – середина 40-х годов XX века – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования.

III. Вторая половина 40-х годов – наши дни – период массового билингвизма и сосуществование устного и письменного путей заимствования (современный период) [Татаринцев 1974: 14].

Таким образом, русско-тувинские языковые связи ограничены временными рамками не более века.

Русские лексические заимствования в диалектах тувинского языка еще не были предметом специального исследования, хотя исследователи разных диалектов тувинского языка отмечали диалектизмы русского происхождения [Чадамба 1974; Доржу 2000; Гансук 2009 и др.]. На наш взгляд, не всегда бесспорны приводимые ими примеры русских лексических заимствований как диалектное явление. В нашей работе к анализу привлечены как материалы других авторов по тувинским диалектам, так и собственные материалы.

Как нехарактерные для других диалектов, встречающиеся в тоджинском диалекте, выделены слова *куваалда* от русского *кувалда*; *былаат* от рус. устар. ‘плат’; *шоошка* от рус. прост. *чушка*; *маашка* как имя нарицательное кошки; *арчанай* от рус. *ржаной* [Чадамба 1974: 84]; *бургуул*, каа-х. ‘прогул’ [Сат 1987: 70].

Целый ряд диалектных слов, заимствованных из русского языка, приводит в своем словаре М. Доржу, они есть и в работе Ш. Ч. Сата [Сат 1987]. Приведем их список.

Дочуула, ус. *Бистиг херексел чидидер даш*, лит. *дочуула* ‘точило’ (ТДДС: 54).

Йаасла, таңд. лит. *ясли* ‘ясли’ (ТДДС: 64).

Кастриил, каа-х. лит. *сакпың* ‘кастрюля’ (Сат 1987: 70; ТДДС: 71).

Масленик, ус. *мөөгү ады* ‘маслёнок’ (ТДДС: 85).

Моргоопка, бии-х. лит. *морковь* ‘морковь’ (ТДДС: 89).

Пайсоок, ус. *куржугаиш* ‘поясок’ (ТДДС: 102).

Пеъдиведь, ус. *адыг* ‘медведь’ (ТДДС: 103).

Пелетаа, ус. лит. *суугу* ‘плита’ (ТДДС: 103).

Пелаана, ус. лит. *чиир мөөгү ады* ‘белянка’ (ТДДС: 103).

Пилемот, монг.-т. ‘пулемёт’ (ТДДС: 103).

Подпоойла, ус. ‘подполье’ (ТДДС: 103).

Поросоонок, ус. ‘поросёнок’ (ТДДС: 103).

Пылараама, каа-х. ‘пилорама’ (Сат 1987: 70; ТДДС: 104).

Пээрме, каа-х. ‘ферма’ (Сат 1987: 70; ТДДС: 104).

Иреңгээн, каа-х. ‘рентген’ (Сат 1987: 70).

Селоонка, *сейлоонка*, ус. ‘зеленка’ (МД ТДДС: 109).

Симидаан, каа-х. ‘сметана’ (Сат 1987: 70; МД ТДДС: 110).

Соокла, ус. ‘свёкла’ (МД ТДДС: 112), *сөөкула*, бии-х. ‘свёкла’ (ТДДС: 113).

Супуушка, ус. *бичии дагаа оглу* ‘цыпушка’ (ТДДС: 114).

Хандоора, таңд. лит. ‘контора’ (ТДДС: 133).

Относительно слов *контора, морковь, пилорама, пулемёт, свёкла, сметана, точило, рентген, ферма, плита, кастрюля, ясли* мы не склонны считать их диалектизмами, потому что кроме слова *кастрюля*, они все вошли в литературный язык и в устной речи тувинцев, особенно старшего поколения, звучат практически как во всей Туве. А носителями тувинского языка в зависимости от возраста и уровня билингвизма они произносятся по-разному: близко к оригиналу или как в оригинале, или же в соответствии с фонетическими законами тувинского языка. Остальные диалектные слова из этого списка можно признать таковыми, так как они зафиксированы в тех местностях, куда проникли первые русские переселенцы и до сих пор проживает смешанное население: Усинск, Бии-Хем, Каа-Хем и Танды. Именно в этих местностях тувинцы переняли у русских опыт оседлого образа жизни: заготовки и хранения грибов и ягод, поэтому вполне законным является устное заимствование слов *белянка, маслёнок, подполье*; а также названия домашних животных *цыпушка, поросёнок*, которых тувинцы раньше не содержали.

Особого внимания заслуживают русизмы в зарубежных диалектах тувинского языка. Так, в речи тувинцев Китая отмечены диалектные слова явно русского происхождения: *картош* [kartoʃ], лит. *картофель, картошка* ‘картофель, картошка’; *көпене* [köpene], лит. *хөпээн* ‘копна’; *помдор* [pomdor], лит. *помидор* [pomidoor] ‘помидор’; *семья*, лит. *өг-бүле* ‘семья’; *парээн*, лит. *варенье* ‘варенье’; *укул*, лит. *укол, сыкыртыры* ‘укол’; *үтүк*, лит. *илиир* ‘утюг’; *сантн*, лит. *сантиметр* ‘сантиметр’; *төк* [t'ök], лит. *сайгылгаан* ‘ток’.

Как видно из примеров, заимствования в речи тувинцев Китая составляют определенный круг бытовой лексики, обозначающей реалии жизни, перенятые местным населением у русских, живших в этих местах до 30-х годов XX века. Русские оставили заметный след в жизни тувинцев Китая, их тувинцы делили на *кержак орус* «русский кержак» и *казак орус*

«русский казак». Эти заимствования в языке тувинцев Китая можно охарактеризовать как прямые устные.

Русизмы *картофель* (*картошка*), *варенье*, *сантиметр* также являются заимствованиями в ЛТЯ, освоены фонетическими законами современного тувинского языка и звучат соответственно [каъртоошка], [варээнье]. А в языке тувинцев Китая их основы усечены и звучат как *картош* ‘картошка’, *парээн* ‘варенье’, что нехарактерно для современного литературного языка. Для тувинского языка усечение основы русских заимствований было характерно в 30-х годах прошлого века, т. е. в первый период начального билингвизма.

Таким образом, можно заключить, что в язык китайских тувинцев заимствования из русского языка проникли посредством устных прямых контактов. Это подтверждают сами информанты, которые до сих пор вспоминают русских, рядом с которыми жили с конца 19-го века до 40-50-х годов прошлого века.

Наиболее поздними заимствованиями в языке тувинцев Цэнгэла, как и у тувинцев Кобдо, являются русизмы наряду с казахскими заимствованиями. В работе Х. Гансух приведены примеры русизмов, их не больше 30: *күпене* [kürene] ‘копна’, лит. *хөпээн*, монг. *бухал*; *баал* [baal] (*сигенни кезип чоруун кижиниң соонга чыдын калыр чаадан кескен сиген*) в м. ‘вал – линия скошенного сена, остающегося после косаря’; *машаан* [mæʂæ:n] ‘машина’, *чирнээл* [čirne:l] ‘чернила’, *таапчик* [ta:pčik] ‘тапочки’; *бажиинки* [bæji:nki] ‘ботинки’, *дептам* [deptat] ‘депутат’, *камбаан* [kæmbæ:n] ‘комбайн’, *калаабир* [kælæ:vir] ‘калибр’, *телвизир* [telvizir] ‘телевизор’, *битаан* [bita:n] ‘бидон’, *соцлизим* [sotslizim] ‘социализм’, *биолок* [biolok] ‘биология’, *аалгибир* [æ:lgivir] ‘алгебра’; *физик* [fi:zik] ‘физика’, *палааджы* [pala:žy] ‘платье’ ~ лит. *платье*, кобд. *палаажы* [Гансух 2009: 18].

Заимствования из русского языка проникают в язык тувинцев Монголии через монгольский язык, поэтому они осваиваются исходя из фонетических законов монгольского и тувинского языков. Как видно из списка

заимствований, тематические группы представляют определенные группы: научная и учебная терминология, названия современных реалий жизни, техническая терминология.

Из приведенных примеров видно, что некоторые заимствования не совпадают по своему звучанию в разных диалектах, говорах и в литературном тувинском языке. Например: кит. *сантн*, цэнг., кобд. *сантнм* вм. лит. *сантнметр* ‘сантиметр’. В языке китайских тувинцев заимствовано часть сложного слова, который также отличается от части *сантнм*, принятого у тувинцев Монголии. Таким образом, можно констатировать, что пути проникновения русизмов в говоры алтайского диалекта разные: у тувинцев Цэнгэла и Кобдо через монгольский язык, у китайских тувинцев непосредственные. В литературном языке хотя и сохраняется орфография языка-оригинала, одни носители языка произносят на тувинский манер: *саьндимээдир*; другие – близко к произношению в языке-оригинале.

В этой серии заимствований наибольший интерес представляет слово *копна*: цэнг. *күпене* [kürene], кит. *көпене* ‘копна’, соотв. лит. *хөпээн*

Слово ‘копна’ заимствовано в лит. язык в форме родительного падежа ‘копен’, поэтому звучит как *хөпээн*, где первый смычный слабый согласный *к* стал произноситься как сильный, проходной *х*. Надо сказать, что чередование *к ~ х* характерно для тувинских диалектов и литературного языка. Гласный второго слога произносится как долгий, поскольку в тувинском языке, как и во всех тюркских языках, ударение приходится на конечный слог. Также произошла дистантная обратная ассимиляция гласных по ряду *о* в *е*. Б. И. Татаринцев относит небольшую группу русизмов на период индивидуального билингвизма и устного заимствования, в том числе и слово *хөпээн*. Данная группа слов орфографируется так, как произносится в тувинском языке, в отличие от письменных заимствований [Татаринцев 1974: 14-18]. По фонетическому облику слов можно предположить, что слово *копна* было заимствовано в алтайский диалект отдельно в результате маргинальных контактов. В диалекте сохранена форма единственного числа

слова *кonna*, поэтому между стечением группы согласных, не характерных для тувинского языка, появился вставочный гласный *e*, затем гласные были ассимилированы.

В языке уйгур-урянхайцев (тувинцев) Хубсугульского аймака Монголии зафиксировано русское слово *масл* '(сливочное) масло', заимствованное через монгольский язык. В монгольском варианте не произносится последний гласный, и остается основа, оканчивающаяся на стечение групп согласных *сл*. Для тувинского языка нехарактерно в конце слова такое стечение групп согласных, поэтому конечный гласный звук не усекается, а между двумя согласными появляется редуцированный гласный. По закону сингармонизма для тувинского языка также не характерно появление конечного гласного *o* в основе слова, поэтому звучит *a*, который на себя берет ударение. Ударный звук русского слова в тувинском языке заменен долгим гласным, поэтому фонетический облик русского слова 'масло' звучит как *маасыла*.

Из проведенного анализа видно, что в диалекты и говоры, распространенные на территории Республики Тыва и Китая, русизмы проникали при непосредственных контактах носителей тувинского и русского языков и представляли в основном бытовую лексику. В диалекты и говоры тувинского языка, распространенные на территории Монголии, русизмы проникают через монгольский язык и осваиваются в дальнейшем по фонетическим законам тувинского языка, представляя научную, техническую и учебную терминологию, названия реальных вещей жизни. Русские лексические заимствования в алтайском диалекте в отличном от ЛТЯ фонетическом облике представляют собой их дифференциальный признак, отличный от ЛТЯ, в то же время это позволяет считать их одной из отличительных черт говоров внутри алтайского диалекта.

4.5. Лексика из алтайского и казахского языков как диалектное явление

Маргинальные контакты с близкородственными кочевыми народами – казахами и алтайцами, также оставили след в территориальных разновидностях тувинского языка в виде отдельных слов. Из алтайцев наиболее тесные связи имеет родоплеменная группа *делег*, как их называют тувинцы.

Хронологически алтайцы раньше, чем казахи, стали контактировать с тувинскими племенами на смежной территории. Будучи пришлыми, алтайцы растворились в тувиноязычной среде, переняв язык и культуру тувинцев, и сегодня считают себя тувинцами. Практически в течение XX века отдельные родоплеменные группы *делег* утратили свой основной этноидентификационный признак – язык. У старшего поколения рода *делег* еще сохранилось в памяти их этническая принадлежность.

Отдельные диалектные слова в языке тувинцев Китая и Монголии: *дашуур* ‘кожаный мех для жидкостей (вина, молока)’ (ОРС 2005:138), *шана* (у теленгитов лыжи); диалектное слово в языке тувинцев Китая *мылча* ‘баня’ (ОРС 2005: 112) также являются алтайскими. Алтайскими заимствованиями в кара-хольском говоре считаем слова *шакпа* в.м. лит. *каькпа* ‘капкан’, *хымыска* в.м. лит. *кымыскаяк* ‘муравей’, *шалга* в.м. лит. *кадыыр* ‘коса (для сена)’. В цэнг. было зафиксировано *ийт* [ijt] в.м. лит. *ыьт* ‘собака’.

Более быстрый темп речи также заметно отличает выходцев из Алтая от манеры говорить у этнических тувинцев.

Наиболее поздними являются заимствования из казахского языка в цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта. Поскольку тувинцы Цэнгэла и Китая являются полилингвами, в обычной речи могут смешивать тувинские, монгольские, казахские слова. Поэтому мы отбирали наиболее устойчивые слова и выражения: *саяхат* ‘туризм’, *саяхатчы* ‘турист’ от *саяхат* ‘путешествие’; *кызыл буруш* в.м. лит. *кызыл перец* ‘красный перец’;

хыяр в.м. лит. *огурец* ‘огурец’; *көсүнек* в.м. *карак шили, көстүк* ‘очки’; *хоомай нашер* в.м. *багай* ‘плохой’; *касандык* в.м. *печка, суугу* ‘печка’; *сагат* в.м. *шак* ‘час’; *сускундук* в.м. *сускун* ‘напиток’; *орундук* в.м. *сандай* ‘табуретка, стул’; *хазыр* в.м. *ам* ‘сейчас’; *сагат* в.м. *шак* ‘часы’; *заман* в.м. *үе* ‘время’; *нан* ‘хлеб’; *бал* ‘мёд’; *авылдык* ‘деревня’; *айлык* ‘1) зарплата, 2) отрезок времени в месяц’; *азат* ‘освобождение’; *әдет* ‘привычка, закон’; *әдетте* ‘как правило’; *әрекет* ‘движение’; *айтес* ‘во всяком случае’; *баставыш мектеп* ‘начальная школа’; *билим*, лит. *билиг* ‘знание’; *баставыш* ‘элементарно’; *бирлеш* ‘объединиться как один’; *бирлештир* ‘заставить объединиться’; *бекет* ‘автобусная остановка’; *бөлмө* ‘комната’; *дохтурхана* ‘больница’; *эгер* ‘если’; *көжө* ‘улица’; *көз* ‘глаза’; *хабар* ‘новости’; *бырак* ‘но’; *быракта* ‘но, однако’.

Казахское влияние очень заметно в повседневной жизни тувинцев, что отражается в диалектной речи. Например, чай подают как казахи: отдельно подают в заварном чайнике черный байховый чай, кипяток в термосе и отдельно кипяченое молоко; при этом во время завтрака часто подают *бал* в.м. лит. *ары чигири* ‘мёд’. Традиционный тувинский чай с молоком и солью из зеленого кирпичного чая варят только на чабанских стоянках. Хлеб пекут из бездрожжевого теста и называют по-казахски *нан* в.м. лит. *хлеб* ‘хлеб’. Из казахской кухни переняли *беишбармак*. Отдельные реалии современной жизни называются казахскими заимствованиями, например: *мектеп* в.м. лит. *школа* ‘школа’, *долуксуз орта мектеп* ‘неполная средняя школа’. Основное занятие современных жителей селений Хом, Ханас, Ак-Хава в летнее время – туристический бизнес, который стал очень интенсивно развиваться с 2005 года. Туристов тувинцы называют *саяхатчы* в.м. лит. *аян чорукчу* ‘путешественник’ от каз. *саяхат* ‘путешествие, прогулка’.

Казахские заимствования также используются вместо собственно тувинской лексики: *теңге* в.м. *акша* ‘деньги’, *хазыр* в.м. *ам* ‘сейчас’, *сагат* в.м. *шак* ‘часы’, *заман* в.м. *үе* ‘время’, *сускундук* в.м. *сускун* ‘напиток’, *орундук* в.м. *сандай* ‘табуретка, стул’, *хонак* в.м. *аалчы* ‘гость’, *хоомай нашер* в.м. *багай*

‘плохой’, *касандык* в м. *печка*, *суугу* ‘печка’. Часть указанной лексики отмечается также в языке тувинцев Цэнгэла [Гансук 2009: 21].

В словаре, приведенном в книге Т. Мавканулы, зафиксировано значительное количество заимствований из казахского языка. Часть из них вызывает сомнение. Например, слово *din – religion* [Mawkanuli 2005: 250]. При разговоре с нами информанты пользовались монголизмом *шажын* ‘религия’, используемым также и в ЛТЯ. Думается, что это результат реакции носителей говора на обращенную к ним казахскую речь исследователя.

Таким образом, казахские и алтайские лексические элементы также являются отличительной чертой АД от ЛТЯ, их появление хронологически датируемо. Это первая половина XX в. – с момента активного переселения казахов и алтайцев на территории проживания тувиноязычного населения. Процесс заимствования различных элементов из казахского языка активно продолжается у тувинцев Китая, менее интенсивно процесс протекает у тувинцев Цэнгэла, не наблюдается у тувинцев Кобдо. Не фиксировали казахские заимствования и у тех тувинцев, которые мигрировали в Сэлэнгу и Заамар в 1960–1970-е гг. Казахские заимствования считаем инновационными элементами в АД, проникшими за последние 60-70 лет.

4.6. Особенности имен собственных и использования этнонимов в диалектах и говорах тувинского языка

Противопоставленными нормам литературного языка и внутренним диалектам являются имена собственные и этнонимы в языке зарубежных тувинцев. Такое положение складывалось с момента вхождения Тувы в состав России, поэтому диалектные особенности, о которых пойдет речь ниже, также хронологически определяемы.

В настоящее время в Туве функционирует официальная система именования граждан по правилам русского языка: с момента рождения

каждому гражданину выдается свидетельство о рождении, где указывается его фамилия, имя, отчество. В Монголии и Китае сохранились традиционные правила имянаречения.

Во внутренних диалектах часто слышно только отчество при обращении, а в произношении отчеств у мужчин в конце слова присоединяется протетический гласный *и*, к которому переходит ударение *Ондаровичи́*. Но в то же время в населенных пунктах, где давно проживают русские, называют полное имя, отчество.

При паспортизации названия этнических групп тувинцев стали использовать как фамилии, и в настоящее время иногда говорят *бистиң фамилиявыс – ондар* ‘наша фамилия – ондар’, имея в виду родоплеменную принадлежность. В отдельных населенных пунктах в классах абсолютное большинство детей могут иметь одну фамилию, например, *монгуш, ооржак, салчак, оюн*. Из 20-25 детей только 5-6 человек могут иметь отдельные фамилии, а не этнонимы (названия родоплеменных групп), взятые в качестве фамилий. В Бай-Тайге четко знают свою родоплеменную принадлежность и их подразделение, например *күжүгет на кур күжүгет и кул күжүгет, мезил күжүгет: Даспы салчактары Бай-Тал салчактары-биле тудуш, Мөңгүн-Тайга салчактары-биле база тудуш; Хөндөлең, Алаш, Барыын хомушукулары деп ылгаар* ‘Салчаки Даспы близки (соединены) с салчаками Бай-Тала, также с салчаками Монгун-Тайги; разделяют хомушку на хонделенских, алашских, барунских’. Таким образом, в центральных районах утрачивается понятие принадлежности к определенному *сөөк* ‘род (букв. кость)’, в периферийных районах и на зарубежных территориях слово *сөөк* сохраняет свое значение. У тувинцев Китая и Монголии, живущих с мусульманским населением, заметно дистанцирование от них по религиозному признаку; крайне не одобряются браки с мусульманами. Дети с малых лет приучены различать свою родоплеменную принадлежность, что забыто в большей части современной Тувы. Строгие правила сохранения экзогамности браков устойчивы у малочисленных групп тувинцев зарубежья, поэтому значения

слова *сөөк* 1) 'кость', 2) 'род', 'племя' сохраняются. У тувинцев центральной части Тувы в слове *сөөк* утрачивается значение 'род', 'племя', смешивается понятием фамилия. Русское слово *фамилия* более близко по своему значению слову *аал-аймак* в кара-хольском говоре.

В зарубежных диалектах и говорах придерживаются правил, принятых в монгольском языке, и как было в период Тувинской народной республики: имя отца, собственное имя лица *Чулуун Оюунбадам*. В письме чаще всего после заглавной буквы имени отца ставится точка: *Ч. Оюунбадам*. В разговорной речи, если в одном месте будут находиться тезки, называются инициалы отца: *С. Бады, К. Бады*. Названия букв произносят по правилам монгольского языка. Носителям всех зарубежных диалектов трудно запомнить полные имена, иногда просто имена своих соплеменников из России. Только один информант полностью назвал себя как принято в Туве *Комбуй-оол Данилович*, так как он родился на Тодже и имеет свидетельство о рождении с отчеством *Данилович*. Это свидетельство того, что в Тоджу с конца XIX в. заселялись русские крестьяне.

У зарубежных тувинцев одни и те же имена могут присваиваться как лицам женского пола, так и лицам мужского пола. Например, имя *Гансүх, Баярхуу* могут носить как мужчины, так и женщины. В ЛТЯ в последнее время появилась тенденция к разделению имени на мужские и женские. Но уже начавшийся процесс формирования отдельных мужских и женских имен в последнее время замедлился в связи с тем, что возобновилась традиция давать детям тибетские имена. В тибетском также нет строгого их деления на мужские и женские, кроме имён с аффиксами =*маа* от слова *маа* 'женщина'. В ЛТЯ заимствованные из русского языка в 1944 г. окончания =*ович* // =*евич*, =*овна* // =*евна* в отчествах дают возможность определить пол лица: *Кызыл-оол Маадыр Болатович*.

При первом знакомстве с человеком носители АД обязательно указывают возраст и родоплеменную принадлежность: *Аадым – Гүлен, 41 чаптыг. Сөөгүм – кызыл-соян* 'Моё имя – Гюлен, мне 41 год. Род – кызыл-

соян'. Общетюркским словом *чаиш* называют возраст (в некоторых языках – *йаиш*), а в цагаан-нурском диалекте используется слово *хар* 'лет', как в ЛЯ, т. е. исчисление возраста по числу зим (снегов, от *хар* 'снег').

Таким образом, особенности функционирования имён собственных и этнонимов в диалектах обусловлены как гражданской принадлежностью тувинцев, так и разной степенью сохранности традиций и обычаев, языковыми контактами.

Выводы

В основе лексики тувинских диалектов и говоров лежит общетюркский фонд. К нему относится основная часть лексических единиц, связанных с природными явлениями и объектами, животным миром, человеком, материальной и духовной культурой и антропонимией. Значительно отличаются лексические единицы в зарубежных диалектах ТЯ. В алтайском диалекте они обусловленные иноязычным окружением и длительным изолированным развитием. В цагаан-нурском диалекте – сохранением традиционного образа жизни: оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства. В диалектах и говорах, расположенных на территории проживания основного этноса (в Республике Тыва), имеются сравнительно небольшие лексические своеобразия по говорам, которые связаны прежде всего с экономическими и социальными особенностями образа жизни носителей.

В тоджинском и тере-хольском диалектах развита система лексических единиц оленеводческой, охотничье-рыболовной, растительной тематики. В монгун-тайгинском, овюрском говорах специфичны половозрастные названия сурков и лексика, связанная с охотой на них, яководства – в карахольском и монгун-тайгинском, цэнгэльском говорах. Такое распределение указанных тематических групп лексики по диалектам и говорам обусловлено природно-климатическими и территориальными факторами.

Глава V. Классификация диалектов и говоров тувинского языка

Вопрос о классификации диалектов тувинского языка поднимался не раз до настоящего времени, но удовлетворительного решения не получил. Мы представляем новую классификацию диалектов и говоров тувинского языка исходя из опыта, накопленного на сегодняшний день тувиноведами, а также на основании анализа и теоретического осмысления собственных материалов и наблюдений.

5.1. Имеющиеся классификации диалектов и говоров тувинского языка

Первые упоминания о территориальных особенностях тувинского языка можно увидеть в знаменитом труде Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка...». Им отмечены основные общетюркские фонетические соответствия в анлауте *э ~ и*: *эдик ~ идик* ‘обувь’; *ы ~ а*: *ындыг андыг* ‘такой’; *у ~ ы*: *дыңма ~ дуңма* ‘младший брат или сестра по возрасту’; *к ~ х*: *кат ~ хат* ‘ягода’; *б ~ м*: *борзук ~ морзук* ‘барсук’ и т. д. Заключает он свои наблюдения над особенностями местных разновидностей речи тувинцев словами: «На всем пространстве, где он проводил исследование, тувинцы говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями» [1903: 52].

Маршрут его экспедиции по Туве, предпринятой в 1889 году и длившейся пять с половиной месяцев, напечатан в интересной работе «Очерки урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению императорской Академии наук и императорского русского географического общества», изданной почти через сто лет [Катанов, 2011]. Прибыв 14 марта в село Верхнеусинское, которое было в то время торгово-перевалочным центром между Россией и Тувой, Н. Ф. Катанов последовал по маршруту Чаа-Холь – Булук – Элегест – Шагонар – Чаа-Холь

– Эйлиг-Хем – Бом-Хемчик – Ак-Суг – Чыргагы – Чер-Чарык и вернулся 6 сентября в Аскыс» [Катанов 2011: 15-16].

Как видно, Н. Ф. Катанов собирал материал на территории современных Кызылского, Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Дзун-Хемчикского, Сут-Хольского и частично Барун-Хемчикского районов, тогдашних сумонов Хереме и Ус, нынешнего Верхнеусинского Ермаковского района Красноярского края, т. е. это то пространство, на котором распространен центральный диалект тувинского языка. Безусловно, других выводов о диалектном членении тувинского языка при таком маршруте он и не мог получить.

И до недавнего времени тувинский язык характеризовался как язык с небольшими диалектными отличиями [Языки РФ 2005: 119]. Эта характеристика утвердилась еще со времени выхода первой грамматики тувинского языка [Катанов 1903: 16-17].

Современные исследования по территориальным разновидностям тувинского языка показывают, что следует вернуться к вопросам выделения наиболее релевантных дифференциальных признаков диалектов и говоров.

Для того чтобы приступить к диалектному членению языка, нужно обязательно провести первоначальный этап обследования территорий распространения языка.

Сбор материала, его анализ и теоретическое осмысление осуществлялись в несколько этапов: 1) в 1940–1950-е гг. преимущественно проводились работы по сбору полевого материала и его первичной обработке. Первейшей практической задачей было обследование территории Тувы на предмет местных различий в языке для разработки правил орфографии тувинского языка; 2) в 1960–1970-е гг. сбор материала осуществлялся уже по специально разработанному опроснику, а результаты издавались в виде отчетов и отдельных статей; 3) с 1970-х гг. по настоящее время продолжается сбор, мониторинг современного состояния

диалектов и говоров, итоги представляются в виде диссертационных исследований и монографий по ним.

Первые полученные материалы 1940–1960-х гг. дали возможность авторам «Основ орфографии тувинского языка» А. А. Пальмбаха и З. Б. Арагачы (Чадамба) [1963] изложить свои взгляды на диалектное членение тувинского языка в специальной статье [Пальмбах 1968] и монографии [Чадамба 1974]. Анализ данных работ будет приведен ниже.

Обследование диалектов осуществлялось только на территории Тувы, остальные территории, где проживало тувиноязычное население, до начала XXI в. оставались неисследованными и были вне поля зрения тувиноведов в силу ряда объективных причин.

Решались насущные проблемы: выработка правил орфографии, установление норм литературного языка, которые срочно нужны были для работников образования, средств массовой информации, печати и др. Важно было собрать данные и провести анализ особенностей диалектов, распространенных на территории Тувы. В центре этой работы находился А. А. Пальмбах, связавший свою судьбу с тувинским языком с 1930-х гг., со времени приезда в составе комиссии по созданию и распространению тувинской письменности. Объехав всю Туву, имея информантов из числа первых тувинских писателей и ученых, представлявших практически все уголки республики, он как никто другой хорошо представлял особенности речи различных уголков Тувы. Именно он первым представил классификацию диалектов тувинского языка в своей неоконченной статье, специально посвященной этому вопросу.

А. А. Пальмбах выделял следующие диалекты: 1) среднетувинский (Дзун-Хемчик, Чаа-Холь и др.); 2) западный (Барун-Хемчик, Бай-Тайга); 3) восточный (Каа-Хем, Тес-Хем и др.), относя к нему и территорию Тоджи. Автор признавал, что возможен пересмотр и уточнения предложенной им классификации по мере изучения диалектов тувинского языка [Пальмбах 1968: 232].

Надо сказать, что в то время в состав Бай-Тайгинского района входила территория нынешнего Монгун-Тайгинского кожууна (района), поэтому в западном диалекте, по классификации А. А. Пальмбаха, не значится отдельно территория Монгун-Тайги; а в Тес-Хемский район входила территория нынешнего Эрзинского кожууна. Восточным диалектом автор обозначил диалект приграничной с Монголией территории, население которой издавна известно тувинско-монгольским билингвизмом. В то же время сюда вошла Тоджа, для которой не характерен этот вид билингвизма. Кроме того, в работе не приведены лингвистические критерии, которые легли в основу такого диалектного членения тувинского языка. Поэтому точно очертить границу распространения диалектов и говоров по А. А. Пальмбаху не представляется возможным. В любом случае предложенная ученым классификация в какой-то мере отражала достижения тувинской диалектологии того времени – её начальный этап.

Следующая работа, где приводится диалектное членение тувинского языка с указанием его места в общей типологии диалектных систем тюркских языков, – статья Н. А. Баскакова «Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа» [Баскаков 1972]. Автор разделяет диалектные системы тюркских языков на три типа, где каждый тип делится на две подгруппы. В I тип А входят хакасский, туркменский, горноалтайский, туркменский языки, диалектные системы которых отражают хорошо сохранившиеся следы родоплеменной структуры этих народностей.

Согласно этой точки зрения, тувинский язык относится ко II типу Б, куда входят языки, у которых членение на диалекты основано главным образом на территориальном признаке, хотя следы родоплеменной структуры в этническом составе носителей диалектов хорошо сохранились [Баскаков 1972: 6]. Далее этот тип делится на две подгруппы. Во вторую подгруппу тюркских языков, диалектные системы которых принадлежат неоднородным по своей родоплеменной принадлежности народам, входят тувинский и

башкирский язык. Н. А. Баскаков считает, что, сохраняя следы родоплеменного членения, диалектные системы языков этой подгруппы характеризуются уже территориальными признаками. Особенностью тувинского языка он считает наличие дифференцирующих признаков у различных диалектов, объясняющихся неоднородным этническим составом тувинского народа (исконно-тюркские родоплеменные группы и этнические группы отуреченных самодийцев, монголов и пр.). Другой особенностью исследователь посчитал отсутствие отличительных признаков, характерных для диалектов, концентрирующихся вокруг городских центров в феодальную эпоху [Баскаков 1972: 7].

Н. А. Баскаков представил следующее диалектное членение тувинского языка: 1) центральный (составляющий основу литературного языка); 2) западный (характеризующийся элементами воздействия диалектов алтайского языка); 3) северо-восточный или тоджинский (характеризующийся охотничьей лексикой); 4) юго-восточный (характеризующийся значительным влиянием монгольского языка) диалекты и 5) каа-хемский говор, занимающий среднее положение между южным и восточным диалектами [Баскаков, 1972: 7].

В данной классификации в целом объективно выделены местные разновидности языка с их основными характеризующими признаками. Возможно, в тот период было заметно влияние этнического состава населения Тувы. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день ситуация несколько иная. Этническое влияние заметно только там, где произошли инновационные изменения, а в других случаях картина несколько стертая. В истории Тувы с момента упоминания предков тувинцев этнографы считают их кочевыми скотоводами, и лишь сейчас появились условия для появления диалектов или социолектов, характерных для оседлого населения. На сегодня более половины населения сосредоточено в столице республики г. Кызыл и в его окрестностях.

Как было сказано выше, в разработке норм литературного языка в области орфографии принимала участие вместе с А. А. Пальмбахом уроженка Тоджи З. Б. Чадамба (Арагачы). Анализируя материалы диалектологических экспедиций с целью выработки норм литературного языка, она получила цельное представление о языковом ландшафте Тувы, особенностях живой разговорной речи. В своей монографии, первом обстоятельном исследовании одного из самого интересного диалекта – тоджинского, ею не обойдены вниманием вопросы диалектного членения тувинского языка. В своей работе З. Б. Чадамба пишет: «Так называемые центральный и западный диалекты можно рассматривать как один центральный диалект, имеющий два говора – центральный и западный» [Чадамба 1974: 15]. Далее она очерчивает границу распространения центрального диалекта. Это территории Дзун-Хемчикского, Овюрского, Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Монгун-Тайгинского и частично Улуг-Хемского районов. Границу распространения тоджинского диалекта исследовательница очертила территорией одноименного района, а в составе диалекта выделила речной и таежный говоры, из которых последний имеет более существенные отличия от литературного языка [Чадамба 1974: 15].

Нет объяснений, однако, почему Улуг-Хемский район делится на части в диалектном отношении, и остается только догадываться, что это может быть та территория, которая ныне отошла Кызылскому кожууну. Тем не менее, в языковом отношении, по нашим материалам, нет оснований для такого деления территории, которой в целом характерны небольшие диалектные отличия. В свое время, объехав центральную часть Тувы, Н. Ф. Катанов сделал вывод о том, что тувинский язык в целом характеризуется небольшими различиями [Катанов 1903: 15].

Остальную территорию Тувы (Каа-Хемский, Тес-Хемский, Эрзинский, Пий-Хемский, Тандинский и частично Улуг-Хемский районы) З. Б. Чадамба выделила в качестве третьей диалектной зоны, в которой распространены

переходные говоры, имеющие особенности как центрального, так и тоджинского диалектов [Чадамба 1974: 15].

Обращая особое внимание на речь населения местности Тере-Холь, которая заметно отличается от других говоров и диалектов тувинского языка отсутствием фарингализации, тем не менее она не наделяет данную территорию статусом отдельного диалекта, называет в составе переходного говора [Чадамба 1974: 13].

Таким образом, по мнению З. Б. Чадамба, тувинский язык имеет два диалекта и два говора: тоджинский с таежным и речным говорами и центральный с центральным и западным говорами, а также переходные говоры. Выявляя диалектные признаки по всем ярусам языка, к сожалению, автор дальше не привязывает их к конкретной территории выделенных ею диалектов и говоров.

Классификацию диалектов тувинского языка с уточненными дифференциальными признаками, полученными в результате анализа данных, накопленных к 1970–1980-м гг. в ходе многочисленных диалектологических экспедиций, дал Ш. Ч. Сат в вузовском учебнике «Тыва диалектология» [Сат 1987: 24-26]. В основу его работы была положена классификация Н. А. Баскакова [Баскаков 1972].

По классификации Ш. Ч. Сата, тувинский язык имеет следующие территориальные разновидности: 1) центральный диалект с улуг-хемско-чаа-хольским, дзун-хемчикско-сут-хольским, овюрским, саянским, бии-хемским говорами; 2) западный диалект с барун-хемчикско-бай-тайгинским, кара-хольским, монгун-тайгинским говорами; 3) юго-восточный диалект с эрзинско-тес-хемским, тандинским говорами; 4) северо-восточный диалект; 5) диалект тувинцев северо-восточной Монголии; 6) смешанные говоры – тере-хольский и каа-хемский [Сат 1987: 24].

В единственном обобщающем труде по диалектологии тувинского языка на данном этапе исследований Ш. Ч. Сат, в отличие от других диалектологов, включил в качестве отдельного диалекта язык тувинцев, проживающих вне

пределов Республики Тыва, а также России. Речь идет о языке тувинцев Северо-Западной Монголии, в данном случае это язык тувинцев Кобдо и Цэнгэла. Объективным основанием для такого видения языка зарубежных тувинцев стали публикации по фольклору немецкого ученого Э. Таубе [1974, 1975, 1979], историка Ю. Л. Аранчына [1975], а также обстоятельная статья Д. А. Монгуша по языку тувинцев северо-западной Монголии [1983а]. Несмотря на близкое соседство, общность истории и культуры, тувинские ученые не имели доступа к данным группам тувинцев, и даже одна поездка дала очень интересный материал для тувинских ученых.

В данную классификацию не вошел язык тувинцев Китая, известные в научной литературе под названиями *көк-мончак*, *мончак*, тувинцы Китая или Джунгарии, или тувинцы Синьцзяня. Сами называют себя *тыъва*, *аълдай тыъвасы* или *көкмончак*, *моънчак*, а свой язык *тыъважа* или *моънчакша*. Не вошли также идиомы двух небольших групп тувинцев Монголии: селенгинских и цагаан-нурских.

Существенный вклад в отношении диалектного членения тувинского языка и в оценку статуса речи коренного населения Кунгуртуга внесла П. С. Серен. Спустя почти 30 лет после оценки данной территории как говора, данной З. Б. Чадамба, на основании ряда особых языковых черт П. С. Серен выделила отдельно тере-хольский диалект [Серен 2006]. Основными характеризующими признаками тере-хольского диалекта считаются отсутствие фарингализованных гласных, наличие интервокальных сильных придыхательных согласных. Об этом писали многие исследователи-тувиноведы [Кунаа 1958: 6-7; Пальмбах 1968: 232; Мартан-оол 1986: 19-20; Сат 1987: 25-26; и др.]. Тем не менее, эту территорию не признавали на уровне диалекта, возможно, из-за небольшой площади и численности населения, но никак не из-за особенностей языка данной области распространения тувинского языка.

Авторы других работ, посвященных отдельным диалектам и говорам, в основном уточняли и дополняли вышеупомянутую классификацию Н. А. Баскакова.

Так, в отличие от Ш. Ч. Сата, М. Д. Доржу не выделяет отдельно речь жителей Кара-Холя, видит их в составе бай-тайгинского говора, который входит, в свою очередь, вместе с монгун-тайгинским и барун-хемчикским говорами в западную диалектную зону [Доржу 2002].

Е. М. Куулар под ареалом распространения юго-восточного диалекта понимает территорию Тере-Хольского, Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов, разделив на ней три говора: эрзинский, тес-хемский, качикско-тере-хольский, а последнем говоре разделены качикский и тере-хольский подговоры [Куулар 2003: 6-7] (прил. 1, карта 15).

Ш. Ч. Сат под юго-восточным диалектом подразумевал территорию Эрзинского, Тес-Хемского, Тандинского районов (по существовавшему тогда административному делению, не было нынешнего Чеди-Хольского кожууна, который был отделен недавно, и ему отошла часть Тандынского и часть Улуг-Хемского кожуунов). Как видно, сюда не входит территория Тере-Холя, как это сделано у Е. М. Куулар (ср. карты 14, 15).

Таким образом, наиболее интересной и спорной в данном вопросе является территория, понимаемая под юго-восточным диалектом (ЮВД) тувинского языка, который у одних исследователей охватывает Тере-Хольский, Эрзинский, Тес-Хемский кожууны, у других выпадает (территория Тере-Хольского кожууна, где самыми яркими маркерами признаны отсутствие фарингализованных гласных и наличие сильных придыхательных согласных во всех позициях, особенно в интервокальном положении. Именно эти признаки наравне с другими позволили П. С. Серен доказать особый статус речи жителей Тере-Холя, придав ему ранг отдельного диалекта тувинского языка [Серен 2006]. На наш взгляд, позиция автора верна. Действительно, указанные фонетические особенности ярко выражены в речи жителей Кунгуртуга (Тере-Холя), отчасти сумонов Качык и Нарын

Эрзинского кожууна, а для остальной части Эрзинского и полностью Тес-Хемского кожууна вовсе не характерны. Об этом писала в своей работе Е. М. Куулар [Куулар 2003: 6-7], но не выделила в отдельный диалект речи жителей Тере-Холя, а установила говоры в составе юго-восточного диалекта вслед за К. А. Бичелдеем [Бичелдей 2001: 6-8].

К. А. Бичелдей выделяет три говора ЮВД на основании исследований звукового строя диалектов тувинского языка. «Говор I типа – сюда отнесена та часть населения, которая не знает монгольского языка (ситуация в Эрзинском и Тес-Хемском кожуунах) и переехавшие в Тере-Холь недавно и не подверженные в языковом плане влиянию речи тере-хольцев; эта группа населения по языку тяготеет к отдельным говорам и диалектам тувинского языка за пределами юго-востока Тувы; в области системы гласных имеет незначительные расхождения с центральным диалектом и литературным тувинским языком, которые в основном сводятся к отдельным соответствиям гласных и согласных данного говора и литературного тувинского языка. Одной из особенностей говора I типа в области консонантизма является sporadическое употребление начального *й* (*j*) в словах типа *ядаар* в м. лит. *чадаар* ‘не мочь’, который в тувинском языке является древним реликтом, сохранившимся в процессе развития *j* – *ч* (далее идут ссылки на работы З. Б. Чадамба и Н. Н. Ширококой). Говор II типа – речь монголоязычного населения сумонов Нарын, Эрзин, Морен, Булун-Бажы Эрзинского района и поселка Ак-Эрик Тес-Хемского кожууна; в области гласных характеризуется факультативным произношением фарингализации, а также необусловленной назализацией долгих гласных, наличием четырех центральнорядных гласных *ө, ү, ө:, у:*. Говор III типа охватывает речь населения Шынаанского сумона Кызылского кожууна. Характеризуется отсутствием фарингализации и факультативным произношением необусловленной назализации долгих гласных; в артикуляции кратких и долгих гласных особых отличий от литературного тувинского языка и центрального диалекта не имеется за

исключением наличия назализованных кратких гласных в словах типа *хой* ‘овца’, *ай* ‘сарана’ [Бичелдей 2001: 20-21].

Понятно, что работа К. А. Бичелдея охватывает территорию только Тувы, а не все места, где компактно живут носители тувинского языка; и он исследовал только звуковые системы диалектов и говоров, разделив их в соответствии с целями и задачами своего исследования. Поэтому его классификация и не претендует на полноту охвата.

Хотя, на наш взгляд, территорию, понимаемую авторами как юго-восточный диалект, трудно объединить в одно целое под каким-нибудь другим особым интегральным признаком, который был бы в то же время дифференциальным по отношению к литературному языку; в то время как отдельные территории юго-восточного диалекта (территории сумонов Качык и Нарын) можно признать переходной зоной по таким дифференциальным и интегральным признакам, как наличие и отсутствие а) фарингализации; б) сильных придыхательных согласных в интервокальном положении.

Несмотря на интенсивные обстоятельные исследования диалектов тувинского языка [Mavkanuli 1999; Доржу 2002; Дамбыра 2003; Куулар 2003; Кечил-оол 2004; Серен 2006; Гансук 2009; Ragagnin 2011; Цэцэгдарь 2013 и др.], до сих пор классификация тувинских диалектов, представленная в этих работах, не является исчерпывающей.

Интересной представляется позиция В. И. Рассадина в отношении статуса языка цагаан-нурских тувинцев и тоджинского диалекта тувинского языка. В своих исследованиях по саянским тюркским языкам он не раз касался вопроса диалектного членения тувинского языка. Он писал: «Сравнительное изучение тюркских языков Саянского региона, включая и сойотский, показало, что все они: тувинский России и Монголии, тофаларский и сойотский России, цаатанский и уйгуро-урянхайский Монголии, кёк-мончаков Монголии и Китая объединяются в одну саянскую подгруппу сибирских тюркских языков, которая, по Н. А. Баскакову, называется уйгуро-тукуюской. Сама эта подгруппа делится на два четких

ареала: 1) степной – с языками тувинским и кёк-мончаков и 2) таёжный, куда входят тофаларский, сойотский, цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. К таёжному ареалу по многим признакам примыкает и тоджинский диалект тувинского языка» [Рассадин 2013: 134].

Деление на степные и таёжные языки касается их ареалов распространения по основным природно-климатическим зонам Центральной Азии. Действительно, носители языков таёжного ареала являются в основном оленеводами-охотниками, кроме уйгуро-урянхайцев, живущих на территории сумонов Чаньдман-Ондер и Цагаан-Уур Хубсугульского аймака, восточнее озера Хубсугул. По словам наших информантов, до вступления в коллективные хозяйства и перехода на оседлый образ жизни они жили свыше 150 километров севернее той территории, где сейчас живут. Кроме того, как и все жители тайги, они жили охотой и рыболовством, собирательством; до сих пор не утратили навыки этих видов деятельности, в том числе древние способы рыбной ловли. Соответственно, в их языке в некотором роде утрачивается лексика оленеводства, но имеется разветвленная группа лексики охоты и рыболовства

Далее В. И. Рассадина отмечает, что уйгур-урянхайцы давно уже имеют тот же хозяйственный тип, что и монголы, занимаясь животноводством, которых объединяет, кроме общего языка, также сходный тип охотничье-олeneводческого кочевого хозяйства и своеобразной материальной культуры, позволивших им хорошо приспособиться к кочевой жизни в условиях горной тайги [Рассадин 2013: 134].

Никоим образом не ставя под сомнение существование особой таёжной группы тюркских языков, тем не менее мы не можем согласиться со статусом тюркского языка жителей сумона Цагаан-Нур Хубсугульского аймака. Со времени образования самого сумона как административной единицы указанного аймака прошло всего 25 лет, а до этого оленеводы числились в составе сумона Улаан-Уул, что южнее нынешнего места проживания оленеводов Цагаан-Нура на 100-130 километров. А со времени миграции

части жителей Тере-Холя и Тоджи в данную территорию Монголии прошло около 65-70 лет. Мы записали образцы речи носителей цагаан-нурского диалекта, сохранившей яркие черты тоджинской и кунгуртугской разновидностей даже в нескольких словах [tɔju] вм. [tɔɕu], [kiʃi] вм. [kiɕi]. Причем выходцы из Тоджи представляли оба говора тоджинского диалекта, речной и таёжный. Кроме того, даже члены одной семьи живут по обе стороны одного хребта: один остался в Туве, другой в Монголии. Совершенно очевидно, что диалект появился в результате дивергентного и конвергентного развития, а в настоящее время также испытывает сильное влияние окружающего его монгольского языка. Поэтому цагаан-нурский диалект ещё не приобрел статус отдельного языка по разным объективным причинам. Его состояние витальности вызывает тревогу: ещё не оформившись в единый диалект, он уже находится на стадии исчезновения.

Обзор работ показывает, что в целом существующие классификации непротиворечивы, но в деталях и по некоторым территориям остаются нерешенные вопросы.

Перейдём к лингвистическим основам диалектного членения тувинского языка.

5.2. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка

Основные отличительные черты диалектов и говоров в их совокупности, которые могли бы лечь в основу диалектного членения тувинского языка, ещё не были объектом специального исследования. Они были рассмотрены в отдельной статье А. А. Пальмбаха.

5.2.1. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка по А. А. Пальмбаха

Самой первой попыткой установить подобные черты была неоконченная статья А. А. Пальмбаха. Далее мы дословно приводим текст его статьи, где он перечисляет эти признаки.

«I. Важнейшие из фонетических признаков:

1) различие или неразличие чистых гласных нормальной долготы и гласных фарингализованных (в парах слов типа *ат* ‘имя’ – *аът* ‘лошадь’, *от* ‘огонь’ – *оът* ‘трава’ и т. п.);

2) сильное или слабое произношение переднеязычных и губных смычных согласных в начале отдельных слов: *таңгырак* // *даңгырак* ‘клятва’, *түрген* // *дүрген* ‘быстрый’, *темисел* // *демисел* ‘борьба’, *тын* // *дын* ‘жизнь’, *тыныш* // *дыныш* ‘дыхание’; *пага* // *бага* ‘лягушка’, *пок* // *бок* ‘сор’, *пөс* // *бөс* ‘ткань’, ‘материя’ и т. п.;

3) чередование согласного в слове *ийи* ‘два’; *ийи* // *ији* // *ин’и* // *ижи*;

4) соответствие м // п^б (орф. б) в начале слов типа *маска* // *баска* ‘молот’, *малгаиш* // *балгаиш* ‘грязь, слякоть’, *морзук* // *борзук* ‘барсук’;

5) фонетические варианты слова *чүве* ‘вещь’, ‘предмет’, ‘нечто’: *чүве* // *чиве* // *чүме* // *чиме*;

6) чекание и йекание: *чер* // *йер* ‘земля’, *йозу* // *чозу* ‘обычай’;

7) соответствие х // к в начале слов: *хун* // *кун* ‘солнце’, ‘день’, *хөл* // *көл* ‘озеро’;

8) наличие или отсутствие *н*, *л* в начале слов: *ном* // *ом* ‘книга’, *лама* // *нама* // *ама* ‘лама’, *ногаан* // *огаан* ‘зеленый’;

9) наличие или отсутствие узких *и*, *ы* в начале слов типа *ине* ‘игла’, *инек* ‘корова’, *ыяиш* ‘дерево’;

10) чередование губных гласных с негубными в словах типа *өдүрек* // *эдирек* ‘утка’, *көвүрүг* // *кевириг* ‘мост’;

11) фонетические варианты этнонима Тува: *Тыва* // *Тува* // *Това* (*Тофа*);

II. Важнейшие различительные признаки в области морфологии; фонетические соответствия, связанные со словоизменением и формообразованием частей речи:

1) согласные *д* // *л* в начале аффикса множественного числа, присоединяемого к основам на *л*: *холдар (колдар)* // *холлар (коллар)* ‘руки’, *шилдер* // *шиллер* ‘стёкла’;

2) соблюдение или несоблюдение губного сингармонизма в аффиксах: *хойнуң* // *хойның* ‘овцы’ (Р. п.), *дүктүң* // *дүктиң* ‘шерсти’ (Р. п.);

3) оформление направительных падежей: *дытче* // *дытча* // *дыттыва* //... ‘к листовнице’;

4) форма исходного падежа с притяжательным аффиксом: *суурундан* // *сууруннан* ‘из (от) его поселка’, *акызындан* // *акызыннан* ‘от его старшего брата’;

5) родительный падеж личных и указательных местоимений: *мээң* // *мениң* ‘меня’, *ооң* // *онуң* ‘его’, ‘того’; *мооң* // *монуң* ‘этого’;

б) *ы* // *а* в указательном местоимении и наречии: *ындыг* // *андыг* ‘такой’, *ында* // *анда* ‘там’;

7) указательное местоимение *дөө* // *доо* // *дуу* // *дүү* ‘вон тот’;

8) форма условного наклонения: *болзумза* // *болзам* // *болдум бизе* // *болдум эрзе*» [Пальмбах 1968: 233-234].

Надо отметить, что статья была написана в самый разгар сбора диалектного материала на территории Тувы и в то время, когда эти различия ощущали сами носители. Автор статьи был в числе тех, кому пришлось определять диалектную основу литературного языка при создании правил орфографии. Ко времени написания статьи по вопросникам, созданным в Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, уже существовал рукописный фонд, поэтому А. А. Пальмбах, как тонкий знаток тувинского языка, в целом в полной мере выделил классификационные признаки внутренних диалектов на основе проведенных к тому времени исследований.

5.2.2. Классификационные признаки диалектов в работе

З. Б. Чадамба

К 1970-м гг. на основе данных первичного диалектологического обследования территории Тувы были выявлены основные особенности местных говоров тувинского языка, их общие черты и отличия друг от друга. На их основе З. Б. Чадамба выделяет следующие интегральные и дифференциальные диалектные черты тувинского языка: единый звуковой состав, некоторые особенности в области фонетики в тоджинском диалекте – комбинаторный вариант у фонемы *a*, отсутствие в интервокальном положении фонемы *ж*. Со ссылкой на известную статью Ш. Ч. Сата «О говоре населения Тере-Холя» в речи населения местности Тере-Холь, расположенной в юго-восточной части Тувы и граничащей с Монголией, отмечает отсутствие одного из особых признаков тувинских гласных – фарингализации и о слабом её выражении, если она и присутствует в некоторых словах.

Далее в области вокализма наиболее распространенными отмечаются соответствия кратких и долгих, широких и узких, огубленных и неогубленных гласных; в консонантизме – соответствия согласных *m* // *b*, *k* // *x*, *t* // *d*, *n* // *b*, *ç* // *ш* // *c*, *ç* // *й* в начале слов: *боързук* // *моързук* ‘барсук’, *кула* // *хула* ‘саврасый’, *темдел* // *демдек* ‘знак’, *пөс* // *бөс* ‘ткань’, *чыгжа* // *шыгжа* ‘хранить, беречь’, *суут* // *шүүт* ‘возня’, *сүьскүк* // *чүьскүк* ‘наперсток’, *чадыы* // *йадыы* ‘бедный’ [Чадамба 1974: 13].

Основным признаком при членении диалектов в области фонетики, как считает З. Б. Чадамба, может служить соответствие в начале слов сильного *t* и слабого *d* (*түрген* // *дүрген* ‘быстро’), сильного *x* и слабого *k* (*харыш* // *карыш* ‘пядь’), слабого *b* и сверхслабого *m* (*боолдурга* / *моьлдурга* ‘двухгодовалый теленок’).

В словарном составе тувинского языка по диалектам автор выделяет, во-первых, наличие специфических слов, характерных для определенной местности, и, во-вторых, употребление в одних диалектах заимствованных

бытовых слов из монгольского языка, в то время как в других в данном случае выступают обычно общетюркские слова. Ср.: *сүге* (<монг. *сүх*) // *баьлды* ‘топор’, *алага* (< монг. *алхан*) // *маска* ‘молоток’, *кулур* (< монг. *гурил*) // *даьлган* ‘мука’.

В морфологии критерием выделения диалектов отмечены различное оформление направительного падежа (*дагже, дагдыва* // *даггыды* ‘к горе’) и условного наклонения (*барзам* // *барзымза* // *бардым быза* ‘если я пойду’).

Совершенно справедливо замечание о том, что некоторые диалектные параллели, особенно в области фонетики и лексики, нередко встречаются на территории одного и того же диалекта или даже в речи одного и того же лица. Поэтому при диалектном членении тувинского языка приходится говорить лишь о преимущественном употреблении той или иной формы в том или ином диалекте. Такая нерасчлененность диалектных черт создает определенные трудности при классификации диалектов [Чадамба 1974: 14].

З. Б. Чадамба отмечает, что речь у тоджинцев имеет протяжную, певучую интонацию, а у представителей некоторых мест Тес-Хемского и Эрзинского районов, особенно эрзинцев, – несколько монголизированную мелодику, у носителей центрального диалекта также отмечается своя особая интонация речи [Чадамба 1974: 15]. К сожалению, ритмомелодика не только диалектов, но и литературного языка все ещё остаётся неисследованной.

Исходя из тех целей, которые были поставлены перед тувиноведами для решения насущных задач нормирования тувинского литературного языка, признаки диалектов, перечисленные в работе З. Б. Чадамба, можно считать вполне удовлетворительными.

5.3. Интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка на основе новых лингвистических данных

Самой главной отличительной чертой тувинского языка в области фонетики являются фарингализованные гласные. В отношении интегральных

и дифференциальных признаков диалектов тувинского языка она также остается основополагающей.

Принимая во внимание гипотезу В. М. Надеяева о принадлежности артикуляционно-акустической базы (ААБ) этносу, а не языку [Надеяев 1980: 6], фонетические явления, легшие в основу классификационных признаков тоджинского, юго-восточного диалектов, можно оценивать как этнические, так как именно определенные родоплеменные группы современных тувинцев являются носителями наиболее релевантных фонетических особенностей этих диалектов тувинского языка. В пользу этого предположения можно привести такие доводы: 1) границы диалектов и говоров совпадают с традиционными границами мест проживания этнических групп; 2) пришлые жители данных территорий хорошо усваивают лишь грамматические, лексические диалектизмы, ритмомелодику и те фонетические соответствия, которые не обусловлены особой артикуляцией звуков; 3) меняя традиционные места проживания, освоив литературные нормы языка в области грамматики и лексики, носители диалекта в основном сохраняют характерное диалектное произношение.

На основе анализа фонетических особенностей, особенно фарингализации как основного интегрального и дифференциального признаков диалектов и говоров современного тувинского языка, можно считать, что основными диалектными чертами в области артикуляции звуков тувинский язык обязан языкам-основам, на которые лег тюркский язык. Одним из них, как считают исследователи, был язык чиков, а их отюречили древние уйгуры [Надеяев 1986: 62-63]. Мы можем только предложить в качестве дополнения и уточнения, что основу речи жителей центральной Тувы и тувинцев Северо-Западной Монголии, также Китайского Алтая составлял какой-то единый язык, или языки близкородственных родоплеменных групп. Потому что состав гласных фонем диалектов и говоров, распространенных в указанных территориях, более однороден, в них выделяется 24 гласных. Возможно, эту территорию и занимали древние чики.

А в основе речи жителей Тере-Холя лежит язык какого-то другого этноса. В тере-хольском диалекте 16 гласных, то есть он характеризуется отсутствием фарингализованных гласных. И в этом плане к данному диалекту можно отнести территорию сумонов Качык и Нарын Эрзинского кожууна, но в качестве переходной зоны.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что фарингализация в диалектах и говорах тувинского языка является одним из основных интегральных признаков, объединяющим под названием *тыва дыл* «тувинский язык» как язык тувинцев, проживающих в Республике Тыва, так и малочисленных этнических групп тувинцев, проживающих в Монголии и Китае.

Надо отметить, что алтайско-тувинские языковые связи на сопредельных территориях изучены недостаточно. Вышеупомянутые работы посвящены западному диалекту тувинского языка, в них нет сведений о тувинско-алтайских языковых контактах в зарубежных диалектах, т. е. в языке тувинцев Китая и Монголии.

В первую очередь, это сохранение артикуляционно-акустической базы (ААБ) в тувинской речи у представителей родоплеменной группы *делег* сумона Цэнгэл, которая выражается отсутствием фарингализованных гласных как отдельных фонем. Например, *ийт* ~ *ыьт* 'собака', *а^hт* ~ *аьт* 'лошадь'. Принимая во внимание гипотезу В. М. Надеяева о принадлежности артикуляционно-акустической базы (ААБ) этносу, а не языку [Надеяев 1986: 53-63], думаем, что отсутствие фарингализации в речи отдельных носителей данного говора объясняется их генетической принадлежностью.

Таким образом, к основным классификационным признакам по наличию и отсутствию фарингализованных гласных как фонологического явления в области гласных нужно добавить спорадическое проявление фарингализации.

Итак, в области **фонетики** предлагаем выделить следующие классификационные признаки:

- 1) сильные придыхательные в интервокальном положении: *туха*;
- 2) сильное или слабое произношение переднеязычных и губных смычных согласных в начале отдельных слов: *таңгырак // даңгырак* ‘клятва’, *пага // бага* ‘лягушка’;
- 3) чекание и йекание: *чер // йер* ‘земля’, *йозу // чозу* ‘обычай’;
- 4) соответствие *х // к* в начале слов: *хүн // күн* ‘солнце’, ‘день’, *хөл // көл* ‘озеро’;
- 5) наличие или отсутствие *н, л* в начале слов: *ном // ом* ‘книга’, *лама // нама // ама* ‘лама’, *ногаан // огаан* ‘зеленый’;

Классификационные признаки в области **грамматики** таковы:

- 1) аффиксы словообразования =*ча // жа* – *тыважа* ‘тувинский язык’, =*хане – доктурхане* ‘больница’;
- 2) парные слова с начальным *м* второго компонента: *хой-мой* ‘овцы’, *кино-мино* ‘кино всякое’, *шола-мола* ‘клички всякие’;
- 3) *ы ~ а* в местословиях: *ындыг // андыг* ‘такой’, *ында // анда* ‘ам’, *ынчаар // анчаар* ‘такой’;
- 4) использование вспомогательного глагола *чыт*= в.м. *тур*=: *бижип чыт* ‘пишет’ в.м. *бижип тур*;
- 5) форма условного наклонения: *болзумза // болзам // болсам // болдум бизе // болдум эрзе*;
- 6) форма на =*мыш* в составе вспомогательного глагола;
- 7) стяжение аналитических глагольных форм типа *чикаакан* в.м. *чип каапкан*;
- 8) личное оформление формы будущего времени на =*ар* лично-притяжательными аффиксами в роли финитного сказуемого без номинализаторов *ол, бо* вместо аналитических показателей *мен, сен* местоименного происхождения: *ажылдаар*=ым в.м. *ажылдаар мен* или *ажылдаарым ол* ‘буду работать’;

9) аффикс =к в форме первого лица множественного числа прошедшего времени на =ды: *кел=ди=к* ‘мы пришли’;

10) аффикс =аакай в форме первого лица множественного числа повелительного наклонения: *кел=ээкей* ‘придем-ка’ в. *кел=ишлиңер*;

11) использование формы инклюзива =аалы (в значении ‘ты и я’) в значении множественного числа (‘мы все вместе’);

12) специфические частицы *ёң, гин, хала*.

В области **лексики** мы предлагаем следующие интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров, наличие или отсутствие которых характеризует ту или иную территорию:

1) заимствования из монгольского языка, отсутствующие в ЛТЯ;

2) заимствования из русского языка, имеющие несколько иной фонетический облик, чем в ЛТЯ;

3) заимствования из других контактирующих языков (алтайского и казахского);

4) разветвленные наименования водоплавающих птиц;

5) половозрастные названия сурка и лексика охотничьего промысла на них;

6) разветвленная охотничье-рыболовная лексика;

7) лексика яководства;

8) собственно-диалектные слова, т. е. слова-маркёры, характерные только для определенной территории, например, *иним* ‘обращение к младшему по возрасту’ (улуг-хемский говор), *акаа* ‘старший брат’ (тес-хемский говор);

9) лексико-семантические варианты слов, например, *ымыраа* ‘муха’ в. лит. *сээк* ‘муха’.

В области **синтаксиса** фиксируются следующие интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров:

1) отсутствие личного оформления именного сказуемого: *мен тыва* вместо *мен тыва кижин мен* или *мен тыва мен* ‘я тувинец // тувинка’;

2) употребление вспомогательного глагола *бол=* вместо *тур=* в составных именных сказуемых: *ынчан 2 харлыг болдум* вместо лит. *ынчан 2 харлыг турдум* ‘тогда мне было 2 года’;

3) использование модели *=арда* вместо *=арга* в полипредикативных темпоральных конструкциях общевременной соотнесенности: *чедип кэ=эр=де, сура=ар бис* вместо лит. *чедип кэ=эр=ге, айтыр=ар бис* ‘спросим, когда придет’.

4) использование обращений *ини=им, сары=ым, до=м, на=м* к лицам, младшим по возрасту.

Предложенные классификационные признаки диалектов и говоров определяют диалектное членение территорий распространения тувинского языка только по отношению к ЛТЯ. В то же время каждая отдельная территория имеет свои определенные признаки, которые в совокупности дают возможность определить его статус по отношению друг к другу и одновременно к ЛТЯ.

5.4. Классификация диалектов и говоров тувинского языка

Самым сложным в диалектном членении языка представляется вопрос об объеме понятий наречие, диалект, говор, подговор. Понятно, что они поставлены в иерархическом порядке. В тюркской диалектологии объем понятия диалект, говор определяется в каждом конкретном языке отдельно. Е. И. Убрятова составила типологию принятых в тюркологии понятий, выстроенных иерархически. Языки со сложной диалектной системой пользуются термином *наречие* для выделения более крупных единиц, куда входят *диалекты*, и, в свою очередь, в состав диалектов входят единицы

меньшего порядка – *говоры* [Убрятова 2010: 34-35]. При этом в каждом языке объем этих понятий определяется исходя из набора дифференциальных признаков самого языка.

Те классификации, которые составлены на материале тувинского языка, не содержат определенных критериев для выделения диалектов на каком-либо уровне языка; есть только определения «небольшие различия», «сильные диалектные отличия». Сами носители тувинского языка отличают жителей тех или иных территорий по характерным для них небольшим языковым явлениям. Например: жителей сумона Ак-Эрик Тес-Хемского кожууна узнают по обращению [акаа], [агээрик]; жителей Эрзина по словам *чивиин*, западных районов по словам *ымыраа – сээк, андыг, анча, айдаар*. Коренных тоджинцев по характерной интонации, тере-хольцев по тому, произносят они фарингализованные гласные или нет и по особой ритмомелодике речи.

Мы же предлагаем диалектное членение тувинского языка произвести на основе совокупности лингвистических признаков, так как видно, что в тувинском языке нет четко противопоставленных критериев, явно очерченных ареалов распространения диалектных различий. При выделении диалектов принимали во внимание различия в области фонетики, лексики, грамматики от ЛТЯ и других диалектов. Говоры выделены в составе диалектов на основе сопоставления как с ЛТЯ, так и между говорами в составе одного диалекта. Но в то же время отдельные черты могут их сближать с другими диалектами и говорами, таковы особенности местных разновидностей тувинского языка.

Следующим основанием классификации диалектов признаны экстралингвистические (административные, территориальные, природно-климатические, культурно-исторические и этнические) факторы.

5.4.1. Об экстралингвистических признаках диалектного членения

Основными экстралингвистическими факторами, определяющими условия формирования и функционирование, а следовательно, и состояние диалектов тувинского языка, мы считаем:

1) природно-климатические условия, которые обуславливают хозяйственный тип и традиционный образ жизни (кочевой, полукочевой, оседлый; скотоводство, охота, рыболовство, земледелие, собирательство);

2) исторические условия функционирования местных разновидностей языка;

3) разные виды языковых контактов;

4) этнические контакты вследствие различных миграций населения, вплоть до этнической ассимиляции малочисленных групп пришлого населения;

5) культурно-духовные потребности – культура, образование, религия;

6) языковая политика государства по отношению к языкам меньшинств;

7) процессы глобализации – расширение возможностей коммуникации, социально-экономическая взаимообусловленность, что приводит к стиранию различий во многих областях жизни общества.

Исходя из ряда экстралингвистических факторов диалекты мы делим на *внутренние* и *зарубежные*. Внутренними считаем те территории распространения тувинского языка, которые находятся в пределах России, Республики Тыва, а также территорию с. Усинска Красноярского края. Исторически эта область была территорией Тувы, но в начале XX века отошла Красноярскому краю; речь тувиноязычных жителей Усинска характеризуется чертами, присущими центральному диалекту, а конкретнее улуг-хемскому говору с незначительными особенностями [Сарыкай 1971]. Идиом усинских тувинцев в работе М. Х. Сарыкай назван *саянским* [Сарыкай 1971: 271], этим же термином пользуется Ш. Ч. Сат [Сат 1987: 26, 36]. Мы же в своей классификации не выделяем данную территорию как отдельный

говор, а пользуемся сочетаниями *усинские тувинцы* или *язык усинских тувинцев*, считая, что данные сочетания конкретно указывают место дислокации данной группы тувинцев. При именовании *саянский говор* территория может представляться гораздо обширнее, чем на самом деле. Географически Восточные и Западные Саяны под общим названием «Саяны» представляют собой горные хребты, раскинувшиеся на сотни километров по северу и северо-востоку Тувы на границе с Красноярским краем, Иркутской областью и Бурятией. Кроме того, сочетание «саянские тюркские языки», по работам В. И. Рассадина, известным широкому кругу лингвистов – тюркологов, монголистов, специалистов по урало-алтайским языкам, обозначает гораздо обширную территорию восточнее Усинска, где распространены различные тюркские языки: тофаларский (тофа), уйгур-урянхайский, сойотский.

Интересными представляются названия, данные коренными жителями Тувы друг другу по территориальному принципу. Тувинцы-тоджинцы называют себя *тожулар*, *тожу тывазы* ‘тувинцы Тоджи’, всех остальных – *хемчик=тер* ‘жители Хемчика (досл. хемчики). В работе С. И. Вайнштейна «Мир кочевников Центра Азии» принято деление тувинцев и Тувы на восточных и западных. Под восточными тувинцами он понимает оленеводов, а под западными тувинцами – кочевых скотоводов [Вайнштейн 1991]. Жители центральной Тувы по течению Енисея различают *Эрзин-Тес чону / улузу* ‘народ Эрзин-Теса’, *тожулар* ‘тоджинцы’, *хемчиктер* ‘хемчики’ (жители бассейна реки Хемчик), себя называют *улуг-хем улузу* ‘народ Улуг-Хема’. Внутри крупных территорий также выделяют родоплеменные земли. Это показывает, что у тувинцев чувство принадлежности к определенному роду и к конкретной территории очень развито.

Остальных зарубежных групп тувинцев коренное население Тувы называет *даштыкының тывалары* ‘зарубежные тувинцы’ или уточняют *Моол тывазы* ‘тувинцы Монголии’, *Кыдат тывазы* ‘тувинцы Китая’.

Зарубежные тувинцы чаще всего делят всех носителей тувинского языка на *Алдай тывазы* ‘тувинцы Алтая’, *Таңды тывазы* ‘тувинцы Танды (центральная Тува)’, *улуг Тыва чону* ‘народ большой Тувы’. Таково традиционное видение. Однако современные названия (от тувинцев Цэнгэла) слышали *Кызыл тывазы* ‘тувинцы Кызыла’ (по названию столицы республики). Тувинцы Китая пользуются словосочетанием *Расей тывазы* ‘тувинцы России’, *Туви=стан тывызы* ‘тувинцы Тувы’.

При этом все подспудно осознают различия в речи, сопоставляя формы, слова. В то же время считают себя одной нацией *ханывыс чамдыы* ‘часть нашей крови’, *баарывыс көгү* ‘ось нашего нутра’, *сөөгүвүс сыныы* ‘осколок нашей кости’, что на русском соответствует изречениям ‘плоть от плоти’, или ‘кровные родственники’.

Деление языков коренных народов Саяно-Алтая на ***степные*** и ***таёжные*** у В. И. Рассадина, по сути, основывается также на территориальном принципе. Таежные племена в своей традиционной хозяйственной деятельности – охотники и оленеводы, занимающиеся также собирательством и рыболовством. А степные – животноводы, которые содержат овец и коз; некоторую среднюю позицию между степными и таёжными занимают родоплеменные группы, содержащие преимущественно коров, яков, лошадей. Мы предлагаем их условно назвать ***таежно-степными***.

Соответственно язык вследствие хозяйственной деятельности этих групп отличается развитой лексикой традиционного животноводства, яководства, оленеводства, охотничье-рыболовной деятельности, водоплавающей птицы, названиями растений, половозрастными названиями сурка и охоты на него, что обусловлено природно-климатическими, территориальными факторами.

Практически в совокупности лингвистического, историко-культурного признаков выделяются территории, находящиеся в контакте с другими языками: монгольским, русским, казахским, алтайским, хакасским,

тофаларским. Они также ярко видны на лексическом уровне, меньше всего на фонетическом и грамматическом, что и было отмечено в соответствующей главе. Приняты во внимание и те исторические события, которые определили судьбы современных групп тувинцев, носителей диалектной речи.

Этнический признак был положен нами в основу признания идиом зарубежных тувинцев как диалектов тувинского языка. Кроме этнического самосознания, было также учтено, что многие родоплеменные группы зарубежных тувинцев имеют аналогичные родоплеменные группы в центральной Туве, такие как *соян* и его подразделения, *куулар*, *донгак*, *ооржак*, *иргит* и др.

Основываясь также на территориальном принципе, Б. И. Татаринцев в приватной беседе говорил о юго-восточном диалекте как о периферийном диалекте, подверженном влиянию монгольского языка. Нам кажется, с одной стороны, если признать периферийными те диалекты, которые расположены на границе с другими субъектами России или государствами, то в эту группу попадают все зарубежные и другие диалекты, кроме центрального. А влияние монгольского языка на каждый диалект по отдельности сильно отличается, и нужно будет вводить градацию.

Не периферийными, но изолированными можно считать территории распространения тоджинского и тере-хольского диалектов наряду с зарубежными диалектами. Изоляция в данном случае также неравнозначна: зарубежные диалекты находятся на территории других государств. Они практически являются бесписьменными, кроме цэнгэльского говора, где началось обучение на тувинском языке. Внутренние тоджинский и тере-хольский диалекты распространены на труднодоступных территориях Тувы, где тувинский язык имеет статус государственного языка субъекта РФ. Таким образом, условия функционирования диалектов также неоднозначны.

Итак, диалектное членение тувинского языка можно провести по разным классификационным признакам. Мы первое деление провели на основе территориального признака, называя их внутренними и зарубежными

диалектами тувинского языка, а также *изолированными* диалектами и говорами. Характерен в этом отношении тоджинский диалект – самый особый диалект тувинского языка, территориально его относим к изолированным диалектам. Его изолированность заключается в том, что основные носители данного диалекта являются оленеводами и в силу особенностей ведения хозяйства большую часть времени проводят в тайге. Коммуникации даже в настоящее время затруднены: к стойбищам можно добраться по бездорожью на вездеходах или вертолетах.

Внутренние диалекты делятся на центральный с дзун-хемчикским, эрзин-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским и тандынским говорами; западный диалект с бай-тайгинско-барун-хемчикским, монгун-тайгинским, кара-хольским говорами; тере-хольский; тоджинский; *зарубежные* делятся на алтайский диалект с кобдоским, цэнгэльским, китайским говорами и цагаан-нурский диалект.

Начнем диалектное членение тувинского языка, основанное на лингвистических признаках, с внутренних диалектов.

5.4.2. Внутренние диалекты

Центральный диалект – опорный диалект литературного тувинского языка, распространен на обширной территории Тувы. Это с западной стороны территории Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского кожуунов, с юго-западной части – Овюрского кожууна, юго-восточной части – Тес-Хемского кожууна и Эрзинского кожуунов, с восточной части территория Каа-Хемского кожууна, с северной части – Бии-Хемского кожууна, в центральной части – территории Чаа-Хольского, Улуг-Хемского, Чеди-Хольского, Тандынского и Кызылского кожуунов, территория с. Усинск Ермаковского района Красноярского края. Он делится на пять говоров (прил. 1, карта 9).

Основных классификационных признаков, объединяющих все пять говоров центрального диалекта, мало. Они все практически стали нормами литературного языка, поэтому состав гласных и согласных, многие

фонетические явления аналогичны ЛТЯ. Это наличие фарингализованных гласных, отсутствие дифтонга [äi], необусловленных долгот в анлауте. Долгие гласные, как и в ЛТЯ, образовались в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного. Фонетическое освоение русизмов во внутренних диалектах и говорах происходит так же, как и в ЛТЯ, где удлиняется ударный гласный.

Согласные в потоке речи имеют общетюркские соответствия $b \sim m$, $k \sim x$, $ç \sim \dot{y}$ и др., причем эти соответствия разнонаправлены как между говорами, так и внутри говоров, по этой причине их трудно считать интегральными и дифференциальными чертами какой-либо конкретной территории.

В центральном диалекте отсутствует \check{c} в ауслaute и не полностью освоено произношение \check{c} их носителями. Аффриката [ɟ] произносится как в языке-источнике теми, у кого сбалансированный высокий уровень тувинско-монгольского, русско-тувинского билингвизма.

В области грамматики в центральном диалекте также наблюдается единство с ЛТЯ как в составе грамматических форм, так и в их значениях, то есть в падежной системе насчитывается семь падежей, а направлятельный падеж имеет две формы =*че*//=*же*, =*дыва*//=*дыве*, условное наклонение полностью аналогично ЛТЯ.

В то же время внутри диалекта выделяются говоры с небольшими отличиями и от ЛТЯ, и между собой.

Улуг-хемский говор распространен на обширной территории центральной Тувы в бассейне рек Улуг-Хем (Енисей) до его выхода за пределы Тувы, Уюк, левого притока Каа-Хем.

В области фонетики регистрируются:

- соответствия широких гласных узким и наоборот: *шуудай* в м. *шоодай* ‘мешок’, *ики* в м. *эки* ‘хорошо, хороший’, *ижик* в м. *эжик* ‘дверь’;
- соответствия $k \sim x$ и наоборот в анлауте: *хадак* в м. *кадак* ‘шелк в форме широкой ленты как подношение почетным лицам’, *хадалыр* в м. *кадалыр* ‘вонзаться, вязнуть’, *хат* в м. *кат* ‘ягода’, *хаар* в м. *каар* ‘оставить,

положить’, *хадаг* в м. *кадаг* ‘гвоздь’; *кемчээр* в м. *хемчээр* ‘измерять’, *комут* в м. *хомут* ‘хомут’, *кыл* в м. *хыл* ‘волос’, *кылба* в м. *хылба* ‘черемша’;

- соответствия *б* ~ *м* и наоборот в анлауте: *боюн* в м. *моюн* ‘волос’, *болдурга* в м. *молдурга* ‘волос’, *боързук* в м. *моързук* ‘барсук’; *меърге* в м. *беърге* ‘трудный’, *малдыр* в м. *баълдыр* ‘икра ноги’, *магана* в м. *багана* ‘подпорка’, *мөрзек* в м. *бөрзек* ‘волчонок’;

- соответствия *в* ~ *м* и наоборот в инлауте: *каалава* в м. *каалама* ‘беспрепятственный’, *даман* в м. *даван* ‘нога’, *эмээш* в м. *эвээш* ‘мало’, *өреве* в м. *өреме* ‘молочная пенка’, *авытан* в м. *амытан* ‘живое существо, животное’, *дөвей* в м. *дөмей* ‘похожий, одинаковый’, *нава* в м. *лама* ‘буддийский монах’.

Собственно-диалектных слов, т. е. слов-маркёров, характерных только для определенной территории, мало: *иниим* ‘обращение к младшему по возрасту’, сохранившееся от древнетюркского, возможно, даже от древнекыргызского; *меълдер сай* ‘не дошедшие до полной зрелости (букв. мухортые) кедровые орехи’, *хүрең сай* ‘спелые (букв. коричневые) кедровые орехи’, *ак сай* ‘кедровые орехи молочной спелости’.

В центральной Туве записана лексика, связанная с религиозными обрядами буддизма и шаманизма: *номга олулар* ‘присутствовать при чтении сутр (букв. сидеть на книге)’, *ном номчудар* ‘просить прочесть сутры, сопровождающие разные обряды’, *ном аштырар* ‘просить по сутре определить ход и условия проводов в последний путь (просить открыть сутру)’, *чораан кижиниң чүгүрүү* ‘негативная энергия, в которой накопилась обида ушедшего в иной мир (букв. ушедшего человека бег=его)’, *хамның амытаны* ‘помощник шамана (букв. животное шамана)’, *чыттыг-саң* ‘один из видов подношений, когда обязательно зажигают можжевельник’ и т. д.

Лексико-семантические варианты слов: *ымыраа* – *сээк* ‘муха’, *уур* – *согааш* ‘ступка’, *бала* – *согааш* ‘пестик’, *бүлгээр* – *шууруун* ‘аппарат для перегонки молочной водки’.

В отдельных словах фиксируются полностью ассимилированные алломорфы с начальным =ма // =ме после основы, оканчивающейся на *м*: *хемме* ‘к реке’, *хир-чамма* ‘грязи’, *эжимме* ‘моему другу’. Как видно из примеров, вариативность алломорфов проявляется в прогрессивной ассимиляции губно-губного *м*, на которые заканчивается основа слова, он уподобляет либо частично или полностью начальный согласный аффикса дательного падежа. В этом он проявляет сходство с дзун-хемчикским говором, тоджинским и тере-хольским диалектами.

Дзун-хемчикский говор распространен на территории Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского кожуунов.

Дзун-хемчикский говор отличается от других говоров центрального диалекта и ЛТЯ произношением долгого гласного вместо краткого в составе аффикса причастия на =ар после основ, оканчивающихся на согласный. Как правило, это залоговые основы: *чыг=л=ыыр* вм. лит. *чыг=л=ыр* ‘собираться’, *өөрен=иур* вм. лит. *өөрен=ур* ‘учиться’, *чугаала=ж=ыыр* вм. лит. *чугаала=ж=ыр* ‘разговаривать’. Эта черта объединяет данный говор с кара-хольским говором западного диалекта, а также кобдоским говором алтайского диалекта.

Использование обращений *сары=ым*, *до=м* к лицам, младшим по возрасту, отличает говор от ЛТЯ и других диалектов. Отмечается целый ряд диалектных слов: *ымыраа* вм. лит. *сээк* ‘комар’, *шериг бадар* вм. лит. *шериг баар* ‘идти в армию’. Устойчивое сохранение ориентации на восток при использовании слова *бадар* в значении ‘двигаться, идти’, тогда как в ЛТЯ оно имеет значение ‘спускаться вниз, идти по течению’ и т. д.

В области морфологии в отдельных словах фиксируются полностью ассимилированные алломорфы с начальным =ма // =ме после основы, оканчивающейся на *м*: *хемме* ‘к реке’, *хир-чамма* ‘грязи’, *эжимме* ‘моему другу’. Эта черта сближает его с улуг-хемским говором.

Овюрский говор распространен на территории Овюрского кожууна. В области фонетики, грамматики он не отличается от других говоров

центрального диалекта. Основное его отличие от других говоров центрального диалекта – наличие лексики охоты на сурка: *тарбаган*, *мөнделе* в.м. лит. *тарбаган оглу* ‘сурок до года’, *бартам* в.м. лит. *ийи харлыг тарбаган* ‘сурок-двухлетка’, *депсел* в.м. лит. *үш харлыг тарбаган* ‘сурок-трехлетка’, *көгүүле* в.м. лит. *оолдарлыг тарбаган* ‘сурчиха с детенышами’, *сувай-тачык* в.м. лит. *төрүвээн кыс тарбаган* ‘сурчиха, ещё не приносившая потомство’, *мургу* [уь] в.м. лит. *аскыр тарбаган* ‘взрослый самец-сурок’

Эта тематическая группа лексики объединяет его с монгун-тайгинским говором западного диалекта, а также с алтайским диалектом. Лексика яководства объединяет сближает данный говор также с монгун-тайгинским говором западного диалекта и цэнгэльским говором. Такое отличие данного говора обусловлено природно-климатическими особенностями территории.

В то же время фонетические и морфологические особенности говора объединяют его со всеми говорами центрального диалекта, особенно с улуг-хемским. В нём проявляются все черты, присущие улуг-хемскому говору, что объясняется этническим составом населения *кожууна*, а также традиционными хозяйственно-экономическими, социальными связями, которые были очень тесными до недавнего времени. Возможно, этим же объясняется слабая связь с монгольским языком по сравнению с речью жителей приграничных Эрзинского и Тес-Хемского *кожуунов*.

Тандинский говор отличает от других говоров центрального диалекта сильное или слабое произношение переднеязычных и губных смычных согласных в начале отдельных слов: *таңгырак* // *даңгырак* ‘клятва’, *түрген* // *дүрген* ‘быстрый’, *темисел* // *демисел* ‘борьба’, *тын* // *дын* ‘жизнь’, *тыныш* // *дыныш* ‘дыхание’; *пага* // *бага* ‘лягушка’, *пок* // *бок* ‘сор’, *пөс* // *бөс* ‘ткань’, ‘материя’. Данная черта характерна для родоплеменной группы *оюн*, которая проживает на северной части хребта Танды около озера Чагытай в Тандинском *кожууне* и на южной его части в Тес-Хемском *кожууне*.

Для данного говора также характерно неподвижное ударение в первом слове односложных глагольных основ при прибавлении к нему аффикса

отрицания *кэл=бе* в. лит. *кел=бэ* ‘не приходи’, деепричастия на =*гаиш*: *кэл-геш* в. лит. *кел=гэиш* ‘придя’, на =*байн*: *кэл-бейн* в. лит. *кел=бэйин* ‘не приходя’. Эти черты проявляются в речи жителей Каа-Хемского кожууна, в эрзинско-тес-хемском говоре.

Тандынскому говору присущи диалектные слова *эге-ле* ‘ничуть’, *кара-сээк* в. лит. *сээк* ‘ничуть’, *уураа* в. лит. *ымыраа* ‘комар’.

Эрзинско-тес-хемский говор распространен на территории Тес-Хемского кожууна и части Эрзинского кожууна без территорий сумонов Качык и Нарын.

Эрзинско-тес-хемский говор противопоставлен другим говорам центрального диалекта монгольским влиянием, который проявляется:

а) наличием аллофонов [æ] как варианта фонемы [а] в анлауте монголизмов; б) наличием среднерядного аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте: *өг* [öχ] ‘юрта’;

в) наличием среднерядного аллофона [ü] как реализации фонемы [y]: *үш* [üʃ];

г) аффиксом =*шыыргы* ослабления качества, *кыйа*;

д) наличием двойных падежей;

е) двойным оформлением множественного числа существительных как живое явление *келин=ээт=тер*, *чалыы=чыт=тар*;

ж) наличием лексических заимствований из монгольского языка, отличных от ЛТЯ.

Наличие сильного или слабого произношения переднеязычных и губных смычных согласных в начале отдельных слов: *таңгырак* // *даңгырак* ‘клятва’, *түрген* // *дүрген* ‘быстрый’, *тын* // *дын* ‘жизнь’, *пок* // *бок* ‘сор’, *пөс* // *бөс* ‘ткань’, ‘материя’. Эта черта во многом присуща жителям Тес-Хемского кожууна, в то же время объединяет данный говор с тандынским, но отличает от ЛТЯ и других диалектов.

Все эти черты в эрзинско-тес-хемском говоре сближают его с алтайским диалектом и в то же время отличают от ЛТЯ.

Коренные жители Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов заимствовали аффиксы ослабления качества из монгольского языка. Отдельные прилагательные (*чившин, салам*) можно считать маркерами диалектной речи.

Как диалектная особенность эта форма заметна в речи жителей Эрзинского кожууна, когда форма двойственного числа используется вместо формы множественного числа: *бар=аалы* 'давайте пойдём все вместе'. Е. М. Куулар считает данную особенность присущей всей юго-восточной зоне [Куулар 2012: 129].

В то же время наличие фарингализации как основного объединяющего признака с центральным диалектом, целый ряд фонетических соответствий, отсутствие древней формы условного наклонения *бар=са=м* позволяет данную территорию считать ареалом распространения специального говора центрального диалекта.

Несколько особое от литературного языка функционирование местоимения *силер* 'вы' наблюдается на территории Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов: дети, обращаясь к своим родителям, пользуются местоимением множественного числа: *Авай, силер кажан бээр кээр силер?* 'Мама, Вы когда приедете сюда?'.
Авай, силер кажан бээр кээр силер?

Таким образом, в центральный диалект вошли говоры, характеризующиеся наличием фарингализованных гласных, отсутствием сильных придыхательных согласных в интервокальном положении. В нём отсутствуют древнетюркские формы условного наклонения. Направительный падеж представлен двумя аффиксами *=че* и *=дыва*. Внутри говоры также выделяются рядом противопоставленных ЛТЯ черт. С алтайским диалектом сближают те черты говоров, которые связаны с территориальными особенностями и природно-климатическими условиями местностей: лексикой охоты на сурка.

Западный диалект распространен на территории Бай-Тайгинского, Монгун-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов (прил. 1, карта 10).

Из проведенных исследований можно увидеть, что под понятием «западный диалект» ученые, имея в виду в принципе одну территорию, придавали ей разный статус в системе диалектов и говоров тувинского языка, и не всегда мнения сходились в определении интегральных и дифференциальных черт данной диалектной зоны.

Так, в 1958 и 1959 гг. проводил диалектологическую работу в Бай-Тайгинском и Барун-Хемчикском кожуунах Г. Ф. Бабушкин, пришедший к выводу о наличии здесь значительных диалектных отклонений от общенародного языка, охватывающих все основные ярусы: фонетику, лексику, меньше морфологическую систему языка. Общность характера этих диалектных отклонений ему дает основание рассматривать эту территорию как единый (западный) диалектный район [Бабушкин 1960: 211]. Наибольшие отклонения от общенародного языка он обнаруживает в речи населения Кара-Холя (северо-западная часть Бай-Тайгинского района), к ним автор относит факультативность или слабую выраженность фарингализованных гласных, а также сильных согласных *n*, *m* в начале слова. С последними выводами Г. Ф. Бабушкина не соглашается другой исследователь речи населения Кара-Холя Я. Ш. Хертек, занимавшийся сбором диалектных материалов на территории Бай-Тайги в 1969 г. Он пишет, что «речь кара-хольцев и вообще жителей Бай-Тайгинского района не имеет в целом сильных расхождений с центральным диалектом тувинского языка. Фарингализованные гласные и сильные (придыхательные) *n*, *m* в начале слова не носят факультативного характера, как считает автор указанной статьи (Бабушкин. – *М. Б-С.*), и являются такими же фонемами, как в центральном диалекте» [Хертек 1970: 235].

М. Б. Мартан-оол, подытоживая работу диалектологических отрядов ТНИИЯЛИ с участием студентов КГПИ в 1974–1976 гг., определила, что отмечается неустойчивость диалектных признаков: диалектизмы употребляются как произносительные варианты наряду с литературными формами слов. В заключении своей работы автор делает вывод о

существовании на этой территории западного говора центрального диалекта, согласно определению З. Б. Чадамба [Мартан-оол 1977: 85].

Работой, посвященной особенностям речи жителей западной Тувы, является монография М. Д. Доржу «Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка», составленной на основе защищенной ею кандидатской диссертации [Доржу 1997]. Исследуемый ареал охватывает все села Бай-Тайги вплоть до дальних чабанских стоянок в районе Кара-Холя и на границе с Барун-Хемчиком. Анализ собранного материала позволил автору выделить два подговора внутри бай-тайгинского говора: тээлинский (речь населения центральной степной части Бай-Тайги, т. е. с. Тээли, Кызыл-Даг, Бай-Тал, Шуй) и кара-хольский (речь жителей с. Кара-Холь, долины Даспы, верховий Алаша, окрестности оз. Кара-Холь). М. Д. Доржу считает, что «в целом же речь жителей Бай-Тайги не обнаруживает тех значительных диалектных отклонений от общенародного тувинского языка, отмеченных в свое время Г. Ф. Бабушкиным. Однако некоторые морфологические и лексические особенности говора имеют параллели в диалектах алтайского и хакасского языков, а также в близлежащих говорах и диалектах самого тувинского языка, и, наконец, в речи тувинцев, проживающих в северо-западной Монголии, в частности, в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгейского аймака и в сумоне Буянт Кобдоского аймака» [Доржу 2002: 11, 98]. Основным выводом автора о статусе исследуемой территории заключен во фразе: «Изучение материалов... позволяет нам придерживаться точки зрения тех исследователей (З. Б. Чадамба, А. Ч. Кунаа и др.), которые не выделяют речь жителей Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского и Монгун-Тайгинского районов в самостоятельный диалект и считают ее говорами центрального диалекта» [Доржу 2002: 11].

Итак, из сказанного видно, что мнения ученых в отношении диалектного членения западной Тувы расходятся: одни выделяют речь жителей западной Тувы в единый диалект (Ш. Ч. Сат, А. А. Пальмбах, Г. Ф. Бабушкин и др.), а другие не обнаруживают в нем сильных расхождений с центральным

диалектом тувинского языка, считая его лишь говором (З. Б. Чадамба, А. Ч. Кунаа, Я. Ш. Хертек и др.). Иными словами, нет до сих пор единого мнения в отношении статуса речи жителей западной Тувы в диалектной системе тувинского языка. Не имеется также специального монографического исследования, где со всей полнотой были бы описаны языковые особенности речи жителей данной территории.

Мы выделяем западный диалект с тремя говорами: бай-тайгинско-барун-хемчикский, монгун-тайгинский, кара-хольский. Здесь наша точка зрения совпадает с классификацией Ш. Ч. Сата [1987: 44-53].

Предлагаем следующие основные интегральные черты, в совокупности объединяющие говоры в один диалект и одновременно являющиеся дифференциальными по отношению к ЛТЯ.

1. В области фонетики:

а) акание в местоимениях *андыг* 'такой', *анча* 'столько', *анчаар* 'так, делать так' в м. лит. *ындыг, ынча, ынчаар*; б) необусловленные долгие гласные вместо кратких в анлауте, инлауте: *аайтыр* в м. лит. *айтыр* 'показать', *аарай* в м. лит. *арай* 'как-то', *аары* в м. лит. *ары* 'пчела', *чоодураа* в м. лит. *чодураа* 'черемуха'.

2. В области морфологии: аналитическая форма условного наклонения: *болдум бизе / болдум изе / болзум изе* в м. лит. *болзумза*.

3. В области лексики: диалектные слова *айдаар* в м. лит. *ай дээр* 'гнать скот', *шакпа* в м. лит. *каькпа* 'капкан'. Диалектное слово *айдаар* имеет параллели в алтайском диалекте, алтайском языке и в языке жёлтых уйгур.

Аканье сближает данный диалект с алтайским языком, он унаследован от древнетюркского языка; аналитические формы условного наклонения – с алтайским диалектом.

Внутри диалект разделяется на говоры на основе лексических и лексико-семантических диалектных слов.

Бай-тайгинско-барун-хемчикский говор в области лексики отличается заимствованиями из алтайского языка: *шышкан* в м. лит. *куске*

‘мышка’, *кармак* в.м. лит. *сыырткыыш* ‘удочка’, *шалга* в.м. лит. *кадыыр* ‘удочка’; лексикой яководства, собственно диалектной лексикой: *коьлданыр* в.м. лит. *диленир* ‘выпрашивать, просить’, *кызыл-куьрт* в.м. лит. *шыйлашкын* ‘червяк’, *шокар* в.м. лит. *мыйыт* ‘ленок’, *шавага* в.м. лит. *бичии балык* ‘малёк’, *ымыраа* в.м. лит. *сээк* ‘муха’.

В области грамматики аффикс =*дыва* со всеми его восемью вариантами встречается и в бай-тайгинском говоре [Доржу 2002: 44]. В последнее время наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа =*че*//=*же*, =*тыва*//=*тиве*, что обусловлено влиянием литературного языка.

Монгун-тайгинский говор, обладая всеми диалектными признаками, характерными для западного диалекта, в то же время отличается от других его говоров наличием:

а) разветвленных половозрастных названий сурка и лексики охотничьего промысла на него: лит. *тарбаган оглу* ‘тарбаган новорожденный’, монг.-т. *мөнделе*; лит. *3 харлыг тарбаган* ‘тарбаган 3-летка’, монг.-т. *көпсел* (Бабушкин 1961: 250); лит. *оолдарлыг тарбаган* ‘самка сурка с приплодом’, монг.-т. *көгүүле*; лит. *төрүвээн кыс тарбаган* ‘самка сурка, ещё не приносившая приплод’, монг.-т. *дачы*; лит. *аскыр тарбаган* ‘сурок-производитель’, монг.-т. *муьргу*. Эта группа лексики сближает данный говор с овюрским говором и алтайским диалектом;

б) лексики яководства *сарлык*, *семдер-инек* ‘як’, *моол инек*, *тас-инек* ‘корова’, *хайнык* // *хайнак* ‘помесь коровы с яком’; *дожаар* ‘осенью отделиться от стада и бродяжничать и зимовать одному в глубокой тайге (о самце яка)’;

в) собственно-диалектные слова *дорда* ‘гуща после варки топленого масла’, *бүүрээ* ‘валуны округлой формы’, *таарыыр* в.м. лит. *чогудар* ‘согласовать’.

Кара-Хольский говор, также обладая общедиалектными чертами, отличается от других говоров особой диалектной лексикой и некоторыми фонетическими особенностями. Это выпадение начальных согласных в

заимствованных словах: *акси* в.м. лит. *такси*, *ама* в.м. лит. *лама* 'монах', *ом* в.м. лит. *ном* 'книга', *огаан* в.м. лит. *ногаан* 'зелёный', *эгээр* в.м. лит. *негээр* 'требовать'. Соответствия *ш* ~ *ч* в анлауте: *шода* в.м. лит. *чода* 'голень', *шаьда* в.м. лит. *чаьда* 'ступенька', *ч* ~ *й*: *чөрээл* в.м. лит. *йөрээл* 'благопожелание', *чозу* в.м. лит. *йозу* 'обряд'.

Долготы в вариантах с узкими гласными аффикса глагола на =*ар* после залоговых основ, оканчивающихся на согласный, *чыг=л=ыыр* 'собираться' в кара-хольском говоре сближают его с дзун-хемчикским говором центрального диалекта.

В кара-хольском говоре западного диалекта к имени собственному во множественном числе присоединяется сложное слово *аал-аймаа* 'семейство, клан' в форме принадлежности 3-го лица (модель II изафета). Например: *Кара-оол=дар аал-айма=а* (<*аал=аймак+ы*) 'Кара-оолы или семья Кара-оолов (букв. Кара-оолы семейство=их)'. Синонимичным является сочетание имени собственного с аффиксом =*лыг* и слова *кезек* 'часть' в значении 1) семья во главе с тем, кто назван: *Кара-оол=дуг кезек* 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'.

В настоящее время в кара-хольском говоре наблюдается вариативность древних аналитических форм *бар=ды=м бизе*, *бар=ды=м изе* и литературной формы условного наклонения *бар=зы=м=за*, начался процесс постепенного вытеснения диалектной формы литературной формой с двойным аффиксом условного наклонения.

Лексика яководства отличается от такой же группы слов монгун-тайгинского говора следующими особенностями: глагол *доьжаар* используется, когда осенью самцы отделяются от стада яков, уходят далеко в тайгу и зимуют в верховьях рек. *Аңсыыр* в.м. лит. *аңзыыр* '(о яке) не подпускать к себе человека, не возвращаться с пастбища, становиться как дикое животное'. *Шыыр* в.м. лит. *ис*, *демдек* 'примета, не видная глазу человека', производное – *шыыр=а*. Имеет значения 1. В практике шаманизма 'отследить (по каким-то признакам)'. Например, *шыырап келир*, *шыыр*

эдэрин келир – ‘отследить события по приметам, не видным глазу человека’.

2. В яководстве о самце: найти стадо по запаху. *Эр сарлык, буьга, сарлык буьгазы* ‘мужская особь яка’. *Хайнык – хайнак*, ‘помесь яка с коровой’. *Каьттыжар* ‘як покидает своё стадо в поиске пары из другого стада’. *Хуртуңнээр* ‘поведение во время случки’. *Чиктиңнээр* ‘поведение перед случкой’.

Другая собственно диалектная лексика: *өреме* 1. ‘сливки’, 2. ‘молочная пенка’; *куьзук* в.м. лит. *тоорук* ‘кедровый орех’, *хымыска* в.м. лит. *кымыскаяк* ‘муравей’, *даман* в.м. лит. *бут* ‘нога’, *хевенир, толаныр* в.м. лит. *кеттинер* ‘одеваться’, *аьгыы* в.м. лит. *баьк кижиги* ‘плохой человек’, *хай- хайтаазын аьгыы* в.м. лит. *муңгаранчыг-даа баьк кижиги* ‘очень плохой человек’, *дүьжүлге* в.м. лит. *эптиг оран чер* ‘место для сиденья’, *дойлаар* в.м. лит. *байырлаар* ‘праздновать, отмечать’, *чандаалыктаар* в.м. лит. *чайгангыышка чайганыр* ‘качаться на качелях’.

Особенности речевого поведения. Население сумона Кара-Хөл любит присваивать прозвища: *чуурга баштыг* ‘яйцеголовый’, *кылчаң баштыг* ‘лысоголовый’, *дөрбелчин баштыг* ‘квадратноголовый’, *чаңгыс бөрү* ‘волк-одиночка’, причем мотивация будет и по внешнему виду, по характеру, роду деятельности и др. Они четко знают свою родоплеменную принадлежность и их подразделения: *күжүгет на кур күжүгет* ‘запасливый (досл. – упитанный) күжүгет’ и *кул күжүгет* ‘раб күжүгет’, *мезил күжүгет* ‘налим күжүгет’. Речь их насыщена легким юмором.

Таким образом, западный диалект, отличаясь от ЛТЯ аканием, сохранившимся ещё от древнетюркского языка, необусловленными долготами в анлауте и инлауте, в то же время сближается с алтайским диалектом. Аналитические формы условного наклонения, сохранившиеся от древнетюркского языка, сближают кара-хольский говор с алтайским диалектом. Лексика яководства сближает его с цэнгэльским говором. Половозрастные названия сурка и лексика охоты на него, выделяющая монгун-тайгинский говор из остальных говоров западного диалекта, в то же

время сближает его с алтайским диалектом, особенно со всем алтайским диалектом и овюрским говором центрального диалекта. Особенности западного диалекта в области тематических групп лексики обусловлены природно-климатическими условиями территории его распространения. Одни отличия западного диалекта сближают его со всем АД, а некоторые – только с одним из говоров алтайского диалекта, а отличия в лексических группах – с говором центрального диалекта.

Тере-Хольский диалект выделяется на основе следующих дифференциальных от ЛТЯ признаков.

В области фонетики – отсутствие фарингализованных гласных. Состав согласных фонем диалектов и говоров полностью идентичен аналогичной системе ЛТЯ. Сильные придыхательные согласные в интервокальном положении в тере-хольском диалекте являются отличительной чертой данного идиома, к нему близка речь монголоязычных тувинцев Эрзина.

Наблюдается неподвижное ударение в 1-м слоге односложных глагольных основ при прибавлении к нему аффикса отрицания, деепричастия на =*гаш*, =*байн*: *кél=бе*, *кél=бейн*, *кél=геш*. Произношение ударения в первом слог в отдельных словах: *ййе*.

Направительный падеж представлен формами 1) =*че*, =*ше*; 2) =*тыва*, =*тыве*, =*тува*, =*түве*; 3) =*гиди*, =*киди* (*реже*). Встречаются губно-губные варианты =*ма* // =*па* дательного падежа: *авампа*, лит. *авамга* ‘моей матери’, *кызымпа*, лит. *кызымга* ‘моей дочери’, *чембе*, лит. *чемге* ‘пище’, *эжимпе*, лит. *эжимге* ‘другу’, *холумпа* ‘моей руке. Эти варианты падежа сближают его с тоджинским диалектом.

В последнее время наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа в тере-хольском диалекте, что обусловлено влиянием литературного языка.

В диалекте функционирует древняя форма условного наклонения *бар=са=м*, в последнее время параллельно стала функционировать литературная форма =*зы=м=за*.

Лексика рыбного промысла отличается от ЛТЯ и других диалектов, кроме цагаан-нурского диалекта. Щука у тере-хольцев является основной промысловой рыбой, поэтому она имеет возрастные названия.

Булдегене – мальки рыб размером 3-4 см.

Шелеш – мальки и мелкая рыба до 7-8 см.

Мосрай – молодая щука до 15-20 см.

Кызыл-адак – щука до 18-20 см с красными плавниками.

Тыңнаа – щука от 25-30 см.

Торуш – взрослая щука размером 35-45 см.

Шортан – щука размером 60 см.

Ояр – щука размером свыше 60-70 см, может достигать до 1,5 метров в длину.

Названия мальков по размеру *булдегене*, *шелеш* относятся ко всем видам рыб.

Лексика, связанная с рыбной ловлей: *манаг* ‘зимняя ловля рыбы из проруби’; *аглап-нышар* ‘загонять рыбу в засаду длинной палкой с привязанными на ее конце ветками’; *аглаар* ‘загонять рыбу в засаду, устраивать облаву’; *нышар* ‘вспугивать рыбу палкой’; *согунаар* ‘ловить рыбу с помощью длинной палки, на конце которой прикреплен трезубец’; *холтаар* ‘ловить рыбу руками’; *сүрер* ‘отгонять находящуюся подо льдом рыбу на мелкое место с тем, чтобы оглушить ее сверху колотушкой’; *серээлээр* ‘ловить рыбу с помощью остроги’;

Слова, связанные с рыболовством: *туслук* ‘рыбий рассол’; *илпек* ‘крючок для вытаскивания рыбы из проруби’; *молтурук* ‘головная часть палки для отталкивания лодки’; *чылым* ‘рыбья слизь’; *шомаг* ‘мешок для ловли рыбы’; *шөйгү* ‘палка для отталкивания лодки, плота’; *сокпа* ‘колотушка, используемая для глушения рыбы’; *ораашыр* ‘маленькая рыболовная сеть’; *ойук* ‘прорубь для ловли рыбы’; *териски* ‘нижняя часть лодки’; *сүүткү* ‘привязь рыболовной сети’. *Тартпа*, *тыртпа* ‘рыболовные

снасти в виде изогнутых в конце рогатин’, *тикпе* ‘сети рыболовные’ зафиксировано у жителей Тере-Холя, Цагаан-Нура и Тоджи.

Названия рыбных блюд: *тусаар* ‘солят’, *кургатыр* ‘сушат’, *ыштаар* ‘коптят’, *пышырар* ‘жарят’, *хандырар* ‘варят’, *хулге хөмер* ‘готовят под золой’, *селёдкалар* [seljo:tkala:r] ‘маринуют’, *манч кылыр* ‘делают рыбные пельмени’, *котлет пышырар* ‘жарят рыбные котлеты’. Есть и особые блюда из рыбы: *чайма* – блюдо, приготовленное из внутренностей рыбы (очищенных кишок, печени, сердца, икры) на собственном рыбьем жире с добавлением лука, соли, койнута (вид дикого укропа). Чтобы взять рыбий жир, рыбу подвешивают так, чтобы из желудка вытекал жир; *борша* – высушенная толченая рыба как заготовка на зиму (отделив от сушёной рыбы крупные кости, перемалывают в большой посуде).

Таким образом, тере-хольский диалект отличается в области фонетики от ЛТЯ системой гласных: по сравнению со всеми диалектами и ЛТЯ наличием 16 гласных фонем, закономерностями функционирования согласных, что объединяет его с уйгур-урянхайским языком. Эти же черты бывшие носители данного диалекта внесли во вновь образовавшийся цагаан-нурский диалект. На лексическом уровне отличается лексикой природного окружения, рыболовства, оленеводства, названиями водоплавающих птиц от ЛТЯ, но в то же время по этим группам тере-хольский диалект образует один ареал с тоджинским диалектом, что, естественно, перенесено в цагаан-нурский диалект представителями обоих диалектов. Они отражают природно-климатические особенности территории распространения этих диалектов. Лексика указанных тематических групп отличается в тоджинском, тере-хольском и цагаан-нурском диалектах вариантами произношения.

Тоджинский диалект (названия по другим работам – северо-восточный диалект) распространен среди коренных жителей Тоджи, проживающих в основном в сумонах Ий, Адыр-Кежиг, Чазадыр. В кожуунном центре Тоора-Хем носителей тоджинского диалекта крайне мало.

Основными диалектными чертами в области фонетики являются наличие фарингализованных гласных, что характерно для всей территории распространения тувинского языка, кроме Тере-Хольского кожууна.

Наличие дифтонга [äi] *чеин* ‘летом’, *хеиндырар* ‘варить’, *деизин* ‘враг’ сближает его с монголоязычными территориями, где живут носители тувинского языка. В то же время отсутствие аллофона [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов, среднерядного аллофона [ö] как реализации фонемы [ø] в анлауте, среднерядного аллофона [ü] как реализации фонемы [y] отличает его от этих же диалектов.

Произношение кратких узких гласных в вариантах аффикса глагола на =*ар* после залоговых основ, оканчивающихся на согласный *чыг=л=ыр* ‘собираться’, также отсутствие необусловленных долгот в анлауте сближает диалект с ЛТЯ, но отличает от западного диалекта.

Характерны долготы в основе слова, обусловленные выпадением интервокальных сверхслабых согласных: *дөөй* в.м. лит. *дөмей* ‘одинаковый, похожий’, *миис* в.м. лит. ‘рог, рога’, что сближает тоджинский диалект с алтайским.

Соответствие **й** ~ **ч** в анлауте: *йер* в.м. лит. *чер* ‘земля’; *йаңгыс* в.м. лит. *чаңгыс* ‘один’, *йаак* в.м. лит. *чаак* ‘щека’, *йем* в.м. лит. *чем* ‘пища’, *йөдүр* в.м. лит. *чөдүр* ‘кашлять’;

Соответствие **ч** ~ **й** в анлауте: *чадыы* в.м. лит. *ядыы* ‘бедный’, *чоъзу* в.м. лит. *ёзу* ‘обычай’, *чөрээл* в.м. лит. *йөрээл* ‘благопожелание’, *чанзы* в.м. лит. *янзы* ‘разный’, *чора* в.м. лит. *ёра* ‘дурное’ отличает тоджинский диалект от ЛТЯ, в то же время сближает с изолированным кара-хольским говором.

Отличительной особенностью диалекта от ЛТЯ является звуковые соответствия **нь** ~ **ч**: *ньяа* в.м. лит. *чаа* ‘новый’, *ньяңгыс* в.м. лит. *чаңгыс* ‘один, единственный’. Эту особенность тоджинского диалекта его носители передали цагаан-нурскому диалекту, поэтому она там проявляется спорадически.

В области морфологии тоджинский диалект отличается от ЛТЯ следующими чертами. Наличием губно-губных вариантов =ма // =па дательного падежа: *авампа*, лит. *авамга* ‘моей матери’, *кызымпа*, лит. *кызымга* ‘моей дочери’, *чембе*, лит. *чемге* ‘пище’, *эжимпе*, лит. *эжимге* ‘другу’, *холумпа* ‘моей руке’.

Направительный падеж отличается от ЛТЯ восемью вариантами аффикса =гыды // =гиди, =гуду // =гүдү, =кыды // =киди, =куду // =күдү, подчиненных закону гармонии гласных и сочетаемости согласных тувинского языка.

В последнее время наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа *дытче* // *дыттыва* // *дыткыды* ‘к лиственнице’, что обусловлено влиянием литературного языка.

Форма ослабления качества прилагательных =ыйг: *быъжший* или *быъжшийак*, лит. *быъжыыг* ‘довольно прочный’, *баъжий* или *баъжийак*, лит. *баъгаай* ‘довольно плохой’, восходящая к древнетюркскому аффиксу =кыйа со значением уменьшительности, сближает тоджинский диалект с рядом говоров (эрзинско-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским) центрального диалекта, а также кобдоским говором и цагаан-нурским диалектом.

Использование древнеуйгурской формы разделительного числительного на =ar/=er сближает тоджинский диалект с цагаан-нурским: *Бирер хүн исиг, бирер хүн соок час чаар*, ‘в один день жарко, в другой (букв. один) день идёт холодный дождь’; *Чаңгызар-чаңгызар кылдыр олуруп албаңар* ‘Не садитесь по одному’. Из сибирских тюркских языков он отмечен в тофаларском, а также в хакасском языках. Таким образом, древняя форма разделительного числительного на =ar/=er сохранилась как реликтовое явление в тоджинском и цагаан-нурском диалектах, составляя отличительную особенность этих двух изолированных территорий.

Отмечается параллельное функционирование форм составных числительных в тоджинском и цагаан-нурском диалектах: а) в виде

стяженной сложной основы, где второй компонент, указывающий на десятки, подчиняется закону гармонии гласных и сочетаемости согласных как в ЛТЯ – *дөртен* ‘сорок’, *бежен* ~ [печён] ‘ пятьдесят’; б) в виде стягивающейся формы с ударением на последнем слоге, где сохраняется фонетический облик десятки, – *дөртөн* ‘сорок’, *бешён* ‘пятьдесят’. Данная черта сближает тоджинский с цагаан-нурским диалектом. Вторая форма сложного числительного, где сохраняется фонетический облик аналитического числительного *бешён* ‘пятьдесят’, сближает тоджинский диалект с тофаларским, уйгур-урянхайским языками и с языком жёлтых уйгур.

В настоящее время в тоджинском, тере-хольском диалектах наблюдается постепенное вытеснение синтетической древней общетюркской формы условного наклонения *бар=са=м* литературной формой *болзумза*.

Диалект также отличает от ЛТЯ и других диалектов преимущественное употребление формы прошедшего времени =*чык*, стяжение аналитических глагольных форм типа *чикаакан* в м. *чип каакан*, специфические частицы *һала*, *хайды*.

В области лексики характерна разветвленная охотничье-рыболовная лексика, лексика оленеводства, проявляющие общность с тофаларским, сойотским, уйгур-урянхайским языками, а также с тере-хольским и цагаан-нурским диалектами.

Для тоджинского диалекта свойственны названия водоплавающих птиц. Приведем названия, которые удалось соотнести с названиями этих птиц на русском языке: *кара боостаалыг онгук, онгук, үңгүк* ‘чернозобая гагара’; *кара балыкчы, балыкчы* ‘большой баклан’; *ак коонгук, түлен* ‘большая белая цапля’; *бора коонгук, кыткылык* ‘серая цапля’; *дыйылаар кас, дыйылаашпай* ‘пискулька’; *черлик өдүрек, чыргырааш өдүрек, бос* ‘кряква’; *сыгырар сиргей, чыргыраа* ‘чирок-свистунок’; *чаптыг өдүрек, тоймаш, доймаш* ‘косатка’; *бора өдүрек (боракишин, баракчын)* ‘серая утка’; *шивегей кудурук, хыл-кудурук, шииш-кудурук* ‘шилохвость’; *сиргей, чергий-өдүрек* ‘чирок-трескунок’, *калбак думчук, хурең-ала* ‘широконоска’, *үвүргей шымнырак*

(*кара-шар*) ‘хохлатая чернеть’; *моң-баштыг* (*каас-ала, тычыгыр-ала*) ‘обыкновенный гоголь’; *улуг даргат, дархат* ‘большой крохаль’, *шишкиши* (*шээшкиши*), *балык-тевер* ‘скопа’; *хураган дег эдер дылбый, баалаар-дылбый, дыспый* ‘бекас’; *даргый, ыргак-думчук* ‘большой кроншнеп’; *ак-кускун, хайлах* ‘серебристая чайка’, *хараалчыгай, суг бора-хөкпежи, (дедей-куш)* ‘оляпка’.

Половозрастные названия оленей отличают диалект от ЛТЯ, в то же время сближая его с тофаларским языком, цагаан-нурским диалектом: *иви* ‘олень’, *мынды* ‘важенка, олень-самка’, *чары* ‘бык, олень кастрированный’, *эдер-буха* ‘бык, олень-самец’, *даспан //доңгур (<дөңгүр)* ‘годовалый олень’, *куудай* ‘двухлетний олень-самец’, *дуңгуй* ‘двухлетний олень-самка’, *бир дүктүг мыйыс* ‘трехлетний олень-самец’, *ийи дүктүг мыйыс* ‘четырёхлетний олень-самец’, *үш дүктүг мыйыс* ‘пятилетний олень-самец’, *хокаш* ‘оленок’.

В области синтаксиса употребление древнего вспомогательного глагола *бол=* вместо *тур=* в составных именных сказуемых: *ынчан 2 харлыг болдум* *вм. лит. ынчан 2 харлыг турдум* ‘тогда мне было 2 года’ характерно для тоджинского диалекта, от него перешло в цагаан-нурский диалект.

Таким образом, тоджинский диалект вычленяется на основе диалектных отличий от ЛТЯ в области фонетики, лексики, морфологии. Вместе с тем он сохраняет близость с цагаан-нурским диалектом, передав свои характерные черты вновь образовавшемуся диалекту тувинского языка. Особенности тоджинского диалекта в области морфологии и лексики сближает его с тофаларским, хакасским, уйгур-уряньхайскими языками, они, в свою очередь, унаследованы от древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского языков. Меньше всего диалектных черт произошло от контактирующих языков.

5.4.3. Зарубежные диалекты

Зарубежные диалекты распространены на отдельных значительно отдаленных друг от друга территориях Монголии и Китая: *алтайский диалект*, куда входят *цэнгэльский, кобдоский, китайский говоры и селенгинский подговор*. Кобдоский говор отделился от китайского 70-80 лет тому назад, но сохранил больше архаичных черт, поэтому его нужно считать материнским. От цэнгэльского говора отделился селенгинский подговор.

Вторым зарубежным диалектом можно признать язык тувинцев Цагаан-Нура, который также отделился от тоджинского (северо-восточного) и терехольского диалектов 60-70 лет тому назад. Его мы называем *цагаан-нурским диалектом* тувинского языка. Он образовался в результате как дивергентного, так и конвергентного развития идиом тувинского языка, в нем также присутствуют результаты маргинальных контактов.

Алтайский диалект распространен среди небольших этнодисперсных групп тувинцев, проживающих в Монголии и Китае, по западной и восточной сторонам Китайского Алтая. На исконных местах проживания этнических тувинцев продолжают жить тувинцы сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии (северо-западная часть Монголии, граничащая с Горным Алтаем на севере, с Синцзянь-Уйгурским автономным районом Китая на западе), тувинцы Китая (север Синцзянь-Уйгурского автономного района, на границе Китая с Казахстаном, Россией и Монголией). Алтайский диалект делится на китайский, цэнгэльский, кобдоский говоры (прил. 1, карта 11).

Впервые статус идиом зарубежных тувинцев определяется в общей системе диалектов и говоров тувинского языка. До сих пор они представлялись как единое целое, так как не было достаточных сведений о них.

Алтайский диалект имеет следующие отличительные черты по сравнению с ЛТЯ.

В области фонетики спорадическое проявление фарингализации характерно для алтайского диалекта, за исключением кобдоского говора, а также для цагаан-нурского диалекта, что обусловлено разными причинами: этнической и языковой ассимиляцией у части носителей АД, междиалектными контактами как следствие дивергентного и конвергентного происхождения цагаан-нурского диалекта.

Состав согласных фонем диалектов и говоров полностью идентичен аналогичной системе ЛТЯ. Между гласными в положении между сонорным и гласным сохраняются глухие согласные в АД, т. е. не отмечается чередование *с // з*.

Во внутренних диалектах и говорах отсутствует **ч** в ауслауте и не полностью освоено произношение **ц** их носителями, тогда как в АД его носители полностью освоили произношение **ч** в ауслауте и **ц** в заимствованиях, что объясняется освоением артикуляционно-акустической базы монгольского языка. Аффриката [ц] произносится как в языке-источнике теми, у кого сбалансированный высокий уровень тувинско-монгольского, русско-тувинского билингвизма.

Аллофоны [æ], [ү], [ö], которые являются дифференциальными признаками речи монголоязычных тувинцев Нарына, Качыка Эрзинского кожууна Тувы, Монголии и Китая от ЛТЯ, в то же время интегральным их признаком; аллофоны [ü], [ö] встречаются спорадически в составе как заимствований, так и исконной лексики. Аллофон [æ] чаще всего встречается в заимствованиях из монгольского и казахского языков, поэтому совершенно очевидно, что он контактного происхождения. Произношение долгого [a:] в слове *аайтыр* 'говорить' и других случаях в начале слова является характерной особенностью и интегральной чертой, объединяющей АД с западным диалектом тувинского языка.

Стабильное произношение глухого согласного *с* после сонорных согласных *г, л, м, н, р* характерно для носителей алтайского диалекта: *алсын* вм. *алзын* 'пусть возьмет', *амса* вм. *амза* 'пробуй' (ср. монг. *амс*), *барса* вм.

барза ‘если пойдет’. Спирант *с* сохраняется в аффиксе ослабленной степени прилагательных =*сымаар*, в форманте 3-го лица повелительного наклонения =*сын* и условного наклонения =*са*.

В алтайском диалекте (АД) наблюдается тенденция сужения широких гласных в разных позициях, что отличает его от ЛТЯ.

Долгие гласные, образованные в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного в АД, произношение долгого [а:] в анлауте в слове *айтыр* ‘говорить’ является дифференциальной чертой для всего АД, в то же время сближает его с западным диалектом.

В АД и цагаан-нурский диалекты русизмы проникли через монгольский или при маргинальных непосредственных контактах, поэтому закономерности их фонетического освоения отличаются от ЛТЯ.

В области грамматики при обозначении группы людей появляется форма слова, где к основе имени существительного прибавляется аффикс множественного числа монгольского языка =*чууд* (и его варианты): *баячит* < *бай* + *чит* ‘богачи’, монг. *баячууд*, *чалычит* < *чалыы* + *чит* ‘молодёжь’, монг. *залуучууд*; к этой основе одновременно может присоединиться общетюркский аффикс множественного числа =*лар*: *чалыы=чит=тар* ‘молодёжь’, *мал=чы=t=тар*. Данная форма множественности сближает АД с якутским языком.

Использование лексико-семантического диалектного слова *кылын* вместо лит. *хөй*; парные слова с начальным *м* второго компонента: *хой-мой* ‘овцы’, *кино-мино* ‘кино всякое’, *шола-мола* ‘клички всякие’ характерны для всего АД.

АД свойственны аналитические глаголы с нестяженным вспомогательным глаголом *хайныр* ‘кипеть’ как полифункциональной формы: *кур-кур кайныр* ‘гудеть’. Эту полную полифункциональную форму аналитического глагола со вспомогательным глаголом *хайныр* нужно считать отличительной чертой АД от ЛТЯ и других диалектов и говоров.

Значение орудия действия, передаваемое родительным падежом при помощи послелога *биле* в ЛТЯ, в АД передается его полной формой послелога *билен*.

Для алтайского диалекта характерен орудный падеж с аффиксом *=нан* (варианты: *=нен*, *=тан* // *=тен*, *=дан* // *=ден*) со значением ‘с; при помощи, вместе с’: *теве=нен көжер* ‘перекочёвывать при помощи верблюдов’.

Аффикс *=че* // *=же* отсутствует в АД, вместо него широко используется послелог-аффикс *=гуду* // *=куду* и послелог *куду*.

Порядковые числительные образуются при помощи присоединения к количественному числительному древнеуйгурского аффикса *=нчы* // *=нчи*, *=нчу* // *=нчу* с соответствующими по сингармонизму промежуточными гласными: *дөртүнчү* ‘четвертый’, *чединчи* ‘седьмой’, *тозунчу* ‘девятый’, *аьлдынчы* ‘шестой’.

При помощи прибавления к количественным числительным общетюркского аффикса *=ча* // *=че*, *=же* образуются приблизительные числительные. Характерно указательное местоимение *дээ* вм. лит. *доо* ‘вон тот’.

Преимущественное использование вспомогательного глагола *чыт=* вместо *тур=*: *бижип чыт* вм. лит. *бижип тур* ‘пишет’, что характерно для сибирских тюркских языков, подвергшихся кыпчакизации древнекыргызским языком.

Функционируют разные древние формы условного наклонения: *болсам* наряду с формой *бол=дум=са*; форма *и=се*, зафиксированная в 1970-х годах в фольклорных записях, – они являются реликтовыми формами, сохранившимися от древнетюркского языка.

Аффикс *=к* как форма первого лица множественного числа прошедшего времени на *=ды*: *кел=ди=к* ‘мы пришли’ сближает АД с огузскими языками.

Аффикс *=аакай* в форме первого лица множественного числа повелительного наклонения: *кел=ээкей* ‘придем-ка’; стяженные формы частиц *ёң*, *гин* > *иргин* являются собственно диалектными чертами.

В области лексики АД отличается заимствованиями из монгольского языка, отсутствующими в ЛТЯ; заимствованиями из русского языка, имеющими несколько иной фонетический облик, чем в ЛТЯ; заимствованиями из других контактирующих языков – алтайского, казахского и китайского; собственными диалектными словами, лексико-семантическими вариантами слов.

В области синтаксиса фиксируются отсутствие личного оформления именного сказуемого: *мен тыва* вм. *мен тыва киж*и *мен* или *мен тыва мен* ‘я тувинец // тувинка’; использование модели *=арда* вм. *=арга* в полипредикативных темпоральных конструкциях общевременной соотнесенности: *чедип кэ=эр=де*, *сура-=ар бис* вм. лит. *чедип кэ=эр=ге*, *айтыр=ар бис* ‘спросим, когда придет’.

Несмотря на общие отличительные черты АД от ЛТЯ, в то же время между говорами самого диалекта также существуют различия.

Китайский говор характеризуется рядом особенностей на всех уровнях языка в отличие от других говоров данного диалекта. Отмечено спорадическое проявление фарингализации: отсутствие в односложных словах *ат* ‘лошадь’, *эт* ‘мясо’, но сохранение в двусложных словах *чеддер* ‘дойти’, *баьдар* ‘спуститься’; одни информанты четко произносили фарингализованные гласные, другие вовсе не могли произносить.

Спорадический характер фарингализации в китайском говоре алтайского диалекта тувинского языка обусловлен двумя факторами: влиянием близкородственного казахского языка, а также наличием в составе тувинцев Монголии и Китая ассимилированных этнических групп алтайцев. Проявление последовательной губной гармонии по широкому гласному в трёхсложных словах *өрөмө*, *өрөгө* также можно считать алтайским влиянием в языке тувинцев Китая.

В говоре функционируют две древние формы аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа имен, унаследованных от древнетюркского *йңіз* // *йбїз*; а также сочетанием соответствующего аффикса единственного

числа с аффиксом =лар: *-(i)бар*, *-(i)ңар*. В этом китайский говор стоит в одном ряду с киргизским, алтайским, тофаларским и шорским языками.

Словообразовательные аффиксы а) =ча со значением ‘язык’: *могол=ча* ‘монгольский язык’, *казах=ша* ‘казахский язык’, *кыдат=ча* ‘китайский язык’; б) =хана в слове *доктурхана*; в) =стан в слове *Тувистан*, г) продуктивного аффикса именного отрицания =сыз: *долук=суз* ‘неполный’; д) продуктивного аффикса именного словообразования =тык *сускундук* в м. *сускун* ‘напиток’, *орундук* в м. *сандай* ‘табуретка, стул’, *касандык* в м. *печка*, *суугу* ‘печка’ отличает китайский говор от других говоров АД.

В китайском говоре аффикс принадлежности присоединяется уже к стяженной форме *оол=ум*, *оол=уң*, *оол=у*, т. е. не восстанавливается выпавший сверхслабый г. Спорадически применяется одна из древнетюркских форм =ыңыз, что обусловлено влиянием казахского языка и является инновационным явлением в данном говоре.

Выявлены алтайские заимствования *дашуур* ‘маленький кожаный сосуд для араки’, *мылча* ‘баня’; маргинальные контакты со староверами также оставили свой след в китайском говоре в виде заимствований *утюк* ‘утюг’, *парен* ‘варенье’. Говор отличается большим количеством заимствований из казахского языка: *хазыр* ‘сейчас’, *саяхат* ‘путешествие, туризм’, *саяхатчы* ‘путешественник, турист’, *теңге* ‘деньги’ и др., меньше всего из китайского: *май=ла* ‘заниматься бизнесом, сдавать в аренду’, *пен* ‘класс’, *лоюнча* ‘магнитофон’.

Цэнгэльский говор отличается от других говоров АД и от ЛТЯ следующими чертами.

Спорадический характер фарингализации в цэнгэльском и китайском говорах алтайского диалекта тувинского языка обусловлен двумя факторами: влиянием близкородственного казахского языка, а также наличием в составе тувинцев Монголии и Китая этнических групп алтайцев, ассимилированных тувинскими племенами и полностью перешедших на тувинский язык.

Названия купюр строятся в цэнгэльском говоре при помощи общетюркского аффикса $=лык$, присоединяемым к основам имен числительных: *бирлик* ‘один тугрик’, *бештик* ‘пять тугриков’, *оннук* ‘десять тугриков’, *үштүк* ‘три тугрика’, *чээрвилик* ‘двадцать тугриков’, *чүстүк* ‘сто тугриков’.

В ЛТЯ можно строить форму только в последовательности: основа существительного + аффикс множественного числа + аффикс принадлежности (N=PL=POSS.), например, *акы=лар=ым* ‘мои братья (букв. братья=мои)’. Как видно, значения ‘мой брат и с ним ещё кто-то’ это сочетание не передает. Поэтому форма N=POSS=PL *аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’ является отличительной особенностью цэнгэльского говора от всех остальных диалектов и говоров тувинского языка.

Спорадически проявляющееся фонетическое соответствие *ы* ~ *а* в анлауте местоимений: *ындыг* // *андыг* ‘такой’, *ында* // *анда* ‘там’, *ынчаар* // *анчаар* ‘такой’ отличает говор от всего АД, но в то же время сближает с западным диалектом, а также с алтайским языком.

В нем обнаруживается древнеуйгурская форма на $=мыш$, *огузский* аффикс $=к$ 1 л. мн. ч. условного наклонения. Он имеет два других способа образования формы условного наклонения

Кобдоский говор отделился от китайского говора в 1930–1940-х гг.

Ш. Ч. Сат и З. Б. Чадамба считают, что аффикс $=к$ уду развился из самостоятельного слова *куду* ‘вниз’ [Сат 1968: 117; Чадамба 1974: 98], что и демонстрируют кобдоский и китайский говоры.

Направительный падеж в кобдоском говоре представлен аффиксом $=г$ уду, $=к$ уду, который не имеет варианта с мягким гласным. В речи пожилых людей встречается аффикс $=ды$ ва // $=ды$ ве (его варианты $=ду$ ва // $=ду$ ве, $=ты$ ва // $=ты$ ве, $=ту$ ва // $=ту$ ве).

Кобдоский говор показывает вариативность в образовании формы условного наклонения. Он образуется с помощью аффикса недавнопрошедшего времени $=ды$ – к нему добавляется показатель лица и

после этого стоит аффикс =са: *мен бер=ди=м=се* ‘если отдам’, *сен бер=ди=ң=се* ‘если отдашь’, наряду с древней формой *бар=са=м* ‘если пойду’.

По сравнению с цэнгэльским кобдоский говор сохранил больше архаичных черт и меньше его подвергся инновациям.

В остальных тюркских языках Сибири используется местоимение *не*, которое, на наш взгляд, сохранилось в АД в составе союза *немезе* ‘или, если не’, который произошел путем стяжения местоимения *не* и отрицательной формы вспомогательного глагола *э= + эмезе > не + э=мес+ зе > не + э=мес+ изе*.

Сближается с китайским говором наличием стяженной частицы *ёң*: *чой баар ёң*, лит. *чоруй баар ыйнаан* ‘наверняка уйдёт’.

Из всех говоров алтайского диалекта кобдоский говор не подвержен инновационным явлениям под влиянием казахского языка, поэтому мы считаем его материнским говором.

Алтайский диалект проявляет значительное число отличных от ЛТЯ черт, в то же время отдельные черты сближают его с некоторыми внутренними говорами и диалектами. Многие черты являются рудиментами древних форм: древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского; имеются следы маргинальных языковых контактов с монгольским, китайским, русским, алтайским и казахским языками.

Цагаан-нурский диалект получил свое название от названия сумона, где проживают основные его носители. Это не единственное место в Восточных Саянах, где проживают тюркоязычные племена.

Из имеющихся тюркологических исследований известно, что на Восточных Саянах островками проживают несколько тюркоязычных родоплеменных групп. По данным дореволюционных путешественников [Потанин 1883; Грумм-Гржимайло 1914], исторических источников [История Тувы т. I], этнографических [Санжеев 1930; Вайнштейн 1972; Маннай-оол 1995; 2004] и лингвистических исследований [Рассадин 1971, 2013; Болд

1978; Рагагнин 2011; Бавуу-Сюрюн 2011], выделяются *урянхай*, *тофалары* (*тофа*), *сойоты*, *дархаты*, *уйгуры-цаатаны*, *уйгуры-урянхайцы*, *туха*, *туһа*, *тувинцы*. В разных работах иногда одному и тому же идиому даются разные названия. Поэтому для уточнения объекта исследования данной части диссертации кратко остановимся на этом вопросе.

В целях более точного понимания объектов и территорий исследования Восточные Саяны мы разделяем на две части: Северо-Восточные и Юго-Восточные. В настоящее время на Северо-Восточных Саянах с российской стороны проживают *тофалары* (*тофа*) – на границе Тувы с Иркутской областью и *сойоты* – на территории Окинского района Бурятии на границе с Монголией.

На восточной стороне озера Хубсугул живут *туһа* (по Л. Болду и Рассадину, уйгуры-урянхайцы), среди которых владеют своим родным языком не более 20 человек из 1500 (у Э. Рагагнин по результатам экспедиции 2009 года – около 50 человек) [Рагагнин 2011: 141].

В Монголии вокруг озера Хубсугул на территории одноименного Хубсугульского (Хөвсгөл – на монгольском) аймака тюркоязычные родоплеменные группы живут небольшими группами среди дархатов, которых почти до начала XX века делили тюркоязычных и монголоязычных [Санжеев 1930: 12-13; Маннай-оол 1995]. Во время экспедиции 2013 и 2014-х годов в сумонах Хатгал и Улаан-Уул среди *дархатов* встречали отдельных информантов, которые утверждали, что их родители говорили на другом языке, а сами вспоминали и называли отдельные тюркские слова: счет от одного до десяти, личные местоимения, простые глаголы. О тюркских корнях отдельных представителей дархатов свидетельствовали также их родоплеменная принадлежность, это были представители родов *чооду*, *куулар* (на монгольском – *чоод*, *хуулар*). О тюркских корнях нынешних дархатов Монголии в свое время также писал Г. Д. Санжеев [1930]. По данным указанных исторических исследований и информантов, с которыми мы встречались в период экспедиций 2010–2014 гг., обширная территория

Прихубсугулья к концу XIX и началу XX в. была в основном тюркоязычной. Полная языковая ассимиляция нынешних монголоязычных дархатов произошла окончательно к 1960–1970-м гг., поэтому в настоящее время дархатов уже нельзя относить к группе тюркоязычных.

На отрогах Юго-Восточных Саян как с монгольской, так и с российской стороны живут *тувинцы*. Российских тувинцев называют *тувинцами-тоджинцами*, а тувиноязычных граждан Монголии *цаатанами*, их язык – *уйгур-цаатанским*.

Таким образом, в настоящее время тюркоязычными жителями Восточных Саян являются *тофалары, сойоты, тувинцы-тоджинцы* с российской стороны, а с монгольской стороны – *тувинцы* Цагаан-Нура и *уйгур-урянхайцы*, то есть носители *языка туха*.

Благодаря усилиям В. И. Рассадина больше всего исследован тофаларский язык [1971; 1978; 2016]. Стоит особо отметить вышедший в 2016 г. тофаларско-русский словарь, куда вошел весь полевой материал, собранный автором в течение многих лет. Монгольский ученый Л. Болд исследовал особенности уйгур-урянхайского языка [Болд 1978]. Вышла монография Э. Рагагнин о языке *духа* северной Монголии [2011]. Увидела свет монография В. И. Рассадина «Язык сойотов Бурятии» [2012]. Э. Раганин вслед за В. И. Рассадиным язык *духа* (цагаан-нурский диалект. – М. Б-С.) считает таёжным диалектом тувинского языка, а *туха* (уйгур-урянхайский, по Л. Болду и В. И. Рассадину) степным диалектом тофаларского языка [2010: 141]. В отношении языка *духа*, то есть языка тувинцев Цагаан-Нура, точка зрения Э. Рагагнин не вызывает возражения.

И. В. Кормушин в тобаской группе языков выделяет как один язык «язык *туха*, или *уйгуро-урянхайский*, или язык *цатанов* (наименование тувинцев монголами)» как синонимы [СИГТЯ. Региональные реконструкции 2002: 600], что в некотором роде ошибочно. Таким образом, видно, что тюркские языки Восточных Саян исследованы неравномерно, имеются противоречия, неточности в их названии и классификации.

Как видно, в работах монголистов обязательно присутствуют этнонимы *уйгур* и *урянхай*. Монголы также тюркоязычные племена вокруг озера Хубсугул называют общим именем *уйгур*.

Язык тувинцев Цагаан-Нура, который начал формироваться в результате языковых контактов носителей двух разных диалектов тоджинского (северо-восточного) и тере-хольского диалектов 50-60 лет тому назад (прил. 1, карта 12). Его мы называем *цагаан-нурским диалектом* тувинского языка, продолжая территориальный принцип номинации диалектов и говоров тувинского языка.

Диалект распространен на территории сумона Цагаан-Нур Хубсугульского аймака, в северо-западной части оз. Хубсугул, у оз. Цагаан-Нур (Ак-Хөл), у истоков р. Каа-Хем (Малого Енисея). Основных мест проживания на территории самого сумона (это достаточно обширная территория восточной тайги) три: в самом сумонном центре и его окрестностях; в Восточной тайге и Западной тайге по 25-30 семей.

Основные тюркоязычные родоплеменные группы, зафиксированные в монгольской части юго-восточных Саян в сумонах Улаан-Уул, Цагаан-Нур, Ринчен-Лхумбе – *соян, балыкшы, чооду, урат, хөйүк, иргит, хуулар*. Эти же родоплеменные группы проживают в приграничных с Монголией районах Тувы: *балыкшы, урат, хөйүк* – в Тоджинском, *балыкшы, урат, иргит* – в Тере-Хольском, *чооду* – в Эрзинском, *соян* – в Тес-Хемском кожуунах. Родоплеменные группы *ак соян, кызыл соян* живут также в сумонах Буянт Кобдоского, Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймаков Монголии, у тувинцев Китая. У всех этих родоплеменных групп прослеживаются единые фольклорные корни. Таким образом, можно утверждать, что язык цаатанов (так их называют монголы) является составной частью тувинского языка, родного языка единого этноса *тыва* [дыгва]. Выходцы из Тоджи и Кунгуртуга до сих пор помнят своих родственников в Туве и связываются с ними по телефону, а во времена, когда пограничный режим не был усилен, могли общаться на общих территориях охоты. Исходя из лингвистических данных, недавней

истории отделения этой группы тувинцев, самосознания, их этнической самоидентификации, не стоит классифицировать их язык как самостоятельный, а как один из зарубежных диалектов тувинского языка наряду с алтайским диалектом тувинского языка, распространенного на территории северо-западной Монголии и Китая.

Поскольку идиом возник на базе слияния двух отпочковавшихся групп тоджинского и кунгуртутского диалектов, он сохраняет присущие каждому из них черты. Это обусловлено тем, что в составе носителей идиома есть как таёжные, так и речные тоджинцы. Речные тувинцы являются выходцами из с. Салдам, Доора-Хем Тоджинского района, а таёжные – с таёжных вершин Белим, Өдүген. Они все на сегодня являются жителями Восточной тайги.

Жители западной тайги – выходцы из Тере-Хольского кожууна, центром которого является с. Кунгуртут. Они сохранили исконное произношение данного топонима как *Хун-Хурту* ‘солнечный пропеллер’, выводя его этимологию из тувинского языка. То, что они объединились в одном месте, но ещё не выработали единые произносительные нормы, видно по тому, как они произносят слово [ʰожу]: [ʰочу], [ʰодьу], [ʰодьи]. Они сохраняют различия, особенно в области фонетики. По этой причине можно было бы выделить два говора: восточный и западный (по самоназванию носителей говора *барыын тайга кишиси* ‘человек западной тайги’, *чөөн тайга киййиси* ‘человек восточной тайги’). Особенности диалекта чаще проявляются как вариативные формы.

Спорадический характер фарингализации является особенностью диалекта. Он обусловлен составом носителей диалекта: выходцы из Тоджи, особенно представители речного диалекта, фарингализованные гласные произносят четко, выходцы из Тере-Холя не произносят фарингализованные гласные.

Второй отличительной чертой цагаан-нурского диалекта является произношение абсолютным большинством носителей глухих или сильных придыхательных согласных в интервокальном положении, что объединяет

его с тере-хольским диалектом: *көхей* в.м. лит. *көввей* ‘много’, *тахый* в.м. лит. *даьгын* ‘снова’, *көшер* в.м. лит. *көъжер* ‘переезжать’.

Соответствие *ч* ~ *ж* в анлауте: *бечен* в.м. лит. *бечен* ‘пятьдесят’, *ачыг* в.м. лит. *ажыг* ‘горький’, *бучар* в.м. лит. *бужар* ‘очень’. Явление отмечается как отличительная черта от ЛТЯ и в тере-хольском диалекте.

Широкий гласный переднего ряда *äнги* ‘класс’, *äмтан* ‘живое существо’ в анлауте заимствований из монгольского языка сближает диалект с эрзинско-тес-хемским говором и алтайским диалектом.

Наличие дифтонга *чäин* ‘летом’, *хäиндырар* ‘варить’, *дäин* ‘война’ сближает диалект с тоджинским и алтайским диалектами, в то же время отличает от ЛТЯ.

Последовательное соответствие *й* ~ *ч* в анлауте: *йоонган* в.м. лит. *чоонган* ‘что случилось’; *нъ* ~ *ч* в анлауте: *нъаа йер* в.м. лит. *чаа чер* ‘новое место’, *нъаңгыс* в.м. лит. *чаңгыс* ‘один’. Данное явление характерно также для тоджинского диалекта, вернее, привнесено носителями тоджинского диалекта.

Ударение на первом слоге в утвердительном ответе *ййе* ‘да’ объединяет диалект с тере-хольским и тоджинским диалектами, в то же время противопоставляет ЛТЯ и другим диалектам.

В области морфологии цагаан-нурский диалект отличается от ЛТЯ следующими чертами.

Употребление двойного показателя множественности, состоящего из монгольского и тюркского показателей, является отличительной особенностью языка тувинцев Цагаан-Нура, что сближает его с алтайским диалектом. Тем самым двойной показатель множественности, объединяя зарубежные диалекты, в то же время дифференцирует их от ЛТЯ и внутренних диалектов, кроме эрзинско-тес-хемского говора. Этот отличительный диалектный признак, так же как и широкий гласный переднего ряда в анлауте, – результат влияния монгольского языка.

В цагаан-нурском диалекте параллельно используются три формы: =че // =же, =дыва // =дыве, =гуду // =куду, что свидетельствует о большой вариативности, обусловленной составом носителей данного диалекта.

Форма ослабления качества прилагательных =ыйг: *быъжший* или *быъжшийак*, лит. *быъжсыыг* ‘довольно прочный’, *баъгший* или *баъгшийак*, лит. *баъгаай* ‘довольно плохой’, восходящая к древнетюркскому аффиксу =кыйа со значением уменьшительности, сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским диалектом и рядом говоров (эрзинско-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским) центрального диалекта, а также кобдоским говором.

Использование древнеуйгурской формы разделительного числительного на =ar/=er сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским: *Бирер хүн исиг, бирер хүн соок час чаар* ‘в один день жарко, в другой (букв. один) день идёт холодный дождь’; *Чаңгызар-чаңгызар кылдыр олуруп албаңар* ‘Не садитесь по одному’. Таким образом, древняя форма разделительного числительного на =ar/=er сохранилась как реликтовое явление в цагаан-нурском диалекте, что сближает его с тоджинским диалектом, составляя отличительную особенность этих двух изолированных территорий. Из сибирских тюркских языков разделительное числительное на =ar/=er отмечен в тофаларском, а также в хакасском языках.

Отмечается параллельное функционирование форм составных числительных в цагаан-нурском диалекте: а) в виде стяженной сложной основы, где второй компонент, указывающий на десятки, подчиняется закону гармонии гласных и сочетаемости согласных как в ЛТЯ, – *дөртен* ‘сорок’, *бежен* ~ *печён* ‘пятьдесят’; б) в виде стягивающейся формы с ударением на последнем слоге, где сохраняется фонетический облик десятки – *дөртон* ‘сорок’, *бешон* ‘пятьдесят’. Данная черта сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским. Вторая форма сложного числительного, где сохраняется фонетический облик аналитического числительного *бешон* ‘пятьдесят’,

сближает данный диалект с тофаларским, уйгур-урянхайским языками и с языком жёлтых уйгур.

Синтетическая древнетюркская форма условного наклонения *бар=са=м* функционирует наряду с литературной формой *бар=зы=м=за* и в тоджинском, и в тере-хольском диалектах. Если в последних двух наблюдается постепенное вытеснение диалектной формы литературной, то данный диалект проявляет вариативность. Форма *бар=са=м* фиксируется во всех изолированных диалектах: тере-хольском, тоджинском, цагаан-нурском и алтайском.

Стяжение аналитических глагольных форм типа *чикаакан* в м. *чип каакан* 'съел', *чекээр* в м. лит. *чедип кээр* 'придёт', *беркаар* 'отдаст', сближает диалект с тоджинским, в то же время отличает от ЛТЯ.

В области лексики диалект сохраняет в полной мере лексику оленеводства, по сравнению с тоджинским и тере-хольским диалектами, которые уже начали утрачивать данный пласт лексики. Характеризуется наличием большого количества заимствований из монгольского языка, отсутствующих в ЛТЯ: *кадаагаты* в м. лит. *даштыкы* 'иностранный', *хелемечи* в м. лит. *очулдурукчу* 'переводчик', *анги* в м. лит. *класс* 'класс' и т.д.

Наблюдается диалектная лексика: *алажы өг* 'жилище конусообразной формы из жердей, покрытое брезентом', *соодаар* в м. лит. *чугаалаар* 'разговаривать', *кусук* в м. лит. *тоорук* 'кедровый орех', *сыстык* в м. лит. *сыртык* 'маленькая подушка, наполненная лечебными травами', *мөндүр* в м. лит. *долу* 'град'; лексико-семантические диалектные слова *ньеш* 'хвойный лес', *тайга* 'таёжное высокогорье', *тайга тазы* 'тундра с гольцами'; зафиксировано наличие разветвленной охотничье-рыболовной лексики.

В области синтаксиса отличается от ЛТЯ отсутствием личного оформления именного сказуемого: *мен тыва* в м. *мен тыва кижин мен* или *мен тыва мен* 'я тувинец // тувинка'. В то же время эта черта характерна для зарубежных диалектов тувинского языка.

Вспомогательный глагол *бол*= вместо *тур*= в составных именных сказуемых: *Увам ынчан Улаанбаатарда сургуул болган* в. лит. *Угбам ынчан Улаанбаатарга студент турган* ‘Сестра тогда в Улаанбаатаре была студенткой’; *13-түг болган мен* в. лит. *13-түг турган мен*. ‘Мне было 13’. Эта черта характерна также для тоджинского диалекта.

Диалект образовался в результате как дивергентного, так и конвергентного развития таёжных изолированных идиом тувинского языка. Поэтому многие диалектные черты сближают его то с тере-хольским, то с тоджинским диалектами. Древнетюркский аффикс =*кыйа* сближает диалект с центральным. Сложные числительные с негармонирующим вторым компонентом сближают с тофаларским, уйгур-урянхайским языками и с языком жёлтых уйгур. Древнеуйгурская форма разделительного числительного на =*ar*/=*er* сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским диалектом, а также с тофаларским и хакасским языками. В нем также присутствуют результаты маргинальных контактов с монгольским языком. Необходимо отметить большую вариативность в речи информантов, обусловленную составом носителей диалекта.

Выводы

Тувинский язык не проявляет четко противопоставленных диалектных черт, явно очерченных ареалов распространения этих различий. Поэтому диалектное членение тувинского языка проведено на основе совокупности лингвистических признаков. При выделении диалектов мы принимали во внимание различия в области фонетики, лексики, грамматики от ЛТЯ и других диалектов. Говоры выделены на основе сопоставления как с ЛТЯ, так и между говорами в составе одного диалекта. Но в то же время отдельные черты диалектов и говоров могут сближать их с другими диалектами и

говорами, зачастую далеко находящимися друг от друга территориально.

Таковы особенности местных разновидностей тувинского языка.

При проведении классификации диалектов учитывались экстралингвистические (административные, территориальные, природно-климатические, культурно-исторические, демографические и этнические) факторы.

Для удобства представления диалектной системы тувинского языка диалекты сгруппированы на *внутренние* и *зарубежные*. *Внутренние диалекты* делятся на центральный с дзун-хемчикским, эрзин-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским и тандынским говорами; западный диалект с бай-тайгинско-барун-хемчикским, монгун-тайгинским, кара-хольским говорами; тере-хольский, тоджинский; *зарубежные диалекты* делятся на алтайский с кобдоским, цэнгэльским, китайским говорами и цагаан-нурский диалект.

Кроме того, вводится понятие изолированных диалектов. Таковыми являются тоджинский, тере-хольский диалекты и кара-хольский говор, а также зарубежные диалекты.

Таким образом, в центральный диалект вошли говоры, характеризующиеся наличием фарингализованных гласных, отсутствием сильных придыхательных согласных в интервокальном положении. В нём отсутствуют древнетюркские формы условного склонения. Направительный падеж представлен двумя аффиксами =*че* и =*дыва*. Внутри говоры также выделяются рядом черт, противопоставленных литературному языку. С алтайским диалектом говоры сближают те черты, которые связаны с территориальными особенностями и природно-климатическими условиями местности, например лексикой охоты на сурка.

Западный диалект, отличаясь от ЛТЯ аканием, сохранившимся ещё от древнетюркского языка, необусловленными долготами в анлауте и инлауте, в то же время сближается с алтайским языком. Аналитические формы условного склонения, сохранившиеся от древнетюркского языка, сближают кара-хольский говор с алтайским диалектом. Лексика яководства сближает

его с цэнгэльским говором алтайского диалекта и овюрским говором центрального диалекта. Половозрастные названия сурка и лексика охоты на него, выделяющая монгун-тайгинский говор от остальных говоров западного диалекта, в то же время сближает его с алтайским диалектом, особенно с цэнгэльским и овюрским говором центрального диалекта. Особенности западного диалекта в области тематических групп лексики обусловлены природно-климатическими условиями территории его распространения.

Тоджинский диалект вычленяется на основе диалектных отличий от ЛТЯ в области фонетики, лексики, морфологии. Вместе с тем он сохраняет близость с цагаан-нурским диалектом, передав свои характерные черты вновь образовавшемуся диалекту тувинского языка. Особенности тоджинского диалекта в области морфологии и лексики сближают его с тофаларским, хакасским, уйгур-уряньхайским языками, они, в свою очередь, унаследованы от древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского языков. Меньше всего диалектных черт произошло от контактирующих языков.

Более ранние хронологические рамки даны В. М. Надеяевым в его известной работе «У истоков тувинского языка», где он убедительно доказывает, что жители Тувы были оторечены в древнеуйгурскую эпоху [Надеяев 1986: 62-63].

Мы можем только предложить в качестве дополнения и уточнения, что основу речи жителей центральной Тувы и тувинцев Северо-Западной Монголии, Китайского Алтая составлял какой-то единый язык, потому что в фонетическом плане язык тувинцев, проживающих в указанных территориях, более однороден. Эту территорию и занимали древние чики, которые были оторечены в древнеуйгурскую эпоху. А древнеуйгурским языком владели предки носителей нынешнего тере-хольского диалекта. В пользу такого предположения по лингвистическим признакам относим оппозицию сильных, слабых и сверхслабых согласных в тере-хольском диалекте. В нем сильные согласные встречаются не только в анлауте, но и в инлауте, что не

характерно для литературного языка. Эта языковая черта не поддается воздействию литературного языка. По экстралингвистическим данным можно указать на древнеуйгурскую крепость Пор-Бажың, которая находится на территории Тере-Хольского кожууна. Язык тере-хольцев близок к уйгур-урянхайскому языку. Исторически нынешняя территория Хубсугульского аймака Монголии принадлежала Туве, называлась Хаасутский хошун (прил. 1, карта 13). Монголы все тюркоязычные группы на этой территории называют уйгурами, а тувинцев – урянхай.

Алтайский диалект проявляет значительное число отличных от ЛТЯ черт, в то же время отдельные его черты сближают его с некоторыми внутренними говорами и диалектами. Многие черты являются рудиментами древних форм: древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского; имеются следы маргинальных языковых контактов с монгольским, китайским, русским, алтайским и казахским языками. Из всех говоров алтайского диалекта кобдоский говор не подвержен инновационным явлениям под влиянием казахского языка. Поэтому мы считаем его материнским говором.

Цагаан-нурский диалект образовался в результате как дивергентного, так и конвергентного развития таёжных изолированных идиом тувинского языка. Поэтому многие диалектные черты сближают его то с тере-хольским, то с тоджинским диалектами. Древнетюркский аффикс =*кыйа* сближает диалект с центральным. Сложные числительные с негармонирующим вторым компонентом сближают с тофаларским, уйгур-урянхайским языками и с языком жёлтых уйгур. Древнеуйгурская форма разделительного числительного на =*ar*/=*er* сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским диалектом, а также с тофаларским и хакасским языками. В нем также присутствуют результаты маргинальных контактов с монгольским языком. Необходимо отметить большую вариативность в речи информантов, обусловленную составом носителей диалекта.

Судьбы языков малочисленных кочевых близкородственных родоплеменных групп Центральной Азии, до сегодняшнего дня ведущих традиционный образ жизни, демонстрируют модели многовековых языковых контактов на исконных землях проживания. Примеры показывают, что языки малочисленных групп, оказавшись в иноязычной среде, ассимилируются быстрее, если это близкородственные народы со схожей материально-духовной культурой, например языки тувинцев Кобдо, Цагаан-Нура, Селенги, уйгур-урянхайцев; и дистанцируются, если духовная культура имеет существенные различия, например языки тувинцев Китая и Цэнгэла с казахами и уйгурами; тем не менее, близкородственные языки оказывают мощное влияние на язык меньшинства.

Языки могут подвергнуться полной языковой и этнической ассимиляции в течение столетия, например язык дархатов среди монголов, язык теленгитов – среди тувинцев Китая и Цэнгэла, Монгун-Тайги и т.д.; следы «побежденного» языка проявляются в виде субстратных явлений.

Таким образом, современные диалектные черты тувинского языка являются результатом как междиалектных, так и межъязыковых связей, развитием собственных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании представлена новая классификация диалектов и говоров, основанная на результатах исследований предшественников, а также на работах современных авторов. Большую долю материалов, привлеченных к анализу, составили наши собственные полевые записи, полученные в ходе многочисленных экспедиций в районы проживания этнических тувинцев.

Классификация основана на лингвистических признаках с учетом других экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и современное состояние диалектов и говоров.

В результате проведенного нами исследования выявлены интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Нами установлено, что по характеру и территориальному размещению на всем пространстве функционирования тувинского языка эти интегральные и дифференциальные признаки не образуют замкнутых ареалов. Поэтому диалектные черты одного говора или диалекта, выявленные по отношению к литературному языку, могут проявиться в совершенно другом диалекте или говоре, зачастую на очень отдаленных друг от друга территориях.

Таким образом, диалекты тувинского языка определены нами на основе интегральных и дифференциальных черт, проявившихся в совокупности на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, как по отношению к литературному языку, так и между диалектами. Минимально привлечен к анализу материал по синтаксису. Мы фиксировали только особенности функционирования грамматических форм.

Говоры определены нами на основе совокупных отличительных черт, проявившихся по отношению друг к другу в составе диалектов и по отношению к литературному языку.

При классификации диалектов приняты во внимание также экстралингвистические факторы, такие как:

- 1) природно-климатические условия, которые обуславливают хозяйственный тип и традиционный образ жизни (кочевой, полукочевой, оседлый; скотоводство, охота, рыболовство, земледелие, собирательство);
- 2) исторические условия функционирования местных разновидностей языка;
- 3) разные виды языковых контактов;
- 4) этнические контакты вследствие различных миграций населения, вплоть до этнической ассимиляции малочисленных групп пришлого населения;
- 5) культурно-духовные потребности: культура, образование, религия;
- 6) языковая политика государства по отношению к языкам меньшинств;
- 7) процессы глобализации: расширение возможностей коммуникации, социально-экономическая взаимообусловленность, что приводит к стиранию различий во многих областях жизни общества.

В работе диалекты тувинского языка разделены нами на *внутренние* и *зарубежные* на основе принципа территориального размещения. Внутренними считаются те диалекты, которые распространены в пределах России, Республики Тыва, сюда входит территория села Усинска Красноярского края. Зарубежные диалекты распространены на территориях двух соседних государств: Монголии и Китая.

Внутренние диалекты делятся на: центральный с дзун-хемчикским, эрзин-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским и тандынским говорами; западный диалект с бай-тайгинско-барун-хемчикским, монгун-тайгинским, кара-хольским говорами; тере-хольский, тоджинский диалекты. *Зарубежные* делятся на: алтайский диалект с кобдоским, цэнгэльским, китайским говорами и цагаан-нурский диалект.

По характеру возможностей коммуникации между носителями диалектов выделены *изолированные* диалекты и говоры.

По наличию и отсутствию письма на родном языке характеризует внутренние диалекты как функционирующие наряду с литературной письменной формой языка, а зарубежные диалекты – при отсутствии письменности, кроме цэнгэльского говора, где только в конце XX века началось обучение на тувинском языке в начальной школе.

В ходе проведенного исследования выявлены причины, обусловившие появление интегральных и дифференциальных признаков диалектов и говоров.

Определены ареалы распространения наиболее характерных диалектных черт. Они представлены на различных картах в прил. 1.

В результате работы установлены относительная хронология и пути формирования диалектов и говоров тувинского языка.

Что касается младописьменного тувинского языка, то здесь трудно установить временные границы формирования его диалектов. Мы определили временные рамки, в которых были заложены современные диалектные черты тувинского языка, опираясь на труды известных тюркологов Н. А. Баскакова, Е. И. Убрятовой, В. М. Надеяева.

Так, В. М. Надеяев убедительно доказал, что жители Тувы были отюречены в древнеуйгурскую эпоху. Хронологические рамки, предложенные автором, мы принимаем как более ранние [В. М. Надеяев «У истоков тувинского языка»].

Мы можем только выдвинуть, в качестве дополнения и уточнения, гипотезу, что основу речи жителей центральной Тувы и тувинцев Северо-Западной Монголии, Китайского Алтая составлял какой-то единый язык, потому что в фонетическом плане язык тувинцев, проживающих в указанных территориях, более однороден. Эту территорию и занимали древние чики, которые и были отюречены в древнеуйгурскую эпоху. А тем древнеуйгурским языком, как нам видится, владели предки носителей нынешнего тере-хольского диалекта. В пользу такого предположения в лингвистическом плане говорит оппозиция сильных, слабых и сверхслабых

согласных в тере-хольском диалекте. В этом диалекте сильные согласные встречаются не только в анлауте, но и в инлауте, что не характерно для литературного языка. Эта языковая черта не поддается воздействию литературного языка.

К экстралингвистическим факторам, в объяснение нашего предположения, относим древнеуйгурскую крепость Пор-Бажың, которая находится на территории Тере-Хольского кожууна. Язык тере-хольцев близок к уйгур-урянхайскому языку. Исторически нынешняя территория Хубсугульского аймака Монголии принадлежала Туве, называлась Хаасутский хошун (см. прил. 1, карта 13). Монголы все тюркоязычные группы на этой территории называют уйгурами, а тувинцев – урянхай.

Самыми яркими маркерами диалектов и говоров являются рудименты древних языков: языка орхоно-енисейских памятников, древнеуйгурского, древнекыргызского языков.

Кыпчакские элементы, сохранившиеся от древнекыргызского языка, были внесены в годы правления древних кыргызов в IX–XII веках на всей территории Центральной Азии.

Далее хронологически на территории центральной Азии господствовал монгольский язык. Тувинский язык в целом подвергся мощному влиянию старописьменного монгольского языка в более позднее время.

Сравнение языковых материалов литературного языка и диалектов показывают черты письменного монгольского и следы маргинальных контактов в диалектах. Поскольку нет письменных памятников на тувинском языке, историю формирования диалектов и говоров можно проследить только по языковым материалам, определяя их относительную хронологию. Сложные слова, аналитические грамматические формы дают разную степень стяженности форм слов. Фонетические явления, приведшие к изменениям в структуре слова, также определяются как разные этапы развития явления. По ним определена по возможности относительная хронология языковых явлений.

Диалекты и говоры характеризуются как сохранившимися из древнеуйгурского, древнекыргызского, древнегузского языков реликтовыми чертами, так и инновационными чертами, появившимися под влиянием языковых контактов разного уровня. Наиболее поздними являются алтайские, казахские, китайские заимствования. Русизмы проникали в диалекты и говоры также разными путями: непосредственными маргинальными и опосредованными языковыми контактами. Диалектные черты, сформированные в результате поздних языковых контактов, имеют абсолютные хронологические рамки, – это начало XX века.

Таким образом, современные диалектные черты тувинского языка являются результатом как междиалектных, так и межъязыковых связей, развитием собственных ресурсов.

По степени витальности диалекты и говоры находятся в разных позициях. В настоящее время при благоприятной этнической ситуации в Республике Тыва, где 80 % населения составляет коренное население, растет его языковой нигилизм по отношению к родному языку. За последние 20-25 лет наблюдается миграция сельского населения в города, особенно в столицу республики Кызыл и его окрестности. Урбанизация населения (в Туве 52 % городского населения, 48 % сельского населения – основных носителей диалектной речи) создает условия для развития социальных диалектов. В городах наблюдается переход, особенно молодежи и детей коренной национальности, на русский язык как основной язык коммуникации и обучения. За последние 4-5 лет процентное соотношение классов с русским языком обучения в городе с 40 % достигло 80 %. Эти дети уже переходят на русский язык общения. Кроме того, заметно нивелирующее воздействие литературного языка.

В Монголии, кроме сумона Цэнгэл, дети также становятся только монголоязычными. У тувинцев Китая развивается полилингвизм, но близкородственный казахский язык оказывает сильное ассимилирующее влияние несмотря на дистанцирование на религиозной почве.

Всё это создает неблагоприятную ситуацию для сохранности как всего тувинского языка, так и его диалектов. В этих условиях появилась необходимость скорейшей фиксации современного состояния диалектов и говоров.

Судьбы языков малочисленных кочевых близкородственных родоплеменных групп Центральной Азии, до сегодняшнего дня ведущих традиционный образ жизни, демонстрируют модели языковых контактов, которые происходили веками на исконных землях их проживания. Наши результаты исследования показывают, что языки малочисленных групп, оказавшись в иноязычной среде, ассимилируются быстрее, если это близкородственные народы со схожей материально-духовной культурой. Ср. пример тувинцев Кобдо, Цагаан-Нура, Селенги, уйгур-урянхайцев среди монгол. Они дистанцируются, если духовная культура имеет существенные различия – пример тувинцев Китая и Цэнгэла с казахами и уйгурами. Тем не менее, при контактах с близкородственными языками язык большинства оказывает мощное влияние на язык меньшинства.

Кроме того, язык мог подвергнуться полной языковой и этнической ассимиляции в течении столетия: примеры дархатов среди монгол, теленгитов среди тувинцев Китая и Цэнгэла, Монгун-Тайги и т.д. Тогда следы побежденного языка проявляются в виде субстратных явлений.

Вновь образовавшийся цагаан-нурский диалект представляет собой модель изолированного языкового сообщества, ведущего кочевой образ жизни. Он образовался в результате конвергентного и дивергентного развития двух разных диалектов, в основе которых стояли разные идиомы, о чем свидетельствуют материнские диалекты.

В целом же, как мы установили в ходе проведенного исследования, в диалектном отношении тувинский язык на территории проживания основной массы носителей языка более однороден, чем те территории, которые оказались оторванными в силу природных препятствий и исторических событий.

Список сокращений

АД – алтайский диалект

азерб. – азербайджанский язык

аз. диал. – азербайджанские диалекты

ак.-эрик. – язык жителей сумона Ак-Эрик

алт. – алтайский язык

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

бай-т. – бай-тайгинский говор

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь

башк. – башкирский язык

бии-х. – бии-хемский говор

букв. – буквальный

вм. – вместо

Г – гласный

ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка

ГХЯ – Грамматика хакасского языка

ДАБЯ – Диалектологический атлас башкирского языка

ДАТЯ – Диалектологический атлас тюркских языков

ДАЯЯ – Диалектологический атлас якутского языка

диал. – диалект

досл. – дословный

др.-тюрк. – древнетюркский язык

др.-уйг. – древнеуйгурский язык

ДСТЯ – Диалектологический словарь тувинского языка

зап. – западный диалект

К-Х. – Каа-Хемский район

каз. – казахский язык

кара-х. – кара-хольский говор

КГПИ – Кызылский государственный педагогический институт

кирг. – киргизский язык

кит. – китайский говор

кобд. – кобдоский говор

куман. – куманский язык

кыпч. – кыпчакские языки

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

лит. – литературный

ЛТЯ – литературный тувинский язык

ЛЯ – литературный язык

монг. – монгольский язык

монг.-т. – монгун-тайгинский говор

овюр. – овюрский говор

орф. – орфографический

п.-монг. – письменный монгольский

разг. – разговорный

Р. п. – родительный падеж

рун. – рунический

рус. – русский язык

С – согласный

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков

см. – смотри

совр. монг – современный монгольский

ст.-осм. – староосманский

стп. – старописьменный

ср. – сравнить

сут.-х. – сут-хольский говор

Т-Х. – Тес-Хемский район

танд. – тандинский говор

Тере-Х. – Тере-Хольский район

тес-х. – тес-хемский говор

ТИГИ – Тувинский институт гуманитарных исследований

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

тодж. – тоджинский диалект

тоф. – тофаларский язык

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка

тув. – тувинский язык

тур. диал. – турецкие диалекты

уйг. – уйгурский язык

уйг.-ур. – уйгур-урянхайский язык

улуг-х. – улуг-хемский говор

устар. – устаревший

ус – язык усинских тувинцев

хак. – хакасский язык

ХРС – Хакасско-русский словарь

цаг.-н – цагаан-нурский диалект

цэнг. – цэнгэльский говор

центр. – центральный диалект

чаг. – чагатайский язык

шор. – шорский язык

ЮВД – юго-восточный диалект

эрз. – эрзинский говор

ЭСТувЯ – Этимологический словарь тувинского языка

як. – якутский язык

V – вокализм

C – консонантизм

N= - основасуществительного

PL= – аффикс множественного числа

POSS – аффикс принадлежности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 275 с.
2. *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971. – 378 с.
3. *Айыжы Е. В.* Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура / Под ред. Г. Маркова. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2007. – 84 с.
4. *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России:* Материалы XI межрегион. конф. – Уфа, 2011. – 214 с.
5. *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России:* Материалы XVII Всеросс. науч. конф. (Уфа, 1-2 июня 2017 г.). – Уфа, 2017. – 322 с.
6. *Алмадакова Н. Д.* Язык теленгитов: очерк по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте: монография. – Горно-Алтайск, 2016. – 204 с.
7. *Арагачы З. Б.* Дополнительные сведения по тоджинскому диалекту // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. IX. – Кызыл, 1961. – С. 242-249.
8. *Арагачы З. Б.* Тес-Хемский говор // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. XI. – Кызыл, 1964. – С. 325-331.
9. *Аранчын Ю. Л.* Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. XVII. – Кызыл, 1975. – С. 212-218.
10. *Арсланов Л. Ш.* Формирование островных говоров татарского языка: говоры Астраханской и Волгоградской областей. – Казань, 1983. – 80 с.
11. *Арцыбашева Т. И.* О некоторых особенностях диалекта Тоджи // Языки зарубежного Востока. – М., 1935. – № 1. – Вып. 19. – С. 18-28.
12. *Бабушкин Г. Ф.* Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. 8. – Кызыл, 1960. – С. 211–215.

13. *Бабушкин Г. Ф.* Материалы по Монгун-Тайгинскому говору // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. IX. – Кызыл, 1961а. – С. 249-252.
14. *Бабушкин Г. Ф.* Актуальные проблемы тувинской диалектологии // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. 9. – Кызыл, 1961б. – С. 204-206.
15. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Некоторые данные лингвистических экспедиций в Цагаан-Нур, Селенгу и Китай // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедрасының чыл чыындызы. IV-кү үндүрүлгези. – Кызыл: ТывКУ, 2010. – С. 4-10.
16. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Полилингвизм сомона Цэнгэл Монголии: проблемы образования // Эртем бижиктери. – Выпуск III. – Кызыл: ТывГУ, 2009а. – С. 4-6.
17. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. 2011. – № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html (Дата обращения 24.03.2017 г.).
18. *Бавуу-Сюрюн М. В., Цэцэгдарь У., Гансук Х., Баярсайхан Б.* К вопросу о классификации диалектов тувинского языка // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2009б. – № 3. – С. 158-166.
19. *Базарова Д. Х.* К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Сов. тюркология. – 1975. – № 4. – С. 11-22.
20. *Базилхан Б.* Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков (на материале лексики и грамматики). – Алма-Ата, 1974. – С. 7-30.
21. *Башиев Т. Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. – 2-е изд., стереотип. – Уфа: Гилем, 2006. – 132 с.
22. *Байчура У. Ш.* Некоторые данные о словесном ударении в тувинском языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964. – С. 178-182.

23. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. - М., 1962 - 332 с.
24. *Баскаков Н. А.* Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. - М., 1964. - С. 17.
25. *Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черновых татар (туба-кижи): Тексты и переводы. - М.: Наука, 1965. - 340 с.
26. *Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черновых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. - М.: Наука, 1966. - 174 с.
27. *Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды кижы). - М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. - 283 с.
28. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. - М.: Наука, 1975. - 208 с.
29. *Баскаков Н. А.* Ареалы и маргинальные зоны в развитии тюркских языков // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. - М., 1978. - С. 37-45.
30. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. - М.: Наука, 1979. - 274 с.
31. *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. - М., 1981. - 180 с.
32. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. - М., 1988. - 208 с.

33. *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. – 218 с.
34. *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисейка. – Фрунзе, 1962. – 249 с.
35. *Баярсайхан Б.* О некоторых лексических особенностях языка цэнгэльских тувинцев Северо-Западной Монголии // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. 19. – Кызыл, 2002. – С. 179-187.
36. *Баярсайхан Б.* Лексика животноводства в речи тувинцев Цэнгэла: Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 190 с.
37. *Бертагаев Т. А.* К исследованию лексики монгольских языков: Опыт сравнительно-статического исследования лексики бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1961. – 160 с.
38. *Бичелдей К. А.* Назализованные гласные современного тувинского языка. // Исследование звуковых систем сибирских языков. – Новосибирск, 1979. – С. 29-34.
39. *Бичелдей К. А.* Вокализм современного тувинского языка (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1985а. – 25 с.
40. *Бичелдей К. А.* Особенности звукового строя юго-восточного диалекта тувинского языка // Фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1985б. - С. 25-36.
41. *Бичелдей К. А.* Гласные тувинского языка в потоке речи. – Кызыл, 1989а. – Ч. I. – 91 с.
42. *Бичелдей К. А.* Гласные тувинского языка в потоке речи. – Кызыл, 1989б. – Ч. II. – 94 с.
43. *Бичелдей К. А.* Фарингализация в тувинском языке. – Кызыл, 1999. – 291 с.
44. *Бичелдей К. А.* Звуковой строй диалектов тувинского языка. – М., 2001а. – 155 с.
45. *Бичелдей К. А.* Теоретические проблемы фонетики современного

тувинского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2001б. – 84 с.

46. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 381 с.

47. *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-Восточный регион). АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1982. – 304 с.

48. *Болатов Ж.* Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1970. – 103 с.

49. *Болд Л.* Особенность уйгуро-уряньхайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Улан-Батор, 1978. – 18 с.

50. *Болд Л.* Исторические связи монгольского языка с саянскими тюркскими языками: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 1996. – 40 с.

51. *Боргоякова Т.Г.* Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири: монография / Институт языкознания РАН; ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. – 266 с.

52. *Бородина М. А.* Диалекты или региональные языки (к проблеме языковой ситуации в современной Франции) // *Вопр. языкознания.* – М., 1982. № 5. – С. 29-38.

53. *Бородина М. А.* О развитии лингвогеографических исследований языков Сибири // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков.* – Томск, 1976. – С. 48-51.

54. *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). – Новосибирск: Наука, 1992. – 217 с.

55. *Будаев Ц. Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978. – 304 с.

56. *Бурькин А. А.* Актуальные проблемы социолингвистики: учеб. пособие для студентов гуманитар. спец. – Якутск, 2007. – 76 с.

57. *Бутанаев В.Я.* Хакасы из провинции Хэйлунцзян. – Абакан, 2006. – 81 с.

58. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы

исследования. – Киев, 1979.

59. *Вайнштейн С.И.* Загадочная Тува. – М.: ООО «Домашняя газета», 2009. – 415 с.

60. *Вернер Г. К.* Проблемы происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Сов. тюркология. – 1972. – № 5. – С. 17–24.

61. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхасского наречия. – Л., 1929.

62. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристики. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

63. *Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: материалы Всеросс. интердисциплинар. науч. конф. с междунар. участием, посв. 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л. Н. Гумилева (г. Якутск, 24-26 октября 2012 г.).* – Новосибирск: Наука, 2014 – 320 с.

64. *Гаджиева Н. З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа – М.: Наука, 1979. – 263 с.

65. *Гансук Х.* Морфологические особенности глагола в речи жителей Цэнгэла // Сиб. филол. журн. – Новосибирск, 2009а. – № 3. – С. 129–135.

66. *Гансук Х.* Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009б. – 20 с.

67. *Гансук Х.* Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009в. – 192 с.

68. *Гансук Х.* Служебные части в речи цэнгэльских тувинцев // Материалы XLVII Междунар. науч. студ. конф. (посв. 50-летию НГУ). – Новосибирск, 2009г. – С. 113-115.

69. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Отв. ред. И. А. Невская. – Горно-Алтайск, 2017. – 576 с.

70. Грамматика современного литературного якутского языка. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

71. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край.

Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926.

– Т. II. – 898 с.

72. *Дамбаа О. В.* Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольскими и древнетюркскими языками: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. – 20 с.

73. *Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

74. *Даржа У. А.* Наречия в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 30 с.

75. *Делгер-оол А. К.* О тере-хольском говоре // Вопр. тув. языкознания. – Кызыл, 1993. – С. 91-95.

76. *Джураев А. Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. – Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР 1991. – 220 с.

77. Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 533 с.

78. *Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г.* Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. – Абакан, 1954. – 138 с.

79. *Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964. – 246 с.

80. *Доржу Д. Д.* Лексика животноводства в речи жителей Тере-Холя / науч. рук. Е. М. Куулар. Рукопись дипломной работы. – Кызыл: ТывГУ, 2007. – 58 с.

81. *Доржу М. Д.* Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка / Под ред. Э. Р. Тенишева. – Кызыл, 2002. – 110 с.

82. *Доржу М. Д.* О некоторых лексических особенностях речи жителей Бай-Тайгинского и Монгун-Тайгинского районов // *Вопр. тув. языкознания.* – Кызыл, 1993. – С. 95–98.

83. *Доржу Ч. М.* Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – С. 11-15.

84. *Доржу Ч. М.* Исторические связи современного тувинского и древнеуйгурского языков в области фонетики // *Вопросы тувинской филологии.* – Кызыл, 1983. – С. 32-38.

85. *Доржу Ч. М.* Тувинско-древнеуйгурские лексические параллели // *Лексика, морфология тюркских языков.* – Новосибирск, 1987. – С. 73-85.

86. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках / АН Киргизской ССР, отдел востоковедения; Под ред. акад. И. А. Батманова. Фрунзе: Илим, 1971. – 196 с.

87. *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). – М., 1996. – 393 с.

88. *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. – М., 2007. – 223 с.

89. *Дыбо А. В.* Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // *Урало-алтайские исследования.* 2017. №3 (26). – С. 127-150.

90. *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. – М.; Л., 1940.

91. *Егинова С. Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятскими и киргизскими языками). – Новосибирск: Наука, 2014. – 232 с.

92. *Ерленбаева Н. В.* Бытовая лексика алтайского языка: монография. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 183 с.

93. *Есипова А. В.* Тюркское словообразование как языковая система. – Новосибирск, 2011. – 198 с.

94. *Журавель Т. Н.* Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2015.

– 23 с.

95. *Золбаяр Г.* Жанровые разнообразие фольклора тувинцев, проживающих в Монголии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Батор, 1990. – 18 с.

96. *Иванов С. А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.

97. Исследования в области этимологии алтайских языков / АН СССР. Институт языкознания; отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1979. – 262 с.

98. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1962а. – Ч. II. Морфология. – 228 с.

99. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1962б. – Ч. III. Синтаксис. – 230 с.

100. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1962в. – Ч. IV. Лексика. – 128 с.

101. История Тувы: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С. И. Ванштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. I. – 367 с.

102. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – 523 с.

103. *Исхаков Ф. Г.* Тувинский язык. Очерки по фонетике: материалы для научной грамматики. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 124 с.

104. *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 469 с.

105. *Калиев Г.* Диалектное словообразование в казахских говорах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1989. – 29 с.

106. *Калнынь Л.Э.* Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 1. С. 34-45.

107. *Кара-оол Л. С.* Термины родства и свойства в тувинском языке. – Кызыл, 2006. – 251 с.

108. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М., 2002. – 333 с.

109. *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык: Учеб. пособие. – М., 2002. – 159 с.

110. *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – 547 с.

111. *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли: Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества. – Кызыл, 2011. – 384 с.

112. *Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сутхольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. – Новосибирск, 2006. – 230 с.

113. *Кокошников О. Ю.* Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 144 с.

114. *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Издание второе, дополненное и исправленное. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – 360 с.

115. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1956а. – 570 с.

116. *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского языка. – М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1956б. – 204 с.

117. *Кормушин И. В.* Системы времен глагола в алтайских языках. – М.: Наука, 1984. – С. 8-17.

118. *Крылов С. А.* Морфемика современного монгольского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 30 с.

119. *Кунаа А. Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл, 1957. – С. 53.
120. *Кунаа А. Ч.* Звуковой строй тес-хемского говора тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1958. – 14 с.
121. *Кунаа А. Ч.* О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. 16. – Кызыл, 1973. – С. 252–253.
122. *Куулар Е. М.* Основные характеристики тувинской речи жителей юго-восточной части Тувы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003а. – 22 с.
123. *Куулар Е. М.* Юго-Восточный диалект тувинского языка. – Кызыл, РИО ТувГУ, 2012. – 213 с.
124. *Куулар Е. М., Сувандии Н. Д.* Тыва дылда иви ажил-агыйының лексиказы. – Кызыл: ТывКУ, 2014. – 127 с.
125. *Куулар К. Б.* Возвратный залог в тувинском языке // Исследования по тувинской филологии. – Кызыл, 1986. – С. 33–52.
126. *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. – М. Институт тюркологии, 2011. – 256 с.
127. *Кыргыз З. К.* Тувинское горловое пение: Этномузыковедческое исследование. – Новосибирск: Наука, 2002. – 236 с.
128. *Леч Р.* К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект» // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента Академии наук СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 163-169.
129. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
130. *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров: словарь и грамматика / Под ред. С. К. Кенесбаева. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. – 220 с.
131. *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров: тексты и переводы / Под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Наука, 1967. – 220 с.
132. *Маңнай-оол М. Х.* Тувинцы Монголии: традиции и современность //

Учен. зап. ТННННННННН. – Кызыл, 1995а. – Вып. XVIII. – С. 56-62.

133. *Маңнай-оол М. Х.* Дархаты: некоторые этнографические данные // Учен. зап. ТННННННННН. – Кызыл, 1995б. – Вып. XVIII. – С. 62-67.

134. *Маңнай-оол М. Х.* Тувинцы: происхождение и формирование этноса. – Новосибирск: Наука, 2004. – 166 с.

135. *Мартан-оол М. Б.* Особенности речи населения Барун-Хемчикского района // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. – Кызыл, 1977. – С. 79-87.

136. *Мартан-оол М. Б.* Фонетические особенности тувинского языка в ареальном освещении (Южная Сибирь): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 18 с.

137. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая / Отв. редакторы Н. Н. Широбокова, О. Ю. Шагдурова. – Новосибирск: Омега Принт, 2013. – 176 с.

138. *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т.: Пер. с араб. А. Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 1. – С. 174-282.

139. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996.

140. *Миржанова С. Ф.* Северо-Западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.

141. *Монгуш А. К.* Название юрты, ее частей и домашней утвари в диалектах тувинского языка и ареалы их распространения: Рукопись выпускной квалиф. работы. – Кызыл, 2011. – 81 с.

142. *Монгуш Д. А.* Закономерности сочетаемости согласных в тувинском языке // Учен. зап. ТННННННННН. – Кызыл, 1963. – Вып. X. – С. 196-211.

143. *Монгуш Д. А.* О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопр. тув. филологии. – Кызыл, 1983. – С. 127-145.

144. *Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. – Осака, 2010. – 250 с.

145. *Монгуш У.О.* Музыкальная терминология в тувинском языке: Дис.

... канд. филол. наук. – М., 2015. – 306 с.

146. *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975. – 357 с.

147. *Наделяев В. М.* У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. – Кызыл, 1986. – С. 53-63.

148. *Наделяев В. М.* Современный монгольский язык. Морфология. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – С. 34-39.

149. *Надергулов У. Ф.* Животноводческая лексика башкир. – Уфа: Гилем, 2000. – 186 с.

150. *Наджиб Э. Н.* Современный уйгурский язык. – М., 1960. – 133 с.

151. *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 122 с.

152. *Ондар Б. К.* Русская топонимия Тувы. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2011. – 168 с.

153. *Ондар Б. К.* Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией южной Сибири и других тюркоязычных территорий. – Кызыл, 2008. – 304 с.

154. *Ондар Н. М.* Парные слова в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 21 с.

155. *Ооржак Б. Ч.* Временная система тувинского языка в сопоставлении с древнеуйгурским и южносибирскими тюркскими языками: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2002. – 21 с.

156. *Ооржак Б. Ч.* Временная система тувинского языка. – М.: Яз. слав. культуры, 2014. – 184 с.

157. *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 116 с.

158. *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус.* – Л.: Наука, 1972. – 363 с.

159. *Павлинская Л. Р.* Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью) –

СПб.: Европейский Дом, 2002. – 263 с.

160. *Пальмбах А. А.* Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1954. – Вып. 2. – С. 123.

161. *Пальмбах А. А.* Система согласных фонем тувинского языка и её отражение в письменности // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1956. – Вып. IV. – С. 102–117.

162. *Пальмбах А. А.* О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1968. – Вып. 13. – С. 232-235.

163. *Пальмбах А. А., Арагачы З. Б.* Основы тувинской орфографии. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1963. – 186 с.

164. *Перехвальская Е.В.* Статус идиома и этническое самосознание // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 5–11.

165. *Пиотровский Р.Г.* Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 36–42.

166. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического общества. – СПб., 1883. – Т. IV. – 1025 с.

167. *Потапов А. П.* Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969. – 402 с.

168. *Природное окружение и материальная культура пратюркских народов* / Отв. ред. А. В. Дыбо; Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.

169. *Радлов В. В.* Из Сибири: страницы дневника / Под ред. С. И. Ванштейна; пер. с нем. К. Д. Цивиной, Б. Е. Чистовой. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

170. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб., 1866. – Ч. I. – 658 с.

171. *Ральдин Х. Ц.* Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики // Проблемы этнографии и этнической

истории народов восточной и юго-восточной Азии. – М., 1968. – С. 11–35.

172. *Рамазанова Д. Б.* Вопросы татарской диалектологии. – Казань, 2008. – 272 с.

173. *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957. – С. 117–118.

174. *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1971. – 252 с.

175. *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – С. 67.

176. *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 116 с.

177. *Рассадин В. И.* Становление говора нижеудинских бурят. – Улан-Уде: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 159 с.

178. *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2007. – Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – 165 с.

179. *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2008. – Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. – 243 с.

180. *Рассадин В. И.* Язык сойотов Бурятии. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2012. – 156 с.

181. *Рассадин В. И.* Тюркологические исследования: избранное. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. – 215 с.

182. *Рассадин В. И., Трофимова С.М.* О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2012. – 180 с.

183. *Рассянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955. – С. 177.

184. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей: в 2 т. / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. – М.; Л., 1952. – Т. I. – 315 с.

185. *Решетов А. М.* Тувинские и алтайские урянхайцы в Китае: проблемы истории, этноса и языковой ситуации // Общество и государство в Китае. XXI науч. конф.: Тез. докл. – М., 1990. – С. 176-180.

186. *Саая О. М.* Долгие гласные тувинского языка (в сравнении с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 21 с.

187. *Салчак А. Я.* Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 22 с.

188. *Саналова Б. Б.* Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком): Моногр. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2007. – 168 с.

189. *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. – М., 1953. – Т. I. – 240 с.

190. *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963. – 267 с.

191. *Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. – 244 с.

192. *Сарыг-оол А. Ш.* Ареалы распространения половозрастных названий домашнего скота в диалектах тувинского языка: Рукопись выпускной квалиф. работы. – Кызыл, 2011. – 78 с.

193. *Сарыкай М. Х.* Некоторые итоги диалектической экспедиции в Пий-Хемском районе // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1968. – Вып. XIII. – С. 289-304.

194. *Сарыкай М. Х.* Сведения о речи усинских тувинцев // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1971. – Вып. XV. – С. 269-276.

195. *Сарыкай М. Х.* Сведения о речи тандинских тувинцев // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. XIII. – Кызыл, 1973. – С. 242-250.

196. *Сат Ш. Ч.* Материалы по тандинскому говору // Тр. Кызыл. пед. ин-та, вып. 3. – Кызыл, 1963. – С. 56-77.

197. *Сам Ш. Ч.* Образование формы условного наклонения в тувинском языке // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Вып. 13. – Кызыл, 1968а. – С. 236-240.
198. *Сам Ш. Ч.* О говоре населения Тере-Холя // В помощь учителю: Сб. науч.-метод. статей. Гуманит. науки. – Кызыл, 1968б. – С. 68-70.
199. *Сам Ш. Ч.* К вопросу об ударении в тувинском языке // В помощь учителю: Сб. науч.-метод. статей. Гуманитарные науки. – Кызыл, 1968в. – С. 99-121.
200. *Сам Ш. Ч.* Вопросы орфоэпии тувинского литературного языка в связи с преодолением диалектных особенностей // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1971. – Вып. XV. – С. 135-142.
201. *Сам Ш. Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973. – 191 с.
202. *Сам Ш. Ч.* Фонетические особенности тере-хольского говора тувинского языка // Исследования звуковых систем языков Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 187-191.
203. *Сам Ш. Ч.* Взаимодействие тувинского и алтайского языков на смежной территории их распространения // Сов. тюркология. – 1987. № 4. – С. 25-28.
204. *Сам Ш. Ч.* Тыва диалектология (Тувинская диалектология). – Кызыл, 1987. – 104 с.
205. *Сам Ш. Ч.* Диалектные материалы как источник для создания исторической грамматики тувинского языка // Вопр. тув. языкознания. – Кызыл, 1993. – С. 12-17.
206. *Сам Ш. Ч., Доржу Л. Ю.* Изучение тувинского языка в Китае // Сов. тюркология. – Баку, 1989. – № 5. – С. 93-96.
207. *Сам Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б.* Амгы тыва литературлуг дыл (Лексикология болгаш семасиология, фразеология, фонетика, морфология). – Кызыл, 1980. – 258 с.
208. *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 645 с.

209. *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М.: Наука, 1966. – 351 с.
210. *Сегленмей С. Ф.* Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1979. – С. 95–98.
211. *Сегленмей С. Ф.* Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района // Вопр. тув. филологии. – Кызыл, 1983. – С. 149–153.
212. *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г.А.* Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). – Новосибирск: ООО «Твёрдый знак», – 2011. – 352 с.
213. *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. и др.* Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). – Новосибирск: Омега Принт, – 2014. – 312 с.
214. *Селютина И. Я.* Звуковые системы языков народов Сибири. – Новосибирск, 2008. – 44 с.
215. *Серебренников Б. А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции и история языка. – М.: 1970. – С.292-299.
216. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е издание. – М., 1986. – 302 с.
217. *Серен П. С.* Моолда Сенгел тываларның чаңчылдары: дылының культуразының материалдары (Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии: материалы языка, культуры). – Кызыл, 2006б. – Ч. I. – 104 с.
218. *Серен П. С.* Моолда Сенгел тываларның чаңчылдары: дылының культуразының материалдары (Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии: материалы языка, культуры). – 2-е изд., доп. – Кызыл, 2015. Ч. I. – 136 с.
219. *Серен П. С.* Моолда тываларның чаңчылдары: орук демдеглелдери. (Традиции монгольских тувинцев: путевые заметки) – Кызыл, 2000. – 58 с.

220. *Серен П. С.* Моолда хомду тываларының ёзулалдары: дылының культуразының материалдары (Обряды кобдоских тувинцев в Монголии). – Кызыл, 2013. – Ч. II. – 160 с.
221. *Серен П. С.* Научный отчет о командировке в Северо-Западную Монголию // Учен. зап. ТИГИ. – Кемерово, 2007. – Вып. XXI. – С. 321–330.
222. *Серен П. С.* Тере-Хольский диалект тувинского языка. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006а. – 116 с.
223. *Серен П. С.* Цагаан-Нур тываларында (У Цагаан-Нурских тувинцев) // Улуг-Хем. – Кызыл, 1993. – № 5–6. – С. 148–157.
224. *Серенмаа Н. В.* Соответствия гласных и ареалы их распространения в диалектах тувинского языка: Рукопись выпускной квалиф. работы. – Кызыл, 2011. – 52 с.
225. *Сержи А. Ш.* Ареал распространения названий одежды в тувинском языке и его диалектах: Рукопись выпускной квалиф. работы. – Кызыл, 2012. – 70 с.
226. *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 277 с.
227. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата, 1962. – С. 326–353.
228. *Сонам Б. С.* О лексических особенностях монгольского языка юго-восточных тувинцев // Вопр. тув. филологии. – Кызыл, 1983. – С. 119–126.
229. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 557.
230. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
231. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 288 с.
232. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.

Фонетика. – Л., 1984. – 488 с.

233. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

234. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

235. *Сувандии Н. Д.* Тувинская антропонимия. – Кызыл, 2011. – 208 с.

236. *Сюрюн А. А.* Приименные и приглагольные атрибуты в тувинском языке (к проблеме членов предложения и частей речи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 22 с.

237. *Татаринцев Б. И.* Характер изменений звукового комплекса с интервокальным к в тувинском языке // Сов. тюркология. – 1972. – № 6. – С. 18–27.

238. *Татаринцев Б. И.* Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1974. – 116 с.

239. *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1976. – 132 с.

240. *Татаринцев Б. И.* Тувинская лексикография и лексикология / Итоги и задачи // Тувинская письменность, язык и литература. – Кызыл, 1980. – С. 71–79.

241. *Татаринцев Б. И.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987. – С. 198.

242. *Татаринцев Б. И.* Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва) // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1995. – Вып. XIX. – С. 102-116.

243. *Таубе Э.* Изучение фольклора тувинцев Монгольской Народной Республики // Сов. этнография. – 1975. – № 5. – С. 67-70.

244. *Таубе Э.* Сказки и предания алтайских тувинцев. – М., 1994. – 382 с.

245. *Тенишев Э. Р.* Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1953. – 16 с.

246. *Тенишев Э. Р.* Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна // Избр. тр.

Книга вторая. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 186–189.

247. Теоретические основы классификации языков мира. – М.: Наука, 1980. – 207 с.

248. *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М., 1951. – С. 51–84.

249. *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1977. – 294 с.

250. *Тюнтешева Е. В.* Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 225 с.

251. *Тяпкин А.Д.* Качественные модификации гласных и словесное ударение (на материале тувинского языка) // Фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1985. – С. 101-129.

252. *Убрятова Е. И.* Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

253. *Убрятова Е. И.* Еще раз об исключительности (эксклюзиве) и включительности (инклюзиве) в якутском языке // Избр. тр. Исследование по тюркским языкам. – Новосибирск: НГУ, 2011б. – С. 256-263.

254. *Убрятова Е. И.* Значение диалектных данных для исторической грамматики якутского языка // Избр. тр. Исследование по тюркским языкам. – Новосибирск: НГУ, 2011а. – С. 38–40.

255. *Убрятова Е. И.* Предисловие // Диалекты тюркских языков. – М.: 2009. – С. 7–32.

256. *Уланова Э. Г.* Особенности монгольского языка Юго-восточной Тувы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 1988. – 23 с.

257. *Федина Н. Н.* Фонетические и морфологические особенности современного чалканского языка (в сопоставлении с хакасским, шорским и алтайскими языками): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – 26 с.

258. *Хертек А. Б.* Значение локальных падежей в тувинском и хакасском

языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2008. – 25 с.

259. *Хертек Я. Ш.* О говоре населения Овюрского района // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1964. – Вып. XI. – С. 332–340.

260. *Хертек Я. Ш.* Об Улуг-Хемском говоре тувинского языка // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1968. – Вып. XIII. – С. 305–316.

261. *Хертек Я. Ш.* Некоторые особенности речи населения Кара-Холя // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1970а. – Вып. XIV. – С. 234–243.

262. *Хертек Я. Ш.* Дополнительные данные об улуг-хемском говоре // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1970б. – Вып. XIV. – С. 225–234.

263. *Хисамитдинова Ф. Г.* О фарингализованном заднеязычном а в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. М. В. Надеяев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – С. 46–49.

264. *Хисамидтинова Ф. Г.* Башкирская диалектология: достижения прошлого и перспективы настоящего // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегион. конф. – Уфа, 2011. – С. 4–10.

265. *Цинциус В. И.* Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 3–17.

266. *Цэцэгдарь У.* Особенности тувинской речи жителей Кобдо: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 18 с.

267. *Цэцэгдарь У.* Лексические особенности речи ховдинских тувинцев // Эрдэм шинжилгээний ойллого. 2 боть. 27 дэвтэр. – Ховд, 2000б. – С. 171–175.

268. *Цэцэгдарь У.* Морфологические и морфонологические особенности речи Ховдинских тувинцев // Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 1999. – С. 216.

269. *Цэцэгдарь У.* О языке ховдинских тувинцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. III Междунар. науч. конф. – Томск: Том. гос. ун-т, Ховдский филиал Монг. гос. ун-та, 1997. – С. 215.

270. *Цэцэгдарь У.* Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. – Кызыл, 2003. – 192 с.

271. *Цэцэгдарь У.* Особенности языка сказки «Ак сагыштыг и кара сагыштыг» // Тез. докл. науч. конф., посв. 70-летию тув. письменности. – Кызыл, 2000а. – С. 71.

272. *Цэцэгдарь У.* Система падежей в речи ховдинских тувинцев // Сиб. филол. журн. – Новосибирск, 2008. – № 3. – С. 139-142.

273. *Цэцэгдарь У., Бавуу-Сюрюн Б. А.* Кыдат тываларының аас чогаалының үлегерлери // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. IV-кү үндүрүлгези. – Кызыл: ТывКУ, 2010. – С. 50-54.

274. *Чадамба З. Б.* Речь каа-хемских тувинцев // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1973. Вып. 16. – С. 232-241, 239.

275. *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1974. – 136 с.

276. *Чадамба З. Б.* Некоторые группы лексических диалектизмов тувинского языка // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. – Кызыл, 1977. – С. 60–78.

277. *Чадамба З. Б.* Тувинские диалекты в их отношении к литературному языку // Вопр. тув. филологии. – Кызыл, 1983. – С. 18-23.

278. *Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др.* Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

279. *Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др.* Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск: Наука, 1986. – 319 с.

280. *Черемисина М. И.* Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 2. – С. 3–23.

281. *Шамина Л. А.* Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 140 с.

282. *Шамина Л. А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 250 с.

283. *Шамина Л. А., Ондар Ч. С.* Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. – Новосибирск, 2003. – 242 с.

284. *Шамина Л. А.* Бивербальные конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 2. – С. 23–39.

285. *Шамина Л. А.* О моделях тувинских сложных предложений с формой на *-гыже* в зависимой части // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 36–44.

286. *Шахматов А. А.* Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени» – СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2010. – 264 с.

287. *Широбокова Н. Н.* Глагольные формы в классификации тюркских языков Сибири // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Надеяева): Материалы Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 20-23 мая 2012 г.). – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2012. – С. 11–14.

288. *Широбокова Н.Н.* Соответствия анлаутному *j* в тюркских языках Сибири // Язык как исторический источник. – Новосибирск, 1988. – С. 15–21.

289. *Широбокова Н. Н.* Историческое развитие якутского константизма. – Новосибирск: Наука, 2001. – 151 с.
290. *Широбокова Н. Н.* Некоторые особенности тюркских языков Сибири в «ДАТЯ СССР» // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 132–145.
291. *Широбокова Н. Н.* О соответствии огубленных и неогубленных гласных в тюркских языках Сибири // Языки народов СССР. – Новосибирск, НГУ, 1988. – С. 129–135.
292. *Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Якутск, 2000. – 47 с.
293. *Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005. – 269 с.
294. *Шожал А. Д.* Ареал распространения названий молочных продуктов в тувинском языке и его диалектах: Рукопись выпускной квалиф. работы. – Кызыл, 2012. – 78 с.
295. *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 82–172.
296. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970.
297. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 191 с.
298. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 183 с.
299. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. – 152 с.
300. *Эдельман Д. И.* К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127–147.

301. *Юсупов Ф. Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1985. – 320 с.

302. *Яхонтов С. Е.* Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148–157.

305. *Авыр-оол Х.* Тыва дылдыҥ барыын талакы диалектизиниҥ чамдык онзагай чүүлдери // Тыва дыл дугайында ажылдар. – Кызыл, 1964. – С. 55-62.

306. *Арагачи (Чадамба) З. Б.* Литературлуг тыва дылдыҥ хөгжүлдезиниҥ дургузунда ооң диалект аайы-биле ылгалдарының дескилешкени // Октябрьның ачызында. – Кызыл, 1967. – С. 149–150.

307. *Бадамхатан С.* К вопросу о происхождении цаатан (тоджинцев) (на монг. яз.) // Шинжлэх ухаан. – Улан-Батор, 1959. – № 2. – 210 с.

308. *Базылхан Б.* Монголияда казактардың тілі (Язык казахов в Монголии) / Под ред. Д. Кибадата. – Улаанбаатар-Өлгий, 1991. – 206 с.

309. *Баярсайхан Б.* Сеңгел тываларында аң, балык, куштарның **ба**ннаар херекселдерниҥ аттары // *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б.* Тыва аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер. – Кызыл, 2010. – 74–80 ар.

310. *Баярсайхан Б.* Моолда Цэнгел тываларының чугаазында аьттың дериг-херекселиниҥ аттары // Эртем бижиктери (Учен. зап. Ежегодник каф. тув. яз. ТывГУ). – Вып. I. – Кызыл: ТывГУ, 2006. – С. 103–115.

311. *Золбаяр Г., Баасанбат Д.* Монгол-Тува бичгийн хэлний дундын уг. – Улаанбаатар, 2011. – 176 с.

312. *Намкимядаг.* Шинжааны Тувачуудын тухай. – Хох хот., 2007. – 221 с.

313. *Сат Ш. Ч., Монгуш Д. А.* Совет үеде тыва дылдыҥ хөгжүлдези. – Кызыл, 1967. – 142 ар.

314. *Ооржак Д.* Таңды аялгазының дугайында дыңнадыглар // Тыва дыл дугайында ажылдар. – Кызыл, 1964. – С. 59–63.

315. *Үжүк дүрүмү.* Орфографтыг словарь. ТАР эртем комитеди. – Кызыл, 1943. – А. 18–20.

316. *Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тоологосн нэгдсэн дүн.*
Хөвсгөл аймаг. – Мөрөн, 2012.

317. *Цолоо Ж.* Урианхай аялгууг судалсан зарим дүн // Хэл зохиол судалсан зарим дүн. IX боть, № 1-2. – Улаанбаатар, 1972.

318. *Botlingk O.* Uber die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik. – SPb., 1851. – P. 100, § 22.

319. *Castren M. A.* Reiseberichten und Briefe aus den Jahren, 1845–1849. – St-Pet., 1856. – S. 359–360.

320. *Castren M. A.* Versuch einer Isviblichen und Karagassischen Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. – St-Pet., 1857. – 166 s.

321. *Elisabetta Ragagnin.* Archaic linguistic features in Khövsgöl aymag's sayan varieties // Тюркская руника: язык, история, культура: Материалы Междунар. науч. конф. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2013. – Ч. 1. – С. 99–105.

322. *Elisabetta Ragagnin.* Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia. Description and Analysis. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden, 2011. – 290 p.

323. *Mawkanuli Talant.* The phonology and morphology of Jungar Tuva. Indiana: University Ph.D., 1999. – 295 p.

Использованные словари

1. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.: Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 606 с.

3. *Древнетюркский словарь* / АН СССР. Институт языкознания. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

4. *Большой академический монгольско-русский словарь*: В 4 т. – М., 2001. – Т. I: А-Г. – 520 с.

5. *Большой академический монгольско-русский словарь*: В 4 т.– М., 2001.
– Т. II: Д-О. – 536 с.
6. *Большой академический монгольско-русский словарь*: В 4 т.– М., 2002.
– Т. III: Θ-Ф. – 440 с.
7. *Большой академический монгольско-русский словарь*: В 4 т.– М., 2002.
– Т. IV: Х-Я.– 532 с.
8. *Большой диалектологический словарь татарского языка*. – Казань, 2009. – 839 с.
9. *Бурят-монгольско-русский словарь* / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.
10. *Диалектологический атлас башкирского языка*. – Уфа, Гилем, 2005.
– 234 с., 169 карт.
11. *Диалектологический атлас удмуртского языка*: карты и комментарии. – Ижевск, 2009. – Вып. I. – 260 с.
12. *Диалектологический атлас удмуртского языка*: карты и комментарии. – Ижевск, 2010. – Вып. II. – 364 с.
13. *Диалектологический атлас якутского языка*: сводные карты. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – Ч. I. Фонетика. – 128 с., 82 ил.
14. *Диалектологический атлас якутского языка*: сводные карты / Сост. С. А. Иванов; отв. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – Ч. II. Морфология и лексика. – 178 с., 90 карт.
15. *Доржу М. Д. Тыва дылдың диалект словары*. Диалектологический словарь тувинского языка; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – 192 с.
16. *Забелин В. И., Забелина Г. А., У. Цэцэгдарь*. Шестиязычный словарь названий птиц Тувы и Западной Монголии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – 120 с.
17. *Кызыл-оол И. Т.* Русско-тувинский словарь сельскохозяйственных терминов. – Кызыл, 1987. – 148 с.
18. *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М., 2008.

19. *Монголиа-казакиа сөздік* (Монгольско-казахский словарь). – Улаанбаатар, 1954. – 396 с.
20. *Монгол орос толь* / Под ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957. – 714 с.
21. *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. – 2-е изд. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 2007. – 552 с.
22. *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь – Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1995. – 288 с.
23. *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. – М.: Изд. дом ЯСК, 2016. – 608 с.
24. *Русско-алтайский словарь* / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Сов. энцикл., 1964. – 875 с.
25. *Русско-казахский словарь.*– Алма-Ата: АН КазССР, 1946.– Т. I: А-О. – 412 с.
26. *Русско-казахский словарь.*– Алма-Ата: АН Каз ССР, 1946.– Т. II: П-Я. – 395 с.
27. *Русско-калмыцкий словарь* / Под ред. И. К. Илишкина. – М.: Сов. энцикл., 1964. – 804 с.
28. *Русско-монгольский словарь* / Сост. А. Р. Ринчинэ, Г. С. Мупкин. – М., 1960. – 780 с.
29. *Русско-тувинский словарь* / Под ред. Д. А. Монгуша. – М.: Русс. яз., 1980. – 664 с.
30. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
31. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974. – 768 с.
32. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь. Общетюркские и межтюркские основы на букву Б. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
33. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д. – М., 1980. – 396 с.

34. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2000.– Т. I: А, Б. – 341 с.
35. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. II: Д, Ё, И, Й. – 388 с.
36. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. III: К, Л. – 440 с.
37. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2008.– Т. IV: М, Н, О, Ө, П. – 442 с.
38. *Толковый словарь тувинского языка /* Под ред. Д. А. Монгуша. – Новосибирск: Наука, 2003. – 599 с. – Т. I: А-Й.
39. *Тувинско-русский словарь /* Под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 646 с.
40. *Тыва дылдың орфографтыг словары (Орфографический словарь тувинского языка) /* Сост. М. Д. Биче-оол, С. Н. Чамаев; отв. ред. Д. А. Монгуш. – Кызыл, 1967. – 446с.
41. *Хакасско-русский словарь /* Под ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск, 2006. – 1114с.
42. *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь (Краткий толковый словарь монгольского языка) / Под ред. А. Лувсандэндэв. – Улаанбаатар, 1966. – 912 с.
43. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву Ж и Ж, Й /* Отв. ред. Л. С. Левитская. – М., 1989. – 292 с.
44. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву Қ и К –* М., 1997. – 368 с.
45. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву К /* Отв. ред. Г. Ф. Благова. – М., 2000. – Вып. 2. – 264 с.

46. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и междюркские лексические основы на букву Л, М, Н, П, С* / Отв. ред. А. В. Дыбо. – М., 2003. – 446 с.

47. *Якутско-русский словарь* / Под ред. П. А. Сленцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 606 с.

Список источников

АД – Алдын дагша. Улустун аас чогаалы (Золотая пиала. Фольклор). – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1993. – 95 ар.

МД – Мөңгүн дагша. Сенгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы (Серебряная пиала. Фольклор и литература тувинцев Цэнгэла). – Улаанбаатар; Кызыл, 2013. – 263 ар.

Таубе – Барыын Моолда Сенгел тываларының ырылары (Песни цэнгэльских тувинцев Западной Монголии) / Сост. Э. Таубе. – Кызыл, 1995. – 48 с.

ТМ – Mawkanuli Talant. Jungar Tuvan texts. Indiana University: Bloomington, 2005. – 266 p.

Списки информантов с указанием территорий проживания

Носители китайского говора

(с заглавной буквы пишется имя информанта,
его родовая принадлежность и год рождения)

1. Барыс, кара-төш, 1987 г.р.
2. Буянчимэг (Нунуй), калга, 1987 г.р.
3. Бөөвей, кызыл-соян, 1940 г.р.
4. Гомбожав Нараа, 1992 г.р.
5. Дагдый Хүлээн, ак-соян 1964 г.р.
6. Дулмаа Конгар-оол, 1992 г.р.
7. Иркыш (Өргүн-Далаа), кызыл-соян, 1984 г.р.
8. Куңгуваа, кызыл-соян, 1980 г.р.
9. Мөңгүн-Чыргал, таңды, 1992 г.р.
10. Оюуна Севинчав, иргит, 1959 г.р.
11. Одун-Хува, көк мончак, 1993 г.р.
12. Онзур, адай иргит, 1980 г.р.
13. Паңмаа (Паңорча), шанагаш, 1947 г.р.
14. Солонго, кара-төш, 1979 г.р.

Монголия

Носители цэнгэльскийского говора

1. Ариуна, делег, 1976 г.р.
2. Бүрвээ Батчыргал, хаа-хөйүк, 1957 г.р.
3. Насамбуюн Эңхтайбың, хаа-дарган, 1970 г.р.
4. Сербей, хаа-дарган, 1935 г.р.
5. Токо Кекаа, улуг иргит, 1964 г.р.
6. Частаап, кара соян, 1948 г.р.
7. Хийс Гансух, хаа-дарган, 1974 г.р.

Носители кобдоского говора

(с указанием их родоплеменной принадлежности,
года и места рождения)

Калчан Иргит

1. Авырган Кыртыш	1900 г. р., Алтай Көк-Догай
2. Авырган Тас	1931 г.р., Алтай Көк-Догай
3. Авырган Жаргал	1946 г.р., Алтай Көк-Догай
4. Дапаа Палжинбай	1930 г.р., Алтай Көк-Догай
5. Цоктой Бүргэд	1937 г.р., Алтай Көк-Догай
6. Чымбы Төмөр	1949 г.р., Монголия, Ховд

Чоод Иргит

1. Бөдээ Доржвой	1950 г.р., Алтай Көк-Догай
2. Жалцав Дамдинжав	1940 г.р., Алтай Көк-Догай
3. Кара-кыс Батаа	1945 г.р., Алтай Көк-Догай
4. Кара-кыс Баяр	1944 г.р., Алтай Көк-Догай
5. Ныктар Орлого	1944 г.р., Алтай Көк-Догай
6. Төгс Цэвээн	1948 г.р., Ховд

Адай Иргит

1. Бокой Цэгмид	1938 г.р., Алтай Көк-Догай
2. Гамбаа Долгор	1947 г.р., Ховд
3. Ныктар Доржвой	1934 г.р., Алтай Көк-Догай

Кара чаг тыва

1. Болд Ууш	1930 г.р., Алтай Көк-Догай
2. Балжир Батчулуун	1951 г.р., Ховд
3. Насан Хаймчиг	1936 г.р., Алтай Көк-Догай
4. Цогт Адъяа	1944 г.р., Ховд
5. Цогт Калеш	1941 г.р., Алтай Көк-Догай

6. Цогт Уламсүрэн 1949 г.р., Ховд

Сарыг чаг тыва

1. Мядаг Доржвой 1950 г.р., Ховд
2. Ээвчик Баатаржав 1949 г.р., Ховд
3. Ээвчик Уртнасан 1938 г.р., Алтай Көк-Догай

Доңгак

1. Морзук Аанжав 1950 г.р., Ховд
2. Октыр Цэрэнпил 1944 г.р., Ховд
3. Панди Чаашпай 1940 г.р., Алтай Көк-Догай
4. Жав Жавзан 1927 г.р., Алтай Көк-Догай
5. Ууш Бадамдорж 1949 г.р., Ховд
6. Ууш Намсрай 1951 г.р., Ховд
7. Ууш Батмөнх 1963 г.р., Ховд
8. Халтар Тас 1921 г.р., Алтай Көк-Догай
9. Халтар Өнержей 1928 г.р., Алтай Көк-Догай
10. Чай Чамак 1933 г.р., Алтай Көк-Догай

Хаа хөйүк

1. Магсар Нямжав 1949 г.р., Ховд
2. Опчак Нацаг 1930 г.р., Алтай, Көк-Догай
3. Чимэд Буурлак 1923 г.р., Алтай, Көк-Догай

Хаа дарган

1. Дармыш Баатар 1939 г.р., Алтай, Көк-Догай
2. Дармыш Балжинням 1942 г.р., Алтай, Көк-Догай

Соян

1. Дожыл Жоом 1935 г.р., Алтай, Көк-Догай

2. Мөнх Бүрүшкээ 1944 г.р., Ховд
3. Мугулай Тогтох 1948 г.р., Ховд

Носители цагаан-нурского диалекта

(с указанием их родоплеменной принадлежности,
года и места рождения)

1. Амыр-Санаа, соян 1970 г.р. Цагаан-Нур, Монголия
2. Балден, урат, 1963 г.р., Цагаан-Нур, Монголия
3. Гомбожап, урат, 1943 г.р., Тоора-Хем
4. С.Комбу, соян, 1941 г.р., Хамсыра, Тоджа
5. Чулуун Оюунбадам, соян, 1974 г.р., Цагаан-Нур, Монголия
6. Чулуун Зоригто, балыкшы, 1968 г.р. Цагаан-Нур, Монголия
7. Шархуу, балыкшы, 1942 г.р., Кунгуртуг

Списки информантов

по внутренним диалектам и говорам с указанием кожуунов

Чаа-Хольский кожуун

1. Балчыма Алексей Тулушевич, 1955 г.р.
2. Даваа Сергей Ховалыгович, 1950 г.р.
3. Даржай Александр Александрович, 1943 г.р.
4. Кызыл-оол Павел Мергенович, 1948 г.р.
5. Норбу Виктор Монгушович, 1970 г.р.
6. Сарым-оол Маспык-оол Ындыраевич, 1937 г.р.
7. Суваң Самбың-оол Монгушович, 1936 г.р.

Улуг-Хемский кожуун

1. Доржу Сергей Ховалыгович, 1945 г.р.
2. Дугар-Сюрюн Владимир Монгушевич, 1946 г.р.

3. Кыргыз Маадыр-оол Ангыр-оолович, 1946 г.р.
4. Монгуш Сергей Базыр-оолович, 1955 г.р.
5. Сурун-оол Николай Кызыл-оолович, 1954 г.р.

Тере-Хольский кожуун

1. Август-оол Людмила Монгушевна, 1966 г.р.
2. Артына Иван Андреевич, 1932 г.р.
3. Балган Марианна Антоновна, 1982 г.р.
4. Буярай Боян Сарыг-оолович, 1980 г.р.
5. Иргит Амир Вячеславович, 1984 г.р.
6. Иргит Вячеслав Иргитович, 1966 г.р.,
7. Менниг-оол Елена Каадыровна, 1974 г.р.
8. Шыырап Буян Васильевич, 1978 г.р.

Эрзинский кожуун

1. Аракчаа Зоя Папагаевна, 1926 г.р.
2. Балдир Анатолий Дугаржапович, 1956 г.р.
3. Узум Борбак-оол Аракчаевич, 1944 г.р.
4. Хумбун Айлан Аракчаевна, 1979 г.р.
5. Хумбун Аракчаа Чалзабаевич, 1931 г.р.
6. Чооду Василий Хужанович, 1954 г.р.
7. Ынаалай Сергей Бадыевич, 1956 г.р.

Тес-Хемский кожуун

1. Намзал Эмзимаа Хулеровна, 1942 г.р.
2. Соян Алдын-оол Даевич, 1941 г.р.
3. Чамзырын Монге Чамзыевич, 1948 г.р.

Монгун-Тайгинский кожуун

1. Доштаар-оол Юрий Донгакович, 1955 г.р.

2. Иргит Александр Херлиевич, 1948 г.р.
3. Куулар Наталья Хойлак-ооловна, 1960 г.р.
4. Чоргаар Аяна Владимировна, 1970 г.р.

Бай-Тайгинский кожуун

1. Кочаа Сергей Хертекович, 1950 г.р.
2. Күжүгет Чалгын-оол Манчыт-оолович, 1976 г.р., Кара-Хөл
3. Саая Көгел Мижитеевич, 1931 г.р.
4. Тойбу-Хаа Дондук Хертекович, 1944 г.р.
5. Хертек Эльвира Манчыт-ооловна, 1974 г.р.
6. Хомушку Долзан Делгеровна, 1936 г.р., Кара-Хөл

Кызылский кожуун

1. Удумбара Енмаа Александровна, 1952 г.р.
2. Шириндивии Валерий Хаван-оолович, 1956 г.р.
3. Яндараа Сарыг-оол Валерьевич, 1960 г.р.

Бии-Хемский кожуун

1. Арган-оол Александр Бырлаевич, 1954 г.р.
2. Уйнук-оол Сергей Бадан-оолович, 1947 г.р.
3. Шагдыр-оол Иван Маадыевич, 1947 г.р.

Село Усинск Красноярского края

1. Бурунгуле Улар-оол Кыргысович, 1949 г.р.
2. Сапыкок Роза Манаргиновна, 1954 г.р.
3. Чечекбаа Сергей Ховалыгович, 1955 г.р.
4. Шагдыр-оол Нина Ховалыговна, 1952 г.р.

Тоджинский кожуун

1. Кол Алексей Дмитриевич, 1992 г.р.

2. Севек Екатерина Ким-ооловна, 1958 г.р.
3. Торжу Леонид Валерьевич, 1948 г.р.
4. Торжу Валерий Кызыл-оолович, 1958 г.р.
5. Чалама Лидия Коловна, 1954 г.р.

Тандынский кожуун

1. Дываа Буян Михайлович, 1962 г.р.
2. Нара-Мандып Зоя Васильевна, 1950 г.р.
3. Найдан Минчиген Александровна, 1945 г.р.
4. Томур-оол Михаил Сундукаевич, 1944 г.р.

Дзун-Хемчикский кожуун

1. Кара-Сал Светлана Чамьяновна, 1956 г.р.
2. Куулар Надежда Кызыл-ооловна, 1954 г.р.
3. Монгуш Василий Шыырапович, 1953 г.р.
4. Монгуш Галина Натпит-ооловна, 1955 г.р.

Сут-Хольский кожуун

1. Ондар Алексей Сюрюнович, 1953 г.р.
2. Ондар Маадыр-оол Когел-Маадырович, 1968 г.р.
3. Ондар Омак Маадырмаевич, 1958 г.р.
4. Ховалыг Зинаида Калдар-ооловна, 1949 г.р.

Барун-Хемчикский кожуун

1. Ооржак Омак Шойдар-оолович, 1968 г.р.
2. Монгуш Буян Хемчикович, 1979 г.р.
3. Бегзин-оол Алексей Сарыгларович, 1954 г.р.
4. Кужугет Мария Амын-ооловна, 1955 г.р.

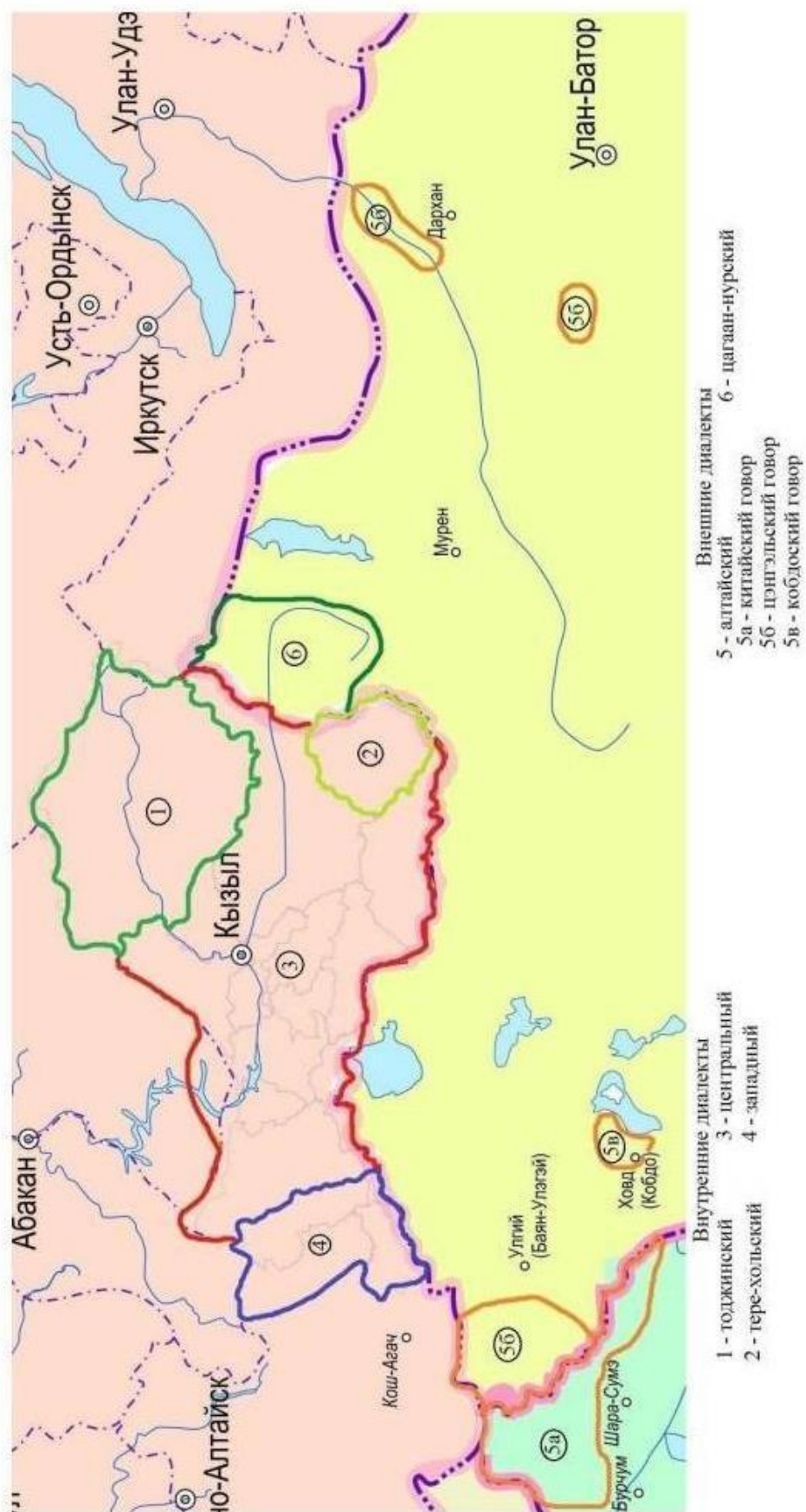
Овюрский кожуун

1. Донгак Даспыл-оол Балчый-оолович, 1968 г.р.
2. Донгак Очур-оол Биче-оолович, 1948 г.р.
3. Куулар Алексей Даш-оолович, 1955 г.р.
4. Мартна Сергей Кууларович, 1954 г.р.
5. Монгуш Сагаан Кара-оолович, 1941 г.р.
6. Чамзырын Монге Чамзыевич, 1950 г.р.

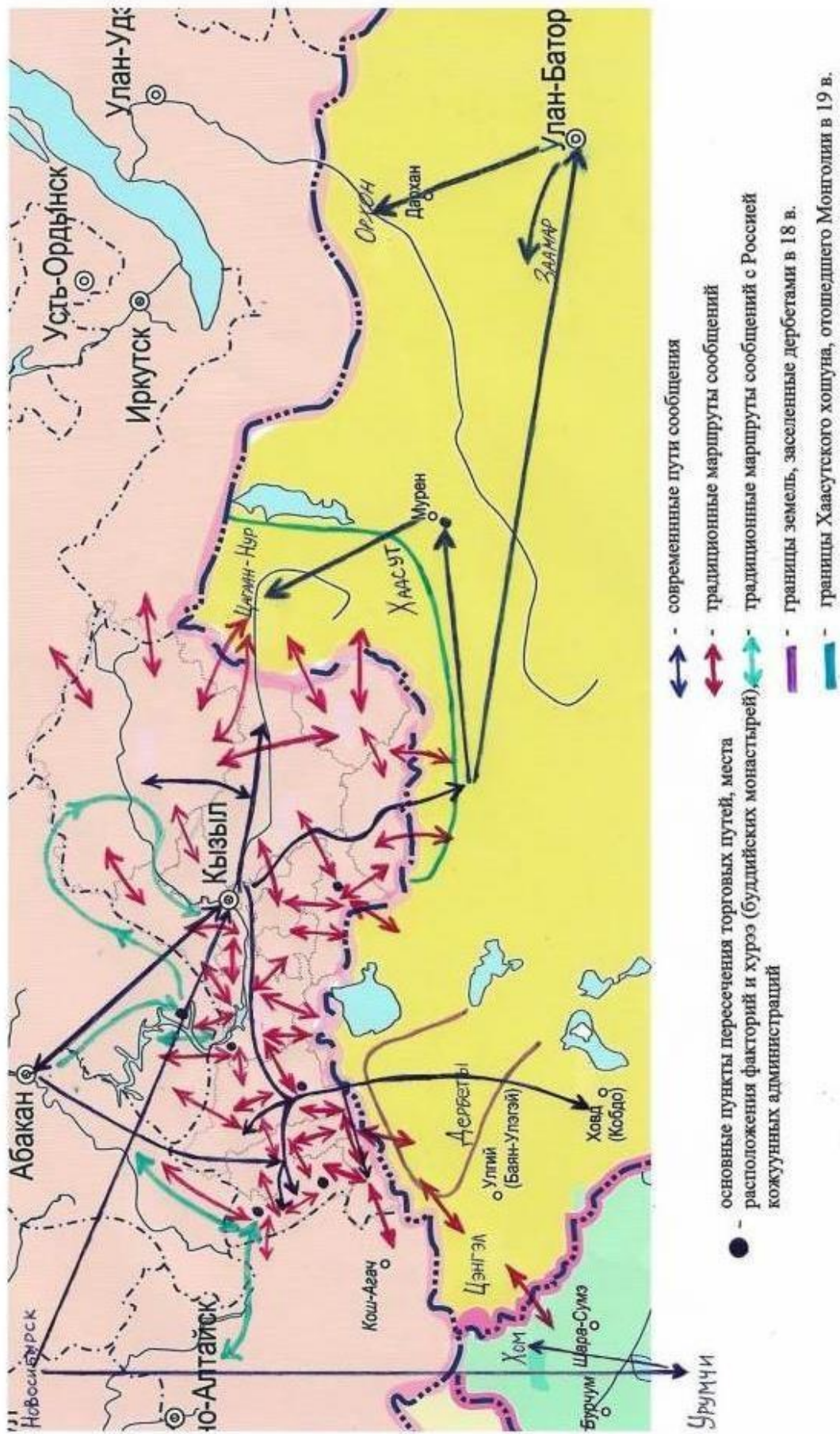
Каа-Хемский кожуун

1. Авык Борис Салчакович, 1955 г.р.
2. Бирилей Борис Бирилович, 1957 г.р.
3. Кумаажык Сергей Кан-оолович, 1956 г.р.

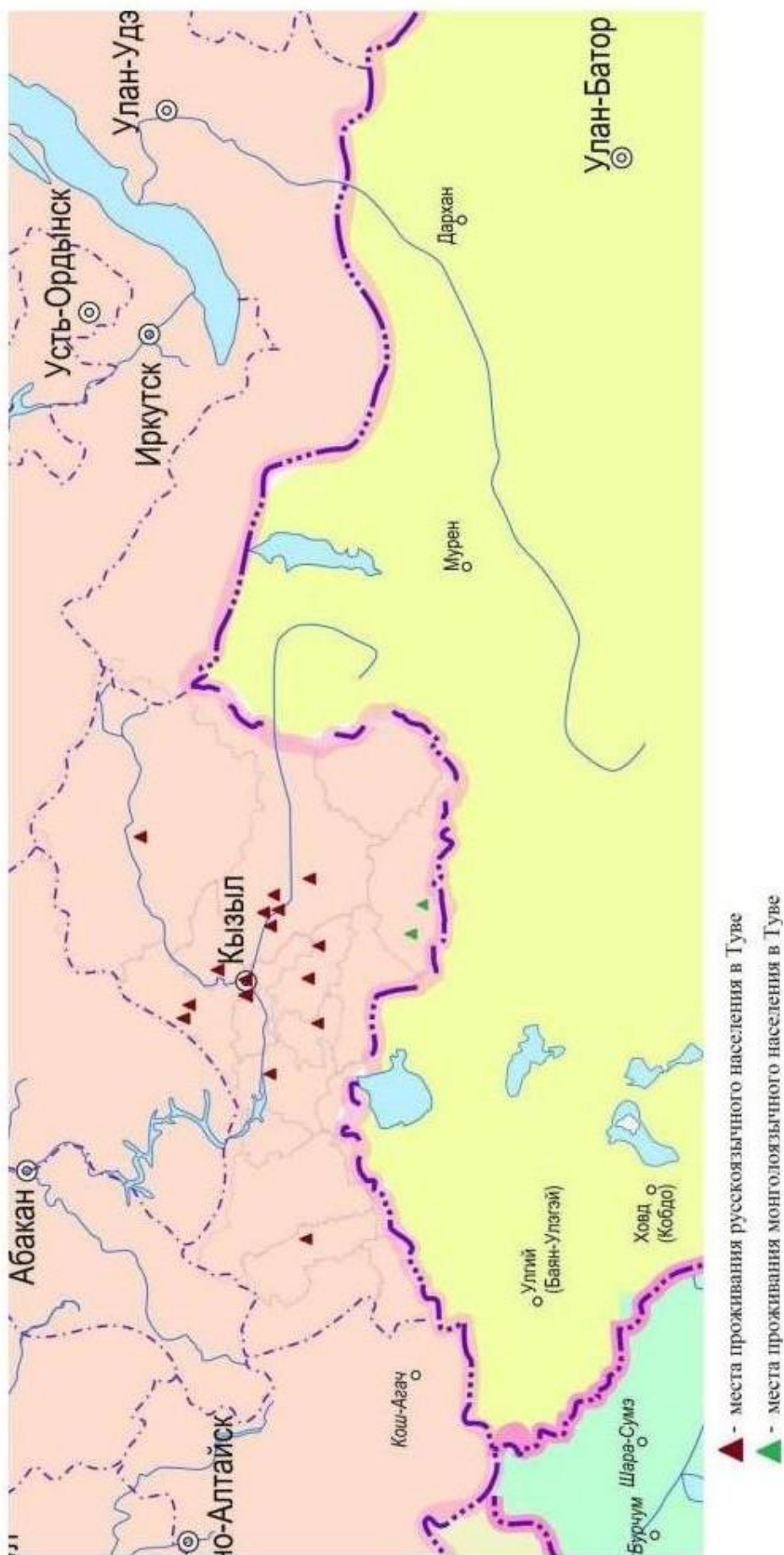
Карты

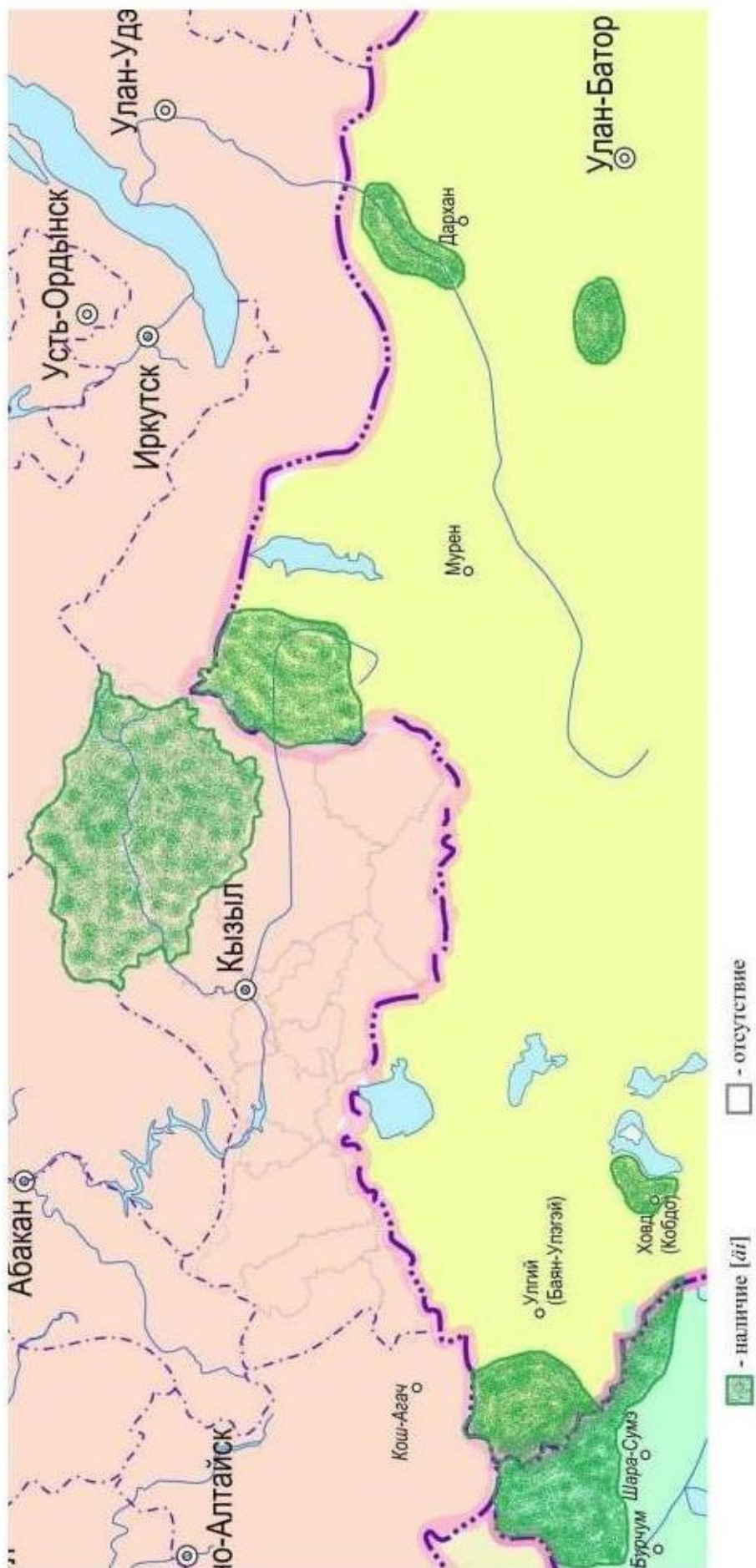
Карта 1. Территории распространения диалектов и говоров тувинского языка

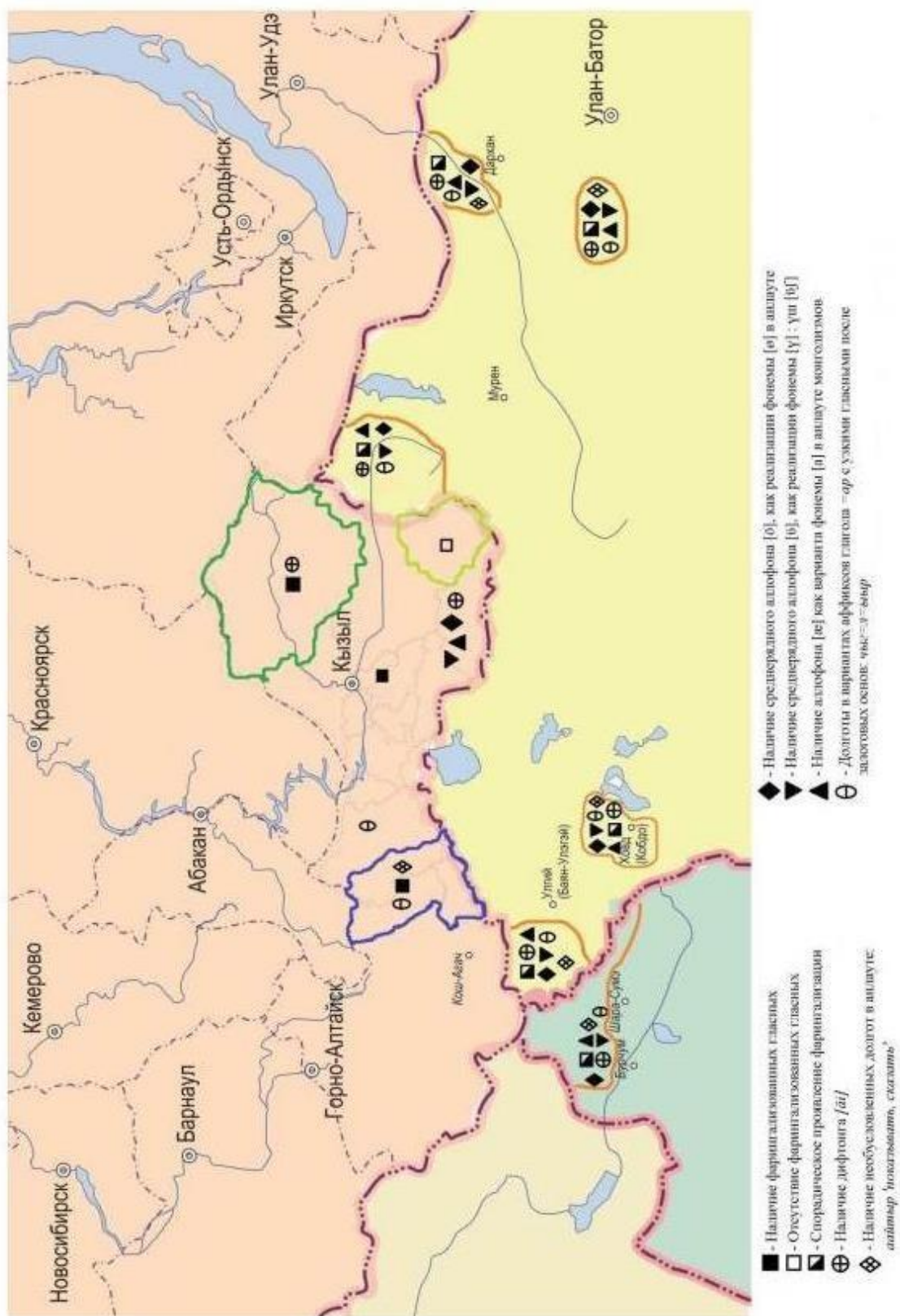
Карта 2. Традиционные и современные маршруты сообщений носителей тувинского языка

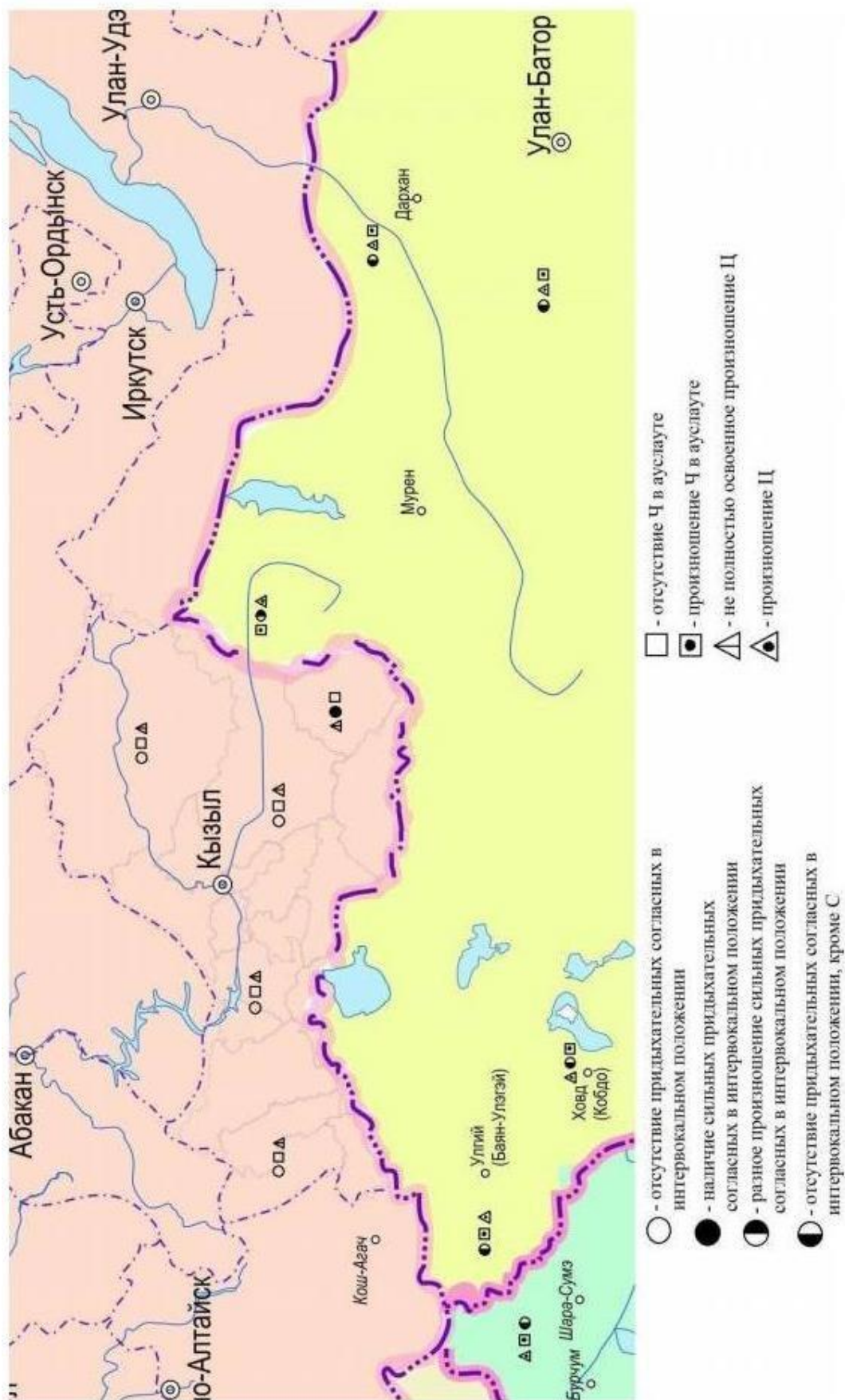
Карта 3. Территории проживания русскоязычного и монголоязычного населения в Туве

Карта 4. Территории распространения дифтонга [ai]

Карта 5. Особенности гласных в диалектах и говорах тувинского языка

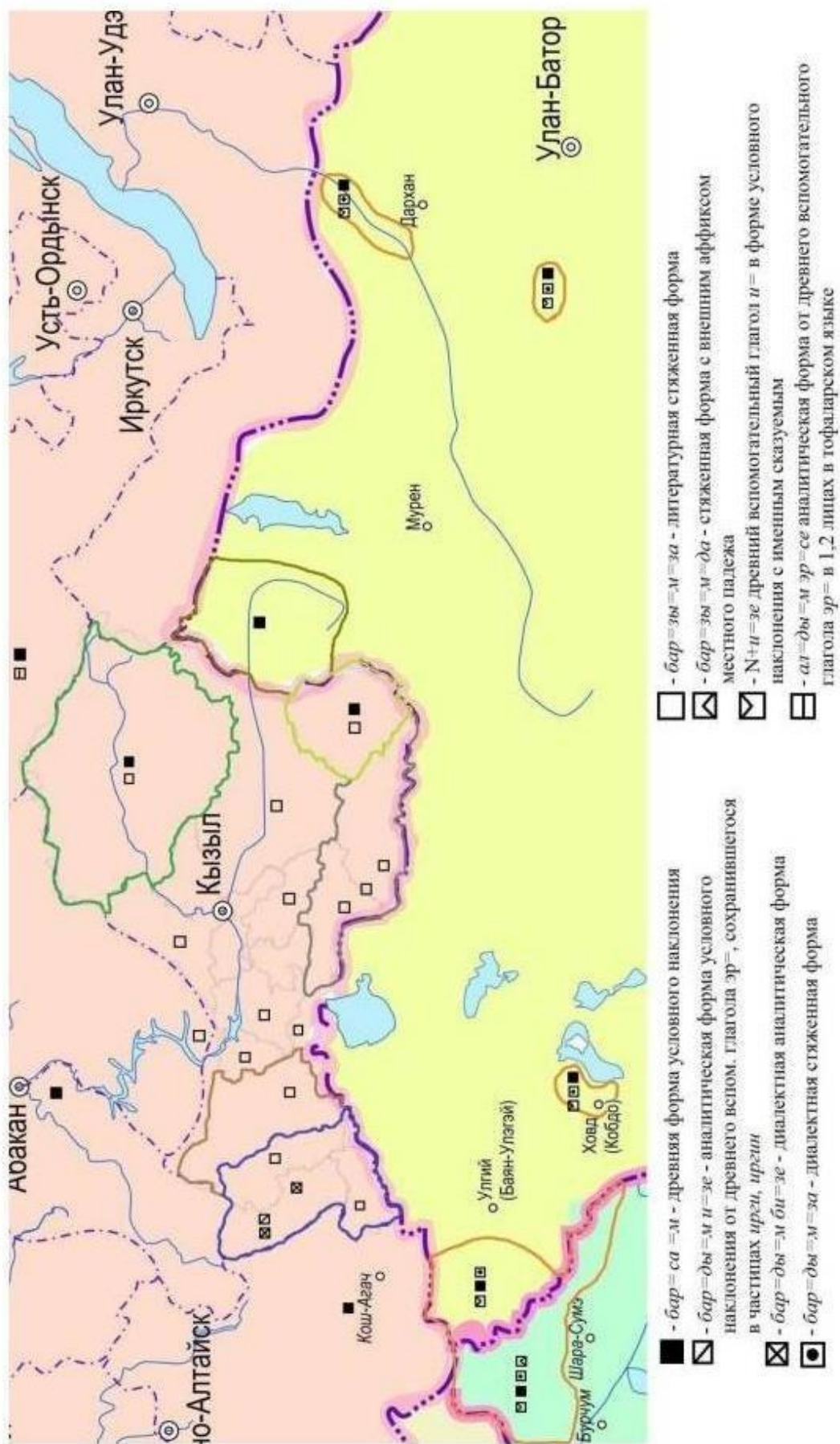
Карта 6. Особенности согласных в диалектах и говорах тувинского языка

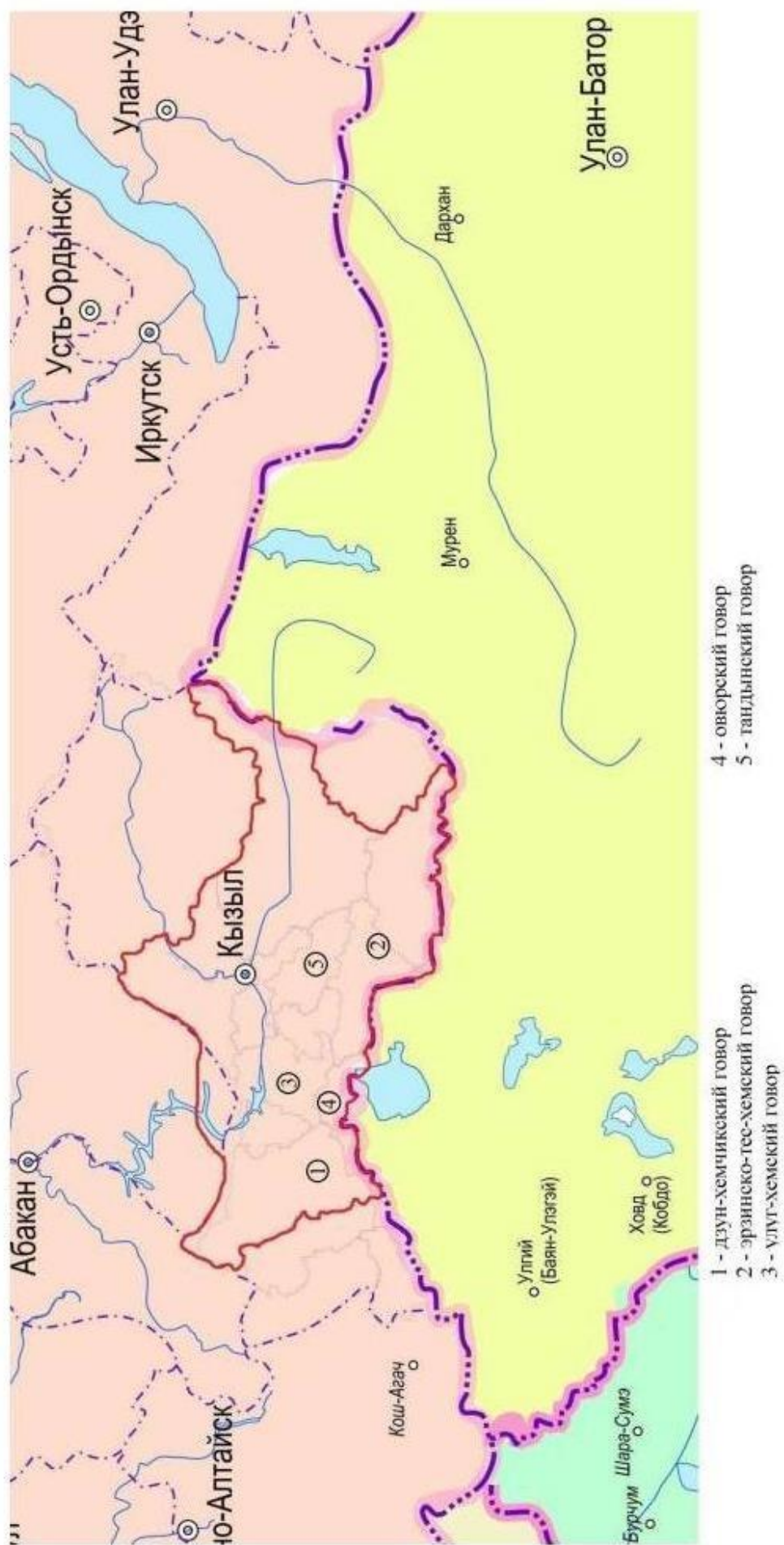
△ - че/жс ▲ - куду/гуду
 ▲ - дыва/дивс ▲ - N куду

* - ранее, в 60-70 гг. не отмечалось в речи у коренных жителей

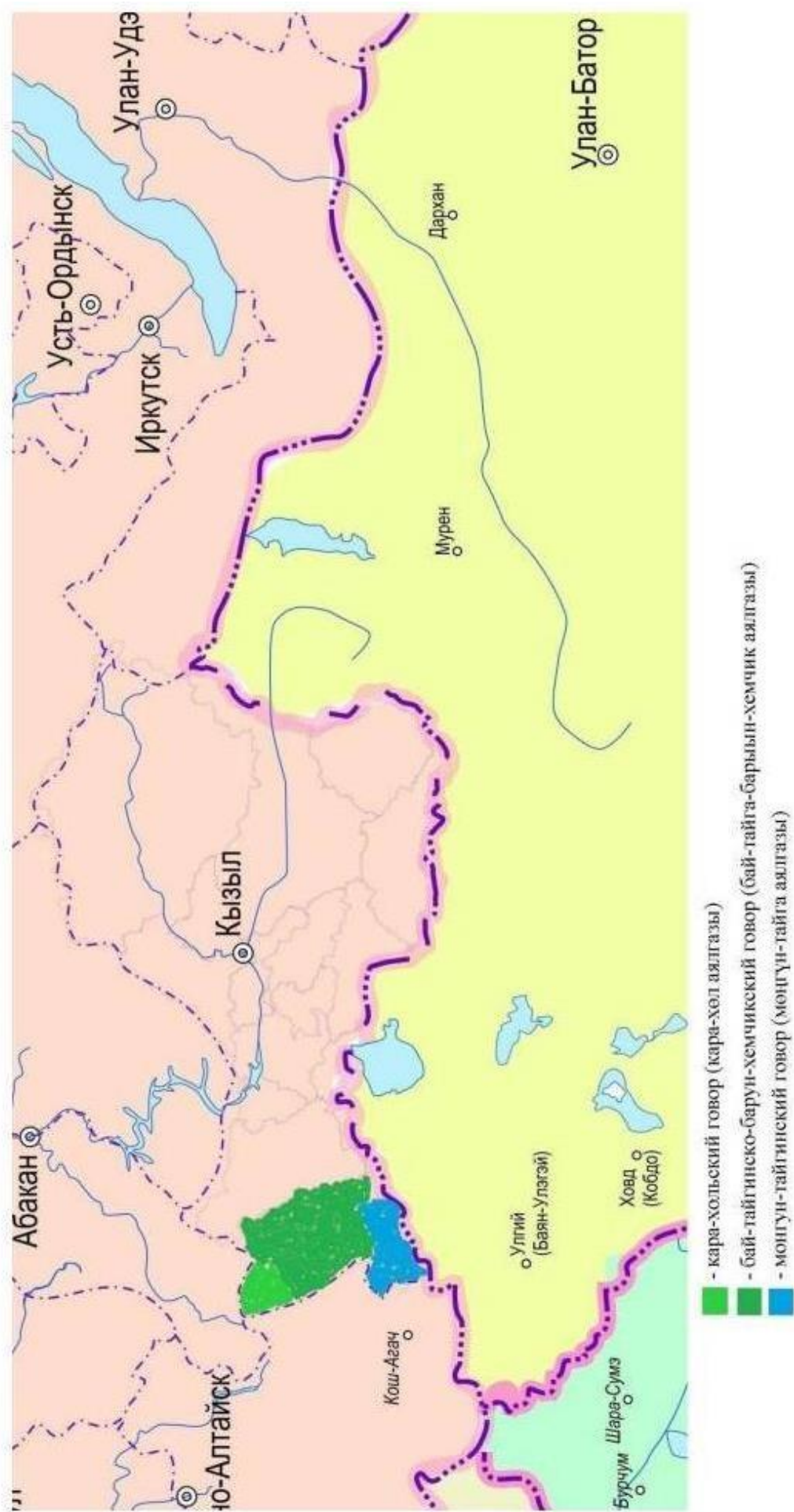
Карта 7. Ареалы распространения направительного падежа

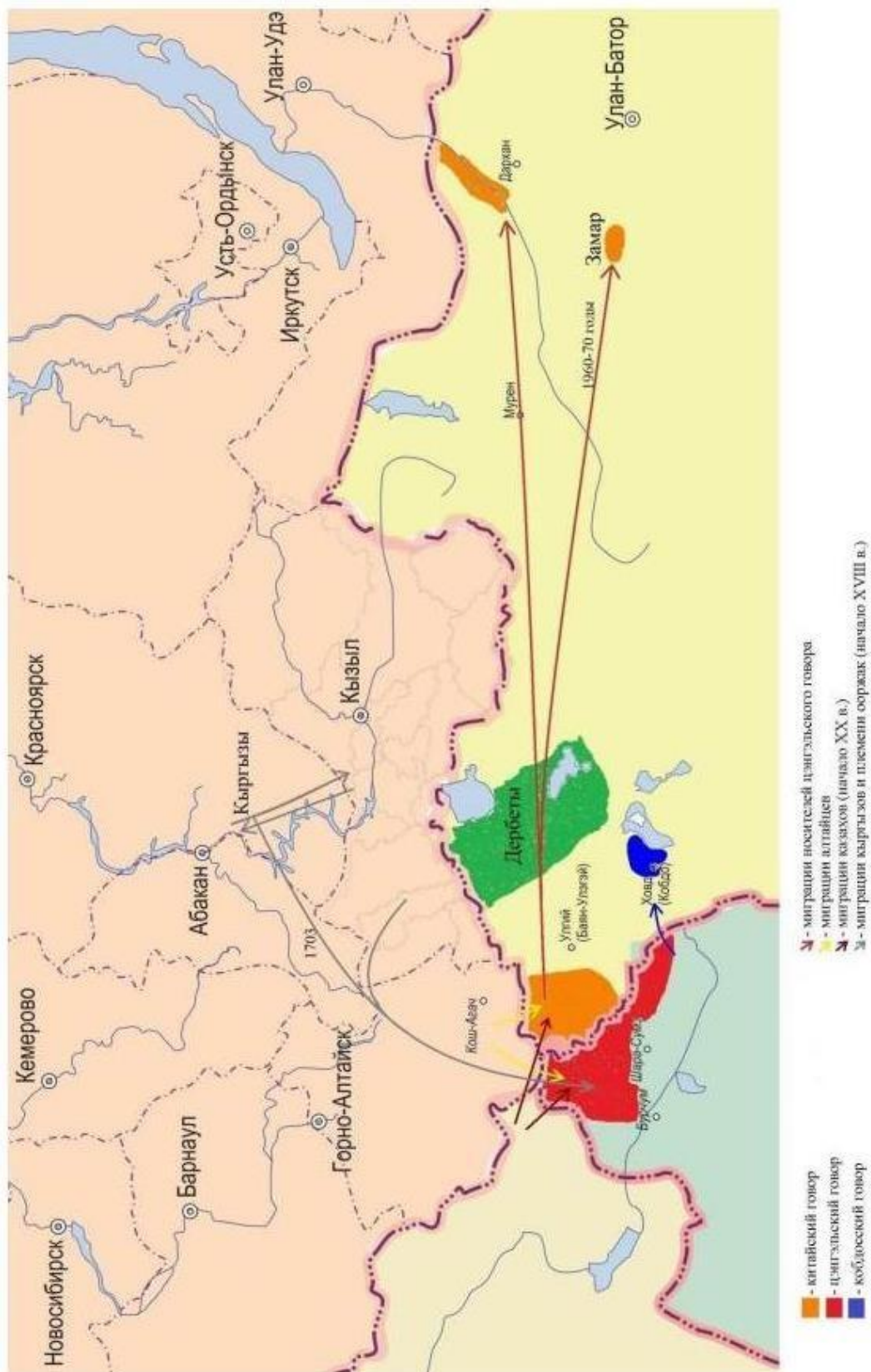
Карта 8. Ареалы распространения форм условного наклонения

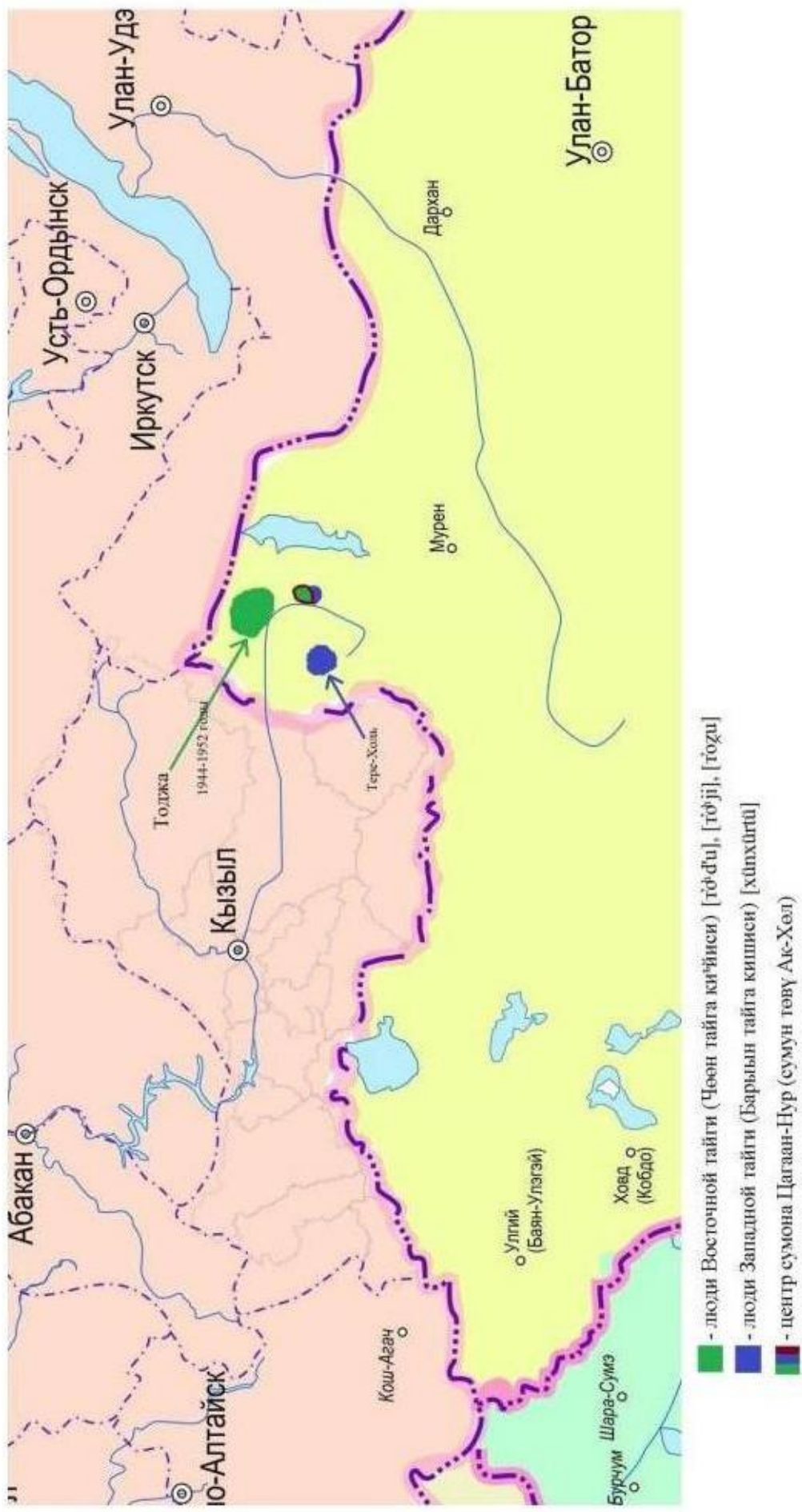
Карта 9. Территория распространения центрального диалекта и его говоров

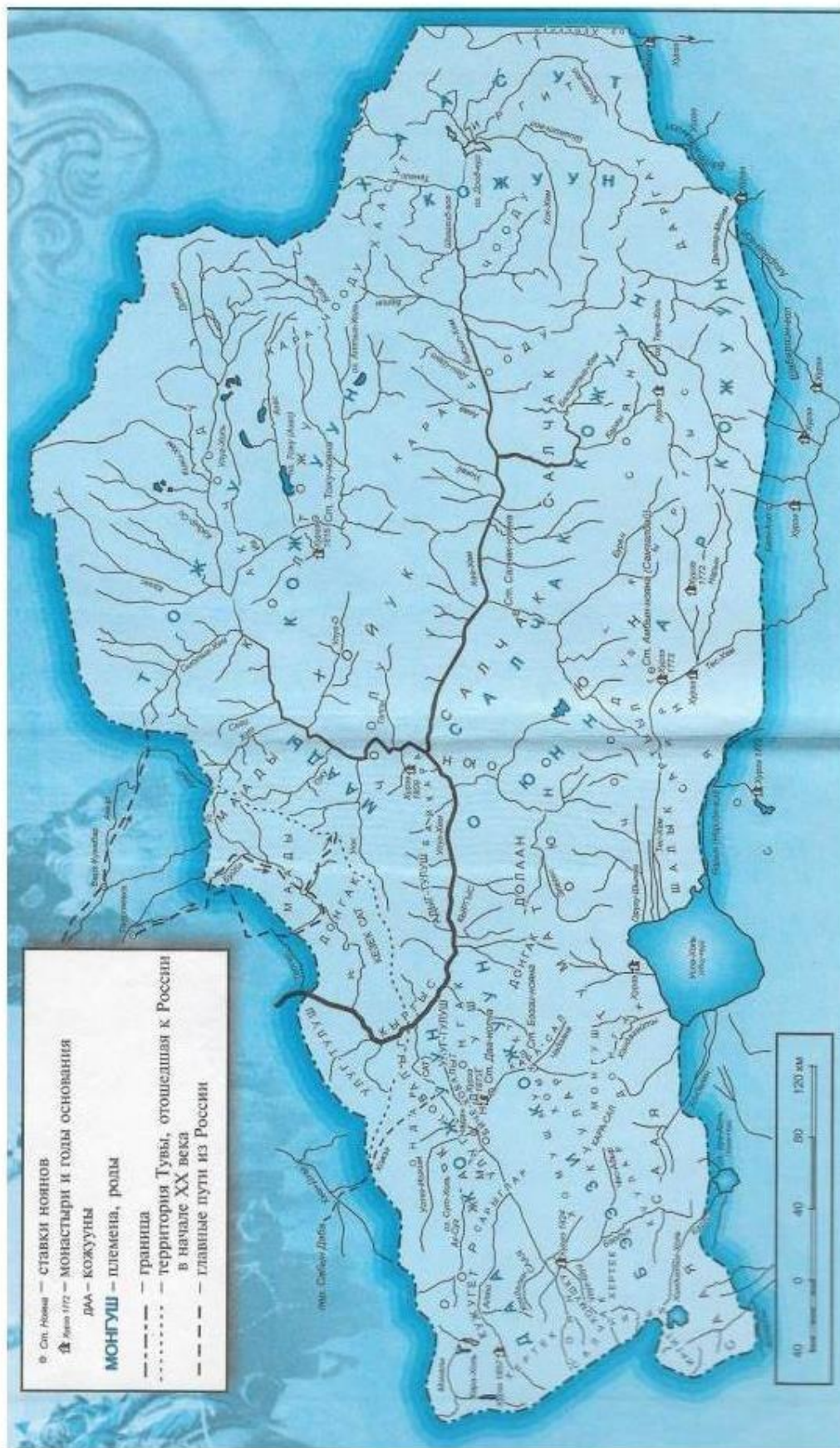
Карта 10. Территория распространения западного диалекта и его говоров

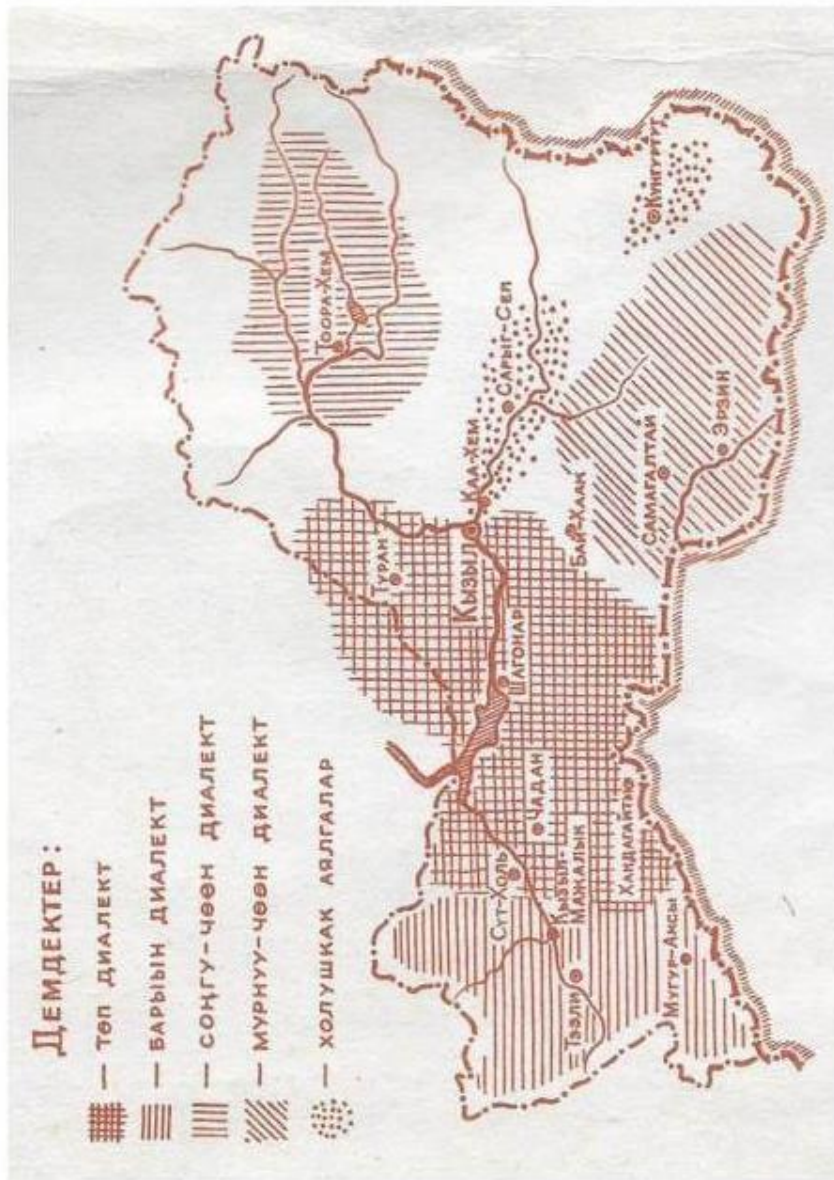
Карта 1.1. Территории распространения алтайского диалекта и его говоров с указанием основных направлений и хронологических рамок миграций населения

Карта 12. Территории распространения цагаан-нурского диалекта с указанием основных направлений и хронологических рамок миграций населения

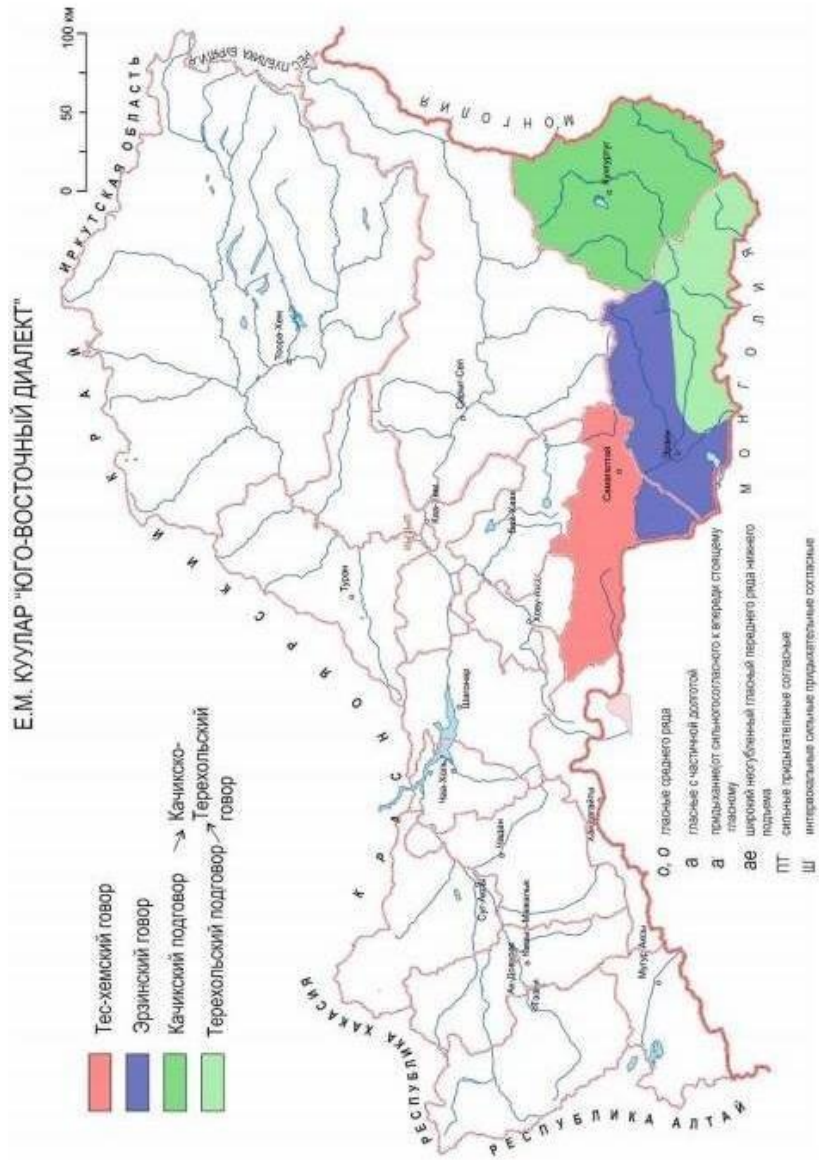

Карта 13. Административное деление Тувы в XIX – в начале XX века
 (Маннай-оол М. Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.)

төп диалект – центральный диалект
барың диалект – западный диалект
соңгу-чөөн диалект – северо-восточный диалект
мурнуу-чөөн диалект – юго-восточный диалект
холушкак аялгалар – смешанные говоры

Карта 14. Карта диалектов тувинского языка Ш.Ч. Сата (Сат Ш.Ч. Тыва диалектология. Кызыл, 1987)

Карта 15. Говоры юго-восточного диалекта по работе Е. М. Куулар
 (Куулар Е. М. Куулар Е.М. Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл, 2012. С. 212)

Образцы глоссированных текстов

Образец речи тувинцев Кара-Холя

Запись и расшифровка, глоссирование
и перевод текстов М. В. Бавуу-Сюрюн. 2014 г.
Информант Хомушку Долзаң Делгеровна, 1936 г.р.

Последняя охота дедушки

(1) Мээң кырган-ачамның шола ады элдээрти Бошка дээр чораан.

мэ=эң	кырган=ача=м=ның	шола=Ø	ад=ы
мой=GEN	дедушка=POSS.1.Sg=GEN	прозвище=NOM	имя=POSS.3=NOM
Бошка=Ø	дэ=эр	чора=ан	
Бошка=NOM	звать=PrP	AUX=PP	

‘Все звали дедушку по прозвищу Бошка’.

(2) Сукпак уундан келген.

Сукпак=Ø	уу=н=дан	кел=ген
Сукпак=NOM	сторона=POSS.3=INFIX=ABL	приходить=PP

‘Он родом из Сукпака’.

(3) Ол ушпа чөнүгүже оран ушшок 80 хар ажыр назыдап чурттаан.

Ол=Ø	ушпа	чөнү=гүже	оран	ушшок 80=Ø	хар=Ø
он=NOM	старый	стареть=PART	давно	давно 80=NOM	лет=NOM
ажыр	назыда=п	чуртта=ан			
через	стареть=CV	жить=PP			

‘Он прожил до глубокой старости за 80 лет’.

(4) Бир эртен кырган-ачам хөл кыдыындан ос чыыр дээш, ыяштап чорупкан.

бир	эртен	кырган=ача=м	хөл=Ø	кыдыы=н-дан	ос=Ø
однажды	утром	дедушка=POSS.1.Sg=NOM	POSTP=INFIX=LOC	кустарник=NOM	
чы=ыр	дээш	ыяшта=п	чору=п=кан		
собирать=PrP	за	ездить.за.дровами=CV	AUX=CV=PP		

‘Однажды утром дедушка поехал на озеро за дровами’.

(5) Саадаваанда, дарый бо чүгүрүп келген.

саада-ва-ан-да	дарый бо	чүгүрү=п	кел=ген
задерживать=NEGPP=LOC	быстро вот	бежать=CV	AUX=PP

‘Он обратно быстро прибежал домой’.

(6) Тулаага аң дүже берген чыткан болза, ол анаа-ла уштуп салыптар турган.

тулаа=га	аң=Ø	дүж=е	бер=ген	чыт=кан	бол=за
болото=DAT	зверь=NOM	утонуть=CV	AUX=PP	AUX=PP	быть=CON
ол=Ø	анаа=ла	ушту=п	салы=п=тар	тур=ган	
он=NOM	просто=PARTCL	снять=CV	отпустить=CV=PrP	AUX=PP	

‘Если бы зверь тонул в болоте, он запросто помог бы выйти оттуда и отпустил бы’.

(7) Оранның аңыга хайыралыг кижиге болгай.

оран=ның	аң=ы=н=га	хайыралыг	кижи=Ø	болгай
родина=GEN	зверь=POSS.3=INFIX=DAT	бережливый	человек=NOM	ведь=PRTCCL

‘У него очень бережное отношение к зверям своего края’.

(8) Акмаа четпээнде, саадаванда, боодаа эткен.

акмаа	четпэ=эн=де	саада=ван=да	боо=даа	эт=кен
время	достигать=NEGPP=LOC	ружье=NOM=PRTCCL	выстрелить=PP	

‘Вскоре раздался выстрел’.

(9) Элээн болганда, ирей аң чүктеп алган кылаштап келген.

элээн	бол=ган=да	ирей=Ø	аң=Ø	чүкте=п	ал=ган
довольно	быть=PP=LOC	старик=NOM	зверь=NOM	таскать.на.спине=CV	AUX=PP
кылашта=п		кел=ген			
идти.пешком=CV	AUX=PP				

‘Прошло достаточно долго времени, когда старик пришел домой, таская на спине какого-то зверя’.

(10) Көрүп көрбээниң, сураан дыңнааның ирбиш деп аң бо-дур.

көр=үп	көр=бээ=ниң	сура=ан	дыңна=ан=ың
смотреть=CV	смотреть=NEGPP=POSS.2Sg	слух=POSS.3=ACC	слушать=PP=POSS.2.Sg
ирбиш=Ø	деп	аң=Ø	бо=дур
барс=NOM	CONJ	зверь=NOM	вот=PRTCCL

‘Ты никогда не видела и не слышала про этого зверя – барса’.

(11) 82 харлыг чөнүк ирейниң ирбиш даялап алганы аалдарга дыргын тарай берген.

82	хар=лыг	чөнүк ирей=ниң	ирбиш=Ø	даяла=п
82	лет=POSSV	старый старик=GEN	барс=NOM	убить=CV
ал=ган=ы		аал=дар=га	дыргын	тара=й
AUX=POSS.3=PP		аал=PL=DAT	быстро	распространяться=CV
				бер=ген
				AUX=PP

‘Между аалами быстро распространялся слух о том, что 82-летний старик убил снежного барса’.

(12) Келген чонга ирбиш аңны канчаар даялап алганын ирей хөөреп турган.

кел=ген	чон=га	ирбиш=Ø	аң=ны	канчаар
приходить=PP	народ=DAT	барс=NOM	зверь=ACC	зачем
даяла=п	ал=ган=ын	ирей=Ø	хөөре=п	тур=ган
убить=CV	AUX=POSS.3=PP	старик=NOM	рассказывать=CV	AUX=PP

‘Старик рассказывал всем гостям, как он убил зверя’.

(13) Кыргызаннар дун чаңгыс оолдуг турган.

кырган=нар дун чаңгыс оол=дуг тур=ган
старик=PL=NOM старший единственный сын=POSSV быть=PP

‘У стариков был единственный сын’.

(14) Кыргызан-ачам удаваанда чок болуп бурганнай берген.

кырган=ача=м удаваанда чок болуп бурганна=й
дедушка=POSS.1.Sg=NOM вскорее умереть=CV умереть=CV
бер=ген
AUX=PP

‘Вскоре дедушка умер’.

(15) Ооң соонда кырган-авам элээн үр чурттаан.

ооң соонда кырган=ава=м элээн үр чуртта=ан
он=GEN после бабушка=POSS.1.Sg=NOM довольно долго жить=PP

‘После его смерти бабушка достаточно долго жила’.

(16) Сөөлүндө кырган-ачам оглунга ирбишти даялаанын бир өскээр тайылбырлапкан.

сөөлү=н=де кырган=ача=м оглу=н=га ирбиш=ти
потом=INFIX=LOC дедушка=POSS.1.Sg=NOM сын=POSS.3=DAT барс=ACC
даяла=ан=ын бир өскээр тайылбырла=п=кан
убить=POSS.3=PP однако по.другому объяснить=PFV

‘Потом дедушка рассказал сыну совсем другую историю про снежного барса’.

(17) Ирей өске улуска ирбишти мен өлүрдүм деп турза-даа, оглунга бүдүү шынын чугаалаан чүве-дыр.

ирей=Ø өске улуска ирбиш=ти мен=Ø өлүр=дү=м
старик=NOM другой люди=DAT барс=ACC я=NOM убить=POSS.1.Sg=PASTfin
деп тур=за=даа оглу=н=га бүдүү шын=ын
CONJ быть=COND=PRCL сын=POSS.3=DAT тайно правда=ACC

чугала=ан чүве=дыр
рассказать=PP PRCL

‘Старик говорил другим людям, что он убил барса, а сыну тайно открыл правду’.

(18) Оранның ховар аңы ирбишти мен кайын өлүрө бээр ийик мен, оглум.

оран=ның ховар аң=ы ирбиш=ти мен=Ø кайын өлүр=е бэ=эр
страна=GEN редкий зверь=POSS.3=NOM барс=ACC я=NOM где убить=CV AUX=PP
ийик мен=Ø оглу=м
PRCL я=NOM сын=POSS.1.Sg=NOM

‘Сынок, я никогда не смог бы убить редкого зверя своей родины барса’.

(19) Хөл кыдыынга чеде бээримге, дошта чыпшына доңа берген өлүг ирбиш таваржы берди.

хөл=Ø	кыды=ын=га	чед=е	бэ=эр=им=ге
озеро=NOM	POSTP=POSS.3=DAT	подойти=CV	AUX=POSS.1.Sg=DAT=PP
дош=та	чыпшын=а	доңа=а	бер=ген өлүг
лед=LOC	прилипать=CV	замерзнуть=CV	AUX=PP мертвый
ирбиш=Ø	тавар=ж=ы	бер=ди	
барс=NOM	попасться=RECIP=CV	AUX=PASTfin	

‘Когда я подошел к озеру, то нашел примерзшего ко льду мертвого барса’.

(20) Шинчилеп көөрүмге, хөлдүң ол чартыындан эштип кешкен хире.

шинчиле=п	кө=өр=үм=ге	хөл=дүң	ол
наблюдать=CV	видеть=POSS.1.Sg=DAT=PP	озеро=GEN	тот
чарты=ын=дан		эшти=п	кеш=кен хире
сторона=POSS.3=INFIX=LAT	плавать=CV	AUX=PP	PRTCL

‘По моим наблюдениям, барс приплыл с той стороны озера’.

(21) Сугга дүшкен оранның аңын кээргээш, хомудааш, мен өлүрдүм деп турдум ийин, оглум.

суг=га	дүш=кен	оран=нын	аң=ын	кээргэ=эш	хомуда=аш
река=DAT	утонуть=PP	страна=GEN	зверь=ACC	жалеть=CV	грустить=CV
мен=Ø	өлүр=дү=м		деп	тур=ду=м	ийин
я=NOM	убить=POSS.1.Sg=PASTfin	CONJ	говорить=1Sg=PASTfin		PRTCL
оглу=м					
сын=POSS.1.Sg=NOM					

‘Мне было так жалко утонувшего зверя, поэтому я говорил всем, что это я убил зверя’.

(22) Сеңээ чагыым артык эвес, хора болбас, оглум.

Сеңээ	чагыы=м	артык	эвес
Тебе=2.SG=NOM	совет=POSS.1.Sg=NOM	лишний	NEG
хора=Ø	бол=бас	оглу=м	
вред=NOM	быть=NEGPP	сын=POSS.1.Sg=NOM	

‘Мой совет никогда не будет лишним и вредным, сынок’.

(23) Оран-танды аңын кайы хамаанчок өлүрүп, даялап болбас, ооң орнунга хөй мал-маган азыраар херек.

Оран=танды=Ø	аң=ын	кайы	хамаанчок	өлүр=үп	даяла=п
край=NOM	зверь=ACC	где	зря	убивать=CV	убивать=CV
бол=бас	ооң	орну=н=га	хөй	мал=маган=Ø	
быть=NEGPP	он=GEN	вместо=INFIX=DAT	много	скот=NOM	
азыра=ар	херек				
кормить=PrP	надо				

‘Нельзя просто так убивать зверей своей родины, лучше растить много скота’.

(24) Ол чагыын ынчаар дооскан иргин.

ол=Ø чагы=н ынчаар доос=кан иргин
он=NOM совет=ACC так закончить=PP PRTCL
'Он так закончил свой совет'.

(25) Оглу ол чагыгны былдавайн доза дыңнап алган.

оглу ол чагыг=ны былда=вайн доза дыңна=п ал=ган
сын=3POSS=NOM тот совет=ACC уклоняться=NEGCV все слушать=CV AUX=PP
'Сын, не уклоняясь, запомнил все советы своего отца'.

Образцы текстов носителей китайского говора

Запись и расшифровка 2014 г., глоссирование
и перевод текстов М. В. Бавуу-Сюрюн. 2014 г.
Информант Дагдый Хүлээн, ак-соян, 1964 г.р.

Часть 1. Народные песни китайских тувинцев

(1) Эргилип аьккан Ээви-Хем

эргил=ип аьк=кан Ээви=Хем=Ø
поворачиваться=CV течь=PP Ээви=Хем=NOM

Эдержип өскен өөр-черге

эдер=ж=ип өс=кен өөр=чер=ге
дружить=RECIP=CV расти=PP друзья=NOM=DAT

Сундунуп аьккан Ээви-хемий

сундун=уп аьк=кан Ээви=хем=ий
увлекаться=CV течь=PP Ээви=хем=ACC=NOM

Эдержип өскен өөр-черге.

эдер=ж=ип өс=кен өөр=чер=ге
дружить=RECIP=CV расти=PP друзья=NOM=DAT

'Извиваясь, течет Ээви-Хем

Выросшие вместе друзья-погодки.

Протянулась, течет Ээви-Хем

Выросшие вместе друзья-погодки'.

2-й вариант

(2) Аьлдан четкен чылгымның

аьлдан=Ø чет=кен чылгы=м=ның
шестьдесят=NOM достигать=PP табун=POSS.1.Sg=GEN=NOM
Алазы кайда, коңгурой?

ала=зы кайда коңгурай=Ø
родина=POSS.3=NOM где коңгурай=NOM
Аьлды кошуун чуртумнуң

аьлды=Ø кошуун=Ø чурт=у=м=нуң
шесть=NOM район=NOM страна=POSS.1.Sg=GEN
Аалы кайда, коңгурой ?

аал=ы кайда коңгурай=Ø
аал=POSS.3.=NOM где коңгурай=NOM
'Где же коновязь моего стада

в шестьдесят голов, коңгурой?

Где же родина моего народа (численностью)

в шесть кошуун, коңгурой?'

(3) Чеден четкен чылгымның

чеден=Ø чет=кен чылгы=м=ның
семьдесят=NOM достигать=PP табун=POSS.1.Sg=GEN=NOM
Челизи кайда, коңгурой

Чели=зи кайда коңгурай=Ø
Коновязь=POSS.3=NOM где коңгурай=NOM
Чеди тумэн шериимнің

Чеди=Ø тумэн шери=им=нің
семь=NOM множество войска=POSS.1.Sg=GEN=NOM
Бээзи кайда, коңгурой?

Бээ=зи кайда коңгурай=Ø
Бээ=POSS.3=NOM где коңгурай=NOM
'Где же коновязь моего стада

в шестьдесят голов, коңгурой?

Где же бег моего войска

В семь тумэн, коңгурой?'

(4) Хая дашка чаяккаан

хая=Ø даш=ка чаякка=ан
скала=NOM камень=DAT=NOM родиться=PP
Хартыга куштун чаяаны ёң.

хартыга=Ø куш=туң чаяан=ы ёң
сокол=NOM птица=GEN=NOM родиться=POSS.3=PP PRTCL
Хары чуртка чаяаккаан

хары чурт=ка чаяакка=ан
чужой страна=DAT=NOM родиться=PP
Урен хөөкүйнүң чаяны ёң.

урен=Ø хөөкүй=нүң чаяа=ны ёң

дитя=NOM бедный=GEN родиться=POSS.3=PP PRTCL
'Рожденный жить на скалах,

Видно, такова судьба сокола.

Рожденный жить на чужбине,

Видно, такова судьба дитяти'.

(5) Эзим, дагга чаяккаан

эзим=Ø даг=га чаякка=ан
лес=NOM гора=DAT=NOM родиться=PP

Эзир-ле куштуң чаяаны ёң.

эзир=ле=Ø куш=туң чаяан=ы ёң
сокол=NOM=PRTCL птица=GEN=NOM родиться=POSS.3=PP PRTCL

Өске чуртка чаяаккаан

өске чурт=ка чаяакка=ан
чужой страна=DAT=NOM родиться=PP

Урен хөөкүйнүң салымы ёң.

урен=Ø хөөкүй=нүң чаяа=ны ёң
дитя=NOM бедный=GEN родиться=POSS.3=PP PRTCL

'Рожденный жить в тайге,

Видно, такова судьба орла.

Рожденный жить на чужбине,

Видно, такова судьба дитяти'.

Информант Мөңгүн-Чыргал, танды, 1992 г.р.

Запись 2014 г.

(6) Ээви-Хемни кештим,

Ээви=Хем=ни кеш=ти=м
Ээви-Хем=ACC=NOM переплывать=POSS.1.Sg=PASTfin

Эрээн-шоокар дажын көрүм.

эрээн=шоокар даж=ын көр=үм
пестрый камень=ACC=NOM видеть=POSS.1.Sg=PASTfin

Хайыртының суун кештим,

Хайырты=ның суу=н кеш=ти=м
Хайырты=GEN=NOM река=POSS.3=ACC переплывать=POSS.1.Sg=PASTfin

Хаара-шоокар даажын көрүм.

хаара=шоокар дааж=ын көр=үм
хаара=шоокар дааж=ын көр=үм
пестрый камень=ACC=NOM видеть=POSS.1.Sg=PASTfin

'Переплыл я Ээви-Хем,

Видел я разноцветные камни её.

Переплыл я Хайырты,

Видел я черно-пёстрые камни её’.

(7) Туруун-Хемни кештим,

Туруун=Хем=ни кеш=ти=м
Туруун-Хем=ACC=NOM переплыть=POSS.1.Sg=PASTfin
Тода-шоокар даажын көрүм.

тоода=шоокар дааж=ын көр=үм
пестрый камень=ACC=NOM видеть=POSS.1.Sg=PASTfin
‘Переплыл я Туруун-Хем,

Видел я ярко-пёстрые камни её’.

(8) Арба тараа чайгылган

арба=Ø тараа=Ø чайгы=л=ган
рожь=NOM пшеница=NOM колыхаться=RFL=PP
Дороолжи булуңга бардың бай?

Дороолжи=Ø булуң=га бар=ды=ң бай
Дороолжи=NOM уголок=DAT=NOM идти=POSS.2.Sg=PASTfin PRTCL
Инек малды семиртип

инек=Ø мал=ды семир=т=ип
корова=NOM скот=ACC=NOM откармливать=CAUS=CV
Күстүк, чайлаанга келдиң бей?

күстүк чайла=а=н=га кел=ди=ң
осенью летнее.пастбище=POSS.3=ACC=NOM приходиться=POSS.2.Sg=PASTfin
бей
PRTCL

‘Был ли ты на уголке Дороолжи,

Где рожь, пшеница колышется?

Был ли ты на его осенних, летних пастбищах,

Чтобы скот твой нагулялся, стал тучным’.

(9) Акка тиккен өргээзи

ак=ка тик=кен өргээ=зи
равнина=DAT=NOM поставить=PP дворец=POSS.3=NOM
Алдын билен куржаглыг.

алдын билен куржаглыг
золотой INSTR пояс=POSSV
Аьлдын дагшада арыгысы

аьлдын дагша=да арыгы=сы
золотой чашка=LOC=NOM арака=POSS.3=NOM

Аршан-чиъгир амданныг.

аршан=чиъгир=Ø амданныг
сладо́сти=NOM вкусный
‘Поставленный на равнине дворец,

Золотом он опоясан.

В золотой чашке арака

Сладок, как аржаан на вкус’.

(10) Төңгүлей тиккен өргээзи

төңгүле=й тик=кен өргээ=зи
образоваться=CV поставить=PP дворец=POSS.3=NOM

Мөнгүн билен куржаглыг.

мөнгүн билен куржаглыг
серебряный INSTR пояс=POSSV

Мөнгүн дагшада арыгысы

мөнгүн дагша=да арыгы=сы
серебряный чашка=LOC=NOM арака=POSS.3=NOM

Үзүм-чиъгир амданныг.

үзүм=чиъгир=Ø амданныг
сладо́сти=NOM вкусный
‘Поставленный на пригорке дворец,

Серебром он опоясан.

В серебряной чашке арака его

Сладок, приятен на вкус’.

(11) Чергелешкен Чеди-Хаан

чергеле=ш=кен Чеди=Хаан=Ø
равняться=RECI=PP Большая.Медведица=NOM

Мергелезе, даң аьдар.

мергеле=зе даң=Ø аьд=ар
бросать=COND расцвет=NOM наступать=PrP

Чергелешкен бодувус

чергеле=ш=кен бод=увус
равняться=RECI=PP сам=POSS.2.PL=NOM

Чер кирсе, чер санай.

чер=Ø кир=се чер=Ø сана=й
земля=NOM входит=COND земля=NOM считать=CV

‘Протянувшаяся вереницей Медведица,

Если станет колом, наступит утро.

Выстроившиеся в шеренгу мы сами,

Если встанем, то мы всюду’.

(12) Хары черге төрүүн эмес

хары чер=ге төрү=үн эмес
чужой земля=DAT родиться=PP NEG
Харга чүге дүъжерил?

хар=га чүге дүъж=ер=ил
снег=DAT=NOM почему падать=PrP=
Карактың чажы мөндүр эмес,

карак=тың чаж=ы мөндүр эмес
глаза=GEN=NOM слеза=POSS.3=NOM град=NOM NEG
Черге-ле чүге дүъжерил?

Чер=ге=ле чүге дүъж=ер=ил
Земля=DAT=NOM=PRTCL почему падать=PrP
‘Не родился же на чужбине,

Почему должен упасть на снег.

Слезы не град,

Почему должны падать на землю?’

Ыры «Ак-Хава»

(13) Туман, булуттар дээскинген

туман=Ø булут=тар дээскин=ген
туман=NOM туча=PL=NOM кружиться=PP
Болбаадай, Шаажыгай үндүгөр бей?

Болбаадай=Ø Шаажыгай=Ø үндүг=ер бей
Болбаадай=NOM Шаажыгай=NOM идти=PrP PRTCL

Менжик малыгарны семиртип

менжик мал=ыгар=ны семир=т=ип
свой скот=POSS.2.PL=ACC=NOM откармливать=CAUS=CV

Нарын, Шаварты бардыгар бай?

Нарын=Ø Шаварты=Ø бар=ды=гар бай
Нарын=NOM Шаварты=NOM идти=POSS.2.Sg=PASTfin PRTCL

‘Туманом, облаками обволоченные,

Поднимались ли на Болбаадай, Шаажыгай?

Нагуливая свой скот,

Были ли на Нарыне, Шаварты?’

(14) Тайга эзимнерин оймактаан

тайга=Ø эзим=нер=ин оймакта=ан
тайга=NOM лес=PL=ACC=NOM поляна=PP

Ак-Хава аьттарын мундуң бей?

Ак=Хава=Ø аьт=тар=ын мун=ду=ң
 Ак=Хава=NOM лошадь=PL=ACC=NOM ездить.верхом=POSS.2.Sg=PASTfin
 Бей
 PRTCL

Ааржызы төктүп, чайлып

ааржы=зы төктү=п
 процеженная.гуща.кислого.молока=POSS.3=NOM выливать=CV
 чайл=ып
 сваливаться= CV
 Өлчүйлүг чаагай Ак-Хава!

Өлчүйлүг чаагай Ак=Хава=Ø
 Изобильный благословенный Ак=Хава=NOM
 ‘На пасущихся на таежных полянах

Лошадях Ак-Хава ездили ли верхом?

Богатый, изобильный,

Благословенный Ак-Хава!’

Образец речи тувинцев Цагаан-Нура

Запись и расшифровка, глоссирование
 и перевод текстов М. В. Бавуу-Сюрюн.
 Информант Амыр-Санаа, соян, 1970 г.р.
 Запись Цагаан-Нур, Монголия. 2014 г.

(1) Мен ыр пилбес киши мен.

мен=Ø ыр=Ø бил=бес кижы=Ø мен=Ø
 я=NOM песня=NOM знать=NEGPP человек=NOM я=NOM
 ‘Я не знаю песен’.

(2) Бо киши койо ырлаар киши.

бо киши=Ø койо=Ø ырла=ар киши=Ø
 вот человек=NOM красиво петь=PrP человек=NOM
 ‘Вот этот человек красиво поет’.

(3) Ам туха ыр деп че уттунуп-тур.

ам туха ыр=Ø деп че утун=уп=тур
 сейчас туха песня=NOM CONJ PRTCL забыть=CV=PRTCL
 ‘В настоящее время песни туха забываются’.

(4) Ырлатпас, ырлавас болгаш сонuurгавас болгаш шупту уттунуп-тур.

ырла=т=пас ырла=вас болгаш сонuurга=вас
петь=RFL=NEGPP петь=NEGPP и интересоваться=NEGPP
болгаш шупту утун=уп=тур
и все забыть=CV=PRTCL

‘Не дают петь, не поют и не интересуются (песнями), поэтому все забывается’.

(5) Туха ыр сонuurгаар киши ам чок болу берген.

туха=Ø ыр= Ø сонuurга=ар киши=Ø ам
туха=NOM песня=NOM интересоваться=PrP человек=NOM сейчас
чок бол=у бер=ген
NEG быть=CV AUX=PP

‘В настоящее время не осталось людей, интересующихся песнями туха’.

(6) Ам ивисиниң от ката берген.

ам иви=си=ниң от=Ø кат=а бер=ген
сейчас олень=POSS.3=GEN трава=NOM высохнуть=CV AUX=PP

‘Сейчас высохла трава для оленей’.

(7) Кызыл-хүрең болу берген, чаш көгү ногаан черге баар ындыг чер дилеп алыр бис.

кызыл=хүрең бол=у бер=ген чаш көг=ү
бордовый быть=CV AUX=PP ранний зелень=POSS.3=NOM
ногаан чер=ге ба=ар ындыг чер=Ø
зеленый земля=DAT идти=PrP такой земля=NOM
диле=п ал=ыр бис= Ø
искать=CV AUX=PrP мы=POSS.1.PL=NOM

‘Мы всегда находим такие места, где только начинает вырастать ранняя зелень’.

(8) Иви от када бээрге, турбас, нъаа черге баарга, доктаар.

иви=Ø от=Ø кад=а бэ=эр=ге нъаа чер=ге
олень=NOM трава=NOM высохнуть=CV AUX=PrP=DAT новый земля=DAT
ба=ар=га докта=ар
идти=PrP=DAT остановиться=PrP

‘Когда высыхает трава, то не стоят, когда на новое место прибывают, останавливаются’.

(9) Нъаа чери хем бажы.

нъаа чер=и хем=Ø баж=ы
новый земля=POSS.3=NOM POST=POSS.3

‘Новое место – вершина реки’.

(10) Ынчап тургаш улуг кар чаар, улуг кар чаарга иви маңнаvas.

ынча=п тур=гаш улуг кар=Ø ча=ар
 делать=CV AUX=CV большой снег=NOM идти.снег=PrP
 улуг кар=Ø ча=ар=га иви=Ø маңна=вас
 большой снег=NOM идти.снег=PrP=DAT олень=NOM бегать=NEGPP
 ‘Потом идет большой снег, и в это время олени не будут бегать’.

(11) Бо чер карада мөөгү сүргеш бучар маңнаар чүме.

бо чер=Ø кара=да мөөгү=Ø сүр=геш
 вот земля=NOM бесснежный=LOC гриб=NOM догонять=CV
 бучар маңна=ар чүме
 быстро бегать=PrP PRTCL
 ‘В это бесснежное время олени всегда питаются грибами’.

(12) Күсүн, часын ихи, чэин кышын ихи, чэин борга, сээкте дыка маңнаvas.

күсүн часын ихи=Ø чэин кышын ихи=Ø
 осенью весной олень=NOM летом зимой олень=NOM
 чэин бор=га сээк=те дыка маңна=вас
 летом быть=PrP=DAT муха=LOC очень бегать=NEGPP
 ‘Олени осенью и весной, зимой и летом, когда появляются комары, то сильно не бегают (останавливаются в одном месте)’.

(13) Часын көк сүрер, күсүн борга мөөгү сүре бээр, бучар чиир, ону чиир дээш маңнап чортса черле дедир келбес.

часын көк=Ø сүр=ер күсүн бо=ор=га
 весной зелень=NOM догонять=PrP осенью быть=PrP=DAT
 мөөгү=Ø сүр=е бэээр бучарчи=ир он=у
 гриб=NOM догонять=CV AUX=PrP очень кушать=PrP тот=ACC
 чи=ир дээш маңна=п чорт=са черле дедир кел=бес
 кушать=PrP PRTCL бегать=CV AUX=CON всегда назад ехать=NEGPP
 ‘Олени весной питаются свежей травой, а осенью гонятся за грибами, охотно едят, если погнались за грибами, то на стоянку не возвращаются’.

(14) Кышын шулун чиир, кара-ыяшта турар ньяат чиир.

кышын шулун=Ø чи=ир ` кара=ыяш=та тур=ар
 зимой олений мох=NOM кушать=PrP` черное дерево=LOC стоять=PrP
 ньяат=Ø чи=ир
 ягель =NOM кушать=PrP
 ‘Зимой олени питаются ягелем и ньяат в деревьях’.

(15) Балыктап турган бис.

балыкта=п тур=ган бис=Ø
 ловить.рыбу=CV AUX=PP мы=POSS.1.PI=NOM
 ‘Мы тогда ловили рыбу’.

(16) Балыкты хаэндырар ийнен, хаэндырып чиир.

балык=ты хаэндыр=ар ийнен хаэндыр=ып чи=ир

рыба=ACC варить=PrP PRTCL варить=CV кушать=PrP
'Рыбу надо сварить'.

(17) Ак-балык, севик, хатыргы, мыйт, бел турган-на чүве.

ак=балык=Ø севик=Ø хатыргы=Ø мыйт=Ø
белая.рыба=NOM севик=NOM хариус=NOM ленок=NOM
бел=Ø тур=ган=на чүве
таймень=NOM быть=PP=PRTCL PRTCL
'Там есть белые рыбы, хариусы, ленки, таймени'.

(18) Балыкты хөлдөн тор-биле шүүрээр чүве, хемден илбектээр, холдаар.

балык=ты хөлдөн тор=биле шүүрээр чүве
рыба=ACC озеро=ABL тор=NOM=PRTCL вылавливать=PrP PRTCL
хем=ден илбектээр холда=ар
река=ABL зацеплять=PrP ловить.рукой=PrP
'Из озера рыбу вылавливают с помощью тора, а из реки зацепляют и ловят
руками'.

(19) Ивиниң эң ынак чеми ол.

иви=ниң эң ынак чем=и ол
олень=GEN очень любимый еда=POSS.3=NOM тот
'Самая любимая пища оленей'.

(20) Бис бежен ажыг ивилиг бис.

бис=Ø бежен ажыг иви=лиг бис=Ø
мы=NOM пятьдесят=NOM PRTCL олень=PASSV мы=POSS.1.Pl=NOM
'Мы имеем свыше пятидесяти оленей'.

(21) Ам бо бүдүн тайганың ивизи муң сес чүс ажып турар.

ам бо бүдүн тайга=ның иви=зи муң=Ø
сейчас вот целый тайга=GEN олень=POSS.3=NOM тысяча=NOM
сес=Ø чүс=Ø ажы=п тур=ар
восемь=NOM сто=NOM достигать=CV AUX=PrP
'Сейчас в целой тайге численность оленей достигает восьмисот'.

(22) Амдыы чылын оглун азы төлүн алза, ийи муң чедер боор.

амдыы чылын оглу=н азы төл=үн
следующий год олененок=ACC или приплод=ACC
ал=за ийи=Ø муң=Ø чед=ер бо=ор
получить=COND два=NOM тысяча=NOM достигать=PrP быть=PrP
'Если в следующем году удастся сохранить приплод, то можно достичь двух
тысяч'.

(23) Ийи чүс хире хокаш үнзе, ам ийи муң болур.

ийи=Ø чүс=Ø хире хокаш=Ø үн=зе
два=NOM сто=NOM PRTCL годовалый.олень=NOM выходит=COND
ам ийи=Ø муң=Ø бол=ур

сейчас два=NOM тысяча=NOM быть=PrP
 ‘Если имеют около двухсот годовалых оленей, то в следующем году их будет около двух тысяч’.

(24) Хокаштарны чогу́м кончуг өзүүчел боор чүве, өске мал ышкаш эвес дораан-на иезин эдерип чоруй баар.

хокаш=тар=ны	чогу́м	кончуг	өзүүчел	бо=ор
годовалый.олень=Pl=ACC	всегда	очень	быстрорастущий	быть=PrP
чүве	өске	мал=Ø	ышкаш	эвес
PRTCL	другой	скот=NOM	PRTCL	NEG
дораан=на	ие=зи=н	эдер=ип	чору=й	ба=ар
быстро=PRTCL	мать=POSS.3.=ACC	взять=CV	AUX=CV	AUX=PrP

‘Годовалые олени очень быстро растут, чем другие звери’.

(25) Иви мал кезээде черде чоруур аң-биле дөмей кончуг онзагай мал чүве.

иви=Ø	мал=Ø	кезээ=де	чер=де	чору=ур	аң=биле
олень=NOM	скот=NOM	всегда=LOC	земля=LOC	идти=PrP	зверь=NOM=PRTCL
дөмей	кончуг	онзагай	мал=Ø	чүве	
похожий	очень	необыкновенный	скот=NOM	PRTCL	

‘Олени очень необыкновенные животные, которые очень похожи на других лесных зверей’.